GENERAL LIBRARY
UNIV. OF MICH.
5 1936

КРАСНЫЙ АРХИВ

4 (77)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАРХИВА СССР и РСФСР

СОДЕРЖАНИЕ

Правительственное сообщение о смерти А. М. Горького. — Проект Конституции Союза ССР. — Письма рабочих в «Звезду» и «Правду». — Нелегальная работа большевистской фракции IV Государственной думы. — Кронштадтское восстание 1906 г. — Крепостные крестьяне села Барашева-Усада в I половине XIX в. — Волнения крепостных крестьян села Красный Кут. — Строительство Днепровской верфи в XVIII в. — Неопубликованные письма А. С. Пушкина. — Пролетарский Красный крест в Петрограде. — Александро - Невская лавра накануне свержения самодержавия. — К вопросу об имущественном положении декабриста кн. С. Г. Волконского.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1936

К О Г И З — С О Ц Э К Г И З

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ 1936 г.
НА ЖУРНАЛЫ:

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР. 6 НОМЕРОВ В ГОД.

Журнал рассчитан на экономистов, учащихся высших учебных заведений и руководящий партийный актив.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—12 р., на 6 мес.—6 р.

КНИГА и ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

12 НОМЕРОВ В ГОД.

Журнал рассчитан на парткабинеты, библиотеки, инженерно-технических работников, научных сотрудников, писателей, преподавателей и учащихся литературных вузов и техникумов, литературные кружки и на широкие слои партийно-советского-читательского актива.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—26 р. 40 к., на 6 мес.—13 р. 20 к., на 3 мес.—6 р. 60 к.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА СССР И РСФСР.

6 КНИГ В ГОД.

Журнал необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим и краеведческим обществам, отделам Истпарта, педагогам, газетным работникам и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—15 р., на 6 мес.—7 р. 50 к.
Цена отдельного номера—2 р. 50 к.

ТИХИЙ ОКЕАН

ОРГАН ТИХООКЕАНСКОГО КАБИНЕТА ИНСТИТУТА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ Академии наук СССР

4 НОМЕРА В ГОД

Журнал рассчитан на научных работников, журналистов, вузовцев восточных факультетов, руководителей кружков, пропагандистов и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—13 р., на 6 мес.—6 р. 50 к., на 3 мес.—3 р. 25 к. Цена отдельного номера—3 р. 25 к.

МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ ИНСТИТУТА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ. Академии наук СССР

12 НОМЕРОВ В ГОД.

Журнал рассчитан на научных работников, журналистов, вузовцев, пропагандистов, руководителей кружков и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—24 р., на 6 мес.—12 р., на 3 мес. 6 р.
Цена отдельного номера—2 р.

СОВЕТСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО КРАЕВЕДЕНИЯ И ЦЕНТРАЛЬНОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА МЕТОДОВ КРАЕВЕДНОЙ РАБОТЫ.

12 НОМЕРОВ В ГОД.

Журнал рассчитан на широкий краеведческий актив рабочих, колхозников, учителей, агрономов, учащихся высших и средних школ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—15 р., на 6 мес.—7 р. 50 к.,
на 3 мес.—3 р. 75 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

всеми отделениями, магазинами, киосками и уполномоченными Когиза в Главной конторе подписных и периодических изданий Когиза, Москва, Маросейка, 7, и всюду на почте

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАРХИВ СССР и РСФСР

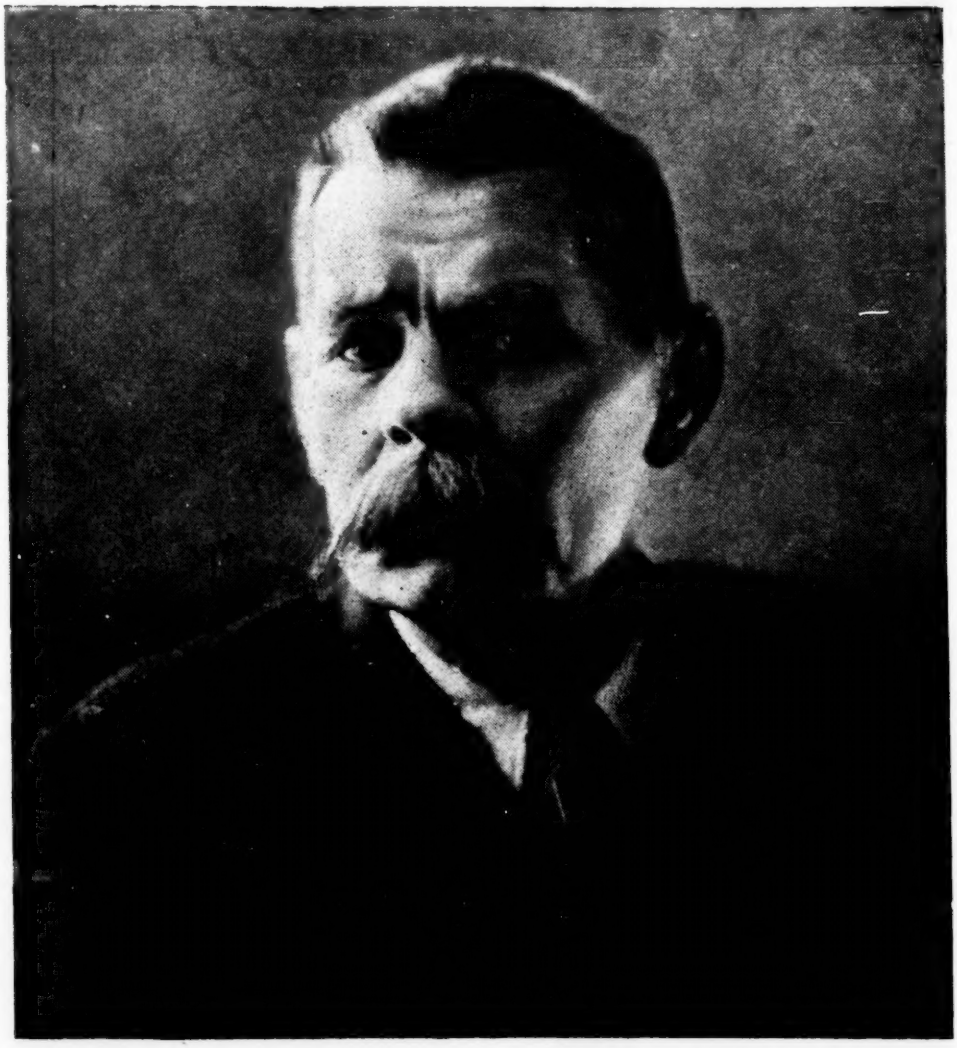
КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ
(СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ)

1936

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1936



Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР с глубокой скорбью извещают о смерти великого русского писателя, гениального художника слова, беззаветного друга трудящихся, борца за победу коммунизма — товарища

АЛЕКСЕЯ МАКСИМОВИЧА ГОРЬКОГО,

последовавшей в Горках, близ Москвы, 18 июня 1936 года

Центральный Комитет ВКП(б)
Совет Народных Комиссаров Союза ССР

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР с глубокой скорбью извещает всех трудящихся о смерти члена Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР — великого русского писателя, любимого друга трудящихся — товарища

АЛЕКСЕЯ МАКСИМОВИЧА ГОРЬКОГО,

последовавшей в Горках, близ Москвы, 18 июня 1936 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

О Конституции Союза ССР

Заслушав доклад Председателя Конституционной Комиссии тов. **Сталина** о проекте Конституции СССР, Президиум ЦИК Союза ССР постановляет:

1. Одобрить проект Конституции Союза ССР, представленный Конституционной Комиссией ЦИК Союза ССР.

2. Созвать Всесоюзный с'езд советов для рассмотрения проекта Конституции Союза ССР.

3. Срок созыва Всесоюзного с'езда советов установить 25 ноября 1936 года.

4. Опубликовать проект Конституции Союза ССР для всенародного обсуждения.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР М. КАЛИНИН

И. о. Секретаря Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР И. УНШЛИХТ

Москва, Кремль, 11 июня 1936 года.

ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ СОЮЗА ССР,

ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ КОМИССИЕЙ ЦИК СОЮЗА ССР И ОДОБРЕННЫЙ ПРЕЗИДИУМОМ ЦИК СОЮЗА ССР ДЛЯ ВНЕСЕНИЯ НА РАССМОТРЕНИЕ ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ

КОНСТИТУЦИЯ
(основной закон)
Союза Советских Социалистических Республик

ГЛАВА I

ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

СТАТЬЯ 1. Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян.

СТАТЬЯ 2. Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата.

СТАТЬЯ 3. Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся.

СТАТЬЯ 4. Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплоатации человека человеком.

СТАТЬЯ 5. Социалистическая собственность в СССР имеет либо форму государственной собственности (всенародное достояние), либо форму кооперативно-колхозной собственности (собственность отдельных колхозов, собственность кооперативных об'единений).

СТАТЬЯ 6. Земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинотракторные станции и т. п.), а также основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью, то-есть всенародным достоянием.

СТАТЬЯ 7. Общественные предприятия в колхозах и кооперативных организациях с их живым и мертвым инвентарем, производимая колхозами и кооперативными организациями продукция, равно как их общественные постройки составляют общественную, социалистическую собственность колхозов и кооперативных организаций.

Каждый колхозный двор имеет в личном пользовании небольшой приусадебный участок земли и в личной собственности подсобное хозяйство на приусадебном участке, жилой дом, продуктивный скот,

птицу и мелкий сельскохозяйственный инвентарь — согласно устава сельскохозяйственной артели.

СТАТЬЯ 8. Земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в бессрочное пользование, то-есть, навечно.

СТАТЬЯ 9. Наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства в СССР, допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключающее эксплоатацию чужого труда.

СТАТЬЯ 10. Личная собственность граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, равно как на предметы личного потребления и удобства — охраняется законом.

СТАТЬЯ 11. Хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народно-хозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного под'ема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности.

СТАТЬЯ 12. Труд в СССР является обязанностью каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест».

В СССР осуществляется принцип социализма: «от каждого по его способностям, каждому — по его труду».

ГЛАВА II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

СТАТЬЯ 13. Союз Советских Социалистических Республик есть союзное государство, образованное на основе добровольного об'единения равноправных Советских Социалистических Республик:

Российской Советской Федеративной Социалистической Республики,
Украинской Советской Социалистической Республики,
Белорусской Советской Социалистической Республики,
Азербайджанской Советской Социалистической Республики,
Грузинской Советской Социалистической Республики,
Армянской Советской Социалистической Республики,
Туркменской Советской Социалистической Республики,
Узбекской Советской Социалистической Республики,
Таджикской Советской Социалистической Республики,
Казахской Советской Социалистической Республики,
Киргизской Советской Социалистической Республики.

СТАТЬЯ 14. Ведению Союза Советских Социалистических Республик в лице его высших органов власти и органов государственного управления подлежат:

а) представительство Союза в международных сношениях, заключение и ратификация договоров с другими государствами;

б) вопросы войны и мира;

в) принятие в состав СССР новых республик;

г) контроль за исполнением Конституции СССР и обеспечение соответствия Конституций союзных республик с Конституцией СССР;

д) утверждение изменений границ между союзными республиками;

е) организация обороны СССР и руководство всеми вооруженными силами СССР;

ж) внешняя торговля на основе государственной монополии;
з) охрана государственной безопасности;
и) установление народно-хозяйственных планов СССР;
к) утверждение единого государственного бюджета СССР, а также налогов и доходов, поступающих на образование бюджетов союзного, республиканских и местных;
л) управление банками, промышленными и сельскохозяйственными учреждениями и предприятиями, а также торговыми предприятиями — общесоюзного значения;
м) управление транспортом и связью;
н) руководство денежной и кредитной системой;
о) организация государственного страхования имущества;
п) заключение и предоставление займов;
р) установление основных начал землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами;
с) установление основных начал в области просвещения и здравоохранения;
т) организация единой системы народно-хозяйственного учета;
у) установление основ законодательства о труде;
ф) законодательство о судоустройстве и судопроизводстве; уголовный и гражданский кодексы;
х) законы о союзном гражданстве; законы о правах иностранцев;
ц) издание общесоюзных актов об амнистии.

СТАТЬЯ 15. Суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в статье 14 Конституции СССР. Вне этих пределов каждая Союзная республика осуществляет государственную власть самостоятельно. СССР охраняет суверенные права союзных республик.

СТАТЬЯ 16. Каждая Союзная республика имеет свою Конституцию, учитывающую особенности республики и построенную в полном соответствии с Конституцией СССР.

СТАТЬЯ 17. За каждой Союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР.

СТАТЬЯ 18. Территория союзных республик не может быть изменяема без их согласия.

СТАТЬЯ 19. Законы СССР имеют одинаковую силу на территории всех союзных республик.

СТАТЬЯ 20. В случае расхождения закона Союзной республики с законом общесоюзным, действует общесоюзный закон.

СТАТЬЯ 21. Для граждан СССР устанавливается единое союзное гражданство.

Всякий гражданин Союзной республики является гражданином СССР.

СТАТЬЯ 22. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика состоит из краев: Азово-Черноморского, Дальне-Восточного, Западно-Сибирского, Красноярского, Северо-Кавказского; областей: Воронежской, Восточно-Сибирской, Горьковской, Западной, Ивановской, Калининской, Кировской, Куйбышевской, Курской, Ленинградской, Московской, Омской, Оренбургской, Саратовской, Свердловской, Северной, Сталинградской, Челябинской, Ярославской; автономных советских социалистических республик: Татарской, Башкирской, Дагестанской, Бурят-Монгольской, Кабардино-Балкарской, Калмыцкой, Карельской, Коми, Крымской, Марийской, Мордовской, Немцев Поволжья, Северо-Осетинской, Удмуртской, Чечено-Ингушской, Чувашской, Якутской;

автономных областей: Адыгейской, Еврейской, Карачаевской, Ойротской, Хакасской, Черкесской.

СТАТЬЯ 23. Украинская Советская Социалистическая Республика состоит из областей: Винницкой, Днепропетровской, Донецкой, Киевской, Одесской, Харьковской, Черниговской и Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики.

СТАТЬЯ 24. В Азербайджанской Советской Социалистической Республике состоят Нахичеванская Автономная Советская Социалистическая Республика и Нагорно-Карабахская автономная область.

СТАТЬЯ 25. В Грузинской Советской Социалистической Республике состоят: Абхазская АССР, Аджарская АССР, Юго-Осетинская автономная область.

СТАТЬЯ 26. В Узбекской Советской Социалистической Республике состоит Кара-Калпакская АССР.

СТАТЬЯ 27. В Таджикской Советской Социалистической Республике состоит Горно-Бадахшанская автономная область.

СТАТЬЯ 28. Казахская Советская Социалистическая Республика состоит из областей: Актюбинской, Алма-Атинской, Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской, Карагандинской, Южно-Казахстанской.

СТАТЬЯ 29. Армянская ССР, Белорусская ССР, Туркменская ССР и Киргизская ССР не имеют в своем составе автономных республик, равно как краев и областей.

ГЛАВА III

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 30. Высшим органом государственной власти СССР является Верховный Совет СССР.

СТАТЬЯ 31. Верховный Совет СССР осуществляет все права, присвоенные Союзу Советских Социалистических Республик согласно статьи 14 Конституции, поскольку они не входят, в силу Конституции, в компетенцию подотчетных Верховному Совету СССР органов СССР: Президиума Верховного Совета СССР, Совета Народных Комиссаров СССР и Народных Комиссариатов СССР.

СТАТЬЯ 32. Законодательная власть СССР осуществляется исключительно Верховным Советом СССР.

СТАТЬЯ 33. Верховный Совет СССР состоит из двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей.

СТАТЬЯ 34. Совет Союза избирается гражданами СССР по норме: один депутат на 300 тысяч населения.

СТАТЬЯ 35. Совет Национальностей составляется из депутатов, выделяемых Верховными Советами союзных и автономных республик и Советами депутатов трудящихся автономных областей: по десять депутатов от каждой союзной республики, по пять депутатов от каждой автономной республики и по два депутата от каждой автономной области.

СТАТЬЯ 36. Верховный Совет СССР избирается сроком на четыре года.

СТАТЬЯ 37. Обе палаты Верховного Совета СССР: Совет Союза и Совет Национальностей равноправны.

СТАТЬЯ 38. Совету Союза и Совету Национальностей в одинаковой мере принадлежит законодательная инициатива.

СТАТЬЯ 39. Закон считается утвержденным, если он принят обоими палатами Верховного Совета СССР простым большинством каждой.

СТАТЬЯ 40. Законы, принятые Верховным Советом СССР, публикуются за подписями председателя и секретаря Президиума Верховного Совета СССР.

СТАТЬЯ 41. Сессии Совета Союза и Совета Национальностей начинаются и заканчиваются одновременно.

СТАТЬЯ 42. Совет Союза избирает председателя Совета Союза и двух его заместителей.

СТАТЬЯ 43. Совет Национальностей избирает председателя Совета Национальностей и двух его заместителей.

СТАТЬЯ 44. Председатели Совета Союза и Совета Национальностей руководят заседаниями соответствующих палат и ведают их внутренним распорядком.

СТАТЬЯ 45. Совместные заседания обоих палат Верховного Совета СССР ведут поочередно председатели Совета Союза и Совета Национальностей.

СТАТЬЯ 46. Сессии Верховного Совета СССР созываются Президиумом Верховного Совета СССР два раза в год.

Внеочередные сессии созываются Президиумом Верховного Совета СССР по его усмотрению или по требованию одной из союзных республик.

СТАТЬЯ 47. В случае разногласия между Советом Союза и Советом Национальностей вопрос передается на разрешение согласительной комиссии, образованной на паритетных началах. Если согласительная комиссия не приходит к согласному решению или если ее решение не удовлетворяет одну из палат, вопрос рассматривается вторично в палатах. При отсутствии согласного решения двух палат, Президиум Верховного Совета СССР распускает Верховный Совет СССР и назначает новые выборы.

СТАТЬЯ 48. Верховный Совет СССР избирает на совместном заседании обоих палат Президиум Верховного Совета СССР в составе: председателя Президиума Верховного Совета СССР, четырех его заместителей, секретаря Президиума и 31 члена Президиума.

Президиум Верховного Совета СССР подотчетен Верховному Совету СССР во всей своей деятельности.

СТАТЬЯ 49. Президиум Верховного Совета СССР:

а) созывает сессии Верховного Совета СССР;

б) дает толкование действующих законов, издавая соответствующие указы;

в) распускает Верховный Совет СССР на основании 47 статьи Конституции СССР и назначает новые выборы;

г) производит всенародный опрос (референдум) по своей инициативе или по требованию одной из союзных республик;

д) отменяет постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров СССР и Советов Народных Комиссаров республик в случае их несоответствия закону;

е) в период между сессиями Верховного Совета СССР освобождает от должности и назначает отдельных Народных Комиссаров СССР по

представлению председателя Совета Народных Комиссаров СССР с последующим внесением на утверждение Верховного Совета СССР;

ж) награждает орденами СССР;

з) осуществляет право помилования;

и) назначает и сменяет высшее командование вооруженных сил СССР;

к) в период между сессиями Верховного Совета СССР об'являет состояние войны в случае военного нападения на СССР;

л) об'являет общую и частичную мобилизацию;

м) ратифицирует международные договоры;

н) назначает и отзывает полномочных представителей СССР в иностранных государствах;

о) принимает аккредитование дипломатических представителей иностранных государств.

СТАТЬЯ 50. Совет Союза и Совет Национальностей избирают мандатные комиссии, которые проверяют полномочия депутатов каждой палаты.

По представлению мандатной комиссии палаты решают либо признать полномочия, либо кассировать выборы отдельных депутатов.

СТАТЬЯ 51. Верховный Совет СССР назначает, когда он сочтет необходимым, следственные и ревизионные комиссии по любому вопросу.

Все учреждения и должностные лица обязаны выполнять требования этих комиссий и представлять им необходимые материалы и документы.

СТАТЬЯ 52. Депутат Верховного Совета СССР не может быть привлечен к судебной ответственности или арестован без согласия Верховного Совета СССР, а в период, когда нет сессии Верховного Совета СССР, — без согласия Президиума Верховного Совета СССР.

СТАТЬЯ 53. По истечении полномочий или после досрочного роспуска Верховного Совета СССР Президиум Верховного Совета СССР сохраняет свои полномочия вплоть до образования вновь избранным Верховным Советом СССР нового Президиума Верховного Совета СССР.

СТАТЬЯ 54. По истечении полномочий или в случае досрочного роспуска Верховного Совета СССР Президиум Верховного Совета СССР назначает новые выборы в срок не более двух месяцев со дня истечения полномочий или роспуска Верховного Совета СССР.

СТАТЬЯ 55. Вновь избранный Верховный Совет СССР созывается Президиумом Верховного Совета СССР прежнего состава не позже, как через месяц после выборов.

СТАТЬЯ 56. Верховный Совет СССР образует на совместном заседании обоих палат Правительство СССР — Совет Народных Комиссаров СССР.

ГЛАВА IV

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 57. Высшим органом государственной власти Союзной республики является Верховный Совет Союзной республики.

СТАТЬЯ 58. Верховный Совет Союзной республики избирается гражданами республики сроком на четыре года.

Нормы представительства устанавливаются Конституциями союзных республик.

СТАТЬЯ 59. Верховный Совет Союзной республики является единственным законодательным органом республики.

СТАТЬЯ 60. Верховный Совет Союзной республики:

а) принимает Конституцию республики и вносит в нее изменения в соответствии со статьей 16 Конституции СССР;

б) утверждает Конституции находящихся в ее составе автономных республик и определяет границы их территории;

в) утверждает народно-хозяйственный план и бюджет республики;

г) пользуется правом амнистии и помилования граждан, осужденных судебными органами Союзной республики.

СТАТЬЯ 61. Верховный Совет Союзной республики избирает Президиум Верховного Совета Союзной республики в составе: председателя Президиума Верховного Совета Союзной республики, его заместителей и членов Президиума Верховного Совета Союзной республики.

Полномочия Президиума Верховного Совета Союзной республики определяются Конституцией Союзной республики.

СТАТЬЯ 62. Для ведения заседаний Верховный Совет Союзной республики избирает своего председателя и его заместителей.

СТАТЬЯ 63. Верховный Совет Союзной республики образует Правительство Союзной республики — Совет Народных Комиссаров Союзной республики.

ГЛАВА V

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 64. Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти Союза Советских Социалистических Республик является Совет Народных Комиссаров СССР.

СТАТЬЯ 65. Совет Народных Комиссаров СССР ответственен перед Верховным Советом СССР и ему подотчетен.

СТАТЬЯ 66. Совет Народных Комиссаров СССР издает постановления и распоряжения на основе и во исполнение действующих законов и проверяет исполнение.

СТАТЬЯ 67. Постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров СССР обязательны к исполнению на всей территории СССР.

СТАТЬЯ 68. Совет Народных Комиссаров СССР:

а) об'единяет и направляет работу общесоюзных и союзно-республиканских Народных Комиссариатов СССР и других подведомственных ему хозяйственных и культурных учреждений;

б) принимает меры по осуществлению народно-хозяйственного плана, государственного бюджета и укреплению кредитно-денежной системы;

в) принимает меры по обеспечению общественного порядка, защите интересов государства и охране прав граждан;

г) осуществляет общее руководство в области сношений с иностранными государствами;

д) определяет ежегодные контингенты граждан, подлежащих призыву на действительную военную службу, руководит общим строительством вооруженных сил страны.

СТАТЬЯ 69. Совет Народных Комиссаров СССР имеет право по отраслям управления и хозяйства, отнесенным к компетенции СССР, приостанавливать постановления и распоряжения Советов Народных Комиссаров Союзных республик и отменять приказы и инструкции Народных Комиссаров СССР.

СТАТЬЯ 70. Совет Народных Комиссаров СССР образуется Верховным Советом СССР в составе:

Председателя Совета Народных Комиссаров СССР;
Заместителей председателя Совета Народных Комиссаров СССР;
Председателя Государственной плановой комиссии СССР;
Председателя Комиссии советского контроля;
Народных Комиссаров СССР;
Председателя Комитета заготовок;
Председателя Комитета по делам искусств;
Председателя Комитета по делам высшей школы.

СТАТЬЯ 71. Правительство СССР или Народный Комиссар СССР, к которым обращен запрос депутата Верховного Совета СССР, обязаны не более чем в трехдневный срок дать устный или письменный ответ в соответствующей палате.

СТАТЬЯ 72. Народные Комиссары СССР ведают отраслями государственного управления, входящими в компетенцию СССР.

СТАТЬЯ 73. Народные Комиссары СССР издают в пределах компетенции соответствующих Народных Комиссариатов приказы и инструкции на основании и во исполнение действующих законов, а также постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР и проверяют их исполнение.

СТАТЬЯ 74. Народные Комиссариаты СССР являются или общесоюзными или союзно-республиканскими.

СТАТЬЯ 75. Общесоюзные Народные Комиссариаты ведают порученной им отраслью государственного управления на всей территории СССР или непосредственно или через назначаемые ими органы.

СТАТЬЯ 76. Союзно-республиканские Народные Комиссариаты ведают порученной им отраслью государственного управления через одноименные Народные Комиссариаты союзных республик.

СТАТЬЯ 77. К общесоюзным Народным Комиссариатам относятся Народные Комиссариаты:

Обороны;
Иностранных дел;
Внешней торговли;
Путей сообщения;
Связи;
Водного транспорта;
Тяжелой промышленности.

СТАТЬЯ 78. К союзно-республиканским Народным Комиссариатам относятся Народные Комиссариаты:

Пищевой промышленности;
Легкой промышленности;
Лесной промышленности;
Земледелия;
Зерновых и животноводческих совхозов;
Финансов;
Внутренней торговли;
Внутренних дел;
Юстиции;
Здравоохранения.

ГЛАВА VI

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 79. Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти Союзной республики является Совет Народных Комиссаров Союзной республики.

СТАТЬЯ 80. Совет Народных Комиссаров Союзной республики ответственен перед Верховным Советом Союзной республики и ему подотчетен.

СТАТЬЯ 81. Совет Народных Комиссаров Союзной республики издает постановления и распоряжения на основе и во исполнение действующих законов СССР и Союзной республики, постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР и проверяет их исполнение.

СТАТЬЯ 82. Совет Народных Комиссаров Союзной республики имеет право приостанавливать постановления и распоряжения Советов Народных Комиссаров автономных республик и отменять решения и распоряжения исполнительных комитетов советов депутатов трудящихся краев, областей и автономных областей.

СТАТЬЯ 83. Совет Народных Комиссаров Союзной республики образуется Верховным Советом Союзной республики в составе:

Председателя Совета Народных Комиссаров Союзной республики;
Заместителей председателя;
Председателя Государственной плановой комиссии;
Народных Комиссаров:
- Пищевой промышленности;
- Легкой промышленности;
- Лесной промышленности;
- Земледелия;
- Зерновых и животноводческих совхозов;
- Финансов;
- Внутренней торговли;
- Внутренних дел;
- Юстиции;
- Здравоохранения;
- Просвещения;
- Местной промышленности;
- Коммунального хозяйства;
- Социального обеспечения;

Уполномоченного Комитета заготовок;
Начальника Управления по делам искусств;
Уполномоченных общесоюзных Народных Комиссариатов.

СТАТЬЯ 84. Народные Комиссары Союзной республики ведают отраслями государственного управления, входящими в компетенцию Союзной республики.

СТАТЬЯ 85. Народные Комиссары Союзной республики издают в пределах компетенции соответствующих Народных Комиссариатов приказы и инструкции на основании и во исполнение законов СССР и Союзной республики, постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР и Союзной республики, приказов и инструкций союзно-республиканских Народных Комиссариатов СССР.

СТАТЬЯ 86. Народные Комиссариаты Союзной республики являются союзно-республиканскими или республиканскими.

СТАТЬЯ 87. Союзно-республиканские Народные Комиссариаты ведают порученной им отраслью государственного управления, подчиняясь как Совету Народных Комиссаров Союзной республики, так и соответствующему союзно-республиканскому Народному Комиссариату СССР.

СТАТЬЯ 88. Республиканские Народные Комиссариаты ведают порученной им отраслью государственного управления, подчиняясь непосредственно Совету Народных Комиссаров Союзной республики.

ГЛАВА VII

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ АВТОНОМНЫХ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 89. Высшим органом государственной власти Автономной республики является Верховный Совет АССР.

СТАТЬЯ 90. Верховный Совет Автономной республики избирается гражданами республики сроком на четыре года по нормам представительства, устанавливаемым Конституцией Автономной республики.

СТАТЬЯ 91. Верховный Совет Автономной республики является единственным законодательным органом АССР.

СТАТЬЯ 92. Каждая Автономная республика имеет свою Конституцию, учитывающую особенности Автономной республики и построенную в полном соответствии с Конституцией Союзной республики.

СТАТЬЯ 93. Верховный Совет Автономной республики избирает Президиум Верховного Совета Автономной республики и образует Совет Народных Комиссаров Автономной республики, согласно своей Конституции.

ГЛАВА VIII

МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

СТАТЬЯ 94. Органами государственной власти в краях, областях, автономных областях, округах, районах, городах, селах (станицах, деревнях, хуторах, кишлаках, аулах) являются Советы депутатов трудящихся.

СТАТЬЯ 95. Краевые, областные, автономных областей, окружные, районные, городские, сельские (станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов) Советы депутатов трудящихся избираются соответственно трудящимися края, области, автономной области, округа, района, города, села сроком на два года.

СТАТЬЯ 96. Нормы представительства в Советы депутатов трудящихся определяются Конституциями союзных республик.

СТАТЬЯ 97. Советы депутатов трудящихся руководят деятельностью подчиненных им органов управления, обеспечивают охрану государственного порядка, соблюдение законов и охрану прав граждан, осущест-

вляют местное хозяйственное и культурное строительство, устанавливают местный бюджет.

СТАТЬЯ 98. Советы депутатов трудящихся принимают решения и дают распоряжения в пределах прав, предоставленных им законами СССР и Союзной республики.

СТАТЬЯ 99. Исполнительными и распорядительными органами краевых, областных, автономных областей, окружных, районных и городских Советов депутатов трудящихся являются избираемые ими исполнительные комитеты в составе: председателя, его заместителей и членов.

СТАТЬЯ 100. Исполнительным и распорядительным органом сельских Советов депутатов трудящихся в небольших поселениях, в соответствии с Конституциями союзных республик, являются избираемые ими председатель и его заместители.

СТАТЬЯ 101. Исполнительные органы Советов депутатов трудящихся непосредственно подотчетны как Совету депутатов трудящихся, их избравшему, так и исполнительному органу вышестоящего Совета депутатов трудящихся.

ГЛАВА IX

СУД И ПРОКУРАТУРА

СТАТЬЯ 102. Правосудие в СССР осуществляется Верховным Судом СССР, Верховными Судами союзных республик, краевыми и областными судами, судами автономных республик и автономных областей, специальными судами СССР, создаваемыми по определению Верховного Совета СССР, народными судами.

СТАТЬЯ 103. Рассмотрение дел во всех судах осуществляется с участием народных заседателей, кроме случаев, специально предусмотренных законом.

СТАТЬЯ 104. Верховный Суд СССР является высшим судебным органом. На Верховный Суд СССР возлагается надзор за деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик.

СТАТЬЯ 105. Верховный Суд СССР и специальные суды СССР избираются Верховным Советом СССР сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 106. Верховные Суды союзных республик избираются Верховными Советами союзных республик сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 107. Верховные Суды автономных республик избираются Верховными Советами автономных республик сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 108. Краевые и областные суды, суды автономных областей избираются краевыми или областными Советами депутатов трудящихся или советами депутатов трудящихся автономных областей сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 109. Народные суды избираются гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании — сроком на три года.

СТАТЬЯ 110. Судопроизводство ведется на языке союзной или автономной республики или автономной области с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке.

СТАТЬЯ 111. Разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту.

СТАТЬЯ 112. Судьи независимы и подчиняются только закону.

СТАТЬЯ 113. Высший надзор за точным исполнением законов всеми Народными Комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР возлагается на Прокурора СССР.

СТАТЬЯ 114. Прокурор СССР назначается Верховным Советом СССР сроком на семь лет.

СТАТЬЯ 115. Республиканские, краевые, областные прокуроры, а также прокуроры автономных республик и автономных областей назначаются Прокурором СССР сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 116. Районные прокуроры назначаются прокурорами союзных республик с утверждения Прокурора СССР сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 117. Органы прокуратуры осуществляют свои функции независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Прокурору СССР.

ГЛАВА X

ОСНОВНЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАН

СТАТЬЯ 118. Граждане СССР имеют право на труд — право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством.

Право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, отсутствием хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы.

СТАТЬЯ 119. Граждане СССР имеют право на отдых.

Право на отдых обеспечивается сокращением рабочего дня для подавляющего большинства рабочих до 7 часов, установлением ежегодных отпусков рабочим и служащим с сохранением заработной платы, предоставлением для обслуживания трудящихся широкой сети санаториев, домов отдыха, клубов.

СТАТЬЯ 120. Граждане СССР имеют право на материальное обеспечение в старости, а также — в случае болезни и потери трудоспособности.

Это право обеспечивается широким развитием социального страхования рабочих и служащих за счет государства, бесплатной медицинской помощью, предоставлением в пользование трудящимся широкой сети курортов.

СТАТЬЯ 121. Граждане СССР имеют право на образование.

Это право обеспечивается всеобще-обязательным начальным образованием, бесплатностью образования, включая высшее образование, системой государственных стипендий подавляющему большинству учащихся в высшей школе, обучением в школах на родном языке, организацией на заводах, в совхозах, машинотракторных станциях и колхозах бесплатного производственного, технического и агрономического обучения трудящихся.

СТАТЬЯ 122. Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату

труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских ясель и садов.

СТАТЬЯ 123. Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом.

Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения — караются законом.

СТАТЬЯ 124. В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.

СТАТЬЯ 125. В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется:

а) свобода слова,
б) свобода печати,
в) свобода собраний и митингов,
г) свобода уличных шествий и демонстраций.

Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления.

СТАТЬЯ 126. В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самодеятельности и политической активности народных масс гражданам СССР обеспечивается право об'единения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные об'единения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, а наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся об'единяются в коммунистическую партию СССР, являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных.

СТАТЬЯ 127. Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора.

СТАТЬЯ 128. Неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняются законом.

СТАТЬЯ 129. СССР предоставляет право убежища иностранным гражданам, преследуемым за защиту интересов трудящихся, или научную деятельность, или национально-освободительную борьбу.

СТАТЬЯ 130. Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития.

СТАТЬЯ 131. Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и мо-

ществa родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа.

СТАТЬЯ 132. Всеобщая воинская повинность является законом.

Воинская служба в Рабоче-Крестьянской Красной Армии представляет почетную обязанность граждан СССР.

СТАТЬЯ 133. Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР. Измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж в пользу иностранного государства — караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние.

ГЛАВА XI

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА

СТАТЬЯ 134. Выборы депутатов во все Советы депутатов трудящихся: Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных республик, краевые и областные Советы депутатов трудящихся, Верховные Советы автономных республик, Советы депутатов трудящихся автономных областей, окружные, районные, городские и сельские (станицы, деревни, хутора, кишлака, аула) Советы депутатов трудящихся,— производятся избирателями на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

СТАТЬЯ 135. Выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, которым в год выборов исполняется 18 лет, имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав.

СТАТЬЯ 136. Выборы депутатов являются равными: каждый гражданин имеет право избирать и быть избранным независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности.

СТАТЬЯ 137. Женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами.

СТАТЬЯ 138. Граждане, состоящие в рядах Красной Армии, пользуются правом избирать и быть избранными наравне со всеми гражданами.

СТАТЬЯ 139. Выборы депутатов являются прямыми: выборы во все Советы депутатов трудящихся, начиная от сельского и городского Совета депутатов трудящихся вплоть до Верховного Совета СССР, производятся гражданами непосредственно путем прямых выборов.

СТАТЬЯ 140. Голосование при выборах депутатов является тайным.

СТАТЬЯ 141. Кандидаты при выборах выставляются по избирательным округам.

Право выставления кандидатов обеспечивается за общественными организациями и обществами трудящихся: коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами.

СТАТЬЯ 142. Каждый депутат обязан отчитываться перед избирателями в своей работе и в работе Совета депутатов трудящихся и может быть в любое время отозван по решению большинства избирателей в установленном законом порядке.

ГЛАВА XII

ГЕРБ, ФЛАГ, СТОЛИЦА

СТАТЬЯ 143. Государственный герб Союза Советских Социалистических Республик состоит из серпа и молота на земном шаре, изображенном в лучах солнца и обрамленном колосьями, с надписью на языках союзных республик: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Наверху герба имеется пятиконечная звезда.

СТАТЬЯ 144. Государственный флаг Союза Советских Социалистических Республик состоит из красного полотнища, с изображением на его верхнем углу у древка золотых серпа и молота и над ними красной пятиконечной звезды, обрамленной золотой каймой. Отношение ширины к длине 1 : 2.

СТАТЬЯ 145. Столицею Союза Советских Социалистических Республик является город Москва.

ГЛАВА XIII

ПОРЯДОК ИЗМЕНЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ

СТАТЬЯ 146. Изменение Конституции СССР производится лишь по решению Верховного Совета СССР, принятому большинством не менее $^2/_3$ голосов в каждой из его палат.

Письма рабочих в „Звезду“ и „Правду“

Печатаемые ниже документы — корреспонденции, написанные в редакции газет «Звезда» и «Правда» за период времени с 1912 по 1914 г. Корреспонденции рабочих являлись неотъемлемой частью всего содержания большевистских газет.

Большевистские газеты «Звезда» и «Правда» неотделимы от партии и от ее вождей Ленина и Сталина, под непосредственным руководством которых они были созданы. На их страницах Ленин и Сталин вели неустанную работу по пропаганде великих идей коммунизма и по организации восстания рабочих масс для свержения самодержавия и капитализма.

Публикуемые ниже письма рабочих представляют большой интерес, так как подчеркивают те крепчайшие нити, которые быстро установились между рабочей легальной печатью, руководимой Лениным и Сталиным, и революционными рабочими массами. Связь рабочей печати с массами сыграла огромную роль в деле углубления и расширения революционного под'ема 1912—1914 гг.

Все эти письма получены не обычным путем. Это не письма, взятые со столбцов газет «Звезда» и «Правда», которые в большом количестве, как известно, помещались в этих газетах. Это письма, перехваченные органами охранки, перлюстрированные департаментом полиции, причем известная часть их дальше органов охранки и департамента полиции не шла, с других же снимались копии, адресаты их подвергались розыскам и репрессиям, а письма, чтобы «не спугнуть бдительности» адресатов, снова заклеивались в конверты и направлялись как ни в чем не бывало по назначению.

Эта иезуитская тактика, широко применявшаяся департаментом полиции, иногда давала возможность в течение длительного времени следить за перепиской отдельных лиц, корреспондентов «Правды» и «Звезды», с редакциями, для того, чтобы иметь возможность лучше выловить «крамолу», узнать точные имена адресатов, расшифровать те подписи, которые помещались под коллективными письмами и сборами, и т. д.

Помещаемые ниже письма — лишь небольшая часть того огромного количества рабочих корреспонденций, которые из всех уголков тогдашней России, где слышалось биение революционного пульса, направлялись рабочими корреспондентами в «Звезду» и «Правду».

Особенно красочны, а иногда даже прямо трогательны, корреспонденции, уведомляющие о сборе средств на свои пролетарские газеты. Несмотря на грошевую зарплату, исключительно тяжелые материальные условия труда, бесчеловечную эксплоатацию, а часто и безработицу, широкие массы читателей рабочей печати сколачивают свои трудовые гроши, превращая в рубли, иногда десятки рублей,— и шлют в адрес рабочих газет. Справедливо опасаясь, что деньги не дойдут по адресу, они часто посылают их окольным путем, через знакомых, с просьбой передать эти кровью и потом добытые гроши на поддержку своей рабочей прессы — этого острейшего орудия пролетариата.

Насколько большое значение придавал Ленин именно коллективным сборам, справедливо видя в них «сумму совместной массовой энергии» [1], решимость орга-

[1] Ленин, Соч., т. XVI, стр. 47.

низованно бороться за рабочую печать, показывают его неоднократные указания редакции «Правды» и та весьма тщательная статистика рабочих взносов, которую он неоднократно помещает на страницах «Правды». В своей статье «Итоги полугодовой работы», посвященной итогам выпуска ежедневной рабочей газеты «Правда» за период времени между 29 июля и 2 августа 1912 г., Ленин пишет: «Газета, основанная на пятаки, собранные маленькими заводскими и фабричными кружками рабочих, во много раз солиднее, прочнее, серьезнее поставлена (и с точки зрения финансовой, и — что всего важнее — с точки зрения развития рабочей демократии), чем газета, основанная на десятки и сотни рублей, внесенные сочувствующей интеллигенцией» [1].

Именно это обстоятельство обусловливало то, что большевистская «Правда», при поддержке тысяч мелких взносов организованных пролетариев, в противовес ликвидаторскому «Лучу», имевшему своей базой сравнительно солидные взносы буржуазной интеллигенции, являлась колоссальной силой; именно это обстоятельство давало возможность «Правде» продолжать свое существование, несмотря на бешеные репрессии. С другой стороны, эти взносы показали, что именно «Правда» и большевики пользуются бесспорной поддержкой широчайших революционных масс, а не ликвидаторы.

Читая письма, мы видим, какими крепкими и нерушимыми нитями связывались рабочие корреспонденты и организаторы сборов с нашими большевистскими газетами, какое близкое участие принимали они в определении задач, стоящих перед рабочей печатью, как непосредственно связывали успех «Звезды» и «Правды» с успехом всей дальнейшей революционной борьбы.

Так, рабочие Ленинградского металлического завода Гейслер в своем обращении в 1914 г. приветствуют свою родную «Правду», «стоящую на строго классовой точке зрения». Но не только передовики металлисты приветствуют ее,— все более горячими сторонниками газеты становятся и отсталые слои.

А вот голос из Риги. Рабочие-правдисты пишут в редакцию «Правды» в 1912 г.: «Пусть ей не страшны будут никакие репрессии, никакие штрафы, пусть знает, что за нее горой стоит весь рабочий класс». И мы прекрасно понимаем, что это не жест, что рабочие действительно стоят горой за свою пролетарскую печать, что на каждую конфискацию и штрафы они отвечают новым сплочением вокруг своей большевистской прессы, организацией кружков по ее распространению, организацией коллективной подписки, устройством коллективных взносов. «Мы получили милость от нашего либерального цехового начальника г. Бранда — по гривеннику, — пишут рабочие Чечелевки, Брянского завода, Екатеринославской губернии, — и решили послать эти гривенники также в фонд рабочих газет: московской — 2 р. 85 к., и в газету «Правда» — 2 р. 85 коп.».

Рабочие Кронштадтского порта, находящиеся в исключительно тяжелых материальных условиях, пишут в ответ на упрек одного из рабочих корреспондентов в том, что там очень трудно проходит сбор и что отсутствует рабочая солидарность: «В настоящее время, как получаем одну газету, стали читать и сознавать, что от каких-нибудь грошей не разбогатеешь, и решили стараться по возможности посылать для процветания газеты «Правда».

Группа матросов 2 Минной дивизии из Гельсингфорса пишет в «Правду» от февраля 1913 г.: «Мы, группа матросов 2 Минной дивизии, шлем всем сотрудникам газеты «Правда» свой товарищеский привет и горячо приветствуем издателя газеты товарища Бадаева.

Товарищи! Мы — тоже рабочие и крестьяне, только одеты в мундиры и вооружены винтовками для защиты интересов дворян-помещиков, вернее сказать, для защиты от врагов внутренних, в лице которых стоим мы, рабочие... Тя-

[1] Ленин, Соч., т. XVI, стр. 46.

жела наша жизнь в железных ящиках-квартирах...» Но «как ни строг глаз начальника-дворянина, следящего за чтением вредных газет низшими чинами, но всячески попадает к нам и наша рабочая газета «Правда», одна единственная защитница пролетарских нужд». И далее следует обычное «Шлем свою посильную помощь в фонд рабочей газеты».

Доходит голос и из далекой Бессарабии, из г. Болграда, группа рабочих которого пишет про «Правду», что «учит она, кто наш враг и кто друг».

Нам нет нужды перечислять многочисленных адресатов и указывать, как сама жизнь и революционная борьба связывают их с правдистской прессой и большевистской партией.

Но из помещаемых ниже писем, являющихся, как мы сказали, лишь небольшой частью всей рабочей корреспонденции, видно, как им близки их «Звезда» и в особенности «Правда». Мы видим, какой широкий круг вопросов и проблем вызывает чтение этих газет.

Вот ряд рабочих корреспонденций откликаются на ленские события в 1912 г., клянут преступное самодержавие, присоединяют свой голос к общему голосу возмущенного рабочего класса и опять шлют свои рабочие гроши.

Вот ряд писем, разоблачающих преследования рабочей прессы, преследования рабочих корреспондентов, наглое издевательство над читателями и особенно над распространителями «легальных» газет в Петербурге. Вот целый поток писем, характеризующих развитие стачечного и революционного движения, повествующих об упорной классовой борьбе, рассказывающих о конкретных фактах повседневной борьбы, повествующих о насилиях хозяев, директоров заводов.

Со всех концов России шлют пробудившиеся к политической жизни рабочие свои протесты, выражают свои политические симпатии, заявляют о своей солидарности с лозунгами «Звезды» и «Правды». Они подчеркивают, что «Звезда» и «Правда» — это их газеты, это их знамя. Они разоблачают попытки ликвидаторов свести революционное рабочее движение с единственно правильного пути. Они через свою газету, через политическую борьбу, через политический опыт, усваиваемый ими на примерных уроках повседневной классовой борьбы, закаляются, вырастают в подлинных пролетарских революционеров, правдистов-большевиков, в ту будущую непобедимую армию борцов, мощными усилиями которых впоследствии подготовляется победа Великой пролетарской октябрьской революции.

М. Савельев.

I. Борьба за рабочую печать*

Письмо группы рижских наборщиков в газету «Звезда», 23 апреля 1912 г.[1]

Многоуважаемый редактор.

Посылаю вам почтой по переводу 4 руб., собранные среди нас, рижских наборщиков (9 чел.), в пользу рабочей газеты «Правда», и вместе с тем прошу поместить в следующем очередном номере вашей популярной газеты «Звезда» следующие строки:

«Мы, группа рижских наборщиков (9 чел.), посылаем в пользу рабочей газеты «Правда» свою посильную ленту в сумме 4 руб. Мы приветствуем выход рабочей газеты, которая раз навсегда отвлечет нас от

---

* Документы подготовлены к печати М. Сыромятниковой.

[1] ЦП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (апрель), л. 324. Воспроизведено с оригинала письма по адресу редакции газеты «Звезда» в Петербург, Раз'езжая ул., 10, кв. 14, с почтовым штемпелем на конверте: «Рига, 23 апреля 1912 г.».

чтения буржуазных газет, именующих себя защитниками рабочих, но на самом деле являющихся нашими опаснейшими врагами. Мы желаем, чтобы газета была доступна по своей цене широкой массе, чтобы она будила сознание рабочих и способствовала их об'единению для борьбы за улучшение нашей рабской жизни. Мы также присоединяемся к читателям газеты «Звезда» о выпуске дорогого номера в 15—20 коп. в пользу рабочей газеты [1].

Группа рижских наборщиков (9 чел.)».

С товарищеским приветом А. Медальe.

Письмо электротехнических рабочих г. Тифлиса в редакцию газеты «Правда», 11 мая 1912 г. [2]

Мы, группа электро-технических рабочих г. Тифлиса, узнав о выходе ежедневной рабочей газеты, приветствуем добрые начинания и шлем свою посильную лепту — 4 р. 75 к.

Мы, группа электро-технических рабочих г. Тифлиса, возмущенные зверским избиением рабочих на Лене, посылаем свою скромную лепту (4 р. 75 к. через Мамуда) вместе с протестом других групп.

Письмо Н. Сурина из Харькова в редакцию газеты «Правда», 15 мая 1912 г. [3]

Являясь горячим сторонником осуществления идеи о создании дешевой рабочей прессы и газеты «Правда», как органа такой прессы, я, тем не менее, нахожу в ней некоторые дефекты. Так, например, многих и многих наших рабочих крайне интересует вопрос, о чем пишут «умные люди» в разных «толстых» журналах, о которых они слышали, но не имеют действительного понятия. По-моему, для удовлетворения такой вполне понятной потребности, не дурно было бы в одной, двух, или трех фельетонных статьях каждый месяц дать обзор содержания наших главнейших журналов. Если не для «Правды», то для «Звезды» это необходимо. Хотел бы еще отметить, что жизнь окраин почти совсем не отражается в рабочей газете; это, правда, можно устранить привлечением сотрудников-интеллигентов с мест. В общем я думаю, что «Правда» с успехом осуществит поставленные себе задачи. Со своей стороны я предложил бы ввести в газете «почтовый ящик» для ответа лицам, запрашивающим редакцию о чем-нибудь, но не могущим прислать вам своего адреса или марок для ответа. Если для осуществления моего первого пожелания (обзор журналов) нехватает сотрудников, то я могу предложить мои услуги. Но по условиям моей личной жизни и не зависящим от меня, я не могу дать своего адреса. Если редакция найдет нужным ввести почтовый ящик, то просил бы, в случае согла-

---

[1] В № 11 «Звезды» от 3/16 апреля 1912 г. было помещено «письмо в редакцию» от группы читателей «Звезды» с предложением выпустить номер «Звезды» не за 5 коп., а по цене 15 или 20 коп. для поддержки фонда «своей» ежедневной газеты. («Звезда», вып. VI, стр. 59).

[2] ДП, Перлюстрация, 1912 г., № 1027. Воспроизведено с копии приложения к перлюстрированному департаментом полиции письму Е. Д. Стасовой, за подписью «Леля» из Тифлиса от 11 мая 1912 г., Д. В. Стасову в Петербург, Фурштадтская, 20, кв. 7.

[3] ДП, Перлюстрация, 1912 г., № 1051, Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма, с приложением статьи, которая с небольшими изменениями была напечатана в № 18 «Правды» от 20 мая 1912 г. под заголовком: «Украинские прогрессисты» за подписью: «Сурин» («Правда», вып. I, стр. 262—263).

сия на мое предложение, ответить мне приблизительно так: Харьков, Н. С.— пришлите обещанное или что-нибудь вроде этого. Конфискованные №№ сюда не доходят. Если ответ поместите в таком №, то прошу поместить в другом. Вместе с этим письмом я посылаю вам статейку: «О платформах украинских прогрессистов». Если найдете возможным, прошу поместить ее в «Правде» или же передать в «Невскую звезду» — может быть для нее окажется подходящей.

Из письма из Твери в редакцию газеты «Правда», 19 июня 1912 г.[1]

Вы, дорогие товарищи, пишете о том, чтобы мы из провинции сообщали о житье-бытье. Да, действительно, мы должны сообщать, что делается в провинции. Это для столицы важно, но трижды важнее для нас самих — провинциалов — почитать ту газету, где пишется о нашем житье. А газету эту получить трудно, потому что наши рабочие газеты кому-то не нравятся... и ни за какие деньги не получите ни в киоске, ни у газетчиков. А если спросите, почему не держите, разве невыгодно? Получите ответ: оне для нас очень выгодны, если только не конфискуют, а это бывает очень редко, бились, бились, так и бросили выписывать. На комиссию не дают, потому что мы слыхали редакция сама бедна. Остается нам только одно: выписывать на свое имя по почте, но наша почта так доставляет аккуратно, что за месяц получишь номеров десять; виновата она или нет, один Аллах ведает. Да выписывать на свое имя в большинстве запуганные рабочие не решаются, потому что на некоторых фабриках за одно чтение прогрессивных газет, не говоря рабочих, становишься подозрительным. Поэтому более и не пишут, ибо оно не достигает главной цели, потому что этой газеты не почитаешь. Да и рабочий наш еще не привык писать, полагаясь на кого-то, кто-то за него напишет или сделает. А писать необходимо, ибо злоупотреблений накопилось более, чем достаточно. Но рабочие поговаривают выписывать газету на надежный адрес. И еще отрадное явление, что рабочие и крестьяне, хотя и трусят, но не те, что было десять, восемь лет раньше. Теперь сознание гораздо яснее, и, встречаясь, начинают говорить сразу, о чем следует. Но об этом до другого раза.

Труженик М. Тверской.

Из письма секретаря союза рабочих механического производства в Баку в редакцию газеты «Правда», 4 июля 1912 г.[2]

Дорогие товарищи.

Раньше я вас просил высылать газету на имя Александра Бутузова, а теперь послал телеграмму, в которой прошу вас приостановить высылку газеты до следующего сообщения. Дело в следующем: в ночь со 2 на 3 июля по ордеру охранки арестован Бутузов у себя на квартире и квартира опечатана, где находилось много оставшихся газет, которые только что сосчитала ревизионная комиссия и думали через несколько времени продать, как только найдется покупатель, но все это не удалось. Кроме газет, также забрана переписка и все записи, по которым

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (июнь), л. 130. Воспроизведено с оригинала письма с почтовым штемпелем на конверте — «Тверь, 19-VI-1912 г.».

[2] Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (июль), л. 52. Воспроизведено с оригинала письма по адресу: Петербург, Николаевская, 37, кв. 18, с почтовым штемпелем на конверте: «Черный город, Баку, 5-VII-1912 г.».

отпускались газеты и собирались деньги... Теперь из всех лиц, распространявших газеты, остался только один, который боится получать газеты на вокзале, поэтому я и просил остановить присылку газеты, ибо ее некому получать. Теперь перед нами стоит задача организовать все снова, и мне поручено войти в соглашение со всеми союзами и обществами, не исключая и потребительских, и организовать междусоюзную комиссию по распространению литературы. К этому я пока и приступил, а временно пока будем получать через какой-либо киоск. Когда найдем, тогда вам сообщим. На-днях, думаю, соберу несколько подписчиков и вышлю подписную плату.

Секретарь союза рабочих механического производства С. Якушев.

Письмо И. Тяпкина из Брянска в редакцию газеты «Правда», 6 сентября 1912 г.[1]

Вы спрашивали читателей, что лучше: увеличить ли газетный лист или понизить цену до 1 коп.[2]. Кто высказывался за первое, кто за второе, но никто не написал за улучшение нашей газеты. Социал-демократическая рабочая газета не должна быть такой. Эта газета не может поднять духа рабочего на том основании, что рабочий и так изнурен за целый день работой, а тут еще газета, в которой только и есть, что плач и жалобы на безработицу и нищету, на притеснения рабочих и проч. Все это производит удручающее впечатление на изнуренного рабочего и заинтересовать его надолго не может. Социал-демократическая газета, по-моему, должна не ныть, а протестовать, должна отмечать все, что знаменует наступление новых форм общественной жизни и растущее возмущение против устарелых порядков; должна следить за признаками новой эры и сопоставлять эти признаки так, чтобы рабочий почувствовал себя заодно с зачинающимся бунтом против несправедливости. По-моему, только такая газета может заинтересовать рабочих, а раз ею будут интересоваться, то она найдет поддержку среди читателей социал-демократов.

Письмо Г. Пирумова из Тифлиса в редакцию газеты «Правда», 10 сентября 1912 г.[3]

Хотя многие читатели «Правды» против понижения цены на газеты и даже высказываются, что лишняя копейка не разорит читателя, но все-таки есть много рабочих, которым дорога каждая копейка. Очень многие рабочие отказывают себе в вашей газете и покупают «Копейку».

Я уверен, что каждому сознательному читателю «Правды» желательно привлечь как можно больше малосознательных рабочих, поэтому необходимо понизить цену. Но ввиду того, что и увеличить ее тоже следует, вводя новые отделы, а по воскресеньям выпускать иллюстрированное приложение, что будет не по карману редакции, то мы все сочувствующие и желающие распространения газеты «Правда» должны оказать редакции материальную помощь. При сем прилагаю 50 коп. в фонд газеты.

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., кор. 92, № 1909. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

[2] Вопрос к читателям газеты «Правда» о том, увеличить ли газетный лист, или понизить цену на газеты до 1 копейки, был поставлен в статье М. Ольминского под заголовком: «О газете «Правда», напечатанной в № 101 «Правды» от 26 августа 1912 г. («Правда», 1912 г., вып. IV, стр. 302—307).

[3] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1572. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

Письмо из Баку в редакцию газеты «Правда», 15 сентября 1912 г.[1]

После обсуждения вопроса об уменьшении платы пришли к следующему заключению. Необходимо уменьшить плату газеты до 1 коп., оставив размер прежний, но вести последовательно в марксистском духе. Она должна отвечать ясно на все политические, экономические и общественные вопросы, выдвигаемые моментом дня. Все направление должно служить для читающих рабочих руководящим в повседневной жизни. По цене она должна быть самой доступной. Этим она приобретет самую широкую массу, вытеснит ненужную литературу и будет доступна и передовому рабочему. Нам, рабочим, помимо ежедневной газеты, нужна и еженедельная «Невская звезда», журнал «Просвещение»[2] и масса другой литературы, столичной и местной. Все это необходимо приобретать, за всем следить, нужно участвовать в организациях: политических, профессиональных и просветительных. Всем и везде необходимо платить и если все это будет дорого, то плохо отразится на бюджете рабочих. Товарищам, предлагавшим увеличить плату, советуем пожертвовать лишние копейки на рабочую литературу. Вообще долг каждого сознательного рабочего пожертвовать побольше денег для поддержки своей газеты.

Для беллетристики, научных и других необходимых для рабочего статей предлагаем выпускать раз в неделю с приложением с повышенной платой. Вообще, все нужное для рабочего нельзя вместить в ежедневной газете, для этого нужны журналы: научные, юмористические и другие.

В обсуждении участвовало 11 человек.

Письмо уполномоченных от столяров мастерской И. Ю. Дукель в Москве в редакцию газеты «Правда», 11 ноября 1912 г.[3]

В своем письме от 6 ноября я вам писал, что надеюсь на сбор в пользу «Правды» от столяров Дукельской мастерской, и вот вчера мои надежды оправдались хоть отчасти, удалось собрать 7 руб. 95 коп. Шлем эти деньги вам для нужд нашей «Правды». Вчера я прочел своим товарищам из «Правды» статьи, в которых описываются так ярко митинги за границей против войны[4]. Я указал им, что мы, русские рабочие, не можем этого сделать, потому что у нас нет организации профессиональных союзов, нет единения, мы не читаем и не распространяем наших рабочих газет. Человек восемь заявили согласие читать «Правду». Вышлите нам вашу газету в пачке в том количестве, в каком она будет заказана; таким путем я думаю, что, может быть, нам удастся избежать частой конфискации. Если это не поможет, то тогда сообщим адрес каждого. Ответьте по адресу: Москва, Бутырки, Царский проспект, дом 5, кв. 1, Н. Заема.

Уполномоченные Н. Заема, И. Мошкин.

---

[1] ДП, о. о., 1912 г., д. № 5, ч. 6, лит. Б., л. 73. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма за подписью «М. Арова».

Начальник Бакинского охранного отделения сообщил в департамент полиции 8 ноября 1912 г. за № 4372, что «с именем М. Арова по центральному адресному столу прописанным на жительство никто не значится» (Там же, л. 89).

[2] «Просвещение» — легальный большевистский журнал, издававшийся в Петербурге с декабря 1911 г. по июнь 1914 г.; всего вышло 6 номеров.

[3] Моск. охр. отд., разр. 1912 г., д. № 19, л. 67. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

[4] Повидимому, речь идет о письмах из Лондона, 18 ноября н. ст. и из Берлина, напечатанных в №№ 164 и 165 «Правды» от 9 и 10 ноября 1912 г. под заголовком «Митинги протеста» (в отделе «За рубежом») против войны, в связи с событиями на Балканах («Правда», вып. VII, стр. 100 и 113).

Резолюция чертежников и конторщиков Московского общества электрического освещения в редакцию газеты «Правда», 7 декабря 1912 г. [1]

Посланные вам от имени Иосифа Праневича [2] 10 р. 31 коп. назначаются в фонд московской газеты. Просим напечатать в вашей газете следующее письмо:

«Мы, чертежники и конторщики Московского о-ва электрического освещения 1886 г., присоединяемся к мнению группы московских рабочих, высказавшихся в газете «Правда» о необходимости создания в Москве ежедневной газеты [3].

Кроме того, считаем нужным [заявить] всем московским товарищам, имеющим дело с конторской работой, что рабочая газета важна не только для тех, кто добывает средства к жизни черными мозолистыми руками, но и для нас, ибо вид работы еще не делает нас существенно отличными от рабочих. Мы такие же рабочие: нас сравнивает степень эксплоатации и отношения к нам хозяев-капиталистов. Будем же с одинаковой энергией помогать созданию московской рабочей газеты.

Посылаем 10 руб. 31 к. в фонд «Московской рабочей газеты».

Письмо из Риги в редакцию «Правды», 22 декабря 1912 г. [4]

Высылаю три рубля в фонд газеты «Правда» и два рубля в пользу осужденных соц.-дем. депутатов II Думы [5]. Надо верить, что «Правда» и в дальнейшем будет самоотверженно служить интересам последовательной демократии, что она попрежнему будет будить уснувших и звать к борьбе всех угнетенных и оскорбленных за лучшее будущее. Пусть ей не страшны будут никакие репрессии, никакие штрафы, пусть знает, что за нее горой стоит весь рабочий класс. Мы же с своей стороны должны напрягать все свои усилия, чтобы всячески ее поддерживать как материально, так и духовно. Пусть же все не останется одними словами, дружно возьмемся за дело все те, кому дороги интересы рабочего класса. Мы должны всеми силами постараться, чтобы формат газеты «Правда» был увеличен. Для этого нужны средства, но не остановимся перед этим. Покажем же нашим врагам, что пролетариат умеет отстоять свое кровное дело, что он на свои кровные гроши

---

[1] Моск. охр. отд., № 455, л. 1. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

[2] И. Ю. Праневич — чертежник электрической станции в Москве.

[3] Письмо группы московских рабочих напечатано было в № 176 «Правды» от 24 ноября 1912 г. в разделе «Рабочая газета в Москве».

[4] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (декабрь), л. 195. Воспроизведено с копии перлюстрированного письма, с пометкой департамента полиции: «к выдаче в редакцию газ. «Правда» в Петербурге».

[5] В конце 1911 г. вскрылась провокационная роль правительства, подстроившего процесс 55 социал-демократических депутатов II Государственной думы в ноябре 1907 г. По этому поводу социал-демократическая фракция III Государственной думы внесла запрос, который оглашен был в заседании Гос. думы 15 ноября 1911 г., но большинство III Государственной думы, которое получило свои думские мандаты благодаря государственному перевороту 3 июня, не допустило открытого обсуждения этого запроса (см. «Звезда», № 30 от 20 ноября (2 декабря) 1911 г., вып. III, стр. 103—113). В связи с запросом проведена была большая политическая кампания за освобождение с.-д. депутатов II Думы. «Звезда» посвятила этой кампании ряд статей. Систематически шли денежные сборы среди рабочих в пользу осужденных депутатов-втородумцев. Об этих сборах сообщала на своих страницах газета «Правда». Так например, за декабрь 1912 г. напечатано было в № 184 от 4 декабря о сборе от рабочих Василеостровского парка и в № 204 от 30 декабря от рабочих машиностроительного завода «Феникс».

сумеет создать свой орган, который будет путеводной звездой для многих и многих миллионов людей.

С приветом Ю. Д-ой.

Письмо от издательства «Северное печатное дело» в Архангельске в контору газеты «Правда», 23 декабря 1912 г. [1]

В г. Архангельске и его провинции, на многочисленных лесопромышленных заводах до сего времени нет в продаже вашей уважаемой с.-д. газеты. Между тем спрос на таковую огромный: рабочие требуют, но у газетчика нет, и он в силу необходимости старается сбыть другую газету, дабы что-нибудь продать, таким образом приходится заменять, что не всегда удается.

Мы предлагаем вам распространять вашу газету в г. Архангельске и его уезде, а в летнее время, благодаря удобному сообщению во всей Архангельской губ., в наиболее населенных пунктах. Покорнейше, убедительно просим вас, если вы не находите препятствий, то высылайте газеты по получению сего письма со следующего номера ежедневно по 150 экземпл. или 200 экз. Расчет за высланные номера произведем через ½ месяца по получению от вас счета.

Газеты (посылку) адресовать: Северные жел. дор., Архангельск, пристань, т-ву «Северное печатное дело». Торговля газетами производится в экспедиции (оптовая), киосках и у собственных артели газетчиков.

В ожидании высылки газеты и приятного ответа пребываем

С совер. почт. Распорядитель П. В. Сергеев.

М. г. Мы не сомневаемся и уверены, что газета будет иметь успех. С нашей стороны будут приняты все меры распространения «Правды» среди рабочих как в городе, так и окрестности.

Сергеев.

Письмо рабочих доменного цеха Брянского завода из Чечелевки Екатеринославской губ. в редакцию газеты «Правда», 10 января 1913 г. [2]

Рабочие доменного цеха решили не отставать от своих близких товарищей по заводу, которые собрали и послали 21 р. 06 к. в фонд московской рабочей газеты. Мы получили милость от нашего либерального цехового начальника г. Бранда по гривеннику и решили послать эти гривенники также в фонд рабочих газет: московской — 2 р. 85 к. и в газету «Правда» — 2 р. 85 к.

Товарищи, последуйте этому симпатичному и необходимому примеру помочь гривенниками, пятачками, не стесняйтесь в том, что это маленькая лепта. Нет, товарищи, это великая лепта — из пятачков и гривенников составляются рубли. Жертвуя пятачками и гривенниками мы себе и товарищам открываем свет, ибо рабочий не может жить без рабочей газеты. Эта газета является как зеркало, которое освещает всю исключительно пролетарскую жизнь.

Получив эти гривенники в прошедшие годы, мы зашли бы в кабак и пропили бы их и пользы никакой не имели бы.

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (декабрь), л. 201. Воспроизведено с оригинала письма, написанного на бланке издательства «Северное печатное дело», с адресом его: «Архангельск, Воскресенская, 16».

[2] Моск. охр. отд., разр. 1911 г., д. № 19, л. 81. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

Корреспонденция рабочего ткацкой фабрики Ясюнинских в с. Кохме Владимирской губ. в редакцию газеты «Правда», 18 января 1913 г.[1]

С 1 января 1913 года здесь двое рабочих получают газету «Правда». С первого же дня получения газеты начались ухаживанья «старателя» табельщика за этими рабочими. «Старатель» табельщик всячески разубеждает рабочих, что эта газета вредна, да притом же ее постоянно конфискуют, а скоро и совсем закроют, а затем спрашивает, почему вы выписали «Правду» а не другую? Лучше бы «Копейку». Теперь мы знаем, что вы социал-демократы. Что ваша «Правда» даст хорошего, кроме вранья, и т. д. Мы со своей стороны скажем «радетелю буржуа», что мы, рабочие, многое можем почерпнуть из газеты «Правда» в сравнении с бульварной «Копейкой», здесь мы услышим дословно речи рабочих представителей с трибуны Государственной думы, здесь мы можем учесть рабочее движение, можем заранее знать, какие будут внесены запросы социал-демократической фракцией в Государственной думе. В «Правде» мы опишем все нахальные действия подобных «старателей» с уверенностью, что корреспондент будет в тайне. Может ли дать все это бульварная «Копейка», которая старается замаскировать глаза рабочего либеральными карикатурами, в которых мы видим одно развращение, и прочими прибаутками. Пусть знает «старатель» табельщик, что рабочие не боятся закрытия газеты «Правда», они созиждут на свои средства новую рабочую газету, для чего рабочие, не жалея трудовых грошей, шлют в фонд рабочей газеты посильную лепту. Немало старается и начальник почты, когда посылают деньги на газету «Правда», он всячески старается доказать, что она бесполезна, в ней одни забастовки, ее конфискуют и скоро закроют. Предлагаем начальнику почты исполнять свои обязанности, а рабочие знают, что им выписать, что для них полезно и что вредно.

Письмо рабочих спичечной фабрики т-ва А. и Я. Зубаревых из Котельнич, Вятской губ., в редакцию газеты «Правда», 3 февраля 1913 г.[2]

Мы, группа рабочих спичечной фабрики «т-ва А. и Я. Зубаревы», горячо приветствуем газету «Правда», как истинную выразительницу наших нужд и нашего об'единения.

Признавая, что рабочая газета может существовать только при дружной поддержке ее самих же рабочих, посылаем свою посильную помощь в фонд «Правды» — 4 р. 65 к.

Всем сотрудникам газеты шлем свой товарищеский привет и сердечное пожелание вперед бодро работать за общее дело газеты.

Группа рабочих.

Уважаемые товарищи! Одновременно с этим сделан вам перевод 4 р. 65 к. от С. С. Грехнева. С получением денег просим не отказать поместить наше приветствие.

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1913 г., д. № 1 (январь), л. 215. Воспроизведено с оригинала корреспонденции А. А. Чугунова в редакцию «Правды», Петербург, Ямская, 2, уг. Кузнечного, кв. № 14, с почтовым штемпелем на конверте: «Муром — Нерехта, 18-1-13 г.». Вторая корреспонденция его под заголовком: «Ткацкая фабрика Ясюнинских», посланная одновременно, публикуется ниже.

[2] ДП, Перлюстрация, 1913 г., № 255. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

Письмо группы матросов 2 Минной дивизии из Гельсингфорса в редакцию газеты «Правда», 22/9 февраля 1913 г.[1]

Мы, группа матросов 2 Минной дивизии, шлем всем сотрудникам газеты «Правда» свой товарищеский привет и горячо приветствуем издателя газеты товарища Бадаева.

Товарищи! Мы — тоже рабочие и крестьяне, только одеты в мундиры и вооружены винтовками для защиты интересов дворян-помещиков, вернее сказать, для защиты от врагов внутренних, в лице которых стоим мы, рабочие. Считая себя в данном случае совершенно оторванными от жизни, мы не имеем возможности следить за жизнью вообще, и рабочих в частности. Но как ни тяжела наша жизнь в железных ящиках-квартирах, как ни строг глаз начальника-дворянина, следящего за чтением вредных газет низшими чинами, но всячески попадает к нам и наша рабочая газета «Правда», одна единственная защитница пролетарских нужд.

Горячо приветствуем газету «Правду» и желаем ей впредь стойко служить делу народа. Шлем свою посильную помощь в фонд рабочей газеты. Советуем всем товарищам рабочим и военным читать и распространять газету «Правда».

Товарищи! Может ли «Правда» писать о жизни матросов и солдат? Прошу ответ в «Правде» для «А. Э.».

Группа матросов 2 Минной дивизии.

Письмо из Елизаветполя в редакцию газеты «Правда», 2 марта 1913 г.[2]

В последние годы безвременья, всеобщего упадка и уныния, в годы широкого разгула реакции и бесправия газета «Правда» явилась единственным светлым лучом, вливающим бодрость в уставших, освещающим настоящим светом все запросы жизни и призывающим к новой неустанной работе на ниве народной.

Только «Правда» является действительной выразительницей интересов рабочего класса и только она одна достойна быть истинным проводником пролетариата в его славной борьбе за лучшее будущее.

Шлем сердечный привет всем сотрудникам «Правды» и выражаем надежду, что при общей энергичной поддержке «Правда» разгорится в сильное яркое пламя.

Вместе с сим переводим по почте в фонд рабочей газеты «Правда» 11 р. 04 коп.

Письмо группы мастеровых и рабочих Кронштадтского порта в редакцию газеты «Правда», 20 марта 1913 г.[3]

Мы, группа сознательных мастеровых и рабочих, решили собрать между собой для выписки обожаемой нами рабочей газеты «Правда», которая всегда стоит на страже рабочего интереса и всего российского пролетариата. Собранные деньги высланы 17 марта в контору газеты «Правда» — 5 руб. 60 коп.— для высылки нам газеты впредь с 1 ап-

[1] ДП, Перлюстрация, 1913 г., д. № 1 (февраль), л. 122. Воспроизведено с оригинала письма на имя члена Государственной думы А. Е. Бадаева, с почтовым штемпелем на конверте: «Гельсингфорс, 22.II.1913 г.»).

[2] ДП, о. о., 1913 г., д. № 5, ч. 24, лит. Б., л. 1. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма от 25 человек, сочувствующих «Правде».

[3] ДП, Перлюстрация, 1913 г., д. № 1 (март), л. 255. Воспроизведено с оригинала письма «в контору газеты «Правда», в Петербург, Ямская ул., д. 2, угол Кузнечного переулка» с почтовым штемпелем на конверте: «Кронштадт, 20.III.13».

реля на 3 месяца, а остальные деньги для нужд безработных товарищей и фонда газ. «Правда». Нас работает около 100 чел., но в сборе участвовало 41 челов. Надеемся присоединить к следующему времени остальных, которые колеблются туда и сюда. В заключение этого просим г. редактора опровергнуть № 5 газеты от 6 января, в котором была помещена статья, что на форту остались одни только подхвостники, не имеющие никакой солидарности[1]; наоборот, есть люди даже хорошо сознательные, но так как большая часть семейные и получают маленькое жалованье, потому и не могут уделять копейки, но в настоящее время как получаем одну газету, стали читать и сознавать, что от каких-нибудь грошей не разбогатеешь, и решили стараться по возможности посылать для процветания газеты «Правда».

Кронштадт, форт «Император Петр I».

Письмо группы рабочих фабрики Дербенева в Гавриловом посаде Владимирской губ. в редакцию газеты «Правда», 24 марта 1913 г.[2]

Мы, группа мастеровых столярной и слесарной мастерской, 11 человек, идя навстречу нуждам редакции «Правда», приносим свою посильную помощь: на увеличение фонда и расширение формата шлем 1 руб. 35 к. Вместе присоединяясь к мастеровым, мы, рабочие ткацкого отделения, приветствуем нашу родную выразительницу наших нужд и надеемся, что несправедливости отношений нашей администрации будут ярко освещены на страницах названных газет... Шлем на доблестный подвиг от 9 человек сознательных рабочих 1 руб. 65 к., соединивши с мастеровыми группа предприятия в Гавриловом посаде Владимирской губ. Дербенева Василия Александровича.

Г. посад, Владимирской губ., ф-ка Дербенева, рабочих проживает около 2 000 человек обоего пола, рабочие безропотно работают сменные по 9½ часов в условиях труда, без привычки невыносимых; капитал до того сжал рабочих в свой кулак, что рабочие не в силах вырваться из гибельного режима. Рабочие не организованы, не идут ни в какие общества; некоторые поговаривают, как бы улучшить свое крайне бедственное положение. До 1907 года рабочие получали процент и 1 р. 25 коп. квартирных, но при поступлении покойного Зорина[3] управляющим фабрикой безжалостно все эти рабочие копейки отняты. И в настоящее время все гигиены очень плохо усовершенствованы, температура доходит до 28 градусов.

Муравьев.

Письмо из Перми в редакцию газеты «Правда», 11 мая 1913 г.[4]

Под бесправным гнетом капитала, изнывая физически и морально, задыхаясь невежеством в далекой провинции, мы, как утопленники, ищем надежды на спасение и в отчаянии хватаемся за каждую соломинку. И только газета «Правда» дает нам светлый луч надежды на

---

[1] В № 5 (209) газеты «Правда» от 6 января 1913 г. была помещена в отделе «По России» заметка об увольнении 17 ноября 1912 г. 82 рабочих с форта «Император Петр I» под заголовком: «Кронштадтский порт».

[2] ДП, Перлюстрация, 1913 г., д. № 1 (март), л. 348. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма, с пометкой департамента полиции: «К выдаче в контору редакции «Правда» в Петербург, 27 марта 1913 г.

[3] Так в подлиннике.

[4] ДП, о. о., 1913 г., д. № 5, ч. 56, лит. Б., л. 87. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

то, что прошел XIX век и наступает XX век, век классовой солидарности сознательного пролетариата...[1] и что единственным защитником наших прав будет снова наш класс.

Пермь, Петропавловская, дом Синакевича, № 13, бывший Барановой, П. М. Белову.

Письмо рабочих Людиновского завода, Калужской губ., в редакцию газеты «Пролетарская Правда», 21 января 1914 г.[2]

Мы, группа рабочих марксистов Людиновского завода, горячо приветствуем нашу славную и дорогую защитницу, газету «Пролетарская Правда». Мы желаем ей быть маяком, освещающим и облегчающим наш тернистый путь к лучшему будущему. Мы видим, что путь ее есть путь наш. Мы видим, что наша рабочая газета может существовать только при поддержке самих же рабочих. И вот мы, собравшись в числе 11 человек, решили ежемесячно поддерживать материально нашу защитницу «Пролетарскую Правду».

Шлем в ее фонд 1 р. 43 к. Просим товарищей следовать нашему примеру.

Перевод с деньгами послан от имени Андрея Ивановича Службина[3].

Резолюция Киевского комитета РСДРП для газеты «Пролетарская Правда», 21 января 1914 г.[4]

Рабочий класс России давно сознал и понял, каким могучим орудием классовой борьбы, могущественнейшим средством в деле сплочения и организации рабочих сил является рабочая печать, что рабочий класс, выступивший на широкую арену общественной деятельности, без печати существовать не может. Исходя из того, что, во-первых, — драконовский законопроект о печати крепостнически-буржуазного правительства, внесенный в IV Государственную думу[5], есть обычный ответ реакции на пробуждение пролетариата, что, во-вторых,— вся сущность законопроекта направлена почти исключительно против рабочей печати,

---

[1] Многоточие в подлиннике.

[2] ДП о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 54, лит. Б., л. 5. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

[3] Помета департамента полиции. Начальник Калужского губернского жандармского управления, в отношении своем в департамент полиции от 12 апреля 1914 г. за № 115, высказывает предположение, что фамилия «Службина» вымышлена, так как «А. И. Службин в с. Людинове не проживает и не проживал». (Там же, л. 9).

[4] ДП, о. о., 1914 г., д. № 307, лл. 148—149. Воспроизведено с копии резолюции в перлюстрированном департаментом полиции следующем письме из Киева на имя депутата Государственной думы Г. И. Петровского:

«Товарищ Петровский! Резолюция, посылаемая Вам, принята руководящей группой целиком, а другой группой, упоминаемой там, приняты ее тезисы, причем решено стилистически переделать и приспособить ее для напечатания в легальных рабочих газетах. Если бы можно было ее напечатать в оригинале в «Пролетарской Правде», было бы нам очень важно. Попытайтесь это сделать. Как видите, резолюция состоит из двух частей. Вторая часть принята как пожелание и решено запросить вас, то есть фракцию, каково ее мнение и как она думает повести кампанию о печати. Мы ждем Вашего ответа, чтобы знать, как нам действовать. Адрес для ответа я вам пришлю. Между прочим скажу, что здесь намечены доклады о печати на всяких собраниях. То же самое намечено и по отношению о 8-часовом рабочем дне. Всякие другие новости сообщу. С товарищеским приветом К. К.».

[5] Правительственный законопроект нового устава о печати, внесенный в Госуд. думу 27/14 октября 1913 г. министром внутренних дел Маклаковым, был направлен главным образом против рабочей печати. В связи с законопроектом и гонениями на печать предполагалось общее выступление печати, которое не состоялось. Большевиками же был организован день рабочей печати, приуроченный к двухлетней годовщине существования «Правды». Идея празднования «дня печати» нашла живой отклик среди рабочих и проходила под знаком усиления денежного фонда газеты и расширения связи с рабочими массами.

которая благодаря сознательному отношению и героической борьбе пролетариата продолжает существовать и расти, несмотря на всеобилие скорпионов, сыплющихся на нее,— мы, группа организованных рабочих, представители профессиональных и политических организаций, выражаем свой протест и негодование против всех гонений на рабочую печать и заявляем вместе с рабочим классом всей России, что будем бороться всеми мерами борьбы и отстаивать право на печать, завоеванную борьбой пролетариата в 1905 году и всех последующих годов, и говорим, что законопроект этот не должен стать законом.

Мы, группа организованных рабочих, предлагаем социал-демократической фракции внести в Думу законопроект о свободе печати. Не питая никаких иллюзий насчет третьеиюньского режима и вполне сознавая, что полная свобода печати, как и другие политические вопросы пролетариата, может быть осуществлена только при коренном изменении существующего политического режима, внесением законопроекта преследуются двоякие цели: 1) законопроект создаст платформу, которая об'единит рабочих России в борьбе против законопроекта, придаст ей яркий единообразный и выдержанный характер; 2) как всякий социал-демократический законопроект, его можно будет использовать в целях широкого политического воспитания масс, выяснив им, чего мы хотим, и что нам дают.

Письмо группы рабочих г. Болграда, Бессарабской губ. в редакцию газеты «Путь Правды», 12 февраля 1914 г.[1]

Приветствие газете «Путь Правды» от группы рабочих г. Болграда, Измаильского уезда. И до нашего глухого городка, находящегося на окраине России, доходит слово русского сознательного рабочего, доходит рабочая газета, руководительница всех рабочих России. И нас, едва лишь теперь просыпающихся от долгой спячки, учит она, кто наш враг и кто друг, учит мужеству и стойкости, которой так много проявил русский рабочий. Большое спасибо за то посылаем нашей газете и желаем ей и впредь также могущественно и стойко учить и руководить рабочим классом России. Посылаем в фонд газеты «Путь Правды» 6 руб. 60 коп.

Николай Буянов.

Письмо рабочих оренбургских железнодорожных мастерских в редакцию газеты «Путь Правды», 15 февраля 1914 г.[2]

В трудной повседневной борьбе горячо приветствуем родную нашу газету «Путь Правды». Шлем в фонд ее: от никелировщиков 3 чел.— 1 р. 19 к., слесарей вагоно-классного цеха 10 чел.— 1 р. 07 к., токарного цеха 15 чел.— 3 р. 24 к., кузнечного 3 чел.— 2 р. 50 к. Итого — 8 руб.

Товарищи, у нас хотят отнять нашу газету, наше кровное детище. Одной ногой уже наступили на горло и душат. Неужели мы, товарищи, позволим погибнуть ей! Где тогда мы услышим могучее смелое пролетарское слово? Где будем набираться бодрости и энергии? Кто укажет нам правильный путь борьбы? Кто во-время разоблачит и предостережет нас от скрытых и явных врагов? Кто огненным словом заклеймит

---

[1] ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 25, лит. В., л. 14. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма в контору газеты «Путь Правды», Загородный пр., д. 6, кв. 8. «Путь Правды» — одно из названий газеты «Правда», под которым она выходила с 22 января по 21 мая 1914 г.

[2] ДП., о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 53, лит. 1. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

предательство «друзей» пролетариата? Это сделает только рабочая строго выдержанная марксистская газета «Путь Правды». Ни одно пролетарское требование она не растеряла, не урезала и не разбавила водой. Под старым боевым знаменем она ведет настоящие батальоны сознательных пролетариев по пути к победе. Тяжелыми трудами и жертвами создали мы нашу жемчужину — газету. Поддерживать ее сборами, коллективной подпиской наша прямая обязанность. «Освобождение рабочего класса есть дело самих рабочих». Крепко запомните это, товарищи. Иного выхода нет. Только при этом условии бешеные атаки реакции будут бессильными задушить пролетарскую газету.

Резолюция группы банковских конторщиков Харькова в редакцию газеты «Путь Правды», 17 февраля 1914 г.[1]

Товарищ Матвей!

Препровождаем при сем в фонд «Путь Правды» руб. 11.46.— (одиннадцать руб. 46 к.) от группы банковских конторщиков в 45 человек, настоящим просим передать эти деньги в редакцию с таким приветствием: «Приветствуя «Путь Правды» за яркую борьбу с черными силами, держащими в руках великую страну, мы, видя в нем «Буревестника», который своим огненным словом спаяет пролетарские батальоны к новой борьбе за лучшую долю, посылаем свои трудовые гроши и верим, что никакими штрафами и конфискациями не удастся убить нашу «Путеводную звезду».

Одновременно прошу вас, товарищ Матвей, по напечатании приветствия прислать 5 номеров газеты на имя Русско-Азиатского банка, не указывая никаких фамилий.

Также настойчиво прошу исполнить то, о чем писалось вам недавно в заказном письме.

Пока привет.

Письмо астраханских рабочих конопатчиков в редакцию газеты «Путь Правды», 18 апреля 1914 г.[2]

В 2-х летний юбилей титанической борьбы за интересы рабочего класса мы, астраханские рабочие конопатчики, приветствуем защитницу наших интересов и вместе с тем протестуем против маклаковского[3] законопроекта против рабочей печати и призываем рабочих сплотиться вокруг нашей газеты «Путь Правды», создав железный фонд для борьбы с врагами рабочего класса.

[Подписи].

Посылаем посильную лепту 27 руб. 50 коп. в фонд газеты «Путь Правды».

С тов. почтением Чулков.

---

[1] ДП, о. о., 1914, № 307, л. 402. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма, на имя М. К. Муранова, члена с.-д. думской фракции.

[2] ДП, о. о., 1914 г., дело № 5, ч. 5, лит. Б., л. 23. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

[3] Маклаков Н. А., министр внутренних дел с декабря 1913 г. по июнь 1915 г.

Письмо «группы друзей» из посада Большие Соли, Костромской губ. в редакцию газеты «Путь Правды», 21 апреля 1914 г.[1]

Приветствуя защитницу интересов пролетариата, посылаем 3 руб. в фонд газеты. Пусть существует она и впредь, преодолевая невзгоды и препятствия на своем пути, развивая сознание масс и увеличивая ряды борцов за народное дело. Пусть служит она памятником всем погибшим товарищам в борьбе за народное дело. Хочется крикнуть на весь мир: Братья, победа наша. Смотрите: вот она, газета, ваши дружные усилия дали этот плод: сильное смелое слово вливает воодушевление в массы, наполняет могуществом слабые тела упавших духом Пусть горит неугасаемый огонь сознания в сердце каждого рабочего. Спасибо всем руководителям рабочего класса, помогающим ему стать на верный и безошибочный путь борьбы.

Посылая марками 44 коп., прошу вас выслать по адресу Б. Соли, Костромской губ., сельско-хозяйственный склад — 3 экз. газеты от 22 апр. и 1 экз. «Истории рабочей печати в России».

Группа друзей (4 человека).

Письмо политзаключенных работниц г. Риги в редакцию газеты «Путь Правды», 22 апреля 1914 г.[2]

Мы, группа административно осужденных и заключенных товарищей — работниц г. Риги, шлем горячий привет своей любимой газете и выразительнице наших идей «Пути Правды» в день ее юбилея. И к нам, вырванным из наших рядов, проникает живое слово и связывает нас тысячами нитей с той жизнью, которой живет весь наш пролетарский класс и вселяет в нас в минуты душевного упадка новые силы и веру в победу наших идей.

Прилагаем при сем продовольственные деньги для железного фонда — 3 рубля.

Группа (21 человек).

Резолюция рабочих петербургского завода Гейслер, апрель 1914 г.[3]

Мы, рабочие завода Гейслер, приветствуем юбилей газеты «Путь Правды» как выход первой ежедневной последовательной марксистской рабочей газеты, стоящей на строго классовой точке зрения последовательного марксизма и не изменившей старому знамени, написанному рабочим движением 1905 года.

Привет тебе, «Путь Правды», выражающей волю большинства сознательного пролетариата России, на твоем тернистом пути к намеченной цели.

---

[1] ДП, о. о., 1914 г., д. № 16, лит. Б, л. 7. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

[2] ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 40, лит. Б, л. 13. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

[3] Фонд веществен. доказат., кор. 13, № 482. Воспроизведено с оригинала резолюции, написанной карандашом, без указания даты и без подписей.

II. Ленский расстрел и под'ем рабочего движения

Письмо П. Трубнина с резолюцией рабочих трубопрокатного завода в г. Екатеринославе, принятой на митинге 12 апреля 1912 г., в редакцию газеты «Звезда» [1]

Мы, рабочие трубопрокатного завода, собравшись на митинге 12 апреля 1912 г., с негодованием выражаем свой протест по поводу гнусного и наглого расстрела рабочих Ленских приисков. Мы присоединяем свой голос ко всему протестующему российскому пролетариату и находим, что только решительная организованная борьба рабочего класса с существующим политическим режимом и капиталистической эксплоатацией может положить конец ленским бойням. В знак траура протеста мы об'являем однодневную забастовку.

Вечная память павшим товарищам, жертвам капитала и политического режима [2].

P. S. Просим с.-д. фракцию огласить нашу резолюцию в Государственной думе.

P. S. Сегодня утром забастовали все рабочие завода в знак траура. Бастует около 3 000 человек. Не обошлось без избиений со стороны деревенских стражников. Рабочие спокойно разошлись по домам, унося с собой глубокую думу по расстрелянным товарищам.

П. Трубнин.

Письмо рабочих г. Гельсингфорса в редакцию газеты «Звезда», 13 апреля 1912 г. [3]

Глубоко возмущенные кровавой расправой над товарищами — рабочими Ленских приисков, мы, группа русских рабочих г. Гельсингфорса, считая применение военной силы при стачках рабочих недопустимой и варварской, поручаем социал-демократической фракции Государственной думы внести немедленно спешный запрос и требовать государственного обеспечения семей безвинно погибших и наказания героев кровавой расправы [4].

[Подписи].

Резолюция рабочих с. Армавира в газету «Звезда», 17 апреля 1912 г. [5]

Товарищ редактор!

Прошу напечатать в газ. «Звезда» нижеследующее:

Глубоко взволнованные кровавой ленской трагедией рабочие различных предприятий в сел. Армавире, собравшись в количестве 40 человек, постановили следующее:

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (апрель), л. 236. Воспроизведено с фотокопии письма.

[2] В № 31 «Звезды» от 17/30 апреля 1912 г. есть только телеграфное сообщение о постановлении этого митинга («Звезда», вып. VI, стр. 223).

[3] ДП, Перлюстрация, 1912 г., вход. № 765. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма, с указанием на отправителя его: «А. П. Кувалкин, Гельсингфорс, Мариинская ул., 18».

[4] В № 30 «Звезды» от 15/28 апреля 1912 г. есть указание на получение данной резолюции среди других перечисленных резолюций протеста («Звезда», вып. VI, стр. 188).

[5] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (апрель), л. 319. Воспроизведено с оригинала письма с почтовым штемпелем на конверте: «Ростов — Владикавказ, 19 апреля 1912 г.».

«Выразить горячий протест против такого беззакония и азиатской жестокости, как дикое побоище безоружных рабочих, жертвой чего стало 270 невинно убитых и 250 искалеченных товарищей!

До глубины души потрясенные столь обильно политою святой кровью наших дорогих товарищей за улучшение тяжелых жизненных условий и облегчение адского труда и на произвол судьбы оставленных семей погибших,— выражаем чувство глубокого негодования тому ненавистному строю, который порождает подобные зверства, так часто вносящие кровавые страницы в мрачную историю русского рабочего движения.

Пусть этот тяжелый кошмар русской действительности, пусть это ужасающее событие на тернистом пути русского борющегося пролетариата, раны коего так щедро излечиваются свинцовым пластырем сатрапами самодержавия, послужат наглядным примером и лучшим уроком к об'единению рабочего класса для дружной и организованной борьбы, чтобы сокрушить и смести те устои, кои тяжелым бременем ложатся на весь обездоленный трудящийся класс».

По поручению от собрания председатель собрания

Михаил Андриасани.

Письмо-корреспонденция из Харькова в редакцию газеты «Звезда», 17 апреля 1912 г.[1]

Сообщаем подробности харьковской забастовки — протеста против Ленского расстрела. В понедельник 9 [апреля] весь день рабочие паровозостроительного и других заводов были сильно взволнованы Ленскими событиями. Всюду толковали, что делать, как протестовать. Глубокое возмущение и злоба кипели, но в большинстве не дошло до дела; рабочие здесь мало организованы. Во вторник 10 апреля на паровозном возбуждение продолжалось; наконец, один цех за другим бросили работу и собрались в сборном цехе. В некоторых цехах прочитана была резолюция, посланная потом в «Звезду» и в с.-д. фракцию (текст есть у вас, значит), с протестом против расстрелов, как системы вмешательства правительства в борьбу рабочих с капиталом и против суда над с.-д. фракцией II думы, с призывом об'единяться, бороться и т. д.[2]. Все сошлись в сборном цехе и после краткой речи была прочитана и принята та же резолюция и об'явлена однодневная забастовка. Потом все вышли во двор, администрация открыла ворота и все, как один человек, ушли. Между прочим полицеймейстер упрекал директора завода, зачем тот разрешил открыть ворота до его приезда. Уже не хотел ли он расправиться по-ленски?!

Полиция и казаки появились с опозданием. Интересно отметить

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (апрель), л. 258. Воспроизведено с оригинала письма с почтовым штемпелем: «Харьков, 17 апреля 1912 г.».

[2] В № 30 «Звезды» от 28/15 апреля 1912 г. напечатана следующая резолюция, составленная самими рабочими и принятая на собрании в сборном цехе 10 апреля: «1) Мы, рабочие харьковского паровозо-строительного завода, протестуем против зверства, учиненного над нашими братьями—рабочими ленских приисков. 2) Принимая во внимание неоднократную расправу с рабочими зверскими приемами при защите своего хозяйничанья в стране, при защите капиталистов от натиска рабочих, мы предлагаем депутатам с.-д. фракции в Государственной думе неустанно призывать российский пролетариат к об'единению. 3) Мы требуем пересмотра дела депутатов-втородумцев. 4) Как выражение нашего протеста, мы об'являем однодневную забастовку» («Звезда», вып. VI, стр. 187).

поведение директора завода. Увидя, что рабочие бросили работу и стоят толпой, он стал грубо кричать на «ты»: «Я приказываю идти на места», и т. п., толкать ближе стоящих и грозить им первым расчетом, ругать рабочих бараньем и т. д. Но вскоре он получил должный отпор, где ему указали, что эта брань больше подходит к нему. Попытки узнать имена ближе стоящих, дававших отпор и пытавшихся говорить, крики «я приказываю» и т. д. не увенчались успехом. Рабочие то смеялись, то требовали не мешать говорящим. Некоторые отвечали, что его угрозы и приказания подействуют на них не больше, чем на столбы, кто-то указал жестом на обнаженную грудь, как бы говоря: «Стреляйте, и то я не уйду».

На другой день несколько человек были рассчитаны (за дерзость и т. д.), причем директор говорил с ними с браунингом в руках (вообще он никогда не вынимает руки из кармана, как видно, там спрятан браунинг). Напрасно, г. директор, рабочие достаточно выросли, чтобы бороться с капиталом путем срезывания веточек, они понимают, что надо бороться с корнем, путем организации.

В следующие дни к полицеймейстеру были вызваны человек 30—40 рабочих, на основании чего выбранные неизвестно, так как там были...[1] и известные черносотенцы. Им было об'явлено губернаторское «прощение» на этот раз,— хоть «вины»-то и не было,— а если впредь на заводе что-нибудь случится, то вы, мол, первые получите по 3 месяца тюрьмы и высылку. Бастовал также завод Пильстрема (Конторская ул.), оттуда рабочие тоже вызывались к полицеймейстеру и некоторых спрашивали, кто начал? Но рабочие на это не пошли, подтвердив факт, что как-то все начали. Бастовали еще и др. более мелкие мастерские (Закржевского, например) и предприятия, но местная пресса, боясь штрафов, не пишет даже о совершившихся фактах. Вокруг завода Гельферих-Саде — казаки и солдаты для «предупреждения забастовки», ибо и там настроение неспокойно, только после долгого застоя и разобщения трудно начинать. Все говорят: «Мы готовы, но пусть кто-нибудь начнет, позовет». Чувствуется остро потребность в организации.

Старый работник.

Из корреспонденции из Риги в редакцию газеты «Звезда», 19 апреля 1912 г.[2]

Часть демонстрантов (около 1 000), рассеянных на Ревельской ул., собралась опять на Романовской ул. и продолжала демонстрацию, но опять была рассеяна и многие арестованы. В третий раз демонстранты собрались на Суворовской ул. и беспрепятственно шествовали с пением революционных песен около 15 минут, после чего разошлись.

По всему городу в ночь были распространены в большом числе первомайские и по поводу Ленского расстрела воззвания на латышском, русском и литовском языках, подписанные Центральным комитетом с.-д. латышского края.

---

[1] В оригинале сокращенно написано два слова, буквы которых нечетки.

[2] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (апрель), л. 276. Воспроизведено с оригинала письма. Согласно сообщения начальника Лифляндского губернского жандармского управления по Прибалтийскому району заведующему особым отделом департамента полиции от 2 мая 1912 г., за № 995, «выяснить автора данного документа не удалось» (ДП, о. о., 1912 г., д. № 23, ч. 40, л. 14).

В ночь с 17 на 18 апреля были выкинуты на деревьях в окрестностях и в центре города в царском лесу красные флаги, общим числом около 10 [1].

Kencis.

Из письма рабочего из Харькова в газету «Звезда», 22 апреля 1912 г.[2]

Когда в газетах появились сообщения о кровавой расправе над рабочими Ленских приисков, мы, паровозники, не могли не содрогнуться перед этой действительно зверской драмой.

Если показать свежие холмы над убитыми, то и самый от'явленный негодяй, самый подлый из подлецов — и тот потупит свой глаз перед ними. Какой урод в человеческом образе может обвинить убитых? Найдется ли гнусный негодяй, который скажет, что они виноваты? Разве за то, что человек требует от человека гуманного отношения — разве за это его должно убивать? А Ленские рабочие разве не требовали «вежливого обращения?»... Разве их требование «расчет наличными вместо талонов» не есть повторение того, что написано в 155 статье устава о промышленности? Эта статья под угрозой денежного штрафа запрещает заведующим расплачиваться с рабочими — «вместо денег условными знаками, хлебом, товаром и иными предметами». А Ленское товарищество кровопускателей или золотоискателей — расплачивалось талонами своего изделия. И убитые требовали уничтожения такого расчета, но... «удовлетворили» их пулями. Рабочие виноваты, они требовали того, что повелено законом.

И мы, паровозники, 10 апреля бросили работать: в то время, когда по прихоти эксплоататоров проливается кровь наших братьев-рабочих, мы должны заявить, что кровь невинных — наша кровь.

Когда мы стали собираться в общую группу, пришел директор завода со своим помощником.

— «Расходись по местам!» — заорал он.

Рабочие ни с места.

— «Я приказываю: начинай работать!»

Никто ни шагу.

— «Вы делаете мне убыток. Я приказываю: начинай работать».

Он стоял в гуще людей числом в 200—300 человек. И «приказывал». Он и его помощник были меж нами, как два воробья в стае орлов. Они два были не в своем лагере. Но он «приказывал». Как будто он для того и родился, чтобы «приказывать».

Оратор начал говорить: «Он» и ему «приказывает» замолчать. Тот снисходительно улыбнулся, посмотрев на него, и спокойно сказал:

— «Товарищи, директор мешает мне говорить».

— «Не перебивайте оратора!» — как море простонала толпа. Директор с'ежился, оглянулся кругом и противно осклабился. Такое выражение бывает на лицах у «них», сильных, когда они видят свое ничтожество.

Оратор продолжал говорить. А «он», который минуту назад «приказывал», стоял против него и тупо глядел ему в лицо. Была принята

---

[1] В № 33 «Звезды» от 5 мая (22 апреля) 1912 г. помещена другая корреспонденция «1 мая в Риге» за той же подписью: «Kencis» («Звезда», вып. VI, стр. 287).

[2] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (апрель), л. 328. Воспроизведено с оригинала письма, адресованного в редакцию газеты «Звезда» со след. запиской, написанной другой рукой: «Посылаю вам хорошее, но очень длинное письмо одного рабочего. Может быть, вы используете его для «Рабочей газеты», сократив как-нибудь, или хоть заимствовав факты, переделав. Посылаю без переделки.— Е. П.». На конверте почтовый штемпель: «Харьков, 22. IV. 1912 г.».

резолюция протеста против бойни на Лене, и рабочие направились к выходу. Решили один день не работать. Не обратили внимания на «приказание» и ушли по домам. Тихо стало в мастерской. Жизнь остановилась в ней. И грозный «повелитель» — директор стоял меж замершими станками беспомощным, жалким. Те, которым он «приказывал» ушли, как великаны, как богатыри, они оставили его, маленького, беспомощного. Они оставили его как что-то им ненужное. Ушли они, и «он» стал повелителем без повелеваемых. Машины ему не повинуются, станки тоже. А стоило бы вернуться нам, и снова колеса закружились бы, снова заскрипели бы станки, снова жизнь проснулась бы в заводе. И «он» начал бы «приказывать» нам, и он стал бы нашим грозным могучим повелителем. Но мы ушли по домам. Мы решили прекратить создание богатства и ушли по домам.

Мы повелители, мы можем приказывать, мы могучи действительно, а не «он», не «он» один. Если мы не хотим повелевать машинами, станками, то «он», жалкий повелитель, умрет от голода. Он не может создать для себя ничего, что дает жизнь человеку. Станки и машины поржавеют, сам он зачахнет от голода. Но мы можем снова вычистить станки, снова пустить их в ход и снова начать творить богатства. Без «него». И некому будет «приказывать» нам. Мы сами знаем, что для того, чтобы жить, нужно трудиться. И это относится не только к нам, но ко всем рабочим всего мира. Если бы рабочие всех стран сплотились в одну дружную семью, то все, кто теперь является для них повелителями, все стали бы ничтожны, не нужны. Тогда рабочие были бы сами над собой повелители. Жили бы сами для себя, а не для тех, что приказывают; работали бы на самих себя, а не на тех, кто только «приказывает», но ничего не делает. Для этого нужно организоваться. Рабочие каждого завода должны сплотиться с рабочими других заводов, каждый город должен сплотиться с рабочими других городов, а рабочие всех стран должны сплотиться в одну общую согласную армию. Тогда они могут на несколько дней сложить руки, оставить работу, и повелители падут у их ног.

Пока «они» падут у ног рабочих, а теперь еще мы чувствуем на каждом шагу «их» гнет. За стачку мы все оштрафованы на ½ дневный заработок. Два человека рассчитано без предупреждения. «За дурное поведение» их рассчитали. А это «дурное поведение» выразилось в том, что их двух администрация обвинила больше остальных за стачку. Итак, рабочие паровозного завода — да вообще это должен помнить каждый рабочий — не должны забывать, что протестовать против убийства их братьев-рабочих есть «дурное поведение». Если бы паровозники кричали ура, когда пришли известия о расстреле рабочих на Лене, то их не оштрафовали бы и не были бы рассчитаны с завода два товарища, и, наконец, никого бы не вызывали к полицеймейстеру для дачи подписи, что в будущем не будет принимать участия в забастовках.

Г. директор! В чем выражается «хорошее» поведение? Об'ясните рабочим завода, дабы они точнее имели понятие о нем; а то, ведь, возможно, что где-нибудь опять расстреляют забастовщиков, а рабочие вашего завода снова будут протестовать.

Лицемеры вы, господа угнетатели. Вы боитесь говорить истину, зная, что она погубит вас. Вот вы, г. директор паровозного завода: почему вы перед тем, как наложить штраф на всех рабочих завода, не заявили им, что пока рабочие не организованы, до тех пор вы будете их штрафовать, рассчитывать даже и за такие вещи, как проявление ими человечности. Ну, скажите, «благородный» господин директор: ведь вы прекрасно понимаете, что Ленские рабочие расстреляны в угоду золото-

промышленной банде угнетателей, ведь вам известно, что человеческие чувства и разум возмущаются перед этим зверством... Впрочем, куда вам понять это последнее: если бы вы были действительно суб'ект благородный, гуманный, то вы не оштрафовали бы рабочих завода за протест, вы не назвали бы «дурным» поведением их голос возмущения против зверства. Штрафом вы их не запугаете, а сплотиться поможете. Вы нападаете, а они обязаны защищаться.

Товарищи рабочие-паровозники! Вспомните свое положение в 1905—1906 гг., вспомните тогдашние расценки, вспомните тогдашнее обращение администрации с вами и подумайте: тогда вы вели себя так, как теперь? А ведь положение-то ваше тогда было в несколько раз лучше, чем теперь, а ведь теперь, собственно говоря, поведение ваше «хорошее» из хороших. Чтобы с вами не сделали, вы молчите; отнимут у вас расценок, вы молча гнете спины за ничтожные гроши. А в те годы ваш заработок был, можно сказать, сносен, но это потому, что там вы вели себя дурно, т. е. вы добились своей комиссии, вы могли давать отпор всякому посягательству со стороны администрации на ваши интересы, вы в те годы были об'единены, организованы, готовые каждую минуту встать на защиту друг друга. Теперь же ничего подобного нет меж вами: вы теперь разбиты, раз'единены, не солидарны.

Вы вспомните недавнюю стачку английских углекопов, вспомните, как дружно велась она и за что.

Ведь прямо удивительно: они требовали установления минимума заработной платы, т. е. требовали установления законом такого размера поденной платы, ниже которого не имеет права ни один хозяин давать рабочему и ниже которого не должен брать ни один рабочий. А разве это требование нужно только английским рабочим? Разве рабочие французы, немцы, американцы, мы, русские, и пр., разве не хотят, чтобы получать за свой труд достаточную плату? Об'единяйтесь, товарищи, нужно об'единяться, об'единяться. Только об'единение наше может вывести нас из жизни, полной постоянной нужды, голода, мрака. Мы являемся творцами всех благ на земле, мы создаем своим трудом богатства в жизни человечества и разве мы за это должны вечно страдать? Нет! Нет! Нет! Мы имеем право жить полной радости и света жизнью, мы имеем право на счастье, но чтобы добиться этого права, мы должны об'единиться, мы должны последовать примеру английских углекопов, имеющих свой огромнейший союз. Довольно же, товарищи, ходить с опущенными руками, пора взяться за дело об'единения. Нам только будут приказывать работать, только будут понижать расценки, штрафовать, а лучшей жизни никто нам не даст никогда. Только мы сами можем ее добиться, только мы сами можем завоевать ее на земле, которую всю захватили в свои руки те, которые вечно ничего не делают. Кто хочет жить, тот пусть трудится, но жить на шее у другого — никто не должен. Человек живет трудом безгласной скотины, но часть людей живет нашим трудом, нашу кровь и пот присваивает. У нас, братья рабочие, есть разум, у нас есть слова. Разум говорит нам, что мы живем рабами у капитала, что мы даем жизнь лентяям, угнетающим вечно нас. Так говорите же друг другу, что этого не должно быть, что никто не должен присваивать себе чужого труда.

Только там нет бедности, голода и страданий, где люди живут братьями, где нет господ и рабов. Только там счастье рабочих, где признано их право жить полной человеческой жизнью.

Да здравствует единение рабочих всего мира!

Дедушка Олег.

Резолюция рабочих Донецко-Юрьевских металлургических заводов, Екатеринославской губ. для газеты «Звезда», 24 апреля 1912 г.[1]

Члену Государственной думы Г. С. Кузнецову.

При сем прилагаю на имя социал-демократической фракции протест рабочих завода, за подписью 116 человек, который просим огласить с думской трибуны и передать для напечатания в «Звезде» или в «Правде». Такое небольшое число подписей об'ясняется тем, что невозможно было распространить протест в широких массах вследствие полицейских репрессий. Недавно я получил письмо с Дмитровского поселка об избирательной кампании, полагаю, что письмо послано вами, которое нами принято к сведению, а также сообщим содержание письма в ближайшие рудники... Пишите, что у вас нового, когда вас попросят уйти из Таврического дворца.

«Мы, рабочие Донецко-Юрьевских металлургических заводов, глубоко возмущены кровавым событием на берегах далекой Лены, наше сердце дрогнуло при первом известии о кровавой расправе баронов Гинсбургов и Тимирязевых[2] над мирно боровшимися стачечниками за улучшение своего бесправного и тяжелого существования.

Эта кровавая расправа эксплоататоров-капиталистов над беспомощным пролетариатом, как нельзя лучше показала, что жизнь рабочего не может продолжаться, находясь под игом всевозможных несправедливостей и жестоких репрессий; не может подчиняться больше существующему варварскому строю России. Нет, дальше нельзя продолжать путь, усеянный такими грозными препятствиями, как событие на Ленских приисках.

Поэтому мы, сознательные рабочие Юрьевского завода, присоединяемся к протесту всех товарищей против существующего политического строя, поддерживаемого прихвостнями большинства III Государственной думы, созданной законом 3 июня, и требуем полной свободы: коалиции, стачек, союзов, собрания; кроме того требуем жестоко наказать виновных в гибели наших товарищей, заброшенных в тундры далекой Сибири.

Требуем полного обеспечения осиротелых семей, не вознаграждения, как думает компания Гинсбургов и Тимирязевых, а обеспечения, так как, лишившись своего кормильца, семья лишается и [возможности] дальнейшего существования.

Павшие же товарищи в «борьбе роковой» пусть послужат почвой для дальнейшей борьбы за социалистический строй.

Мир же вашему праху, дорогие и честные товарищи».

[Подписи].

Из письма горнорабочих Успенского рудника Рутченковских каменноугольных копей для газеты «Звезда», 24 апреля 1912 г.[3]

Мы, горнорабочие Успенского рудника Рутченковских каменно-угольных копей, выражаем протест против расстрела наших товарищей на

---

[1] ДП, о. о., 1912 г., д. № 307, л. 195. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма за подписью «Юрьевский гражданин», адресованного меньшевику Г. С. Кузнецову.

[2] Гинсбург, барон,— директор-распорядитель Ленского товарищества; В. И. Тимирязев — бывший министр промышленности и торговли, председатель правления акционеров Ленского товарищества.

[3] ДП, Перлюстрация, 1912 г., 889. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма, посланного из Юзовки, Екатеринославской губ. на имя члена Госуд. думы меньшевика Г. С. Кузнецова.

Лене, требуем наказания виновных. Жертвуем свою лепту осиротелым семействам в сумме 11 рублей. Посылаем эти 11 р. — единственным защитникам — социал-демократической фракции Государственной думы... и просим направить эти деньги пострадавшим и напечатать в газете «Звезда» о получении и отправлении на место назначения в хронике рабочего движения.

Письмо рабочих машиностроительного завода в Юзовке в газету «Звезда», 24 апреля, 1912 г.[1]

Просим редакцию уважаемой нами газеты «Звезда» поместить в рабочем движении следующее:

Юзовка, Екатеринославской губ. Машиностроительный завод Э. А. Боссе.

16 апреля мы, рабочие завода Боссе, протестовали против расстрела Ленских товарищей однодневной забастовкой.

На другой день приступили к работе и организовали сбор в пользу сирот и вдов, в сборе принимали участие все цехи, за исключением черносотенного цеха котельного, рабочие которого Витченко, Миньков и Дятлов, как лучшие прихлебатели администрации этого цеха, — тормозили вообще сбор[2]. Мы, рабочие механического и литейного и модельного цеха, клеймим позором этих рабочих, презираем всей глубиной своей души и приглашаем остальных котельщиков вступить в профессиональный союз не взирая на прихлебателей.

Рабочие.

Резолюция рабочих армавирских типографий в газету «Звезда», 25 апреля 1912 г.[3]

Снова пролита кровь рабочих. В глухой сибирской тайге на Ленских приисках власти расстреляли безоружных рабочих за то, что они добивались улучшений в своей каторжной жизни, за то, что они требовали соблюдения законов. И мы знаем, что это случилось не по ошибке, не случайно. Сам министр внутренних дел заявил в Государственной думе громогласно: «Так и надо было поступить с рабочими, так и впредь будут поступать».

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (апрель), л. 357. Воспроизведено с оригинала письма с почтовым штемпелем «Юзовка, Екатеринославской губ., 25.IV.1912 г.».

[2] Рабочими завода Боссе были собраны 44 р. 50 к., женами их — 4 р. 15 коп., о чем свидетельствует письмо из Юзовки от 25 апреля 1912 г., сохранившееся в копии в делах департамента полиции. ДП, о. о., 1912 г., д. № 342, т. I, л. 136.

«Машиностроительный завод Э. А. Боссе.

Мы, жены мастеровых и рабочих завода Боссе, возмущены кровавой расправой над Ленскими рабочими, протестуем против этих нечеловеческих расправ и требуем наказания виновных.

Жертвуем свою небольшую лепту 4 р. 15 к. в пользу сирот и вдов и просим членов Государственной думы социал-демократической фракции, как защитников трудящихся, направить эти деньги ленским вдовам и сообщить печатно через газету «Звезду» о получении от нас денег».

[3] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (апрель), л. 369. Воспроизведено с оригинала письма, напечатанного на машинке с штемпелем на конверте: «Армавир, Кубанской области, 25.IV.1912 г.».

Мы, рабочие армавирских типографий, протестуем против зверского расстрела наших товарищей. И в ответ на эти бесстыдные слова министра об'являем: «Против гнета и насилий правительства мы будем бороться всеми доступными для нас способами».

[Подписи].

Письмо бакинских рабочих в газету «Звезда», 28 апреля 1912 г.[1]

Батум.

Мы, рабочие завода «Нобель» и других, числом более 200, протестуем против зверства, учиненного над нашими братьями-рабочими и требуем немедленного привлечения к ответственности «героев» этого события и полного обеспечения семей невинно павших рабочих. Просим занести в социал-демократическую фракцию.

Вечная память безвооруженно погибшим, жертвам алчного капитала.

Группа рабочих.

Корреспонденция рабочего из Переяслава, Полтавской губ. в редакцию газеты «Правда», 11 июля 1912 г.[2]

Наши портные.

Рабочие от штучно мастерских Цыбульского и Рохлина на устроенном ими собрании обсудили свое положение и пришли к тому выводу, что для улучшения занимаемого ими положения они должны бы пред'явить ряд экономических требований, как в улучшении заработной платы, так и улучшения в гигиеническом отношении.

Рабочие Цыбульского работают в кухне, которая представляет собой комнату длиной аршин в 7, а шириной в 5 арш.; почти половинную часть кухни занимает печь, а в остальной части должны работать 8 человек, где от пота, жары воздух становится нечистым, спертым, вредно отзывающимся на здоровьи рабочих. Но особенно бывает жарко по пятницам и перед праздниками, когда топят по два раза в сутки; хотя рабочие пользуются постоянно бесплатной баней, но эта баня дает о себе знать, особенно в последнем случае, чувствуя, что когда они пред'явят, кроме экономических, еще и другие требования, то они не в силах будут выдержать забастовку и ограничились тем, что пред'явили только о прибавлении на расценочную плату 16%. Хозяева их сейчас после пред'явления выразили свое согласие, но ссылались на то, что им предварительно нужно между собой поговорить. Хотя они живут в мирных отношениях, но один к другому не пожелал итти на дом, а выжидали удобного момента для встречи, чтобы поговорить меж собой. Но ожидать момента им понадобилось 4 дня. После разговора они, как видно, решили не торопиться, «авось», рабочие не в силах будут выдержать и придут сами на работу, но, как видно, они изменили своей тактике, ибо, на пятый день послали за рабочими и сказали, что согласны удовлетворить их требования. Рабочие Рохлина приступили к

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (май), л. 28. Воспроизведено с оригинала письма с почтовым штемпелем на конверте: «Батум, 28.IV.1912 г.».

[2] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (июль), л. 81. Воспроизведено с оригинала письма-корреспонденции с почтовым штемпелем на конверте: «Переяслав, Полтавской губ., 11.VII.1912 г.».

работе, а рабочие Цыбульского не пожелали, ибо он пред'явил, что не желает одного рабочего. Последние были не согласны с этим и попросили расчет; расчет им дали. На шестой день их всех позвали, и они приступили к работе.

Рабочий.

Корреспонденция из Либавы в редакцию газеты «Правда», 19 июля 1912 г.[1]

Рабочее движение в Либаве.

Волна забастовки, поднявшаяся по всей России, не миновала и г. Либавы. Рабочее движение за последние два месяца было такое сильное, что Либава такого движения не видела с 1905 г. В средине мая забастовали рабочие анилиновой фабрики в числе 150 человек. Поводом забастовки послужило давно практикующееся в Либаве увольнение старших рабочих и принятие на их место новых с целью убавки жалованья. Было отпущено 3 рабочих. Рабочие потребовали их принятия и чтобы вновь принятым платили столько же, сколько и старым. Рабочие не были приняты; состоялись переговоры с администрацией, которая обещала вперед никого не увольнять и вновь принятым платить такое же жалованье, как и старым. Забастовка продолжалась полтора дня.

28 мая забастовали плотники и рабочие по постройке деревянных работ, потребовав: 1) восьмичасовой рабочий день, 2) плотникам — 2 р., рабочим — 1 р. 50 к. в день, 3) вежливое обращение со стороны мастеров, 4) при несчастных случаях лекарство и врач. помощь бесплатно и полдневное жалованье, 5) в случае болезни лекарство и врачебная помощь бесплатно, 6) за пробастованные дни полное жалованье, 7) по случаю забастовки никого не увольнять, 8) особое помещение для обеденного отдыха, 9) жалованье платить на месте работы и во время работы без всякой задержки. Добившись улучшения своего положения, рабочие на другой неделе принялись за работу, а у некоторых мастеров, как например, у Бике, рабочие, не-добившись удовлетворения своих требований, бастовали три недели.

29 мая забастовали кирпичники и вспомогательные рабочие, потребовав для кирпичника — 35 к., а для рабочего — 25 к. в час; остальные требования такие же, как у плотников. После полутора-недельной забастовки некоторые мастера начали добавлять жалованье: кирпичникам было добавлено 2 и 5 коп. в час, а рабочим от 10 до 30 коп. в день. Мастер же Риге отказался рабочим уступить, и рабочие бастовали 5 недель. Фирма Риге тогда послала своих агентов в центральную Россию для найма рабочих сил.

30 мая забастовали столяры Кличмана и Демме, а в начале июня присоединились к ним и другие мастерские столяров. Требование увеличить заработную плату удовлетворено.

14 июня забастовали портовые рабочие, занятые выгрузкой соли и искусственного навоза, потребовав вместо 2 р. 50 к. — 3 р. в день. Требование удовлетворено. Надо заметить, что либавские портовые рабочие пользуются 8-часовым рабочим днем, который они отстояли во все годы реакции.

14 июня забастовали рабочие, занятые на лесных складах, потребовав вместо 1 р. 50 к. — 2 р. в день. После 4-х до 15-дневной забастовки — требование было удовлетворено.

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (июль), л. 157. Воспроизведено с оригинала письма с почтовым штемпелем на конверте: «Либава, 19.VII.1912 г.».

18 июня забастовали рабочие фабрики Плутон, потребовав: 1) принятия уволенных рабочих, 2) 8-часового рабочего дня, 3) повышения заработной платы: рабочим 1 р. 50 к., кузнецам 2 р., а ученикам прибавить по 20 к. в день, 4) помещения для обеденного отдыха, 5) введения во всех помещениях вентиляции, 6) приличного обращения со стороны мастеров и некоторых более мелких требований по отношению аккордных работ. Когда временный директор (главный директор сидит в тюрьме за искалечение рабочего) отказался исполнить вышеназванные требования, рабочие, в числе 300 человек, бросили работу, пробастовав три недели. Забастовка окончилась неудачно для рабочих. Неудача об'ясняется тем, что не был подыскан удобный момент, потому что неделю спустя после забастовки у фабрики был годовой учет, по которому фабрика обыкновенно закрывается на 2 недели.

20 июня забастовали рабочие, занятые при выгрузке сельдей, потребовав 3 р. в день. После нескольких часов забастовки требование удовлетворено. Бастовали всего в Либаве в течение двух месяцев приблизительно около 2 100 человек, что составляет для общего числа рабочих 25—30%.

Маруся.

Письма агентов фирмы швейных машин компании «Зингер» в Тифлисе в редакцию газеты «Правда», 10 августа 1912.[1]

Многоуважаемый товарищ редактор!

Присылая от 10 августа 1912 года 21 руб. 20 коп., просим распределить следующим образом: 20 руб. просим передать бастующим товарищам фирмы К-о Зингер[2], а на оставшиеся 1 руб. 20 коп. выслать вашу уважаемую газету на следующие адреса: 1) Леону Сукиасову, Тифлис, Боронская ул., № 16, кв. 11; 2) Сергею Тавдшвили, г. Тифлис, Вокзальная ул., № 10, аптека Шихинова; 3) Тифлис, Авлабар, К-о Зингер, Кахетинская ул., г-ну Ананову. Газету просим выслать с 1 августа, а в следующие месяцы деньги будут переведены аккуратно.

С товарищеским приветом агенты К-о Зингер.

Деньги высланы сегодня же в 10 час. утра.

М. г. редактор!

Просим поместить нижеследующее:

Испытывая всю тяжесть неимоверной эксплоатации фирмы «Зингер», мы, агенты компании «Зингер» г. Тифлиса, шлем товарищеский привет товарищам петербуржцам; не имея возможности [ ][3], ввиду исключительных условий, царящих в нашем крае, агенты г. Тифлиса, постановили систематически поддержать по силе возможности.

Агенты К-о Зингер г. Тифлиса.

Просим эту заметку огласить, если только будет возможно.

Агенты К-о Зингер.

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (августа), л. 123. Воспроизведено с оригинала письма с почтовым штемпелем на конверте: «Тифлис, 10.VII.1912 г.».

[2] О забастовке служащих фирмы «Зингер и К°», начавшейся 16 июля, сообщалось в № 67 «Правды» от 17 июля 1912 г. («Правда», вып. III, стр. 193). О тяжелых условиях труда служащих фирмы швейных машин «Зингер и К°» и их требованиях имеются корреспонденции в «Правде» №№ 34, 57, 71 и 77 от 8 июня, 5, 21 и 28 июля 1912 г. («Правда», вып. II, стр. 102 и вып. III, стр. 55, 248 и 334). О продолжении забастовки см. корреспонденции в № 69, 72 и 75 «Правды» от 19, 22 и 26 июля 1912 г. («Правда», вып. III, стр. 220, 262, 305).

[3] Повидимому, пропущены слова: «об'явить забастовку».

Протест

Мы, агенты К-о Зингер г. Тифлиса, из'являем свое глубокое возмущение и протеста против тех либеральных газет («Речь», «Современное слово»), которые поместили об'явление в своих газетах и тем пришли на помощь вербованию штрейкбрехеров. На гроши продали народные интересы. Нам, рабочим, нужно хорошо запомнить, как господа либералы ценят народные и тем более рабочие интересы.

Агенты К-о Зингер.

Корреспонденция о стачечном движении в Финляндии в редакцию газеты «Правда», 18 августа 1912 г.[1]

Стачечное движение в Финляндии и в частности в Гельсингфорсе все разрастается. Самое крупное из них на бумажных фабриках общества «Кюми» (около 3 000 человек) продолжается уже второй месяц. На состоявшемся на-днях общем собрании стачечников не нашлось ни одного голоса за прекращение стачки. В Гельсингфорсе стачка строительных рабочих около 6 000 чел. и ломовых извозчиков протекает удивительно единодушно; продолжается тоже второй месяц. Также протекают стачки пекарей в Вааге, жестяников и медников в Таммерфорсе, каменщиков в некоторых каменоломнях и пр. и пр.

Теперь в субботу, 17 августа н. ст. в Гельсингфорсе об'явили стачку все рабочие электро-механических предприятий, пред'явив ряд требований, из которых важнейшие: 9-часовой рабочий день (теперь 10-часовой), минимальная заработная плата должна быть 45 пенни (17 коп.) в час за первый год работы, за второй год — 50 к., за третий год — 60 к., за четвертый — 70 к. и за пятый — 75 к.; за сверхурочные часы 50%, а за праздничные и ночные работы 100% (ночь считается с 10 часов вечера до 7 часов утра); за командировки, кроме обычной платы и проездных, должны платить 3 м. (1 р. 75 к.) порционных; ежегодно двухнедельный отпуск с сохранением жалованья. Кроме того, в тариф (договор) должны быть включены пункты о праздновании 1 мая, о свободном дне при выборах в сейм, признание рабочего союза, третейского суда, и выборных от рабочих, каковой тариф должен иметь силу до 1 августа 1917 года. Требования эти были пред'явлены около месяца тому назад, и владельцы предприятий в своем ответе рабочим от 22 июля высказались об этих требованиях, как о требованиях, «подлежащих ближайшему обсуждению», т. е. не нашли в них ничего «лишнего», но только не хотят подписать этот договор с союзом металлистов, а желают эти же условия подписать в отдельности с каждым рабочим. Но рабочие решили настаивать на своем, и таким образом стачка превратилась в чисто принципиальную. Стачка не касается городской электрической станции, прокладки подземного кабеля, уста-

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (август), л. 80. Воспроизведено с оригинала корреспонденции П. Данилова, с приложением следующего его письма из Гельсингфорса:

«Уважаемый тов. редактор.

Произошло, повидимому, недоразумение. Вы, кажется, обещали мне высылать газету постоянно, но получил я сначала номеров двадцать сразу, а потом приносили дня четыре и с 1 августа прекратили. Устройте, пожалуйста, регулярную посылку. Отдельно о деятельности Рабочего дома очень трудно что-либо достать, ибо вся работа партии и профсоюзов и есть деятельность дома, так как все учреждения пролетариата сосредоточены в этом доме. Кое-что мне все же обещали достать и тогда пришлю.

С тов. приветом П. Данилов».

новки счетчиков там, где проводка уже готова и включена в городскую сеть освещения частных абонентов, но малейший ремонт и исправление проводов воспрещен. Стачка, повидимому, будет не продолжительной, так как время для стачки самое невыгодное для предпринимателей, ибо обычно при наступлении темных вечеров начинается самое горячее время для электротехников.

В последней своей корреспонденции я упомянул о приказе выборгского коменданта о высылке двух бывших финляндских лоцманов. Но так как приказ этот — незаконный, т. е. противоречит финляндской конституции, то лоцмана отказались подчиниться этому приказу.

Теперь по распоряжению недавно приговоренного судом к штрафу в 1 200 м. выборгского губернатора фон Пфалера их выслали силой. В субботу 17 августа наряд полиции из нескольких десятков человек явился на квартиру бывш. лоцмана Вирандера и, пред'явив ему приказ губернатора, приказал следовать за ними. На требование Вирандера выдать ему удостоверенную копию приказа ответили отказом, хотя накануне обещали. Когда Вирандера арестовали и повели, жена ободряла его словами: «Будь настоящим финном, хотя бы на виселицу повели». Когда же полиция пришла к дому другого высылаемого Германа Пуса, прослужившего в лоцманах около 40 лет, уважаемого во всей округе старика, то дом его был полон народу. На его вопрос: — «куда нас поведут?» — ему ответили, что за 7 верст от крепости. Провожать высылаемых собралась полутысячная толпа. Когда их повели к пристани, женщины украсили обоих цветами, толпа пела прощальные песни до самого берега; лавки по пути в знак протеста закрывались, по словам очевидцев, полицейские чувствовали себя очень нехорошо при исполнении этого нелепого приказа.

П. Данилов.

Корреспонденция тверских типографщиков в газету «Правда», 18 августа 1912 г.[1]

От тверских типографов[2]

У нас хоть и уездный[3] город, но царит полный хозяйский произвол,— хозяева, что хотят, то и делают; положим, ведь, у нас рабочий забитый и покорный, потому что имеют свои домики, и любят побалдить. А расценок очень даже мизерный: наборщики у нас получают от 14 р. до 22 р. (самое большое жалованье); сверхурочные часы развиты, но оплачиваются очень скудно, от 8 до 12 коп. Житье мальчиков тоже не очень радостно, они живут у родных и очень распущены. А жалованье получают первый год 1 р. или 1 р. 50 коп. в месяц, а потом, хоть взять в газете, мальчик работает по 12, если двое, а если один, то 20 к. и еще приходится ходить на станцию, потому что сторож и экспедитор одно лицо. А потом в следующих номерах газеты «Правды» опишу более точные сведения со всех мастерских, но все-таки товарищам тверитянам пора бы, Пантелей, постыдиться людей.

Г. Исаев.

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (август), л. 141. Воспроизведено с оригинала письма с почтовым штемпелем на конверте: «Тверь, 18.VIII.1912 г.».

[2] В подлиннике помета: «Печатать заголовков не надо».

[3] Так в подлиннике.

Корреспонденция из Риги в редакцию газеты «Правда», 3 ноября 1912 г.[1]

Всеобщая стачка рижских печатников.
(См. № 157 «Правды».)[2]

В четверг 1 сентября[3] состоялось второе собрание делегатов от рабочих и хозяев по поводу всеобщей стачки рабочих печатного дела. К соглашению делегаты не пришли, и рабочие решили продолжать забастовку, которая проходит весьма дружно.

Немецкие издатели здешних четырех больших газет об'единились вместе и выпускают небольшой листочек под названием «Rigascher Nachrichtenblatt». Русская газета «Рижская мысль» выходит только для подписчиков в виде писчего листа, отпечатанного на одной стороне литографским способом. «Прибалтийский край» и «Рижский вестник» выходят на клочках бумаги в 16-ю долю листа. Латышские газеты выходят аккуратно, так как они удовлетворили требования рабочих. В общем, удовлетворили требования около 10 рижских типографий и переплетных. В этих предприятиях рабочие согласились отчислять 10% с заработка в пользу бастующих. Администрация начала преследовать бастующих рабочих, в первую голову попали евреи. Некоторые из них были арестованы, затем освобождены с лишением права жительства в Риге. Из других крупных типографских центров Прибалтийского края получаются утешительные известия: в Юрьеве и Ревеле продолжают упорно бастовать, не соглашаясь ни на какие уступки. В воскресенье, 4 ноября, состоится общее собрание рижского отделения рабочих печатного дела, где будет обсуждаться вопрос о дальнейшей тактике бастующих рабочих[4].

Корреспонденция рабочего ткацкой фабрики Ясюнинских в с. Кохме, Владимирской губ. в редакцию газеты «Правда», 18 января 1913 г.[5]

Здесь 16 января табельщик М., обходя фабрику со списком, предлагал подписать сколько-нибудь. Список выпущен от Владимирского Красного креста со следующей надписью: «Просим пожертвовать на сооружение больницы в память 300-летия дома Романовых в губернском городе Владимире». Результат получился «печальный». По подсчету суммы оказалось 4 р. 10 к.; подписали человека 3 подмастерьев, сам табельщик и шлихтовальный мастер, трое помощников ткацкого мастера и запасные подмастерья, последние, можно считать, поневоле. Многие рядовые рабочие говорили, что если бы на народный дом в с. Кохме, не жаль подписать и 50 к. Группа рабочих собрала в пользу пострадавших товарищей за профессиональный союз села Кохмы 5 руб., которые и будут переданы по назначению (не все уплатили).

Уполномоченный по выборам в IV Государственную думу Алексей Андреев Чугунов, ткацкая фабрика, постоянный подписчик «Правды».

Прошу подписать «Удалой».

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (ноябрь), л. 61. Воспроизведено с оригинала письма, с почтовым штемпелем на конверте: «Рига, 3.XI.1912 г.».

[2] В № 157 «Правды» от 1 ноября 1912 г. была помещена заметка без подписи под заголовком: «Всеобщая забастовка печатников в Прибалтийском крае».

[3] В оригинале «сентября», следует — «ноября».

[4] Забастовка типографщиков в Риге закончилась 19 ноября, продолжалась она 3 недели и один день. Рабочие добились введения коллективно-тарифного договора, что и было целью забастовки (см. корреспонденцию из Риги в № 175 «Правды» от 23 ноября 1913 г.).

[5] ДП, Перлюстрация, 1913 г., д. № 1 (январь), л. 215. Воспроизведено с оригинала письма, с почтовым штемпелем на конверте: «Муром—Нерехта, 18.I.1913 г.».

Так же прошу ответить, можно ли подписывать анонимом «Удалой» следующие корреспонденции, а то мы опасаемся вскрытия на почте корреспонденций, что было нами уже замечено.

Здесь на фабриках вывешен закон страхования рабочих, который раздавали в большом количестве экземпляров на ситцевой фабрике.

Письмо 20 членов профсоюза металлистов в Ростове-на-Дону в редакцию газеты «Правда», 31 января 1913 г.[1]

Ввиду слияния двух крупных табачных фабрик Асмолова и Кушнарева, администрация соединенных фабрик ввела новый распорядок для рабочих. Рабочие считают новые правила для себя неприемлемыми и об'являют места гильзо-мундштучных слесарей под бойкотом. Бастуют 35 человек[2].

О вышеизложенном просят напечатать в газете.

Корреспонденция в редакцию газеты «Правда» о забастовке токарей завода Гуревича в Херсоне, 20 февраля 1913 г.[3]

18 сего месяца в понедельник, в 9 ч. утра, забастовали токаря (12 человек) механического цеха завода И. З. Гуревича. Слишком долго терпели и, наконец, после выходки директора завода Барского, решили, что больше ждать нечего. Дело в следующем. Недавно приехали по приглашению инженера цеха из-за границы 3 токаря. Каждому из них был поручен станок, на котором они и работали до 18 сего месяца. В означенный день по распоряжению Барского одному русскому токарю предложили обменяться станками с токарем-чехом. Подобных явлений не происходило до сих пор и, столковавшись между собою, токаря решили, что подобного не должно происходить, и, если поддаться одному, то тоже будет проделано и с остальными. Предложено тотчас было директору снять это распоряжение, но он в ответ предложил приступить к работам. Все стояли и не расходились. Тогда Барский, вынув свои часы, снова заявил: «Или немедленно приступить к работам, либо в течение 5 минут очистить (!) цех». Токаря «послушными» оказались и поспешили ретироваться. Сегодня третий день, как токаря не показываются на завод, и, вероятно, будет им заявлен расчет. Настроение бодрое среди токарей. Будет выставлен целый ряд других требований, о которых будет сообщено своевременно, а также и о многом другом.

С товарищеским почтением Диомид И. Самарский.

P. S. Прошу в ближайшем номере «Правды» напечатать это письмо и об'явление товарищам токарям, что все места под бойкотом.

---

[1] ДП, о. о., 1913 г., д. № 5, ч. 21, лит. В, л. 11. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

[2] Забастовка на табачной фабрике Асмолова в Ростове-на-Дону началась 31 января, ввиду того что администрация фабрики предложила слесарям перейти с месячного жалованья на сдельную оплату. 3 февраля договор найма был возобновлен на прежних условиях, и забастовавшие вновь встали на свои места (Донесение начальника Донского охранного отделения в департамент полиции от 23 февраля 1913 г. за № 874, там же, л. 19).

[3] ДП, Перлюстрация, 1913 г., д. 1 (февраль), л. 311. Воспроизведено с оригинала письма.

Корреспонденция из Новгорода в редакцию газеты «Правда», 26 февраля 1913 г.[1]

Начавшаяся забастовка в типографии «Труженик» 25 февраля продолжается. Настроение бастующих (10 человек) бодрое. Работает один штрейкбрехер Алексей Семенов (глухой). Администрация на переговоры не идет, но зато все сделано, чтобы запугать бастующих. 26 утром полиция вызвала всех бастующих в полицейское управление и «пытала» с пристрастием, кто есть квалифицированный зачинщик. Каждый допрашиваемый называл зачинщиком сначала себя, а потом перечислял остальных. К содействию полиции обратился и давал убийственные показания управляющий типографией Федорова местный общественный деятель, гласный городской думы, Владимир Апполонович Иванов, он же пытается набрать штрейкбрехеров из юнцов.

Что-ж, трудись, трудись Апполоныч!

Вывешен аншлаг: «Требуются наборщики и печатники».

Места бастующих под бойкотом, просят товарищей не занимать места бастующих.

Мелешин.

Корреспонденция из Киева в редакцию газеты «Правда», 20 февраля 1913 г.[2]

Международный женский день в Киеве[3].

Что-либо открытое — собрание или лекцию — устроить не было никакой возможности. В различных частях города состоялся ряд групповых собраний (10—20 чел.), большинство которых прошло оживленно и с под'емом. Участвовали до 150 рабочих. За несколько дней до 17-го была распространена анкета «Правды», 17-го же листок. Резолюция была принята на всех собраниях следующая: «Мы, киевские работницы, участницы собраний, посвященных международному женскому дню, приветствуем установление этого дня и присоединяемся к протесту работниц всех стран против женского бесправия, против всего капиталистического строя, являющегося главной причиной всех наших бед. Мы считаем: 1) что только организованная борьба всего рабочего класса за такой общественный строй, при котором не будет частной собственности на средства производства, а значит и угнетения человека человеком, может освободить нас женщин-работниц, 2) что добиться политических прав и улучшить свое положение в пределах существующего строя мы может только в тесном единении со всем рабочим классом, под знаменем передового отряда рабочего движения — социал-демократии.

А. И.

Корреспонденция рабочего из Риги в редакцию газеты «Правда», 2 июля 1913 г.[4]

(По водопроводному и центральному отоплению у А. И. Банкина).

Как сообщалось, 26 июня утром рабочие... забастовали, пред'явив экономические требования (16 пунктов).

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1913 г., д. № 1 (февраль), л. 367. Воспроизведено с оригинала письма.

[2] Там же. Воспроизведено с оригинала письма.

[3] «Женский день» в России праздновался открыто первый раз в 1913 г., 17 февраля.

[4] ДП, Перлюстрация, 1913 г., д. № 1 (июль), л. 39. Воспроизведено с оригинала письма, с почтовым штемпелем на конверте: «Рига, 2.VII. 13».

28-го к забастовке примкнули и рабочие Неймана, всего бастовало около 120 чел. До 1 июня забастовка протекала дружно, 1-го утром собрались все рабочие, решили продолжать забастовку до выполнения пред'явленных требований, но вопреки этому решению нашлись лакеи, которые, кроме своей рабочей силы, продали хозяину свою личность и товарищескую солидарность; 1 июля после обеда штрейкбрехеры: Зорин, Кронталь, Пурин и Ягер согласились поехать на работу в Юрьев. После этого другие прислужники Банкина, работавшие у Неймана — Сал., Лаз. и Бел. взялись самым решительным образом срывать забастовку. 2 июля большинство рабочих стало работать на старых условиях (выдано за удержанный час, из-за которого произошел конфликт). Более сознательные рабочие около 30 человек взяли расчет. Насколько в адских условиях работают рижские рабочие по этой профессии, видно из того, что, кроме Банкина, в ряде других фирм предполагаются забастовки, как-то: Лангензиппен и К-о, Шурп и др. уже пред'явили требования, и вот в такой решительный момент, когда они от нас ожидали поддержки, наши штрейкбрехеры поступили так позорно. Таким образом, ввиду неорганизованности и стараниями штрейкбрехеров забастовка проиграна. Помните товарищи, что в единении сила, записывайтесь в свой профессиональный союз металлистов, и читайте рабочие газеты, которые укажут истинный путь.

Бастующий рабочий.

Письмо работниц чаеразвесочной фабрики «В. Высоцкий и К-о» в редакцию газеты «Северная Правда», 26 августа 1913 г.[1]

После заметки в № 17 «Северная Правда», наша администрация начинает метать свою власть направо и налево[2]. В поисках корреспондента заметки приняты все меры. Конторщик из развески без всякого повода уволен скорострельно. Вечером его попросили в нижнюю контору и выдали жалованье за две недели вперед и попросили оставить фабрику.

Начинают сортировать с верхов, а что с нами, работницами, будет, пока сказать трудно.

Дорогие подруги! Нужно нам сомкнуть свои ряды и не позволять администрации чинить над нами произвола.

Стыдливый и 3 работницы.

---

[1] ДП, Перлюстрация 1913 г., № 1163. Воспроизведено с фотоснимка письма, хранящегося в делах департамента полиции вместе с фотоснимком следующего письма за подписью «Ринзо», написанного тем же почерком и адресованного также в контору газеты «Северная Правда». Загородный, 6, кв. 5, с тем же почтовым штемпелем на конверте: «Петербург, Николаевский вокзал. 26.VIII. 1913 г.».

«Обращаюсь к вам, как к целебному источнику, от которого зависит моя жизнь. Я служил на одной из фабрик Петербурга и за распространение рабочей литературы и пропаганды среди рабочих уволен. В расцвете лет без работы — жизнь каторга. Не знаю, на что теперь решиться. На самоубийство? Но это глупость. Прошу вашего совета Я желал бы посвятить свою жизнь на пользу человечества. О, я был бы счастлив, если бы своей смертью мог принести хоть каплю пользы в борьбе «низших» с сильными мира сего.

На страницах газеты «Северная Правда» соблаговолите дать краткий совет.

Ринзо».

[2] В № 17 «Северной Правды» от 22 августа 1913 г. была напечатана корреспонденция в отделе «Женский труд» о низкой зарплате и антигигиенических условиях на чаеразвесочной фабрике «В. Высоцкий и Ко» за подписью: «Рабочий и 3 работницы». «Северная Правда» — одно из названий газеты «Правда», под которым она выходила с 1 августа по 7 сентября 1913 г.

Убедительно просим поместить корреспонденцию на страницах уважаемой газеты.

Из корреспонденции работницы из Варшавы в редакцию газеты «Правда Труда», 28 сентября 1913 г.[1]

25 сентября еврейские рабочие Варшавы пережили необычайный день.

Уже за несколько недель до суда Бейлиса[2] было организовано собрание представителей всех профессиональных союзов, где был поставлен вопрос, как реагировать на кошмарное дело Бейлиса. Единогласно был решен вопрос об однодневной всеобщей забастовке в знак протеста. Сейчас были организованы три комиссии по 35 человек, куда вошли представители следующих профессий: металлисты, портные, сапожники, заготовщики, кожевники, переплетчики, булочники, наборщики, шапочники и др. Работа закипела, были организованы собрания, где указывалось, что делом Бейлиса реакция желала оправдать свою националистическую политику и т. д. Во многих фабриках и мастерских произошли собрания по поводу суда Бейлиса; была принята единогласно резолюция 25 сентября забастовать. Следует отметить, что рабочие охотно встречали представителей рабочих; из нескольких отделений фабрики рабочие сходились в одну комнату и жадно слушали ораторов...

25 сентября с утра забастовали в большинстве вышеназванных профессий[3]. На тех фабриках и мастерских, где работали после того, как проходили рабочие и об'ясняли значение забастовки, рабочие охотно бросали работу. До полудня стало известно, что бастуют до 20 тысяч рабочих. Бастовали также около 300 польских рабочих. В рабочих кварталах с утра толпами прогуливались рабочие. В три часа дня на углу Дикой и Новолипки произошла манифестация в несколько сот рабочих. Полиция разогнала манифестантов. Рабочие с пением разошлись по другим улицам. Настроение у всех было бодрое, приподнятое. Это был протест против всей реакции последних лет. Не дремала полиция, которая 24 сентября уже останавливала прохожих рабочих, требуя паспорта и обыскивая. 25-го с утра по рабочим кварталам были усиленные отряды полиции; многих арестовали. В 8 часов вечера закрыли ворота всех домов, дабы в случае демонстрации, демонстрантам некуда было скрыться от полиции.

Следует отметить еще один факт. 24 сентября рабочие зашли в редакцию «Момент», зовя рабочих примкнуть к забастовке. Это — газета, которая столько «слез» пролила по поводу дела Бейлиса. Зная, для чего пришли рабочие, администратор этой желтой газеты обругал одного рабочего нецензурными словами и четырех арестовал. Рабочие возмущены этим фактом, так как наша желтая пресса либеральничает до кармана[4]. А как дело доходит до кармана, сама готова всех пре-

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1913 г., д. № 1 (сентябрь), л. 91. Воспроизведено с оригинала письма, адресованного в Петербург, Свечной, 11, 2-й этаж, комн. 84, «Правда труда», с почтовым штемпелем на конверте: «Варшава, 28.X.13».

[2] Дело Бейлиса — всемирно известный нашумевший процесс по обвинению Менделя Бейлиса в убийстве с религиозной целью мальчика Андрея Ющинского. Инсценировка этого процесса царским правительством имела своей целью сплотить все реакционные элементы и подготовить еврейские погромы. Процесс происходил в сентябре — октябре 1913 г. в Киеве и вызвал сильное общественное возбуждение и демонстрации протеста. Бейлис был оправдан.

[3] Так в подлиннике.

[4] Так в подлиннике.

дать и продать. Этот урок не пройдет для рабочих даром, они научатся ценить только свою рабочую прессу.

Работница П-н а.

Корреспонденция из Ревеля в редакцию газеты «За Правду», 16 октября 1913 г.[1]

Сегодня 16 октября, день 8 годовщины поминовения безвременно погибших товарищей на городской площади, прошел довольно оживленно, несмотря на ненастный день[2]. Во многих фабриках и заводах еще 15 октября было решено: 16-го совсем в завод не приходить. Из 1 900 человек рабочих завода «Двигатель» пришло только человек 150 и то только для того, чтобы демонстративно уйти обратно, что и было блестяще проделано. Полицейские наряды всюду были усилены, по улицам города раз'езжали конные городовые, у ворот всех фабрик и заводов стояли «молодцы», которых на время пригнали из окрестностей города. Наша полиция настолько усердствует, что не разрешила хоронить в этот день товарища, умершего 10 октября.

Забастовка плотников завода «Двигатель» продолжается, 12-го получили расчет и постановили не итти ни на какие уступки до полного удовлетворения всех требований. Места и работа под бойкотом.

Корреспонденция из Риги в редакцию газеты «За Правду», 13 ноября 1913 г.[3]

Рижская фабрика трансмиссии «Мотор».

6 ноября в 9 час. утра рабочие бросили работу в знак протеста против суда над бастующими рабочими и устроили собрание. Говорилось о беззаконном действии администрации (по поводу суда над рабочими), о том, что правительство идет рука об руку с хозяевами, что доказывает наложение штрафов за последние забастовки. Собрание решило, в случае наложения штрафа, пред'явить экономические требования. В конце приняли резолюцию против суда над бастующими рабочими (принята единогласно). Участвовало 260 человек.

Круглый.

Корреспонденция из Петербурга в редакцию газеты «Пролетарская Правда», 31 декабря 1913 г.[4]

Извозчики просыпаются.

Всеобщий под'ем рабочего движения захватил с собой и долго спавший отсталый элемент...

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1913 г., д. № 1 (октябрь), л. 83. Воспроизведено с оригинала письма, адресованного в контору редакции газеты «За Правду», Петербург, Ивановская, 11, кв. 8, с почтовым штемпелем на конверте: «Ревель, 17.X.13». «За Правду» — одно из названий газеты «Правда», под которым она выходила с 1 октября по 5 декабря 1913 г.

[2] В Ревеле в дни восстания и всеобщей забастовки 14—17 октября 1905 г. были многочисленные столкновения с войсками; было много убито и ранено (см. хронику «Революционные дни в России» в № 24 газ. «Пролетарий», от 7 ноября (25 октября) 1905 г.; «Вперед» и «Пролетарий», изд. Истпарта ЦК ВКП(б), вып. VI, стр. 84).

[3] ДП, о. о., 1913 г., д. № 23, ч. 40, лит. Б, л. 90. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

[4] ДП, о. о., 1910 г., № 5, т. 3, л. 277. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма Алея Умова — А. П. Устинова. Согласно записки Петербургского охранного отделения за № 5 от 4 января 1914 г. Устинов — по профессии легковой извозчик (там же, л. 276); «Пролетарская Правда» — одно из названий газеты «Правды», под которым она выходила с 7 декабря 1913 г. по 21 января 1914 г.

Так, на второй день рождества возник конфликт у содержателя легкового извоза А. В. Воронина, живущего в собственном доме на Огородной улице по Лиговке за полотном Царско-Сельской железной дороги. Тут новоиспеченные хозяева захотели запугать рабочих, позвали полицию в лице помощника пристава, околодочного и господина в гороховом пальто...

Товарищи извозчики, теперь очередным вопросом является организация в союз...

Итак, товарищи извозчики, организуйтесь в кружки и затем организуйте свой профессиональный союз.

Алей Умов.

Корреспонденция из Риги в редакцию газеты «Путь Правды», 4 апреля 1914 г.[1]

Задвинские рабочие с 4 апреля.

Двина, протекающая через г. Ригу, пересекает ее на две части. Она же разделяет рабочую Ригу. За Двиной, как-то меньше развито классовое самосознание рабочих масс. Здесь слабее и меньше организация, реже стачки и чаще их поражение и вообще как-то все движение здесь слабее. Это мы замечали в течение трех лет нашего возрождения. Но четвертый год возрождения идет большими скачками, чем прошлые три года. Это мы видим опять-таки в самой жизни. Задвинские рабочие, не поспевшие шествовать за своими товарищами, за большинством рижских пролетариев в течение трех лет, на текущей неделе доказали, что они догоняют своих товарищей и, если еще не совсем сравнялись со всем рижским пролетариатом, то почти что сравнялись, но раз сравнялись, больше не отстанут.

Под'ем настроения в рабочих массах нельзя не заметить, ибо он растет не по дням, а по часам. Я уже заметил, что задвинские рабочие в течение трех лет нашего возрождения считались от всего рижского пролетариата отсталыми: там, кроме слабых организаций и слабого сопротивления, еще и заработная плата ниже других мест, но все же рабочие задвинские показали нам, что рабочие могут перенести все трудности и что их боевого рвения не могут остановить никакими средствами. Доказательством этому служит то, что за Двиной 1, 2 и 3 апреля, за эти три дня, у многих больших фабрик состоялись митинги. Вечером, выходя из фабрики, рабочие останавливались у ворот и выражали свой протест против всего режима и создателей братских могил, и также выразили свою готовность на решительную борьбу за неурезанные лозунги. Мне удалось собрать пока сведения только из следующих крупнейших фабрик: резиновая фабрика «Каучук», машиностроительный завод «Мантель», проволочная фабрика «Толов», ножевая «Маузнер», Засенгофская бумаго-прядильная и ткацкая мануфактура, лаковый завод «Кох», машиностроительный «Шмидт», гвоздильная фабрика Стар и К-о, замочная Германгауз, фабрика шерстяных изделий «Текстиль» и то же шерстяных изделий, бывший Гозм. В этих фабриках приблизительное число рабочих больше 10 000, а сколько еще мне неизвестных...

У всех одиннадцати поименованных предприятий говорились речи на русском и латышском языках и большинство из этих митингов оканчивалось пением «Варшавянки», похоронного марша и других

[1] ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 40, лит. Б, лл. 7—8. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма. «Путь Правды» — одно из названий газеты «Правда», под которым она выходила с 22 января по 21 мая 1914 г.

революционных песен. У завода «Мантель» сам хозяин с городовыми кричал: «Арестовать, всех арестовать». Но этот крик остался вопиющим в пустыне. У «Текстиль», где работают большинство женщин, полиция хотела взять «черного цыгана», так они звали русского оратора, но и это не удалось. Работницы сомкнулись дружными рядами, так крепко сцепили свои иссохшие от труда и голода руки, что полиция не могла разорвать их. Употребить оружие, видно, нехватило смелости блюстителям порядка. Городовые рвутся, работницы не пускают, а мужчины рабочие одни женщинам помогают, другие следят за блюстителями порядка, дабы не зарывались.— «Пустите»,— кричат полицейские. «Нет не пустим»,— отвечают работницы. Сказано и сделано. Митинг состоялся, несмотря на вмешательство полиции. Рабочие и работницы с пением революционных песен разошлись по домам. Так подготавливались рижские рабочие к дню 4 апреля — памяти расстрела своих ленских товарищей. В этот день мы вспоминаем и другие братские могилы.

Станислав Рижский[1].

Письмо группы кондитеров «Провиданс» из Нижнего-Новгорода в редакцию газеты «Путь Правды», 5 апреля 1914 г.[2]

Мы, группа кондитеров, узнав о тяжелом положении петербургских товарищей, пострадавших от локаута, шлем в пользу их два рубля и присоединяем свой голос протеста всего русского пролетариата[3].

Товарищ, нельзя ли выяснить теперь же литературу в память дня рабочей печати[4], как ее можно выписывать и сколько будет.

Резолюция рабочих портных г. Москвы в редакцию газеты «Правда», 5 июля 1914 г.[5]

Мы, рабочие портные, выбранные от разных мастерских (32 человека), шлем свой братский привет товарищам бакинцам и самые наилучшие пожелания в вашей тяжелой борьбе с капиталом, а также глубоко возмущены и протестуем против действий власти администрации, которая ополчилась против вас. Боритесь, братья, лучшие дни все же наступят.

---

[1] В № 5 газеты «Правда Труда» от 15 сентября 1913 г. была напечатана за подписью «Станислав Рижский» корреспонденция из Риги под заголовком: «Как хозяева делают выборы».

[2] ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 48, лит. Б, л. 4. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

[3] В Петербурге с начала марта 1914 г. началась политическая стачка в знак протеста против гонения на рабочую печать, преследования рабочих организаций и в связи с об'яснениями правительства по поводу запроса о Ленском расстреле (Заседание Госуд. думы 12 марта 1914 г.). Собрание петербургских заводчиков и фабрикантов решило ответить на забастовки рабочих локаутом; 20 марта заводы были закрыты, и до 70 тысяч рабочих было выброшено на улицу.

[4] «День рабочей печати» впервые организован был большевиками 5 мая/22 апреля 1914 г. в день двухлетнего юбилея выхода первого номера газеты «Правда» (22 апреля 1912 г.).

[5] Моск. охр. отд. разр. 1914 г., д. № 18, л. 377. Воспроизводится с копии перлюстрированного письма за подписью 32 рабочих, присланной департаментом полиции в московское охранное отделение. «Путь Правды» — одно из названий газеты «Правда» — выходил с 22 января 1914 г. и был закрыт 21 мая 1914 г. С 23 мая по 8 июля 1914 г. «Правда» выходила под названием «Трудовая Правда».

Резолюция рабочих фабрики Погонышева в Москве в редакцию газеты «Трудовая Правда», 6 июля 1914 г.[1]

Уважаемый товарищ редактор, просим поместить нашу корреспонденцию в нашей защитнице, рабочей газете.

Мы, рабочие фабрики Погонышева, чутко прислушиваясь к событиям рабочего движения, не можем не выразить нашего горячего протеста против насилий и вооруженной силы действующей полицейской власти над нашими товарищами-рабочими по поводу выступлений их в Баку[2] и Петербурге. Мы выносим резолюцию протеста против всех полицейских репрессий и повторяющихся зверских расправ с рабочими, этих Ленских расстрелов, которые и до сих пор не прекращаются.

Эта резолюция принята единогласно всеми рабочими за исключением ниже перечисленных лиц, которые категорически отказались поддержать наше глубокое возмущение, дорожа своим поденным заработком. За что мы и презираем их и будем бойкотировать. Эти лица следующие: из шлифовки — Михайлов А., Самароков Е., Пуздраков В., из малярного отделения Богачкин Я., Антинов П., из медного Калинин, довольно-таки подлая личность, и один столяр Евдокимов И.

Корреспонденция из Петербурга в редакцию «Трудовой Правды», 8 июля 1914 г.[3]

Столярно-мебельная мастерская М. М. Мотылева, Боровая ул., 14.

У нас в мастерской работают 12 человек подмастерьев и 8 учеников. Рабочий день 10 часов и это г. Мотылеву кажется мало. У нас два хозяина, и оба целый день ходят от верстака к верстаку, чтобы подмастерья не стояли. А если увидят это, то начинают говорить: «Если ты не желаешь работать, то можешь взять расчет». Подмастерья получают от 1 р. 10 к. до 1 р. 70 к. в день. Сознательных товарищей почти нет, в союзах и обществах состоят очень мало. Большинство стоит за то, чтобы рабочих газет не читать, а делать складчину на сороковку. 7 июля была однодневная забастовка против расстрела и был сбор в фонд защитницы наших интересов «Трудовой Правды» и собрали 2 р. 20 к. Некоторые товарищи давали на газету с неохотой, говоря, что у них самих мало. Стыдно, товарищи! Пора проснуться и стать на защиту своих интересов.

Свой.

Резолюция рабочих Каспийского машиностроительного и котельного завода в редакцию «Трудовой Правды», 9 июля 1914 г.[4]

По поводу забастовки Бакинских рабочих.

Товарищи, просим напечатать нашу резолюцию. Мы, рабочие Каспийского машиностроительного и котельного завода, обсудив всесто-

---

[1] Моск. охр. отд. разр. 1914 г., д. № 18, л. 316. Воспроизводится с копии, присланной в московское охранное отделение, перлюстрированного департаментом полиции письма, адресованного на имя члена Государственной думы Г. И. Петровского.

[2] Речь идет о всеобщей забастовке нефтепромышленных рабочих в Баку, начавшейся 29 мая 1914 г. 30 мая забастовавшие подверглись расстрелу при попытке агитировать за забастовку.

[3] Фонд веществ. доказ., кор. 3, № 502. Воспроизведено с оригинала письма Владимира Ватажнова. В. Д. Ватажнов был арестован 8 июля 1914 г. в помещении редакции газеты «Трудовая Правда», где происходило «совещание руководителей и представителей местных (петербургских) с.-д. большевистских групп и организаций по делу о происходивших в начале июля сего года в Петербурге уличных выступлениях рабочих» (ДП, VII, 1914 г., д. № 1654, лл. 15—16).

[4] ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 6, лит. Б, л. 17. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма в редакцию «Наша рабочая газета».

ронне создавшееся положение товарищей бастующих, протестуем против произвольного действия бакинской администрации во главе с Мартыновым[1]. Приветствуем вас, дорогие товарищи, в вашей упорной борьбе, в знак протеста об'являем двухдневную забастовку и отчисляем в фонд бастующих поденное жалованье.

Просим товарищей передать корреспонденцию и в редакцию «Трудовой Правды».

Резолюция представителей профессиональных и культурно-просветительных организаций Киева в редакцию газеты «Трудовая Правда», 12 июля 1914 г.[2]

Просим поместить нижеследующую резолюцию:

Мы, представители профессиональных и культурно-просветительных организаций Киева, присоединяем свой голос к горячему протесту всего Российского пролетариата против насилий над мирными стачечниками г. Баку и против расстрела петербургских рабочих[3].

К этой резолюции присоединилась руководящая группа приказчиков марксистов, группа организованных столяров и группа организованных металлистов (15 человек).

С товарищеским приветом Д. К.

III. Большевистская фракция Думы и рабочие массы

Резолюция группы оренбургских марксистов для газеты «Звезда», 19 марта 1912 г.[4]

Мы, нижеподписавшиеся, в собрании, состоявшемся 18 марта сего 1912 года, вынесли следующую резолюцию по поводу выхода депутата Белоусова из социал-демократической фракции. Просим социал-демократическую фракцию III Государственной думы сделать г. Белоусову гласное порицание за его неблаговидный поступок и просить его, даже от имени всего рабочего класса России потребовать от него сложения своих депутатских полномочий[5].

Просим настоящую резолюцию поместить в ближайшем № «Звезды».

Группа оренбургских марксистов.

---

[1] Мартынов П. И. был градоначальником г. Баку.

[2] ДП, о. о., 1914 г., л. № 5, ч. 32, лит. Б, л. 113. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

[3] Речь идет о расстреле 3 июля 1914 г. митинга рабочих Путиловского завода по поводу Бакинской стачки.

[4] ДП, о. о., 1912 г., д. № 307, л. 88. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма, посланного в социал-демократическую фракцию III Государственной думы.

[5] В. И. Ленин написал статью: «По поводу ухода депутата Т. О. Белоусова из с.-д. думской фракции», которая была опубликована в № 17 «Звезды» от 26/13 марта 1912 г. за подписью «Т.». Депутат от Иркутской губ. Т. О. Белоусов, будучи выбран в Госуд. думу «под знаменем с.-д.» и пробыв в с.-д. фракции 4 года, вышел из фракции в феврале, за несколько месяцев до новых выборов, оставаясь членом думы. Ленин в своей статье называет подобный поступок предательством и призывает рабочих требовать ухода Белоусова из думы («Звезда», вып. V, стр. 133—136; Ленин, Соч., т. XV, стр. 411—414).

Корреспонденция из Астрахани в редакцию газеты «Правда», 21 октября 1912 г.[1]

Выборы по Астраханской губернии закончились. Среди 44 выборщиков был один от рабочих — социал-демократ. Он был выбран 23 уполномоченными, которые все были также социал-демократы или сочувствующие социал-демократам. Несмотря на то, что организации партийной здесь нет уже с 1908 г., но среди рабочих сохранилось влияние социал-демократов. Накануне выбора выборщиков от рабочей курии местная группа социал-демократов выпустила обращение ко всем уполномоченным с приглашением голосовать за социал-демократов. В обращении были выставлены лозунги сторонников «Правды». Выбранный выборщик — также сторонник «Правды». По второй городской общей курии прошел выборщиком сочувствующий рабочей демократии доктор Нариманов. Кандидат конституционалистов-демократов, присяжный поверенный Дайхес, получил меньше трети поданных голосов. По второй русской курии кандидаты левых — приказчик социал-демократ и доктор социал-революционер — получили больше трети голосов. И это несмотря на то, что их кандидатуры были выставлены в самую последнюю минуту и никакой агитации за них не велось. В то время как бюллетени конституционалистов-демократов, как и правых, свободно распространялись, бюллетени левых были конфискованы. Выборы по Астрахани доказали с несомненностью, что население значительно полевело. Выбранные депутаты в общем левее прежних депутатов. Ввиду неопределенности положения на собрании выборщиков и существовавших сомнений, что могут пройти правые, рабочий выборщик, как и трое других выборщиков, сочувствовавших с.-д., дали свои голоса кадетам. Как показали результаты голосования опасения эти были напрасны. Можно было не пачкаться и не голосовать за кадетов.

Прошу верить, пишет ссыльный товарищ ленинец.

Адрес свой сообщу как-нибудь особо.

Резолюция группы рабочих г. Ярославля для газеты «Правда», 15 февраля 1913 г.[2]

Товарищи депутаты!

Возмущенные до глубины души наглым поступком Петербургской охранки, в поисках «крамолы» ни с чем не считающейся, ворвавшейся

Решение фракции по этому делу было напечатано в заметке «К уходу из думской с.-д. фракции Белоусова» в № 12 «Звезды» от 23 февраля 1912 г. («Звезда», вып. V, стр. 16—17).

Письмо Белоусова о причинах выхода из социал-демократической фракции опубликовано в № 27 «Звезды» от 8/21 апреля 1912 г. в тексте корреспонденции из Красноярска за подписью «Один из рабочих», с указанием, что это письмо, напечатанное в № 65 «Сибирской жизни», вызвало негодование красноярских рабочих, которые считают, что к «выходу Белоусова из фракции нет никаких причин, кроме личных».

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (октябрь), л. 264. Воспроизведено с оригинала письма со след. пометой департамента полиции на перлюстрированной копии этого письма (л. 263): «Приложение: гектографированное воззвание «Астраханской группы РСДРП» с припиской чернилами: «Просим переслать Вл. Ил-чу» [Ленину]».

[2] ДП, Перлюстрация, 1913 г., д. № 1 (февраль), л. 227. Воспроизведено с оригинала письма, написанного И. Воиновым на имя члена Государственной думы А. Е. Бадаева.

среди ночи в квартиру депутата социал-демократической фракции Государственной думы Петровского, разделенные расстоянием в несколько сот верст, мы, группа сознательных рабочих Ярославля, не имея иных способов выражения своего негодования, всеми фибрами возмущенной души протестуем против столь наглого нарушения права неприкосновенности личности и звания депутат. В то же время сознавая то, что депутаты социал-демократической фракции Государственной думы, призванные выразить волю всего пролетариата, будучи изолированными во вражеском стане, бессильны единично защитить свою личность от подобных нарушений элементарных прав депутата, человека и гражданина.

Рабочий класс всей России, пославший своих представителей в Думу, должен оградить неприкосновенность своих депутатов и выразить свой гнев не одними только бумажными резолюциями.

Группа сознательных рабочих Ярославля: Ив. Воинов, Иван Минеев, Алексей Вонифатов, Александр Бараев, рабочий свинцово-белильного завода Оловянишникова.

Товарищ Бадаев! Настоящую резолюцию протеста просим огласить в рабочей печати.

Иван Воинов.

Резолюция группы латышских марксистов г. Вендена, Лифляндской губ. в редакцию газеты «Правда», 11 марта 1913 г.[1]

Рассмотревши во всей совокупности отношение социал-демократической фракции IV Государственной думы к рабочей печати и идейное соотношение двух ныне существующих рабочих газет «Луча» и «Правды», в связи с последующим выступлением четырех членов фракции из числа сотрудников «Луча», мы, группа сознательных латышских марксистов, признаем поступок четырех членов социал-демократической фракции вполне обоснованным[2].

Обоснованным не словесными формулами, а требованиями самой партийной жизни — борьбой за великое дело самоосвобождения рабочего класса из под гнета капитала. «Раскола» со стороны четырех депутатов здесь нет, да и быть не может. Разве в том случае, если их сотрудничество в ликвидаторской газете продолжалось бы. Мы хорошо понимаем, сколь дорого может обходиться пролетариату такое «единство», где при одной и той же конечной цели, ведется двойственная, противоречащая тактика борьбы; знаем, сколь вообще единство для политической партии необходимо, но смело утверждаем, что нужно витать в облаках, чтобы полагать, что люди, укрепляющие рабочую партию и — отрицающие ее, могут сочетаться в единство. Этому противоречат партийные интересы. Неблагоразумно, соединяясь с ликвидаторами, поощрять отрицательное отношение к подполью, в котором впервые создалось политическое сознание своей мощи рабочего, и которое всегда оправдывал опыт классовой борьбы, увековеченный кровью пролетарских праведников.

Пусть думают над этим остальные семь депутатов: не является ли их сотрудничество в «Луче» невольной попыткой к расколу, ибо они

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1913 г., д. № 1 (март), л. 162. Воспроизведено с оригинала письма.

[2] Рабочие депутаты, большевики тт. Бадаев, Петровский, Самойлов, Шагов, выступили 1 февраля 1913 г. в «Правде» с открытым письмом к редакции ликвидаторской газеты «Луч» с требованием снять свои подписи из числа сотрудников газеты, выразив протест против ликвидаторской линии газеты, полной нападок на партию.

поддерживают ликвидаторов. Ликвидаторство и рабочее движение — две вещи несовместимые, друг другу враждебные. Между тем каждое крупное разногласие вызывает злорадные усмешки врагов социал-демократии, вселяет раздор и удручающе действует на местах; общее дело оскверняется чуть ли не личной перебранью.

Принято единогласно (33 человека).

От имени товарищей прошу напечатать вышеизложенное в вашей газете.

В. Пелец.

Нелегальная работа большевистской фракции IV Государственной думы

(По документам департамента полиции)

В конце 1913 г. депутаты-большевики образовали в IV Госуд. думе самостоятельную фракцию, порвав с меньшевистской «семеркой» депутатов. С самого начала работ IV Госуд. думы депутаты-большевики, ведя огромную думскую и внедумскую работу за сплочение и организацию масс вокруг неурезанных, революционных лозунгов, встречали упорное сопротивление со стороны депутатов-меньшевиков («семерки»). «Семерка — колеблющиеся в сторону ликвидаторства люди, вчера шедшие вполне за Даном, сегодня с тоской переводящие свои взгляды с Дана на Троцкого и обратно,— писал В. И. Ленин.— Ликвидаторы, это — отколовшаяся от партии группа легалистов, проводящая либеральную рабочую политику. В виду отрицания ими «подполья», ни о каком единстве с этой группой в делах партийного строительства и рабочего движения не может быть и речи. Кто думает иначе, тот глубоко заблуждается, не учитывая глубины происшедших после 1908 года перемен [1].

«Кто не понял до сих пор, почему и зачем РСДР Фракция отделилась от социал-демократической фракции, мирившейся с легализмом и оппортунизмом, тот пусть учится теперь на отчете судебного процесса о работе Муранова и Петровского. Эту работу вели не только эти двое депутатов, и лишь безнадежно-наивные люди могут мечтать о соединимости подобной работы с дружелюбным, терпимым отношением к «Нашей Заре» или к «Северной Рабочей Газете», к «Современнику», к О. К. или к Бунду»,— писал Ленин в статье «Что доказал суд над Р. С.-Д. Р. Фракцией» [2].

Самое замечательное в деятельности депутатов-большевиков IV Гос. думы заключалось в том, что они, создав самостоятельную думскую большевистскую фракцию, сумели превратить ее в один из центров нелегальной партийной работы.

Внедумская работа занимала большое место в деятельности большевистской думской фракции. Больше того, вся думская деятельность (запросы, думские речи) депутатов-большевиков фактически служила целям и задачам внедумской работы. Своими речами депутатам-большевикам удалось превратить думскую трибуну в средство массового политического просвещения и организации миллионов пролетарских и трудящихся масс.

С трибуны черносотенной IV Государственной думы не раз звучали слова великого Ленина в речах депутатов-большевиков. Речь Г. И. Петровского по национальному вопросу (20 мая 1913 г.), речь А. Е. Бадаева о политике министерства народного просвещения (4 июня 1913 г.), речь Н. Р. Шагова об аграрной политике самодержавия (9 июня 1913 г.) и т. д. были написаны Владимиром Ильичем Лениным.

Рабочим депутатам не удавалось целиком оглашать ленинские проекты речей. Их речи прерывались криками с правых скамей, одергиванием председателя Думы октябриста М. Родзянко. А на завтра миллионы рабочих в легальной большевистской «Правде» читали стенограмму речи депутата-большевика, т. е. речь Ленина, оглашенную с думской трибуны рабочим депутатом.

---

[1] Ленин, Соч., т. XVII, стр. 389.
[2] Там же, т. XVIII, стр. 131.

Вся думская деятельность большевистской фракции была подчинена задачам борьбы рабочего класса. Рабочие депутаты точно следовали директивам сталинского наказа «петербургских рабочих своему рабочему депутату»: ...«Чтобы рабочий класс мог с честью выполнить роль вождя народного движения, — писал в наказе товарищ Сталин,— он должен быть вооружен сознанием своих интересов и большой организованностью.

Думская трибуна и является одним из лучших средств при данных условиях для просвещения и организации широких масс пролетариата.

Именно для этого и посылаем в Думу нашего депутата, поручая ему и всей соц.-дем. фракции IV Думы широкое распространение с думской трибуны наших требований, а не пустую игру в законодательствование в Государственной Думе. Мы бы хотели, чтобы соц.-дем. фракция IV Думы и наш депутат в частности высоко держали знамя рабочего класса во враждебном им лагере черной Думы.

Мы бы хотели, чтобы с высоты думской трибуны громко раздавались голоса соц.-дем. фракции о конечной цели пролетариата, о полных и неурезанных требованиях пятого года, о русском рабочем классе, как вожде народного движения, о крестьянстве, как наиболее надежном союзнике рабочего класса, о либеральной буржуазии, как изменнице «народной свободы».

Мы бы хотели, чтобы в своей работе на почве вышеупомянутых лозунгов соц.-дем. фракция IV Думы была единой и сплоченной. Чтобы она черпала свою силу в постоянном общении с широкими массами. Чтобы она шла нога в ногу с политической организацией рабочего класса в России» [1].

Каждое более или менее значительное событие в российском рабочем движении было поддержано с думской трибуны большевистскими депутатами (запросами, речами и т. д.). Их речи с трибуны черносотенной Думы всегда являлись призывным кличем к борьбе с самодержавием и буржуазией. В свою очередь запросы в Думе депутатов-большевиков, их выступления с думской трибуны поддерживались массовыми забастовками российского пролетариата и в первую очередь — петербургского его отряда.

В день открытия IV Государственной думы, по призыву большевиков, в Петербурге бастовало до 50 000 рабочих. Это был протест рабочего класса против всего третьеиюньского режима и против черносотенной IV Государственной думы.

14 декабря 1912 г., когда в Государственной думе обсуждался запрос социал-демократической фракции о преследовании профессиональных союзов и с речью выступал депутат петербургских рабочих большевик А. Е. Бадаев, петербургский пролетариат по призыву большевиков об'явил в этот день однодневную забастовку поддержки запроса социал-демократической фракции Думы и выступления своего рабочего депутата.

В ноябре 1913 г. большевистская фракция Думы разработала законопроект о восьмичасовом рабочем дне. Это был один из первых шагов деятельности большевистской «шестерки», после того как она стала самостоятельной думской фракцией. Законопроект в Думу внесен не был, но, опубликованный в большевистской «Правде», он обсуждался на сотнях рабочих собраний и митингов. Сотни резолюций рабочих, приветствовавших этот шаг рабочих депутатов, получила большевистская фракция в ноябре—декабре 1913 г. Ряд партийных организаций (Петербургская и др.) выпустили специальные листовки к рабочим с призывом поддержать законопроект большевистской фракции Думы.

Выступал петербургский пролетариат и в мартовские дни 1914 г., когда черносотенная Дума обсуждала запросы о ленских расстрелах и о массовом отравлении работниц и рабочих на «Треугольнике» в Петербурге и на «Проводнике» в Риге.

Так думская деятельность большевиков связывалась с открытой борьбой пролетариата, превращалась в средство просвещения и организации миллионов трудящихся за новую революцию под знаменами большевиков.

---

[1] «Правда» от 5 мая 1932 г., № 123 (5288).

Владимир Ильич в беседах с рабочими депутатами во время краковского совещания ЦК РСДРП с партийными работниками говорил:

«Рабочие депутаты должны использовать думскую трибуну для агитационных выступлений, для того, чтобы двигать вперед революционное движение в стране путем разоблачения и царского правительства и всей фальши так называемых либеральных партий. Рабочего депутата должен слышать весь рабочий класс России... Большевистская шестерка как часть единого партийного целого должна вести огромную работу вне Думы. Создание партийных организаций, руководство ими, партийная печать, работа в профессиональных обществах — все это является первейшей обязанностью рабочих депутатов, требующей от них огромного напряжения и энергии. Рабочий депутат должен находиться в постоянной связи с широкими рабочими массами, со всеми рабочими легальными и нелегальными организациями, которые должны видеть в думцах-большевиках своих руководителей и организаторов революционной борьбы...» [1].

Депутаты-большевики выполнили директиву вождя партии. Большую работу развернули они по руководству рабочими выступлениями, восстановлению и укреплению большевистского подполья и т. д.

Публикуемые нами документы, несмотря на их полицейский источник, дают представление о тех неслыханных трудностях, в которых работали рабочие-депутаты (неотступная слежка, провокация и т. д.), и вместе с тем о той колоссальной работе, которую они проделали, несмотря на все эти трудности.

Петербургский пролетариат и его большевистская партийная организация, воспитанные и закаленные в боях под личным руководством Ленина и Сталина, шли в авангарде борьбы российского пролетариата. Депутатская неприкосновенность депутата петербургских рабочих А. Бадаева широко использовалась большевистской партийной организацией в целях нелегальной партийной работы.

А. Бадаев руководил забастовкой текстильщиков в конце 1912 г. и начале 1913 г., забастовками на казенных заводах (Обуховский, Ижорский и др.), выступлениями протеста против массовых отравлений на «Треугольнике», выступлениями петербургского пролетариата накануне войны 1914 г. и т. д.

Огромную работу среди рабочих Донецкого бассейна проводил депутат екатеринославских рабочих Г. И. Петровский.

Каникулярные перерывы заседаний Государственной думы использовались им для об'езда рабочих районов, для организации, налаживания и укрепления работы подпольных большевистских организаций и др.

Он вел переписку с рабочими десятков шахт, он помогал их борьбе советами, моральной и материальной поддержкой и др. Десятки фактов об этом имеются в донесениях начальников жандармских управлений.

Рабочие-депутаты вели работу по подготовке созыва предполагавшегося за границей партийного с'езда в 1914 г., по раз'яснению решений Краковского и Поронинского партийных совещаний 1913 г.

В первые недели войны члены большевистской фракции Думы, часть которых входила в состав русского бюро ЦК, предприняли об'езд Поволжья, Закавказья и т. д. для восстановления большевистского подполья.

Их заслугой точно так же является созыв ноябрьской партийной конференции 1914 г.

Настоящие документы не вскрывают обстоятельства ареста депутатов-большевиков в ноябре 1914 года, следствия и суда над ними. Как известно, вместе с депутатами был арестован Каменев. На предварительном следствии и на суде Каменев солидаризировался с социал-патриотом Иорданским и вместе с тем открещивался от солидарности с большевистским Центральным комитетом и с линией партии на превращение войны империалистической в войну гражданскую, заявляя, что «содержание приобщенных к делу документов, в которых излагается отношение РСДРП к военным событиям, решительно противоречит его взглядам на

[1] А. Бадаев, Большевики в Государственной думе, стр. 69, Партиздат, 1935 г.

текущий момент». В. И. Ленин тогда же сурово заклеймил эту гнусно-трусливую, предательскую позицию двурушника Каменева, ставшего заклятым врагом партии и вместе с Троцким и Зиновьевым, в союзе с Гестапо, — руководителем презренной банды убийц тов. С. М. Кирова и организатором террористических актов против вождей ВКП(б) и советского государства.

Иначе была оценена В. И. Лениным позиция депутатов-большевиков.

«Заметим,— писал В. И. Ленин, что по отчету «Дня» (№ 40) — официального и полного отчета о суде не имеется — тов. Петровский заявил: «В тот же период времени (в ноябре) я получил резолюцию Центрального Комитета... и, кроме того, мне были представлены резолюции рабочих из семи пунктов об отношении рабочих к войне, совпадающие с отношением Центрального Комитета».

Это заявление делает честь Петровскому. Шовинизм кругом был очень силен. Недаром в дневнике Петровского имеется фраза о том, что даже радикально-настроенный Чхеидзе с воодушевлением говорил об «освободительной» войне. Этому шовинизму депутаты Р. С. Д. Р. Ф. давали отпор, когда они были на воле, но отгородиться от него было их задачей и на суде». И далее: «Отчет о нелегальной работе Муранова и записки Петровского останутся надолго образцом той работы, которую мы должны были усердно скрывать и в значение которой будут теперь внимательнее и внимательнее вдумываться все сознательные рабочие России»[1].

Публикуемые нами документы, ввиду их полицейского источника, требуют несомненно особо критического подхода к достоверности сообщаемых в них фактов. Но даже через это кривое зеркало жандармских донесений видна колоссальная деятельность депутатов-большевиков: А. Е. Бадаева, М. К. Муранова, Г. И. Петровского, Ф. Н. Самойлова и Н. Р. Шагова.

Их нелегальная работа, связь с широкими пролетарскими массами и руководство открытой классовой борьбой является классическим образцом большевистской работы в буржуазном парламенте.

«Подняться выше — к званию влиятельного в «обществе» депутата или министра — таков на деле был смысл «европейского» (читай: лакейского) «социалистического парламентаризма, — писал В. И. Ленин. — Спуститься ниже — помочь просветить и об'единить эксплоатируемых и угнетенных — вот какой лозунг выдвинут образцами Муранова и Петровского»[2].

Публикуемые нами документы хранятся в Центральном архиве Революции в Москве и являются частью подготовленного нами к печати сборника документов «Большевистская фракция IV Государственной Думы», под редакцией А. Е. Бадаева.

М. Л. Лурье.

Из донесения харьковского губернатора в департамент полиции, 17 января 1913 г. № 1828[3].

13 декабря минувшего года из города С.-Петербурга прибыл в г. Харьков член Государственной думы от рабочих Харьковской губернии мещанин г. Полтавы Матвей Константинович Муранов.

По сведениям харьковского уездного исправника, 15 и 16 декабря Муранов где-то в г. Харькове, но где именно, точно не установлено, имел совещание с лицами, руководящими забастовкой на Харьковском паровозостроительном заводе; по сведениям же начальника Харьковского губернского жандармского управления, Муранов, ознакомив-

[1] См. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 129—130.

[2] Там же, стр. 131.

[3] ЦАР, ДП, IV, д. № 274, 1912 г., лл. 205—206.

шись с положением бастующих рабочих Харьковского паровозостроительного завода, раз'яснял им значение экономических забастовок вообще и рекомендовал рабочим не приступать к работам до тех пор, пока администрация завода не из'явит согласия на пред'явленные рабочими требования. Он же знакомил рабочих с отзывами заграничной прессы о забастовках. Об'яснения Муранова с рабочими паровозостроительного завода происходили, по сведениям генерал-майора Рыковского, вечером 17 декабря в рабочем доме по Петинской улице в помещении общества христиан-трезвенников.

6 сего января, в 8 часов утра, Муранов явился в мастерские харьковского городского электрического трамвая, где предлагал находившимся там рабочим, числом до 20 человек, сделать в одну из получек сбор в пользу бастующих рабочих паровозостроительного завода. Кроме того, он рекомендовал рабочим... отстаивать восьмичасовой рабочий день. Затем Муранов рассказал, что в гор. Москве в каком-то заводе были введены казаки, которые употребляли насилие, избив рабочих, что этот случай будет обсуждаться в Государственной думе по докладу одного из членов Думы, бывшего московского рабочего и, что он, Муранов, тоже рабочий, почему и просил, в случае каких-либо насилий со стороны администрации, писать ему в С.-Петербург.

7 сего января заведывающий мастерскими депо харьковского городского электрического трамвая инженер Подхалюзин заявил приставу 1 участка г. Харькова, что по распоряжению главного инженера Лутохина в 6 часов вечера 7 января должны были собраться в кондукторское помещение кондуктора трамвая для обучения их новому поясному тарифу. В 5½ час., когда явилось до 20 человек кондукторов, между ними оказался и Муранов. Об этом немедленно было доложено по телефону привратником инженеру Подхалюзину, который, вызвав Муранова из кондукторского помещения во двор, просил его сейчас же оставить помещение, на что Муранов ответил, что он должен дать отчет о IV Государственной думе и что его, как представителя народа, никто не может лишать слова. Вскоре после этого из кондукторского помещения вышло во двор несколько служащих кондукторов, которые просили Муранова остаться, на что последний согласился, несмотря на категорическое требование Подхалюзина удалиться. Тогда инженер Подхалюзин заявил Муранову, что об этом он сейчас же сообщит в полицию и направился к телефону, но когда возвратился обратно, то Муранова уже не оказалось. Негласно выяснено, что в промежуток разговора инженера Подхалюзина по телефону Муранов успел предложить кондукторам бороться за восьмичасовой рабочий день, мотивируя это тем, что при девятичасовом дне физически невозможно без перерыва работать. Настроение кондукторской бригады трамвая после того было несколько повышенное...

Об изложенном имею честь сообщить департаменту полиции.

Губернатор, двора его величества камергер Катеринич.

Из донесения начальника Харьковского губернского жандармского управления директору департамента полиции, 25 апреля 1913 г., № 2172[1].

По полученным агентурным сведениям, 14 апреля сего года около 11 часов утра в лесу Рубинштейна, в окрестностях г. Харькова, член Государственной думы, социал-демократической фракции, Матвей Константинович Муранов, на собрании делал доклад о деятельности названной фракции...

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 307, 1913 г. (прод. 1), лл. 10—11.

На собрании этом Муранов говорил о существующем во фракции расколе (7/6)[1], поддерживая взгляды «большевиков». По его словам, началом раздора во фракции послужил выпуск в Петербурге листков с призывом к демонстрации в день открытия сессии Государственной думы IV созыва[2]. Листки были изданы от имени «инициативной группы» легальных профессиональных обществ, но без ведома местного комитета социал-демократической рабочей партии, а также «организационного бюро» ликвидаторского направления.

Петербургский комитет на собрании представителей этих организаций при участии членов Государственной думы, социал-демократов, а также представителей рабочих газет «Правды» и «Луча» высказался сочувственно по поводу выпуска листков, «организационное же бюро» — напротив. К первому мнению присоединились представители газеты «Правда» и члены Государственной думы — большевики (последние в числе 5), а остальные к мнению организационного бюро...

Благодаря численному перевесу во фракции «ликвидаторов», эти последние всегда пользуются преимущественно[3] при решении вопроса о выступлении с трибуны Государственной думы и пр...

За начальника отделения О ш е в и ч.

Из донесения харьковского губернатора в департамент полиции, 5 мая 1913 г., № 15473[4]

Изюмский уездный исправник донес мне, что рабочий Краматорского железоделательного завода Томаш Зноек ведет переписку с членом Государственной думы от рабочих Харьковской губернии Мурановым. Полицейскому надзирателю Краматорских заводов Осауленко удалось агентурным способом добыть копию с двух писем Муранова к рабочему Зноек, каковые копии отосланы помощнику начальника Харьковского губернского жандармского управления в Изюмском уезде ротмистру Давыдову. Полученными от Муранова письмами рабочий Зноек

---

[1] Меньшевистская «семерка» и большевистская «шестерка».

[2] За 3 дня до открытия IV Государственной думы на фабриках и заводах Петербурга была распространена листовка «К рабочим г. Петербурга» за подписью: «Петербургская центральная социал-демократическая группа профессиональных работников», «Группа социал-демократов», «Группа революционных социал-демократов» с призывом к однодневной забастовке-протеста в день открытия Думы — 15 ноября 1912 года.

Против забастовки-протеста сразу же выступила меньшевистская петербургская «инициативная группа», опубликовав в «Луче» (№ 49, 13 ноября 1912 г.) заметку о том, что слухи о демонстрации являются «безусловным вымыслом» и неизвестно кем сделанной попыткой использовать повышенное настроение рабочих в каких-то своих целях. В течение оставшихся до открытия Думы двух дней ликвидаторский «Луч» продолжал «предостерегать» против выступления-протеста петербургских рабочих.

15 ноября — в день забастовки-протеста — в «Луче» (№ 51) и «Правде» (№ 169) появилось заявление за подписью социал-демократической фракции Думы с призывом к рабочим воздержаться от забастовки-протеста и демонстраций, так как призыв к выступлению «не исходит ни от одной из авторитетных петербургских социал-демократических групп».

Несмотря на эти «предостережения», политическая забастовка 15 ноября охватила в Петербурге несколько десятков заводов и фабрик и до 50 000 рабочих.

Выступление фракции против ноябрьской забастовки вызвало протест со стороны петербургских рабочих. Впоследствии большевистская «шестерка» признала ошибочность своей позиции в этом вопросе и выступила с соответствующими заявлениями на ряде рабочих собраний.

[3] Так в подлиннике.

[4] ЦАР, ДП, IV, д. № 274, 1912 г., л. 223.

делился с теми служащими на заводе, которые отличаются левым направлением.

19 апреля сего года полицейским надзирателем Краматорских заводов Осауленко были получены сведения о прибытии в Краматорскую того же числа члена Государственной думы Муранова. Получив такие сведения, надзиратель Осауленко через посредство городовых установил наблюдение за появлением Муранова в том или ином месте.

В 7½ часов вечера в дер. Петровке, находящейся вблизи Краматорской, в квартиру названного уполномоченного от рабочих Зноек начали сходиться рабочие. Услышав через окно, закрытое ставней, следующее: «принадлежа к социал-демократической рабочей партии, я всеми силами поддерживаю фракцию», затем голос Зноек, спрашивавшего: «Как нам действовать на месте?»,— надзиратель вместе со старшим городовым Соколовым зашел в помещение, где оказался член Государственной думы Муранов и 14 человек рабочих. Собрание надзирателем немедленно было закрыто, участники его переписаны.

При составлении протокола Муранов, отказавшись дать показания о цели устроенного им, без надлежащего разрешения, собрания, заявил, что приехал в Краматорскую к выборщику Зноек погостить, а приход туда рабочих, по словам Муранова,— простая случайность. От подписи на протоколе Муранов отказался. Протокол произведенного дознания надзирателем передан помощнику начальника Харьковского губернского жандармского управления в Изюмском уезде, а копию изюмским исправником поручено передать уездному члену окружного суда 2 участка Изюмского уезда для привлечения Зноек к судебной ответственности по 39—3 ст. уст. о наказ. за допущение в квартире неразрешенного собрания.

Губернатор, двора его величества камергер Катеринич.

Циркуляр департамента полиции губернаторам, градоначальникам и варшавскому обер-полицеймейстеру, 9 мая 1913 г., № 99577—99953[1].

Члены социал-демократических фракций Государственной думы, а также и трудовой группы, как неоднократно наблюдалось, пытались использовать перерывы в занятиях Думы и пребывание свое в местностях, от которых они избраны, с целью оглашения своих противоправительственных взглядов под видом ознакомления избирателей с деятельностью Государственной думы, а некоторые из них, рассчитывая на особые гарантии неприкосновенности личности, установленные для членов законодательных учреждений, переходили к явно агитационной деятельности и распространяли суждения, возбуждающие к ниспровержению существующего в государстве общественного строя.

Признавая подобное явление совершенно недопустимым, прошу ваше превосходительство сделать распоряжение о наблюдении через подведомственных вам чинов полиции за деятельностью членов Государственной думы названных фракций в этом направлении и неукоснительном привлечении их к ответственности в тех случаях, когда в деяниях их установлены будут признаки одного из государственных преступлений, предусмотренных действующими уголовными законами.

Что же касается вопроса о порядке привлечения членов Государственной думы к ответственности, то считаю необходимым преподать нижеследующие указания; в силу статьи 15 учреждения Государственной думы, члены ее могут быть привлекаемы в качестве обвиняемых лишь к предварительным следствиям, а не к формальным до-

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 30, 1913 г. (прод. 1), л. 50.

знаниям, так как по точному смыслу означенной статьи члены Государственной думы подвергаются лишению или ограничению свободы, являющимся неизбежным последствием привлечения к делу в качестве обвиняемого, не иначе, как по распоряжению судебных властей.

Однако в случаях, предусмотренных статьей 16 того же учреждения, а именно когда члены Государственной думы застигнуты при самом совершении преступления или не позже, как на следующий день, чины общей и жандармской полиции могут, согласно раз'яснению уголовного кассационного департамента правительствующего сената от 22 мая 1907 г., подвергать членов Государственной думы личному задержанию в порядке 257 ст. уст. уг. судопр.

При этом однако необходимо тщательно взвешивать все обстоятельства, могущие служить основанием к привлечению членов Государственной думы к уголовной ответственности, и принимать указанные выше меры против них лишь в том случае, если имеются вполне основательные данные предполагать, что судебные власти признают собранные против членов Думы улики достаточными для привлечения их к судебной ответственности.

При всех случаях задержания чинами полиции членов Государственной думы надлежит также неуклонно руководствоваться 250 статьей уст. уг. судопр. и немедленно передавать задержанных в распоряжение судебных властей.

Министр внутренних дел Ник. Маклаков.

Из донесения начальника Харьковского губернского жандармского управления директору департамента полиции, 3 сентября 1913 г., № 4753 [1].

За деятельностью и партийными сношениями члена IV Государственной думы из «шестерки» социал-демократической фракции, мещанина города Полтавы Матвея Константинова Муранова было установлено с момента прибытия его из С.-Петербурга в г. Харьков, 3 июля сего года, до выезда его за границу, 15 сего сентября, агентурное освещение при наружном наблюдении; в наблюдении он — «Мурый»; результат агентурного освещения и наружного наблюдения не дал данных к применению в отношении Муранова — «Мурого» циркуляра департамента полиции (по особому отделу) от 15 мая сего года за № 99765.

Агентурные сведения указывали, что местная социал-демократическая организация... возлагала надежды на Муранова в деле сорганизования цельной (общегородской) организации и предоставления ей партийных работников, но установленное за Мурановым тщательное наблюдение не давало ему возможности активно участвовать в работе, а агентурное освещение парализовало его в предоставлении организации пришлого активного элемента, так как таковой представлялось возможным своевременно из'ять.

Так, 21 июля, по инициативе Муранова, предполагалось на Лысой горе, в лесу, собрание преставителей и членов местных социал-демократических групп, а равно представителей заводов и других предприятий; на этом собрании Муранов предполагал прочесть доклад о работе членов социал-демократической фракции Государственной думы, выяснить ход работы на местах, а равно использовать момент для об'единения групп; принятыми мерами наружного наблюдения с участием чинов наружной полиции, из каковых были установлены раз'езды, собрание это не было допущено; причем сам Муранов, заблаговременно явившись на место собрания, предупреждал собравшихся о возможно-

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 307, 1913 г. (прод. 2), лл. 241—243.

сти из-за него, Муранова, провала. Далее Муранов хотел было прибегнуть к использованию обеденных перерывов на заводах и фабриках; так 29 июля Муранов явился на завод масляных красок Григория Бочарова на Большой Гончаровской улице, в доме № 18, в час дня, в столовую, где было до 40 человек рабочих, и, назвав себя членом Государственной думы от рабочих, стал говорить им о работе социал-демократической фракции; пробыл он на заводе около получаса, причем одним из рабочих был задан ему вопрос, почему он, Муранов, не испросил разрешения на собрание всех рабочих; на это от Муранова последовал ответ, что это сопряжено с большим затруднением. По этому поводу было произведено надлежащее расследование, были опрошены рабочие и в дальнейшем, по докладе г. харьковскому губернатору, последовало от него распоряжение об ответственности управляющих заводами и фабриками за допущение посторонних лиц к созыву таковых собраний.

Таким образом и этот способ использования пребывания Муранова в г. Харькове был для него закрыт (представление от 2 августа сего года за № 3939).

Все же 14 августа в 9 часов вечера Муранову удалось созвать в лесу за Лысой горой собрание из 7 человек; на собрании этом Муранов познакомил присутствовавших с работой в Государственной думе социал-демократической фракции — в целом и «шестерки» — в частности, говорил о школе пропагандистов; собрание это не было ликвидировано, так как оно произошло внезапно: инициатором его был близкий пособник Муранова, слесарь в депо южных дорог Николай Максимов Кабаненко, каковой в ночь на 23 августа был подвергнут обыску, а по опросе его заключен под стражу в Харьковскую губернскую тюрьму, с возбуждением о нем охранной переписки (представление от 27 августа за № 4299)...

7 сентября Муранова посетил проездом член IV Государственной думы Григорий Иванов Петровский, в наблюдении «Пройдоха»; установленное за Мурановым и Петровским наблюдение партийных связей по г. Харькову не отметило (представление от 9 сентября за № 4474).

А. Казак.

Письмо начальника Екатеринославского губернского жандармского управления директору департамента полиции, 27 сентября 1913 г., № 6631 [1].

Ваше превосходительство, милостивый государь, Степан Петрович.

Вследствие письма вашего превосходительства от 14 сентября сего года за № 104122 доношу вашему превосходительству, что о принятии надлежащих мер наблюдения за деятельностью на местах членов социал-демократической фракции Государственной думы, в частности же депутата от вверенной моему наблюдению губернии Григория Иванова Петровского, в связи с указаниями циркуляра департамента полиции от 15 мая сего года за № 99722 мною были преподаны соответственные указания как чинам управления, так равно и начальникам уездной и городской полиции.

Направленная в связи с сим агентура управления отметила в последних числах июля месяца сего года приезд Петровского в Екатеринослав, а равно и незамедлительный выезд его 30 того же июля в г. Киев для участия в кооперативном с'езде, причем в тесное общение

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 307, 1913 г. (прод. 2), лл. 214—215.

с местными рабочими Петровский должен был войти по возвращении своем из Киева путем созвания совещания местных рабочих для обсуждения положения дел и заслушания доклада о думской работе и желательности создания южной областной конференции РСДРП.

О выезде Петровского в Киев мною было сообщено начальнику Киевского губернского жандармского управления телеграммой от 2 августа сего года, за № 5156, с просьбой о сопровождении Петровского наблюдением при возвращении его в Екатеринослав, но наблюдение это осуществлено не было.

Петровский прибыл в Екатеринослав между 10 и 15 августа, побывав по дороге в Кременчуге, где ему удалось устроить собрание местных рабочих, 15 же августа по его инициативе должны были собраться некоторые рабочие заводского и заднепровского районов.

На собрание это явилось около 10 рабочих в большинстве известных управлению по своей предыдущей партийной деятельности.

Петровский сделал доклад о думской деятельности, затем поставил на обсуждение вопрос о необходимости восстановления подпольной организации, предложив для нее форму организования сверху, и высказал желательность создания стачечной волны как в городе, так и в шахтном районе, приведя пример рабочих Баку, Чиатур, Петербурга Лодзи и других, упрекая при этом местных рабочих в инертности.

От обсуждения последних вопросов собравшиеся однако отказались, мотивируя свой отказ необходимостью предварительного обсуждения их в массе. В силу этого собрание было перенесено на 18 августа, когда и состоялось, но при участии уже новых рабочих. Собрание это к каким-либо определенным вопросам не пришло и вскоре начало расходиться, но явившаяся, по моему распоряжению, на место собрания полиция часть участников переписала. Лица эти были затем, по моему распоряжению, арестованы впредь до выяснения обстоятельств дела.

Вопрос о конференции на собраниях этих не поднимался.

При дальнейшем своем пребывании в Екатеринославе Петровский совершенно не поддавался связному последовательному филерскому наблюдению, и 6 же сентября выбыл из Екатеринослава в Харьков в сопровождении филеров, передавших его для дальнейшего наблюдения филерам Харьковского губернского жандармского управления (донесение департаменту полиции 7 сентября за № 6129).

Список рабочих, вошедших в связь с Петровским, при сем представляю.

Что касается Донецкого бассейна, то о посещении такового депутатом Петровским сведений как от помощников моих, так и чинов общей полиции не поступило, ввиду же появившихся в рабочей прессе заметок об об'езде Петровским некоторых заводских и рудничных пунктов мною приняты меры к проверке сего, по результатам донесу дополнительно.

Покорнейший слуга А. Критский.

Донесение начальника Херсонского губернского жандармского управления директору департамента полиции, 3 января 1914 г., № 9 [1].

Вследствие телеграммы от 17 декабря 1913 г., за № 1532, доношу вашему превосходительству, что с поездом жел. дор., приходящим в г. Николаев в 12 ч. 48 мин. ночи, 25 декабря прошлого года приехал член Государственной думы Петровский и по сведениям агентуры

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 307, 1914 г. (прод. 1), лл. 15—16.

в тот же день в 8 час. вечера устроил собрание в квартире крестьянина Смоленской губ., Ельнинского уезда Николая Трофимова Родченко на углу переулка Б. и Новосельской ул.... Обсуждались вопросы: 1) о летнем совещании партийных работников [1], 2) о положении дел фракции [2], 3) местные дела, 4) 9 января, 5) южная конференция, общий с'езд, 6) газеты и журналы, 7) социалистический конгресс, 8) обсуждение предложения по вопросу об'единения, 9) о восьмичасовом рабочем дне.

1) По первому вопросу делал доклад Петровский; он указал, что летнее совещание правильно оценило все последнее движение рабочих и под'ем рабочих и указало правильный путь практической работы, т. е. оставаться верным старым традициям партии — сохранение нелегальной партии. Доклад принят целиком, с тем чтобы были присланы печатные материалы.

2) По второму вопросу Петровский отметил, в чем именно разошлись 6-ка и 7-ка депутатов, указал, что 7 депутатов отступили от программы партии.

3) О местных делах докладывали неизвестный, Сорокин и Гордиенко; говорилось о забастовке, кем она была организована, по каким причинам возникла, о результатах ее и об отношении к легальным обществам рабочих.

4) По вопросу о 9 января Петровский указал, чтобы в этот день не работали и выпустили бы листки; на это последовал ответ, что по мере возможности это выполнят.

5) О созыве южной конференции Петровский указал как на необходимость и просил вынести постановление об общем с'езде [3], причем доложил, что в центральной России, в Петербурге и Москве с той же целью организуются конференции, на это было заявлено Петровскому, что прежде чем начать организацию конференции, нужно самим сорганизоваться на местах.

6) Петровский настаивал на выписке только своих марксистских газет и журналов.

7) В будущем 1914 г. в Вене предполагается социалистический конгресс [4]; Петровский сказал, что необходимо будет послать туда своего

---

[1] Речь идет о состоявшемся в Поронине совещании ЦК РСДРП с партийными работниками 22 сентября — 1 октября 1913 г. В целях конспирации Поронинское совещание было названо «летним». Петровский, делавший доклад о «летнем» совещании на нелегальном собрании в г. Николаеве, был участником этого совещания.

[2] Речь идет об образовании самостоятельной большевистской фракции под названием: «Российская социал-демократическая рабочая фракция».

[3] На Поронинском совещании ЦК РСДРП с партийными работниками было вынесено решение о созыве партийного с'езда. «Совещание ставит на очередь вопрос о созыве партийного с'езда, — гласила резолюция совещания «По организационному вопросу и о партийном с'езде».— Рост рабочего движения, назревание политического кризиса в стране, необходимость об'единенных выступлений рабочего класса во всероссийском масштабе делают и необходимым и возможным созыв такого с'езда — после достаточной его подготовки» (Сб. «ВКП(б) в резолюциях», часть I, стр. 234. Партиздат, 1932 г.).

Работа по созыву партийного с'езда была возложена на большевистскую фракцию Государственной думы. В целях восстановления подпольных организаций на местах, созыва областных партийных конференций и выбора делегатов на партийный с'езд члены большевистской фракции Думы совершали об'езд крупнейших партийных организаций. Приезд Петровского в г. Николаев лежал в плане этой работы.

[4] Речь идет о предполагавшемся международном социалистическом конгрессе в августе 1914 г. в Вене.

На Поронинском совещании в сентябре — октябре 1913 г. было решено принять активное участие в работе конгресса и приурочить к этому времени созыв за границей партийного с'езда.

делегата, причем добавил, что если такового не будет, то уведомить его об этом заблаговременно, и он сам найдет подходящее лицо, которому надо будет передать тогда право решающего голоса.

8) Петровским было предложено обсудить на местах вопросы, по каким именно из них можно было бы притти к соглашению с ликвидаторами и другими течениями в с.-д. организации, с тем чтобы по этим вопросам были бы сделаны необходимые резолюции.

9) По вопросу о восьмичасовом рабочем дне Петровский настаивал на широком толковании этого вопроса и о возможно большем собрании подписей под этими резолюциями [1].

На другой день с поездом, отходящим из Николаева в 5 ч. 2 м. утра, Петровский выехал из г. Николаева неизвестно куда.

В виду столь короткого времени пребывания его в Николаеве и поспешного от'езда агентуре не представилось возможным выяснить, откуда Петровский приехал в Николаев и куда именно он направился, а равно по той же причине не удалось за ним установить и наружного наблюдения.

Личности присутствовавших на собрании устанавливаются, по выяснении будет доложено г. николаевскому градоначальнику на предмет ликвидации.

Району сообщено сего числа за № 10.

Вр. и. д. начальника управления подполковник Иванов.

Из донесения начальника Владимирского губернского жандармского управления директору департамента полиции, 14 января 1914 г., № 73 [2].

Имею честь доложить вашему превосходительству, что 7 сего января на один день из г. Кинешмы в г. Иваново-Вознесенск приезжал член Государственной думы Федор Никитин Самойлов, где останавливался в квартире крестьянина дер. Репнова, Тейковской вол., Шуйского уезда, Алексея Ефимова Пчелина, содержащегося под стражей и привлеченного к переписке в порядке положения о государственной охране (лит. Г., 19 декабря 1913 г. за № 11645), куда пригласил ковровского мещанина Андрея Карпова Серова (письмо от 31 мая 1913 г. за № 6132) и некоего Виноградова и сообщил им, что 1—3 сего января в Лондоне состоялся с'езд международного социалистического бюро, на этом с'езде был, с правом совещательного голоса, один из России (не член Государственной думы); резолюции с'езда еще не отпечатаны и будут присланы потом; на с'езде был намечен второй с'езд, который должен состояться в этом году (время и место точно не определилось).

Самойлов по поводу раскола в с.-д. фракции Государственной думы сообщил, что большевики на основании анкеты выяснили, что подавляющее число рабочих на их стороне; так в Петербурге в их пользу подало 280 тысяч голосов, кроме того, от Петербурга прислано во фракцию Думы много резолюций, в их пользу с 9569 подписями, ликвидаторы же едва набрали 5 тысяч подписей под резолюциями, осуждающими большевиков. К сожалению, от Владимирской губ. прислано лишь 2 резолюции с 11 подписями, в то время, как от Костромской губ.— 4 резолюции с 4 тысячами подписей.

[1] В ноябре 1913 г. большевистская фракция Думы разработала проект закона о восьмичасовом рабочем дне. Законопроект, напечатанный в большевистской «Правде», вызвал колоссальное движение в стране. В ноябре — декабре 1913 г. большевистская фракция Думы получала сотни резолюций от рабочих различных промышленных районов, в которых они приветствовали этот шаг фракции.

[2] ЦАР, ДП, о. о., д. № 307, 1914 г. (прод. 1), лл. 60—61.

Самойлов сообщил, что в Петербурге партийное дело стоит очень хорошо и прочно, комитет организации неуязвим, несмотря на частые аресты, работа идет непрерывно: комитет имеет связи с заграницей, с Москвой и фракцией Думы. Материальные дела Петербургской организации блестящи. Самойлов — казначей фракции, и к нему во фракцию сдаются все партийные взносы и пожертвования и так их много, что приходится сдающим деньги ожидать долгой очереди; нередки дни, когда сразу поступает до 800 руб. Вообще рабочие в Петербурге образцовы, в партийном смысле, достаточно распропагандированы.

Адрес Самойлова (донесение 11 декабря 1913 г. за № 6966) оказался не проваленным, и потому он им будет пользоваться по-старому.

Самойлов также сообщил, что приезжавший в гор. Иваново-Вознесенск в конце октября или же начале ноября 1913 г. неизвестный, с которым он послал в Ивановскую с.-д. организацию деньги (агентурные сведения сообщены в район 16 ноября за № 6834), есть член Московского комитета.

Самойлов Серову и Виноградову дал несколько номеров «Социал-демократа» и «Извещение и Резолюции летнего 1913 г. совещания Центрального комитета РСДРП с партийными работниками» и обещал прислать литературу..., а также хотел прислать из фракции денег для арестованных.

Полковник Немирович-Данченко.

Из донесения начальника Петербургского охранного отделения директору департамента полиции, 12 марта 1914 г., № 132[1].

11 сего марта мной были получены агентурные сведения, что предполагая внести 12 марта в Государственную думу вопрос к правительству об ускорении ответа на пред'явленный уже ранее запрос о положении расследования дела о ленских событиях, социал-демократическая фракция большевиков Государственной думы обратилась к Петербургскому комитету РСДР партии с просьбой о поддержке означенного выступления в Думе организацией демонстративных выступлений со стороны рабочих. Сведения эти, как усматривается из появившихся сегодня в обращении среди рабочих прокламаций РСДР партии[2] и поступающих донесений о настроении рабочих, вполне подтверждаются.

Из означенной прокламации, обращенной к рабочим и работницам Петербурга, видно, что в связи с предположенным 12 марта в Государственной думе выступлением социал-демократической фракции, рабочие призываются поддержать таковое 13 марта общей забастовкой рабочих Петербурга. Одновременно с сим получены секретные сведения о том, что в целях поддержки означенного выступления в Думе, завтра, 13 марта, предполагают провести забастовку полным составом рабочих следующих крупных заводских предприятий: Невского судостроительного и механического завода (просп. села Смоленского, д. 1) — 4374 чел.; С. Петербургского металлического завода (Полюстровская наб. 19) — 3572 чел.; электромеханического завода Сименс и Шуккерт (Московское шоссе, д. 4) — 1 000 чел.; механического завода Артур Коппель (там же, д. 5) — 750 чел.; машиностроительного завода «Старый Лесснер» (Сампсониевская наб., д. 3) — 930 чел.; механического завода Гейслер (Грязная ул., д. 12) — 1 000 чел. и кожевенного завода Осипова

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 307, 1914 г. (прод. 2), л. 86.

[2] Речь идет о листовке Петербургского комитета большевиков «К товарищам рабочим и работницам Петербурга», в которой петербургский пролетариат был призван к однодневной забастовке для поддержки запроса социал-демократической фракции Думы о ленских расстрелах.

(Голодаев пер., 3) — шорное отделение 300 чел. из 1 000 чел. рабочих завода. При этом среди рабочих С.-Петербургского металлического завода циркулируют слухи, чтобы с об'явлением забастовки двинуться всей массой к зданию Государственной думы.

Означенные сведения о готовящейся общей забастовке рабочих также подтверждают имевшиеся указания агентуры на то, что рабочие выступления, предположенные означенной революционной организацией к осуществлению в начале апреля месяца, перенесены ныне на ближайшее время, ввиду того, что день годовщины ленских событий — 4 апреля — приходится на пятницу страстной недели. Работы в этот день производиться уже не будут и, по случаю чтимого религиозного дня, рабочие выступления в этот день признаны неуместными, хотя вопрос этот в центре окончательно еще не решен. В виду перенесения, таким образом, рабочих выступлений на ближайшие дни, мной принимаются меры к ликвидации более видных партийных работников и агитаторов в рабочей среде.

Полковник Попов.

Из донесения костромского губернатора министру внутренних дел, 23 июня 1914 г., № 272[1].

Начавшаяся в мае месяце на фабрике Томна, Кинешемского уезда, забастовка охватила ныне весь фабричный район Костромской губернии (кроме г. Костромы), о чем я имел честь доложить вашему высокопревосходительству в письме моем от 14 сего июня за № 244.

12 июня член Государственной думы от рабочих Костромской губернии большевик с.-д. Шагов прислал рабочим фабрики на Томне телеграмму, приветствующую их в начатой борьбе и вслед за сим приехал на место стачки. Раз'езжая за сим по всему району, он призывает рабочих к забастовке; из разных пунктов по телефону (и междугородному) он делает мне разные заявления, пред'являя претензии и жалобы. На фабрике в Родниках, где он состоит рабочим, он был допущен на собрание рабочих; на собрании же рабочих других фабрик он, по распоряжению моему, не допускается. В виду этого он организует недозволенные собрания в лесу, каковые мерами полиции рассеиваются, но, очевидно, не все собрания обнаруживаются, и поэтому влияние Шагова растет ежедневно.

Противостоять этому влиянию я считаю своей первейшей задачей. Одним из доступнейших способов приобрести влияние на рабочих заключается в речах на собраниях, и поэтому ранее всего мне надлежало установить свою позицию относительно самого допущения собраний.

К сожалению, существующие законы довольно слабо вооружают в этом отношении административную власть.

По закону 4 марта 1906 г. собрания разделяются на публичные и непубличные.

Вторые никакому ограничению (ст. 1) не подлежат. Признать собрания рабочих принадлежащими к этой категории невозможно, так как это было бы попустительством к безграничной агитации, хотя бы уже потому, что если признать их непубличными, то нет законного основания к пред'явлению требования о присутствии на них чина полиции. Суждения же и решения рабочих без этого сдерживающего начала, очевидно, пойдут по пути, совершенно недопустимому. Кроме того, нет решительно никакой гарантии, чтобы на этих собраниях не появлялись

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 307, 1914 г. (прод. 3), лл. 315—318.

лица и не из числа рабочих, а именно приезжие агитаторы, и в том числе и Шагов и другие. Полагаю, что в квалификации собрания рабочих, как публичного, достаточно юридических оснований, так как рабочие, строго говоря, не составляют «законно существующего общества или союза», так как связь их зиждется лишь на договорном отношении к третьему лицу, т. е. фабриканту.

Следовательно практически и юридически собрания рабочих надо почитать публичными. Таковыми я их и признал, но если они публичные, то они доступны «неопределенному числу лиц», причем даже «неизвестных устроителям собрания». В таком случае на них может присутствовать всякий, в том числе и Шагов.

Тем не менее участие его в собраниях недопустимо, и мной отдано распоряжение на собрания его не допускать, а в ходатайствах по этому поводу я отказываю.

Мне отлично известно, что Шагов принадлежит к числу решительнейших революционеров и, следовательно, его задачи только и могут быть революционными. Мне докладывали, что на бывшем в Родниках собрании Шагов будто бы вел себя не только лойяльно, но даже упрекал рабочих там, где они позволили себе какие-нибудь эксцессы, но с другой, — мне известно, что на недозволенном собрании он проводил такую теорию: добиться от фабрикантов более или менее значительной уступки, стать на работу, затем через некоторое время вновь забастовать и вновь добиться уступок, пока все требования (достигающие самых невозможных размеров и нелепости) будут удовлетворены. Словом, теория его заключается в том, чтобы все время держать рабочих и фабрикантов в тяжелом напряжении, создающем атмосферу для всяких крайностей. Когда настроение рабочих будет доведено до последних пределов напряжения, то начнутся эксцессы и естественно вызываемые ими репрессии, и движение рабочих масс, направленное против капиталистов, направится против правительства. Нельзя забывать, что Шагов не только рабочий, но в гораздо большей степени революционер. Но по какому бы то ни было пути ни пошел Шагов, его влиянию должен быть положен предел. Если бы даже и деятельность [его] протекала вполне легально, не выходя по видимости из сфер экономических, тем не менее, в случае успеха его деятельности, он создает себе здесь положение рабочего диктатора, с которым власти придется считаться.

Когда он даст рабочим то, чего они хотят и то, что он им обещал, то они увидят в нем единственную власть, которая улучшает их быт, и он будет им диктовать свою волю, и с ней власти придется считаться, так как от него будет зависеть держать ли рабочую массу в спокойствии или бросить ее в ту или другую крайности.

Сдать своей власти я не хочу и не могу и поэтому Шагова никуда не пускаю и всюду буду ему ставить палки в колеса, но не могу не высказать при этом опасения, чтобы деятельность моя не встала в коллизию с законами, с чем рано или поздно придется считаться.

Ища юридической почвы для своих распоряжений, я и остановился на следующем. Закон говорит, что публичные собрания, цель которых угрожает общественному спокойствию и безопасности, воспрещаются.

Собрания рабочих, на которых обсуждаются условия мирной забастовки, общественному спокойствию и безопасности не угрожают, но появление на них лица, официально принадлежащего к с.-д. партии, ставящей своим знаменем ниспровержение существующего строя, тем более, когда это лицо облечено обаянием звания члена Государственной думы и избирается рабочими председателем собрания, является уже угрожающим общественному спокойствию.

Если такое мышление может быть признано правильным, то с меня будет снят гнет опасения в признании деятельности моей незакономерной со всеми последствиями сего, что, конечно, будет способствовать необходимому спокойствию духа.

Если ходатайство мое, выраженное в письме от 14 сего июня о введении в фабричных уездах губернии усиленной охраны, будет осуществлено, то вопрос о собраниях разрешился бы гораздо проще. Высказанные в том письме опасения мои вполне оправдались. Забастовочное движение ныне уже охватило Владимирскую губернию.

Мне известно, что есть лица, относящиеся к забастовочному движению совершенно безразлично, и как бы привыкнув к нему, не обращают на него внимания.

Этого оптимизма я не разделяю. Когда забастовки в течение нескольких дней охватывают целый район, когда рабочими по трафарету пред'являются одинаковые требования, когда требования эти, очевидно, неисполнимы, то совершенно ясно, что рабочим движением руководит чья-то невидимая и пока недосягаемая рука. Овладев рабочим движением, рука эта в свое время направит пролетариат туда, куда она захочет и, очевидно, к выполнению социальной революции.

Не могу при сем не отметить, что Костромская губерния считается четвертой по числу рабочих внутренних губерний империи, почему исключительное мое внимание к рабочему движению во всем его об'еме полагаю своею обязанностью.

Если бы в ближайшем будущем забастовки в Костромской губернии уменьшились, и пессимизм мой видимостью не оправдался, то это обстоятельство нисколько не разубедило бы меня в правильности своего взгляда. Движение может прекратиться в виду принятых мер, но смотр пролетарской армии и проверка ее дисциплины были сделаны, и руководителями ее установлена готовность пролетариата отвечать дружно на их призыв.

Должен отметить, что в числе других мер мной, согласно циркуляра департамента полиции от 28 июля 1913 г. за № 18769, было созвано собрание фабрикантов забастовочного района. К сожалению, это совещание ничего не дало. Насколько рабочие дружны, смелы и сорганизованы, настолько подавляющее большинство фабрикантов малодушно и идет вразброд. Ясно было видно, что у них только и было одно желание,— да будет мне позволено так выразиться — «подсидеть» соседа.

Я неоднократно задумывался над мыслью непосредственного сношения с рабочими. Но результаты совещания с фабрикантами заставили меня отказаться от этой мысли.

Если бы они решили не делать никаких уступок, то я и заявил бы об этом рабочим и посоветовал бы им встать на работы. Этого совета я теперь дать не могу. Опрометчиво будет, если губернатор скажет рабочим: «Бросьте забастовку, вам ничего не прибавят», а на следующий день фабрикант эту прибавку даст. Правы тогда будут рабочие, если скажут: «Лучше верить Шагову, чем губернатору». Другое обращение губернатора к рабочим могло бы быть: «Бастуйте, сколько хотите, но эксцессов, насилий, застращиваний я вам не позволю». Но первую половину этой фразы, однако логически необходимую для вывода, заключающегося во второй, я нахожу недопустимой в устах губернатора, так как она как бы поощряет забастовку. Если забастовки ныне и не запрещены законом, то все-таки они принадлежат к тем явлениям, мимо которых можно пройти, но не останавливаться на них невозможно.

Все приведенное я излагаю под живым впечатлением поездки, только что совершенной в забастовавший район. Не могу к сему не присово-

купить, что видимость экономических условий быта рабочих вполне благоприятна.

На фабрике Красильникова в с. Родниках прядильщик зарабатывает 186 руб. в год, ткач — 254 руб., а рабочий механического цеха — 357 руб. На меньших фабриках условия заработка несколько ниже...

Все это укрепляет в мысли, что недовольство здесь создано искусственно.

Прошу не поставить мне в вину, если я дополню это представление одним примером почти анекдотического свойства, но столь красочным, что я не могу его не отметить.

Когда я от'езжал от фабрик в Родниках, а равно под'езжал к Тезину, то видел целые группы рабочих, играющих в футбол в специальных желтых спортивных костюмах.

И это угнетенный пролетариат!

Присовокупляю к сему, что при об'езде района мной подтверждены указания исправникам неотступно следить за Шаговым, что, как дошло до моего сведения, уже послужило для него поводом для жалобы на имя вашего высокопревосходительства.

Покорнейше прошу и т. д.

Стремоухов.

Из донесения начальника Тульского губернского жандармского управления директору департамента полиции, 26 июня 1914 г., № 6702[1].

21 сего июня я получил агентурные сведения, которые и были сообщены департаменту полиции 22 июня за № 6472, о том, что в Тулу в скором времени ожидается приезд члена Государственной думы Петровского, что здесь он будет видеться с Павлом Галаниным и другими членами сорганизовавшейся в текущем июне «руководящей группы» и что приют в Туле он себе найдет в квартире еврейки Блюмы Абрамовой Либерман (урожденной Зон), проживающей по Калужской улице в доме Редкина, № 23.

Имея в виду циркуляры департамента полиции от 30 ноября 1913 г. за № 107322, от 1 марта сего года за № 167664 и от 2 минувшего мая за № 170836, я установил с утра 22 июня наблюдение за прибытием лиц в дом Редкина и проследку за Галаниным, полагая этим путем, при содействии агентуры, обнаружить в Туле г. Петровского.

Наблюдение за домом Редкина в течение 22 июня и последующих дней появления сюда неизвестных ему лиц не заметило; наблюдение за квартирой Галанина, проживающего по Коммерческой улице в доме Фандина, было также безрезультатным: 22, 23 и 24 июня Галанин в своей квартире не жил, ибо выходов и проходов его сюда также замечено не было.

23 июня в 7 часов утра я был извещен по телефону со станции «Тула», Московско-Курской жел. дор., агентом Московского охранного отделения... о том, что выехавший из Москвы ночью 22 июня с билетом до г. Харькова член Государственной думы Петровский сошел в Туле и, сдавши свои вещи на хранение, направился со станции пешком под наблюдением другого агента... в город и что в виду трудности наблюдения по безлюдным улицам за Петровским, проверяющим всех идущих за ним и встречающихся ему по пути лиц, они решили: одному — сопровождать его в город, а другому — наблюдать за лицами, которые могут прибыть на станцию «Тула» за вещами Петровского.

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 307, 1914 г. (прод. 3), лл. 300—302.

По получении этих сведений я... лично доложил его превосходительству г. тульскому губернатору о приезде сюда члена Думы Петровского, указав, что по отношению г. Петровского, в дни пребывания его в Туле, я буду строго руководствоваться правилами, преподанными в конце циркуляра департамента полиции от 30 ноября 1913 г. за № 107322, что и было его превосходительством одобрено.

В 11 часов утра 23 июня в управление явился филер... и доложил мне, что наблюдаемый член Думы Петровский утерян им на Хлебной площади при следующих обстоятельствах: выйдя около 7 часов утра с вокзала, г. Петровский направился в город по Суворовской, Технической, Старо-Павшинской и Посольской улицам; перейдя через мост на реке Упе, наблюдаемый пошел по Больничной набережной до Госпитальной улицы; отсюда он пошел обратно по этой же улице через мост на реке Упе и далее на Воздвиженскую улицу, где просидел 10 минут на лавочке у дома № 15; после этого Петровский направился по Менделеевской, Никитской, Троицкой, Посольской и Тургеневской улицам до Гоголевской, и отсюда вышел по Пироговской улице на Хлебную площадь.

Выйдя на середину площади, Петровский долго осматривался, а потом быстро добежал до свободного извозчика, стоявшего на углу Площадной улицы и площади, у трактира, и на нем уехал по Пироговской улице по направлению к Воронежской; наблюдавший за ним ... не мог следовать за Петровским, так как свободных извозчиков здесь поблизости больше не было.

Во все время хождения по городу, в продолжении более 3 часов, Петровский, видимо, проверял наблюдение, останавливаясь на поворотах за углами и зорко всматриваясь в лица мимо проходивших.

В 4 часа этого же дня я получил агентурные указания о том, что приехавший в Тулу член Думы Петровский, по его словам, еще по пути из Москвы заметил наблюдение за ним и в Туле, желая избавиться от последнего, вынужден был ходить по городу более 3 часов...

Скрывшись... Петровский, по тем же сведениям, приехал в чайную профессионального общества металлистов, на Пятницкой улице, где его уже поджидал Павел Галанин, с которым он и направился в 3 часть гор. Тулы, но к кому именно,— агентура указать не могла.

Во избежание обнаружения места пребывания Петровского в Туле Галанин и другие члены «руководящей группы», решили вывезти Петровского на ночлег на какую-то дачу, в 3—4 верстах от Тулы, что и было ими выполнено.

24 июня вечером агентура подтвердила вышесказанное и добавила, что члены «руководящей группы»... провели ночь под 24 июня и весь последующий день вне Тулы, в обществе г. Петровского, дали ему все сведения о положении тульских рабочих и о налаживающейся здесь социал-демократической работе, причем они просили Петровского сделать хотя бы краткий доклад на собрании о деятельности Государственной думы, о положении дел в центрах партии и о работе на местах.

Выступление Петровского на собрании члены «руководящей группы» хотели использовать в целях под'ема настроения среди тульских рабочих; предполагалось также вручить Петровскому на этом же собрании, при возможно торжественной обстановке, мандат на делегирование его от Тульской организации на предполагающийся в этом году за границей партийный с'езд (циркуляры департамента полиции от 1 марта и 2 мая 1914 г. за №№ 167664 и 170836).

Сам Петровский не из'являл особой готовности выступить на многолюдном собрании, очевидно, не желая могущих произойти от сего осложнений, хотя и не отказывался категорически от этого; учитываясь с настроением г. Петровского, окружающие его лица обещали принять все меры осторожности и провести его на собрание только в том случае, если не будет никаких указаний на осведомленность полиции о месте и времени собрания.

Собрание было назначено на опушке Щегловской засеки (в 3—4 верстах от г. Тулы) за патронным заводом, от 9 часов вечера; пароль для идущих на собрание был об'явлен: «Где найти Герасима?»

О предполагающемся собрании мною было доложено вице-губернатору, действительному статскому советнику В. М. Страхову (тульский губернатор, действительный статский советник А. Н. Тройницкий, выехал в этот день по делам службы в г. Новосиль).

Сделавши учет всем данным и настроению массы тульских рабочих, г. вице-губернатор высказался после моего доклада за то, чтобы собрание это было предупреждено высылкой в Щегловскую засеку конно-полицейских раз'ездов.

К 8 часам вечера я прибыл совместно с и. д. тульского полицеймейстера, поручиком Толпыго, в Щегловскую засеку, где на опушке ее, у соединения двух дорог, идущих к засеке — одна севернее, а другая — южнее патронного завода, застал толпу молодежи, до 50 человек, видимо, чего-то поджидавших. По южной же дороге видны были густые группы, в два-три и более человека, направляющиеся к Щегловской засеке. В то время, когда мы под'езжали к опушке засеки, от этой группы молодежи отделились и направились по северной и южной дорогам два велосипедиста, которые, как было видно, и начали предупреждать всех, идущих по направлению к засеке, о нашем появлении.

Встречавшиеся с велосипедистами поворачивали обратно, а собравшаяся уже здесь группа постепенно разошлась, направившись в своем большинстве, порознь, в город.

Прсехавшими по засеке конно-полицейскими раз'ездами никаких группировок там замечено не было.

К филерам, поставленным у пороховых погребов и у патронного завода с целью опознать Петровского, обращались неоднократно проходившие мимо них с вопросом — «Товарищи, где можно видеть Герасима?», что подтверждает, что сведения о намеченном в Щегловской засеке собрании были правдивы.

В 5 часов утра 25 июня Петровский прибыл на ст. «Тула», Московско-Курской жел. дор., откуда и отбыл с поездом № 9 по направлению к Харькову под наблюдением двух филеров Тульского управления.

Имея в виду, что г. Петровский мог остановиться еще в гг. Орле и Курске, я предупредил шифрованной телеграммой начальников управления с просьбой принять его от филеров в том случае, если он остановится в одном из этих городов.

Начальник Курского губернского жандармского управления полковник Мрачкевич уведомил меня телеграммой за № 879, что г. Петровский в Курске не остановился, а проехал в г. Харьков.

26 июня я получил от агентов, сопровождавших Петровского, телеграмму о том, что он сдан в г. Харьков под наблюдение Харьковского губернского жандармского управления.

О вышеизложенном доношу вашему превосходительству.

Подполковник Павлов.

Из донесения начальника Харьковского губернского жандармского управления директору департамента полиции, 30 июня 1914 г., № 2679 [1].

Ордером от 27 сего июня за № 389 я обратился к приставу 4 участка г. Харькова с просьбой о производстве в ночь на 28 июня самого тщательного и всестороннего обыска, в порядке охраны, у проживающих в доме № 83 по Клочковской улице мещан г. Курска Михеля и Мани Мордуховых Терлецких, известных департаменту полиции по совершенно секретным достоверным источникам.

Пристав производство обыска поручил помощнику своему Бондаренко.

При осмотре вещей помощником пристава Бондаренко был обнаружен на шкафу, во второй комнате квартиры Терлецких, портфель с бумагами, каковой он, Бондаренко, признал принадлежащим Израилю Мордухову Терлецкому, отсутствовавшему из квартиры; портфель был осмотрен, в нем оказалась фотографическая карточка члена Государственной думы IV созыва Григория Ивановича Петровского, прибывшего в Харьков 25 сего июня и остановившегося на квартире у члена Государственной думы Матвея Константинова Муранова, в доме № 49 по Кладбищенской улице. В портфеле, кроме того, было, как значится в протоколе помощника пристава Бондаренко: 1) Устав членов Государственной думы, 2) свод законов, 3) записная книжка, 4) в конверте около 50 шт. почтовых 7 коп. марок юбилейных, 5) 10 штук открыток 3 коп., 6) 9 штук статистических открыток о ходе страхования рабочих в Европе, 7) сверток ваты, 8) несколько конвертов чистых и почтовая бумага, 9) справочник для членов Государственной думы и 10) на нескольких полулистах, отпечатанных на пишущей машинке, отчет членов Государственной думы Рос. Соц.-демократической рабочей фракции.

В момент производства следственных действий вошел в квартиру Г. И. Петровский и, пред'явив помощнику пристава Бондаренко депутатский билет и визитную карточку, обратился с просьбой о возвращении ему портфеля с бумагами, как его собственности.

Помощник пристава Бондаренко послал бывшего на обыске околоточного надзирателя Вильчинского к телефону для получения соответствующего распоряжения, но, ввиду настойчивого требования Г. И. Петровского, настолько растерялся, по собственному его признанию, что, не дожидаясь возвращения Вильчинского, выдал портфель с документами Г. И. Петровскому без всякой росписки, не приняв в соображение, что Г. И. Петровский в этой квартире не проживает, в квартиру явился сам, без всяких приглашений, обыску он не подвергался, вещей от него не было отобрано и сам он не задерживался, портфель же был найден в частной квартире в момент обыска.

Подполковник Финке.

Из донесения начальника Варшавского охранного отделения директору департамента полиции, 9 июля 1914 г., № 4918 [2].

30 минувшего июня, в 3 ч. 5 м. дня, согласно телеграммы начальника Киевского губернского жандармского управления от 29 того же июня за № 137, был взят в наблюдение прибывший из Киева в Варшаву поездом № 3, в сопровождении двух филеров упомянутого управления... депутат Государственной думы Григорий Иванович Петровский, кличка наблюдения «Телеграфный». Проводив Петровского в Варшаву..., филеры, при сдаче его наружному наблюдению вр. вверенного

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 307, 1914 г. (прод. 3), лл. 339—340.
[2] Там же (прод. 4), л. 1.

мне отделения, заявили, что указанный в той же телеграмме неизвестный, выехавший из Киева вместе с Петровским, остался в Сарнах. Из наблюдения за Петровским по г. Варшаве усматривается, что он, по прибытии поезда на станцию «Варшава-Ковельская», вышел из вагона с каким-то неизвестным, по виду евреем, и в извозчичьей карете проехал с ним на Венский вокзал, где оба, расплатившись с извозчиком, разошлись в разные стороны. При этом наружное наблюдение отметило, что совместный переезд Петровского с упомяным неизвестным с одного вокзала на другой состоялся, повидимому, в экономических целях, почему последний был оставлен без наблюдения. Сдав свои вещи на хранение, Петровский отправился в кофейную, находящуюся в д. № 2, на площади Железной Брамы, где выпил кофе, а затем пошел в иллюзион, помещающийся в д. № 106, на Маршалковской ул., откуда через 2 ч. 15 м. возвратился на Венский вокзал, а отсюда курьерским поездом, отходящим в 11 ч. 35 м. вечера, в сопровождении филеров вр. вверенного мне отделения... отбыл на пограничный пункт «Граница», где наблюдение установило от'езд его за границу.

Вр. и. д. начальника отделения
помощник его, ротмистр Гелимбатовский.

Из донесения начальника Костромского губернского жандармского управления директору департамента полиции, 19 июля 1914 г., № 496 [1].

Член социал-демократической фракции IV Государственной думы Николай Романов Шагов, в ночь с 15 на 16 июля, приехал в г. Кострому, не будучи замеченным моим наружным наблюдением, и 16 июля, от 10 до 12 ч. ночи, в 6 верстах от города, в лесу, состоялось собрание из 10—12 лиц местной группы с.-д., на котором Шагов сделал свой доклад. На собрание это приглашаемые лица попадали из города при особо конспиративных условиях, так что, при существующем у меня слабом составе наружного наблюдения, обнаружить его я не мог.

На собрании Шагов, рассказав сначала в кратких чертах о деятельности с.-д. фракции в Государственной думе..., стал доказывать необходимость нелегальной работы, говоря, что только такой работой можно выдвинуть и поставить на очередь различные вопросы, которые уже затем, пользуясь известными обстоятельствами, можно провести и легальным путем. Ввиду этого всем собравшимся настоятельно советовал развивать на месте, насколько возможно, нелегальную кружковую работу и указывая при этом, как на пример, на г. Петербург, говорил, что образцово поставленная там кружковая нелегальная работа постоянно поддерживает в широких слоях населения интерес к соц.-дем. принципам. Советуя собравшимся принять пока все меры к возможному расширению и усилению здесь кружковой нелегальной работы, Шагов предложил иметь в виду, что в настоящее время он едет по всему фабричному району Костромской губернии для докладов на местах и для выработки условий собрания в ближайшем будущем конференции от с.-д. группы этой губернии, с целью выработать на этой конференции условия дальнейшей совместной работы этих групп и с.-д. фракции IV Государственной думы. Затем Шагов сказал, что по окончании предпринятого им об'езда всего фабричного района Костромской губернии он, может быть, приедет еще раз в Кострому,

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 307, 1913 г. (прод. 1), лл. 341—342.

чтобы сказать, когда и где собрать предполагаемую конференцию. После этого Шагов советовал собравшимся содействовать принятию рабочими нового предполагаемого закона о фабричном страховании, который должен быть принят, но стараться провести его с теми поправками, которые имеются в разосланном им по Костромской губ. издании, под редакцией Данского, «Рабочий устав больничной кассы».

Из присутствовавших на собрании говорили только Шагов, а по окончании его доклада известный департаменту полиции Максим Павлов Новиков, заявил, что собравшиеся, от лица всех единомышленников, не могут не высказать упрека членам с.-д. фракции IV Государственной думы за то, что они все дали подписку участвовать, в качестве сотрудников, в газете «Луч», зная ее ликвидаторское направление, а затем сказал: «От лица всех собравшихся приношу вам, товарищи, благодарность за то, что побывали у нас», из чего делается заключение, что Шагов приезжал сюда не один.

Установить точно число всех собравшихся и кто они такие, не представлялось возможным, вследствие того, что говорили только Шагов и Новиков, и благодаря темноте, бывшей в лесу в такое время — от 10 до 12 час. ночи...

17 июля в 12 ч. дня Шагов был замечен наружным наблюдением, когда садился на пароход об-ва «Кавказ и Меркурий», отходящий из г. Костромы вниз по Волге, но замечен был настолько поздно, что агент, наблюдавший на пристанях, не успел сесть для его сопровождения.

О выезде Шагова я телеграфировал помощнику моему в г. Кинешма, предлагая направить имеющуюся у него агентуру к установлению времени и цели приезда туда Шагова.

Докладывая об изложенном на распоряжение вашего превосходительства, имею честь присовокупить, что из значительного количества фабрик Костромской губернии, которые видимо предполагает об'ехать Шагов, в настоящее время освещены до некоторой степени внутренним наблюдением только фабрики в самом г. Костроме и в г. Кинешме. Остальные же такового освещения теперь не имеют, и в будущем я предвижу для себя значительные затруднения в осуществлении на них такового наблюдения, за полной почти невозможностью выезда моего из г. Костромы, ввиду неимения в этом городе помощника — офицера, который мог бы заменить меня при выезде.

Прошу указаний вашего превосходительства, как надлежит поступить в будущем, в случае возможного обнаружения собрания в присутствии Шагова, принимая во внимание вышеуказанный характер таковых собраний и циркуляр департамента полиции от 15 мая сего года № 99728, и надлежит ли вообще держать Шагова под неотступным наблюдением.

Полковник Семигановский.

Из донесения начальника Астраханского губернского жандармского управления в департамент полиции, 25 августа 1914 г., № 4234[1].

Мною получены агентурные сведения, что 18 сего августа неожиданно приехал в Астрахань член Государственной думы известный Бадаев и что под его председательством состоялось собрание местных представителей Российской социал-демократической рабочей партии, посвященное вопросу о предполагавшемся, якобы, с'езде членов этой партии. Бадаев на следующий же день 19 выехал в Баку.

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 307, 1914 г. (прод. 4), л. 140.

Ввиду несколько позднего поступления ко мне означенных сведений, не представилось возможным установить наблюдение за Бадаевым и лишь о выезде его в Баку было телеграфировано начальнику Бакинского губернского жандармского управления от 21 сего августа за № 4180.

Полковник Федоренко.

Из донесения начальника Бакинского губернского жандармского управления в департамент полиции, 31 августа 1914 г., № 4570 [1]

21 сего августа мною была получена телеграмма из Астрахани нижеследующего содержания: «19 августа из Астрахани выехал в Баку член Государственной думы Бадаев, № 4180. Ротмистр Звайзгне».

В целях учреждения наблюдения за Бадаевым 21 того же августа были командированы филеры управления на вокзал и пристани к приходящим поездам и пароходам, но наблюдением приезд его отмечен не был.

22 сего же августа ко мне поступили агентурные сведения о том, что Бадаев накануне прибыл в Баку пароходом и 22 того же августа предполагает познакомиться с некоторыми местными социал-демократическим деятелем, свидание с которыми им было назначено в тот же день вечером на бульваре.

По получении означенных сведений на бульвар было командировано наблюдение, которым Бадаев замечен не был.

На другой день агентура указала, что в указанный выше вечер Бадаев на бульвар не являлся, а познакомился с местными социал-демократами в квартире тифлисского гражданина Саркиса Николаева Мартыкяна в доме № 1 по Гоголевской улице...

На этом совещании Бадаев сообщил, что цель приезда его ознакомиться с партийной работой на месте, выяснить отношение партийных кругов к предполагавшейся и отложенной на время войны общепартийной конференции и, кроме того, образовать в Баку центр, с коим можно было [бы] сноситься Петрограду.

Бадаев предполагал пробыть в Баку около недели и за это время намеревался организовать собрания рабочих в Балаханах, Биби-Эйбате и Черном городе.

В целях недопущения Бадаева продолжать агитационную деятельность было учреждено с 23 сего августа неотступное густое наблюдение, каковое Бадаев, видимо заметив, отправился в «Северные» номера по Романовскому проспекту, где пред'явил свой документ, переночевал и, не сходясь более ни с кем, 24 сего августа вечером, под наблюдением филеров управления... выехал по направлению Ростова-на-Дону.

На ст. «Беслань» Владикавказской железной дороги дальнейшее наблюдение за Бадаевым было передано филерам Терского областного жандармского управления.

По указанию агентуры Бадаев предварительно приезда в Баку посетил несколько приволжских городов и особенно остался доволен положением дела в Астрахани, где ему, якобы, удалось организовать большое собрание рабочих.

Из Баку Бадаев, по тем же агентурным сведениям, предполагал отправиться в Тифлис, но в виду того, что неотступное наблюдение

[1] ЦАР, ДП, о. с., д. № 307, 1914 г. (прод. 4), ЛЛ. 142—143.

за ним в Баку препятствовало деятельности его, он изменил намерение и выехал в Петроград.

Счета филеров... на сумму 52 руб. 20 коп. будут оплачены из сумм вверенного мне управления.

Полковник Леонтьев.

Из донесения начальника Астраханского губернского жандармского управления в департамент полиции, 2 сентября 1914 г.[1]

В дополнение к донесению моему и выписке из агентурных сведений по Российской социал-демократической рабочей партии от 25 и 31 минувшего августа за №№ 4234 и 4382 докладываю вашему превосходительству, что по поступившим во вверенное мне управление новым агентурным сведениям член Государственной думы Бадаев на обратном пути из Баку вновь посетил Астрахань. На воскресенье 31 августа была назначена за кладбищем массовка рабочих, которая однако не состоялась, так как мною об этом были предупреждены чины полиции, пославшие раз'езды. Вместо этого было, при участии Бадаева, небольшое совещание у присяжного поверенного Романа Аствацатурова. Здесь Бадаев высказался против войны, но ему оппонировал присяжный поверенный Михаил Васильев, и Бадаев оказался как бы разбитым. По агентурным сведениям, цель поездки Бадаева — пропаганда о необходимости прекращения войны, о чем он хочет поднять вопрос на, якобы, открывающейся в сентябре месяце сессии Государственной думы, и по обсуждении этого вопроса в Думе, пред'явить об этом требование правительству; в случае отказа, выразить протест забастовками, выпуском прокламаций к солдатам и пр. Так как о возвращении Бадаева из Баку других сведений, кроме агентурных, ко мне не поступало, то и на этот раз его приезд в Астрахань не мог быть обследован с достаточной полнотой, т. е. наружного наблюдения за Бадаевым поставить не удалось. На запрос же мой по телеграфу начальнику Бакинского губернского жандармского управления, подтвердились ли сведения вверенного мне управления о приезде Бадаева в Баку, полковник Леонтьев телеграфировал в утвердительном смысле; подробности он сообщает почтой.

Повидимому, вчера Бадаев выехал пароходом вверх по Волге, о чем мною и телеграфировано начальнику Саратовского управления...

Полковник Федоренко.

Справка департамента полиции о А. Е. Бадаеве, декабрь 1914 г.[2]

Бадаев, Алексей Егоров, член социал-демократической фракции Государственной думы от рабочих Петроградской губернии.

При производстве в Петрограде 18 апреля 1913 г. ликвидации Петроградского комитета ленинского направления Российской социал-демократической рабочей партии был произведен обыск в редакции рабочей газеты «Правда», являвшейся центром для партийных сношений членов комитета с представителями отдельных петроградских социал-демократических организаций, в целях розыска документов, относящихся к деятельности упомянутого комитета. В числе предметов, найденных при обыске оказались: 1) Статья «Ко всем товарищам» социал-демократического направления, приготовленная к печати, члена

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 307, 1914 г. (прод. 4), л. 146.
[2] Там же, д. № 5, 1914 г., л. 103-б.

Государственной думы Бадаева; 2) две расписки Бадаева в получении денег от некоего Герба для передачи казначею социал-демократической фракции Тулякову; 3) в пакете на имя Бадаева 4 корректурных оттиска, присланных из типографии «Товарищества художественной печати»; 4) 2 бланка редакции «Правда» с подписью «Издатель А. Бадаев».

В газете «Правда» от 26 апреля 1913 г. за № 95 помещена за подписью А. Бадаева статья «Товарищам рабочим Петроградской губернии», в каковой статье автор, отказываясь от участия в губернском присутствии по делам страхования рабочих по приглашению администрации, об'ясняет свой отказ нежеланием играть роль «бессловесных пешек» в правительственном учреждении, ввиду постоянных стеснений власти, воздвигаемых для рабочего класса при свободном обсуждении им страховых мероприятий и свободном избрании в страховые учреждения своих представителей.

9 сентября 1913 г., во время похорон на Митрофаньевском петроградском городском кладбище двух рабочих, погибших от несчастного случая на минном заводе, Бадаев пытался держать речь к собравшимся товарищам покойных, а при удалении толпы рабочих полицией, уговаривал первых не исполнять требований полиции, за что на него, Бадаева, в административном порядке был наложен штраф, вызвавший в первых числах декабря месяца ряд забастовок петроградских рабочих, протестовавших этим против означенной меры взыскания.

В годовщину событий 9 января 1905 г. Бадаев, 9 января 1914 г., участвовал в возложении венка на братскую могилу, погибших в этот день лиц, с надписью «от русской социал-демократической фракции IV Государственной думы».

Из постановления начальника Эстляндского губернского жандармского управления от 11 апреля 1914 г. по делу о ликвидации членов «ревельской об'единенной группы социал-демократов» усматривается, что Бадаев выслал привлеченному к переписке в порядке охраны Васильеву революционные воззвания, посвященные дню 9 января.

По сведениям начальника отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Петрограде, в забастовочном движении в столице в июле 1914 г. Бадаев проявлял серьезную агитационную деятельность, которая находилась в связи с усилением деятельности представителей революционного подполья, стремившихся поднять настроение и наладить организационную работу в передовых рабочих кругах, в виду предстоявшего осенью сего года за границей международного социалистического конгресса.

Организуя загородные, под видом научных экскурсий, собрания рабочих, Бадаев и наблюдаемые в связи с ним лица, систематически освещая цели и задачи предстоящего социалистического конгресса, поднимали вопрос о Бакинской стачке, агитировали за желательность солидарности между отдельными группами рабочих и указывали на крайнюю необходимость поддержания бастующих соответствующими мерами, как морального, так равно и материального характера.

По поводу бывших 3 июля 1914 г. выступлений рабочих Путиловского завода имеются указания на то, что Бадаев, получив сведения о выступлениях рабочих названного завода, отправился к месту беспорядков.

Опоздав явиться своевременно к месту беспорядков и потерпев неудачу при попытке командовать и распоряжаться в помещении полицейского участка, депутат Бадаев отправился в помещение ночной редакции своего фракционного органа и здесь, определенно зная, что среди путиловских демонстрантов пострадавших не имеется, заведомо ложно нарисовал страшную картину, якобы, виденных им обстоя-

тельств, нападения полиции на «мирных» и «безоружных» рабочих, подчеркнув при этом, что он лично видел убитых, десятки раненых и более ста арестованных, над которыми издевалась полиция; эти ложные сведения были затем напечатаны в газете «День», произвели на рабочих сильное впечатление и послужили толчком к дальнейшим беспорядкам.

Явно в данном случае искажая действительную картину событий, названный депутат не постеснялся уверить своих слушателей, что наблюдавшаяся им обстановка усмирения путиловских рабочих ничем не отличается от картин ленских событий, и умышленно подчеркнул, что действия правительственных властей не должны остаться безответными со стороны остальных трудящихся г. Петрограда.

Кроме сего, Бадаев, высказывал желание попытаться организовать 7 минувшего июля в Петрограде уличную демонстрацию в знак протеста уже не против бакинских событий, а против последствий, созданных 4 июля самими революционными кругами, беспорядков.

По сведениям начальника отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Петрограде по делу происшедшего 4 июля на Забалканском проспекте столкновения рабочих с полицейским нарядом, последствием чего явилось поранение пяти рабочих и нескольких чинов полиции, возбуждено предварительное следствие, причем, по мнению начальника отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Петрограде, фактическим виновником этого столкновения является депутат Бадаев, все сведения о преступной провокационной деятельности коего полковником Поповым сообщены для сведения прокурору Петроградской судебной палаты.

Во время производства 7 сего июля в Петрограде обыска в редакциях социалистических газет «Трудовая правда» и «Наша рабочая газета», с целью ликвидации предполагавшегося там партийного собрания, туда явился депутат Государственной думы Бадаев с выражением протеста, после чего его попросили удалиться, а о его посещении был составлен протокол.

Справка департамента полиции о М. К. Муранове, декабрь 1914 г.[1]

Муранов, Матвей Константинов, член Государственной думы IV созыва, социал-демократической фракции от Харьковской губернии (по рабочей курии), мещанин сел. Основы, Харьковского уезда.

В 1909 г. харьковский губернатор представил в министерство внутренних дел переписку, произведенную в порядке положения о государственной охране, об арестованном в сел. Ивановке, Харьковского уезда, Муранове с ходатайством о высылке названного лица из Харьковской губернии.

Из представленной переписки оказалось, что Муранов принадлежал к Харьковскому комитету Российской социал-демократической рабочей партии и что по произведенному у него в мае 1909 года обыску обнаружено значительное количество революционной литературы, наличность коей подтверждает принадлежность Муранова к социал-демократической партии.

По рассмотрении обстоятельств дела в особом совещании, образованном согласно ст. 34 положения о государственной охране, г. министр внутренних дел постановил подчинить Муранова гласному надзору полиции на один год в избранном им месте жительства вне столиц, столичных и Харьковской губерний.

---

[1] ЦАР, ДП., о. о., д. № 5, 1914 г., л. 103-в.

По отбытии срока надзора в г. Екатеринославе Муранов вернулся в Харьков и вновь начал заводить партийные связи с рабочими вагонных мастерских.

По избрании в члены Государственной думы, Муранов 13 декабря 1912 г. прибыл из Петрограда в Харьков, где имел совещание с лицами, руководящими забастовкой на Харьковском паровозостроительном заводе, а также раз'яснял бастующим рабочим Харьковского паровозостроительного завода значение экономических забастовок вообще и не рекомендовал приступать к работам до тех пор, пока администрация завода не из'явит согласия на пред'явленные рабочими требования; об'яснения Муранова с рабочими происходили 17 декабря в рабочем доме по Петинской улице в помещении общества христиан-трезвенников...

2 февраля 1913 г. в г. Выборг прибыли члены Государственной думы социал-демократической фракции в числе 9 человек, среди которых был и Муранов. Встреченные на вокзале депутацией местных социал-демократов во главе с секретарем редакции газеты «Туо» Ялмаром Кирьяринди, они проследовали в рабочий дом, где состоялось собрание финских социал-демократов, на каковом собрании члены Государственной думы обещали полную поддержку финским социал-демократам.

18 апреля 1913 г. Муранов в партийных целях посетил в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, поселок Краматорский и прилегающую к нему деревню Петровку, где в квартире бывшего выборщика в Государственную думу Зноенка был застигнут полицейским надзирателем поселка на сходке рабочих в числе 15 человек, которые и были названным надзирателем на месте переписаны. На этой сходке Муранов говорил рабочим по поводу деятельности социал-демократической фракции Государственной думы и при этом подчеркнул, что он твердо держится своей социал-демократической фракции и по мере сил поддерживает фракцию этой партии в Государственной думе. Далее он говорил рабочим по поводу направления газет «Правда» и «Луч» и раскола между лицами, стоящими во главе редакций этих газет. Муранов советовал также рабочим выбрать из своей среды старост для об'яснения с администрацией завода в целях защиты интересов рабочих и добавил, что после этого рабочие смогут приступить и к образованию союза в целях сплочения рабочих масс.

29 июля 1913 г. Муранов, находясь в Харькове, явился в столовую завода масляных красок Бочарова, где в это время обедали около 40 человек рабочих, и, назвав себя, приступил к устному изложению хода работы социал-демократической фракции. В это время один из рабочих предложил Муранову вопрос, почему он не испросит надлежащего разрешения на собрание всех рабочих и не познакомит их со своей деятельностью в Думе; на это Муранов ответил, что испрошение означенного разрешения сопряжено с большим затруднением и что он без разрешения побывает на всех заводах и даст рабочим об'яснение.

О посещении Мурановым завода Бочарова при Харьковском губернском жандармском управлении произведено было расследование и по содержанию его доложено харьковскому губернатору, причем губернатором было сделано распоряжение об ответственности управляющих заводами и фабриками за допущение посторонних лиц и устройство ими собраний, подобных устроенному Мурановым.

За неделю до окончания сессии Государственной думы Муранов выехал в июне 1914 г. на Урал.

Справка департамента полиции о Г. И. Петровском, декабрь 1914 г.[1]

Петровский, Григорий Иванов, член Государственной думы IV созыва, социал-демократической фракции от Екатеринославской губернии, крестьянин Харьковской губернии, Волчанского уезда, ныне 36 лет.

20 июля 1900 г. Петровский был привлечен при Екатеринославском губернском жандармском управлении к дознанию по делу об «Екатеринославском комитете российской социал-демократической рабочей партии», ввиду результатов произведенного у него обыска, по которому была обнаружена рукопись преступного содержания, воззвания к рабочим, а также сведений, указывавших на сношения его с лицами политически неблагонадежными.

На основании высочайшего повеления, воспоследовавшего 22 мая 1903 г., в разрешение упомянутого дознания Петровский был подвергнут тюремному заключению на шесть месяцев.

По отбытии заключения Петровскому, на основании утвержденного 3 декабря 1903 г. постановления особого совещания, образованного согласно ст. 34 положения о государственной охране, было воспрещено жительство в столицах и столичных губерниях на пять лет.

2 февраля 1913 г. в г. Выборг прибыли члены Государственной думы социал-демократической фракции, в том числе и Петровский, причем эти лица вместе с несколькими членами финляндского сейма и некоторыми местными агитаторами финляндской социал-демократической партии присутствовали на собрании в выборгском городском рабочем доме. Хотя на этом собрании каких-либо речей с той или другой стороны произнесено не было, но во время общей беседы финляндцы предложили членам Государственной думы установить более тесное общение между социал-демократическими фракциями Думы и сейма и работать совместно в целях организации протеста против «националистической и насильственной политики правительства в отношении Финляндии».

4 февраля те же члены Думы прибыли в Гельсингфорс, причем посетили сеймовый дом, где происходило собрание из 40 депутатов сейма.

В ночь на 10 февраля чинами отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Петрограде был произведен осмотр квартиры членов Государственной думы Петровского и Шагова, проживавших по 9 Рождественской улице, д. № 39, в целях проверки самоличности частных лиц, проживавших в этой квартире. Во время осмотра в помянутой квартире обнаружены были ночующими без прописки: не имеющая права жительства в столице дочь купца Клавдия Новгородцева и видный член Российской социал-демократической рабочей партии мещанин Яков Свердлов, высланный в Томскую губернию под гласный надзор полиции и скрывавшийся из места водворения.

По постановлению петроградского градоначальника, изложенному в приложении к приказу по градоначальству от 15 февраля 1913 г. за № 38, Петровский и Шагов были подвергнуты в административном порядке штрафу в 300 рублей каждый с заменой, при неуплате, арестом на 2 месяца каждый квартирохозяин: Петровский — за неизвещение домовой администрации о прибытии в его квартиру 2 лиц и проживавший в той же квартире Шагов — за допущение в занимаемое им помещение лица, нерасполагающего правом жительства в Петрограде.

---

[1] ЦАР, ДП., о. о., д. № 5, 1914 г., л. 103-і.

Вместе с тем, было указано приставу 2 участка Рождественской части, что в случае неуплаты названными лицами штрафа, арест может быть произведен не ранее окончания их полномочий, как членов Государственной думы.

1 декабря 1913 г. в Петрограде из квартиры Петровского стали выносить кипы брошюр и нагружать на воз. Так как подвода не имела установленной жестянки, то воз был задержан вместе с сопровождавшими его мальчиком подростком и дворником. Последние показали, что все книги, перевозимые ими, были пожертвованы депутатом Петровским обществу «Синего креста». По осмотре задержанных брошюр, весом около 35 пудов, оказалось, что таковые имеют 23 различных наименования и все значатся в указателе книг и брошюр, арест на которые утвержден судебными установлениями.

Из имеющейся по этому делу копии представления прокурора Петроградского окружного суда к прокурору Петроградской судебной палаты от 14 декабря 1913 г. за № 2535 видно, что 14 декабря 1913 г. прокурором Петроградского окружного суда предложено судебному следователю 9 участка г. Петрограда приступить к производству предварительного следствия по признакам преступления, предусмотренного 132 ст. уг. ул. по делу о доставлении на квартиру депутата Петровского книг и брошюр преступного содержания и дальнейшем распространении сих изданий.

9 января 1914 г. на Преображенском кладбище, где погребены убитые при подавлении уличных беспорядков 9 января 1905 г., явились члены Государственной думы Петровский и Бадаев и возложили на так называемую братскую могилу венок, обвитый черной лентой, с надписью «От Российской социал-демократической рабочей партии IV Государственной думы». По уходе означенных депутатов ленты были удалены полицией.

Справка департамента полиции о Ф. Н. Самойлове, декабрь 1914 г.[1]

Самойлов, Федор Никитин, член Государственной думы IV созыва, социал-демократической фракции.

В октябре 1907 г. у Самойлова, состоявшего в то время председателем правления профессионального общества рабочих ситцепечатных фабрик г. Иваново-Вознесенска, был произведен обыск, по коему найдены прокламации, брошюры, разные заметки и подписной лист для сбора денег в пользу бывшего члена Государственной думы Жиделева и печатный отчет профессионального общества ситцепечатников.

В феврале 1909 г. Самойлов был привлечен к формальному дознанию при Владимирском губернском жандармском управлении по обвинению в революционной деятельности в профессиональном обществе ситцепечатных фабрик г. Иваново-Вознесенска и арестован 19 мая 1909 г. Приговором Московской судебной палаты 28 октября 1911 г. Самойлов признан по суду оправданным.

8 ноября 1912 г. Самойлов, выбранный в члены Государственной думы, уезжая на сессию Государственной думы, обратился на ст. Иваново, Северных железных дорог, к провожавшим его рабочим с речью, в которой обещал, состоя в Государственной думе, исполнять данный ему рабочими наказ, т. е. требовать амнистии политическим заключенным, конституции для Финляндии, автономии для Польши и проведение в жизнь свобод, обещанных манифестом 17 октября 1905 г., причем добавил, что свободы эти не даются даром, а берутся силой.

За устройство упомянутого публичного собрания без надлежащего заявления Самойлов был привлечен к уголовной ответственности по

[1] ЦАР, ДП., о. о., д. № 5, 1914 г., л. 103-д.

обвинению в преступлении, предусмотренном 39—3 и 39—4 ст. ст. уст. о нак., и дело это находилось в производстве у уездного члена Владимирского окружного суда по г. Иваново-Вознесенску.

В феврале 1913 г. помощник начальника Владимирского губернского жандармского управления в Шуйском и Ковровском уездах донес департаменту полиции, что он, согласно предписания начальника Владимирского губернского жандармского управления, возбудил в порядке 1035 ст. уст. уг. суд. дознание по обвинению Самойлова в преступлении, предусмотренном 129 ст. уг. ул. за произнесение упомянутой выше речи.

В марте 1913 г. прокурор Московской судебной палаты уведомил департамент полиции, что рассмотрев формальное дознание о произнесении 8 ноября 1912 г. речей на площади возле станции Иваново, Северных железных дорог, при отъезде члена Государственной думы Самойлова, он поручил прокурору Владимирского окружного суда внести это дознание в губернское совещание на прекращение за недостаточностью улик.

3 декабря 1913 г. в газете «За правду» помещена заметка за подписью депутата Самойлова под заглавием «Российская социал-демократическая рабочая фракция», заключающая жалобы ссыльных Олонецкой и Пермской губ. на неправильную выдачу кормовых денег.

Из справки департамента полиции о Н. Р. Шагове, декабрь 1914 г.[1]

Шагов Николай Романов, член Государственной думы IV созыва, социал-демократической фракции...

На состоявшемся в период от 25 сентября по 1 октября 1913 г. за границей в Галиции совещании членов Ленинского Центрального комитета российской социал-демократической рабочей партии в числе других принимал участие и член Государственной думы Шагов. На этом совещании было решено принять все меры для усиления недовольства рабочих, укрепления партийного строительства и окончательного отмежевания от меньшевиков «ликвидаторов».

Затем 18 мая 1914 г. в дачной местности «Юкки» приставом 2 стана Петроградского уезда было застигнуто собрание из 200 приблизительно лиц. На вопрос пристава о цели путешествия присутствовавшие заявили, что они участники общества «Наука и жизнь», и пред'явили утвержденный 2 мая 1913 г. петроградским градоначальником устав этого общества. Имея в виду, что об этой экскурсии не была поставлена в известность полицейская власть, пристав предложил им разойтись. Тогда из среды экскурсантов выступил член Государственной думы Шагов, пред'явивший в удостоверение личности билет за № 413, и заявил приставу, что уставом общества экскурсии предусмотрены и что требование его разойтись ни на чем не основано. После этого Шагов пожелал узнать фамилию пристава и записал таковую, а собравшиеся тотчас же разошлись.

14 июля 1914 г. Шагов выбыл из Петрограда в сел. Родники Костромской губернии и 16 июня вышел из дому в лес, намереваясь присутствовать на собрании рабочих, которое однако не было допущено нарядом войск и полиции; в тот же день вечером Шагов выехал в сел. Тезени, где в то время происходила забастовка рабочих.

21 июня Шагов выехал вновь из сел. Родников в дер. Юдинку, Нерехтского уезда, близ фабрики Орлова, с целью устроить собрание рабочих, но собрание это местным исправником допущено не было.

---

[1] ЦАР, ДП., о. о., д. № 5, 1914 г., л. 103-д.

Кронштадтское восстание 1906 г.

1 августа (19 июля по ст. ст.) исполнилось 30 лет со дня вооруженного восстания в Кронштадте. Это восстание нельзя рассматривать оторванно от ряда других выступлений, имевших место в то время. Свеаборгское восстание, Кронштадтское, выступления крейсера «Память Азова» и некоторых других судов Балтийского флота — являются звеньями одной цепи.

Основная масса публикуемых документов — рапорты, донесения командиров экипажей, офицеров — написаны на другой день после Кронштадтского восстания, под живым впечатлением пережитых событий. На основании этих документов составлялся тот сводный материал (обвинительный акт, заключения и т. п.), который в основном нам уже известен [1]. Но эти документы, написанные под непосредственным впечатлением событий, могут для нас представить несомненный интерес, несмотря на то, что они составлены командным офицерским составом, принимавшим прямое участие в подавлении восстания. Они помогут изучению отдельных деталей восстания и событий, с ним связанных. Так напр., записка помощника прокурора военно-морского суда Кронштадтского порта Твердого о расстреле семи минеров без всякого следствия и суда ярко рисует картину жестокой расправы с восставшими матросами. Вся процедура военно-полевого суда была заменена вынесением решения комиссией из трех генералов и одного полковника, присуждавшей матросов к смертной казни, без какой-либо попытки произвести расследование и установить хотя бы степень причастности их к восстанию.

Ряд документов настоящей публикации выясняет мероприятия командования, направленные к предупреждению возможности революционного выступления.

В этом отношении особое внимание привлекает докладная записка командира учебного судна «Африка» Муравьева. Правильно связывая восстание в Кронштадте с общим революционным движением в стране, автор записки видел в рабочем классе наиболее опасного врага для самодержавного строя и предлагал прежде всего изолировать матросскую массу от влияния петербургских рабочих. Для этого он считал необходимым поставить под строгий контроль всех приезжавших Кронштадт, наводнив город охранниками, и отпускать матросов на берег лишь в те дни, когда рабочие заняты на предприятиях. Для устрашения масс Муравьев предлагал жестоко расправиться с восставшими и создать особый «дисциплинарный режим» как для матросов, непосредственно участвовавших в восстании, так и для тех из них, которые находились в то время в восставших частях. Признавая низкий уровень офицерства, наличие недовольства в унтер-офицерской прослойке, Муравьев требовал новых льгот и новых благ для командного офицерского состава и особых привилегий для командного состава дисциплинарных частей. Для подавления восстания во флоте он предлагал создать особую морскую пехоту по пирмеру английского флота, которая должна была быть совершенно изолированной от матросской массы и находиться на особо привилегированном положении.

Ход событий 19—20 июля нам известен. Свеаборгское восстание, вспыхнувшее 17 июля, ускорило вооруженное выступление в Кронштадте.

На выступление отчасти повлияла авантюристская политика эсеров, уверявших, что к Кронштадту идут четыре судна. На самом деле, связь с судовыми командами почти отсутствовала, суда находились в море, вопрос о их выступле-

[1] См. «Военные восстания в Балтике в 1905—1906 гг.», изд. Центрархива, Партиздат, 1933 г.

нии не был решен. Стихийные массовые выступления в Свеаборге и Кронштадте были обречены на неудачу, поскольку они не смогли связаться с революционным движением пролетариата и трудового крестьянства всей России.

Ленин, отмечая летом 1906 г. новую «приближающуюся волну стихийного народного гнева» [1], требовал тщательной подготовки к вооруженному восстанию.

«... Никаких преждевременных призывов к восстанию! Никаких торжественных манифестов к народу. Никаких пронунциаменто, никаких «провозглашений». Буря сама идет на нас. Не надо брящать оружием.

Надо готовить оружие,— и в прямом, и в переносном смысле слова. Надо готовить прежде всего и больше всего сплоченную и крепкую своим сознанием, своей решимостью армию пролетариата. Надо удесятерить работу нашей агитации и организации среди крестьянства — и того, которое голодает в деревне, и того, которое послало на военную службу прошлой осенью своих сыновей, переживших великий год революции. Надо сорвать все и всякие идеологические прикрытия и затушевывания революции, надо устранить всякие сомнения и колебания. Надо просто, спокойно, в самой доступной народу, бесхитростной форме сказать как можно громче и ярче: борьба неизбежна. Пролетариат примет бой. Пролетариат все отдаст, все силы свои бросит в это сражение за свободу. Пусть знает разоренное крестьянство, пусть знают солдаты и матросы, что решается судьба русской свободы» [2].

Когда началось восстание в Свеаборге, Ленин в проекте постановления испол. комиссии СПБ. комитета РСДРП писал: «1) послать немедленно в [Свеаборг] делегацию...;

2) поручить этой делегации принять все меры для тщательного выяснения положения дел на месте;

3) поручить ей повлиять на местных членов партии и революционеров и население в том смысле, чтобы добиться отсрочки выступления, если только это возможно без крайних жертв со стороны населения в смысле ареста прав[ительст]-вом уже намеченных лиц;

4) поручить той же делегации в случае полной невозможности остановить взрыв, принять самое деятельное участие в руководстве движением, т. е. помочь выступившим на борьбу массам организоваться самостоятельно, разоружить и истребить реакцию, предпринять по надлежащей подготовке решительные наступательные действия и... выступить с правильными и действительно революционными, способными увлечь народ, лозунгами» [3].

Кронштадтское восстание не было подготовлено и организовано.

На собрании представителей всех частей, происходившем 19 июля в связи с известиями о восстании в Свеаборге, решено было выступить. Собрание закончилось в 2 часа дня, к полночи решено было выступать, а за остающееся время нужно было известить части о выступлении, подготовить их, осведомить об общем плане, указать каждому свое место и задачи.

На деле оказалось, что Енисейский полк, выступлению которого на стороне революции в плане восстания отводилось большое место, не только не выступил, но даже участвовал в подавлении восстания. 2-я флотская дивизия, дружно выступившая с 11 часов вечера, по плану должна была, взяв машинистов, отправиться на форты для захвата их. В момент построения ко 2-й дивизии подошла, столь же дружно выступившая 1-я флотская дивизия, направлявшаяся к казармам Енисейского полка. Вместо выполнения своего плана 2-я дивизия присоединилась к 1-й.

Момент для десанта был упущен, так как катера кем-то были уведены. Захват арсенала не мог изменить положения,— оружие и патроны енисейцев были обращены против восставших. Того, что удалось захватить в арсенале, было со-

[1] Ленин, Соч., т. X, стр. 370.
[2] Там же, стр. 371.
[3] Цитир. по сборнику «Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП», Партиздат, М. 1932, стр. 251—252.

вершенно недостаточно. Исход восстания был предрешен. После первых же столкновений с правительственными войсками отряды начали распадаться. Попытка вновь собраться на Красной ул. и захватить почтово-телеграфную контору потерпела неудачу. После ряда стычек разрозненные отряды моряков постепенно редели, возвращались в казармы, чтобы из окон расстрелять последние патроны по правительственным войскам. К 10 часам утра 20 июля правительственными войсками было закончено разоружение команд флотских экипажей.

Минеры выступили в назначенное по плану время, арестовали офицеров, захватили береговое укрепление «Литке» и на захваченном поезде, стоявшем на «Литке», направились для захвата форта «Константин», что им удалось без всякого сопротивления со стороны находившихся там двух рот артиллеристов. Но восставшие оказались без снарядов, и вместо четырех, условленных по плану выстрелов, которые они должны были произвести из орудий форта, удалось произвести только один.

Попытка захвата береговых батарей на «Косе» окончилась неудачей, — выступивший отряд вынужден был вернуться в форт под обстрелом подошедшего второго крепостного батальона, а в 6 часов утра сдался. Ввиду попытки восставших выбраться из форта на катерах, комендантом крепости приказано было эскадренному броненосцу «Александр II» послать вооруженные баркасы «на пересечку их курса». Однако команда броненосца отказалась выполнить это приказание, и начальство вынуждено было отметить его.

В 5 часов дня 20 июля по постановлению военно-полевого суда были расстреляны семь минеров — первые жертвы начавшегося террора.

Кронштадтское восстание было разбито.

Военная организация при петербургском к-те РСДРП, оценивая уроки Кронштадтского восстания, писала: «В Кронштадте тьма победила свет. Почему? Потому что кронштадтские товарищи солдаты не стерпели, не дождались общероссийского движения...

И в самом Кронштадте многие рабочие, солдаты и матросы думали, что сейчас рано восставать. Восстание вышло не дружное. Колеблющаяся часть армии и флота не знала, за кого стоять. Все для нее вышло слишком неожиданно» [1].

Предвидя возможность выступления, начальник Кронштадтского жандармского управления доносил, что войска из лагеря были вызваны за два часа до восстания. Но еще задолго до восстания, под живым впечатлением событий октября 1905 г., командование предпринимает ряд мер для предупреждения возможных выступлений.

Так, командир крепости (ген.-лейт. Беляев) ставит вопрос об уничтожении сквозных проходов через дворы офицерских флигелей на Екатерининской ул., а калитки от казарменных дворов предлагает держать всегда запертыми, о чем он просит сделать распоряжение [2] в своем письме главному командиру от 14 марта 1906 г.

В штабе Кронштадтской крепости разрабатывались мероприятия на случай революционного выступления на судах флота и появления их у Кронштадта. Для этого от штаба Кронштадтского порта были затребованы сведения о судах, команды которых являются более неблагонадежными, сведения о вооружении судов, о мероприятиях, проектируемых морским командованием на случай восстания. Намечается установление связи наблюдательной вышки над зданием Морского инженерного училища с Главной сухопутной станцией и фортом «Меньшиков» и для корректирования стрельбы с береговых батарей по гаваням и рейдам, в случае необходимости производства таковой по «мятежным» судам [3].

Со стороны морского командования были даны инструкции командиру находившегося в гавани транспорта «Ангара» капитану II ранга Гагману для приня-

---

[1] «Первая конференция В. Б. О. РСДРП», стр. 302.
[2] МИА, ф. № 930/24, 1906 г., д. № 343, л. 253.
[3] Там же, л. 302.

тия мер на случай самовольной разводки паров на миноносцах и стремления выйти без разрешения в море, «вплоть до потопления неповинующихся миноносцев» [1].

В конце июня главный командир в письме морскому министру проектирует изменение способов хранения винтовок и патронов в экипажах [2] с целью предупреждения возможности захвата их восставшими.

16 июля 1906 г. в Кронштадт «для обеспечения спокойствия» прибыл 2-й батальон лейб-гвардии Финляндского полка, который принял активное участие в подавлении восстания.

Несмотря на неудачу Кронштадтского восстания, оно сыграло свою роль в деле развития революционного движения, оно обогатило боевой опыт российского пролетариата.

«Свеаборг и Кронштадт показали настроение войска» [3].

В 1917 г. кронштадтские моряки и рабочие были застрельщиками борьбы за власть советов, были в первых рядах тех отрядов, которые пошли за партией большевиков.

И с полным правом Военная организация петербургского к-та РСДРП писала: «Слава вам, кронштадтские братья! Вы смело поднялись на поддержку Свеаборга, вы не жалели своей жизни! Не бойтесь суда,— Россия за вас. Вы в плену, а не в тюрьме. Русский народ победит. И молва о подвигах ваших, как и о делах всех борцов за народ, перейдет из уст в уста, ко внукам и правнукам» [4].

Ф. Петров.

Донесение начальника Выборгского отделения жандармского полицейского управления Финляндских железных дорог с.-петербургскому губернатору, 15 мая 1906 г. [5]

Вчера, 14 мая в 12 часов дня прибыл на Лисий Нос из Кронштадта пароход под названием «Сестрорецк», на котором прибыло 180 пассажиров, в числе коих было около 60 матросов: 16, 17 и 18 флотских экипажей, команды с судов: «Донской», «Дон», «Рига», «Слава», учебного артиллерийского экипажа, человек 35 Кронштадтской крепостной артиллерии и человек 25 Кронштадтского крепостного пехотного полка. Все прибывшие пассажиры, за исключением двух, севших на поезд, направились в густой лес около Лисьего Носа, в одной версте от железной дороги, где к ним присоединилось сестрорецких рабочих, студентов, курсисток, всего до 500 человек. На митинге произносились речи студентами, в числе 4 человек и 5 вольноопределяющимися флота. В речах говорилось, что Государственная дума разогнана, государь уехал и народ подбивался к беспорядкам. Моряки говорили, что нужно выждать время, когда они выйдут в море и что тогда все будет зависеть от них, все будет в их руках; митинг окончился около 6 часов вечера и решено было вновь собраться на это же самое место в следующий праздник. На митинг этот был послан унтер-офицером вверенного мне отделения Лупандиным железнодорожный сторож, снявший с себя форменную одежду и сообщивший все вышеизложенное. По имеющимся сведениям, нижние чины Кронштадтского гарнизона уезжают оттуда без всякого разрешения начальства.

Подполковник Легат.

---

[1] МИА, ф. 930/24, 1906 г., д. № 343, л. 172.
[2] Там же, л. 177.
[3] Ленин, Соч., т. X, стр. 25.
[4] «Первая конференция В. Б. О. РСДРП», стр. 303.
[5] МИА, ф. 930/24, 106 г., д. № 343, л. 287.

Отношение начальника штаба Кронштадтского порта контр-адмирала Петрова в штаб Кронштадтской крепости, 26 мая 1906 г.[1]

В дополнение отношения от 26 сего мая, за № 301,[2] штаб, по приказанию и. д. главного командира, сообщает для доклада его превосходительству коменданту крепости о нижеследующем: в политической неблагонадежности морских команд, находящихся в данное время на судах, не представляется возможным сомневаться[3], так как они своей политической неблагонадежности ничем не высказали, а потому не имеется оснований считать какие-либо суда подозрительными.

Артиллерийское вооружение судов показано в прилагаемой ведомости. Боевые запасы, принятые на суда, указаны в отношении от 26 мая за № 301.

Для устранения возможности произвольного открытия огня с судов из орудий калибра 8 и 12 дюймов можно было бы сделать распоряжение о сдаче в морской арсенал грибовидных стержней от замков и каморных колец, а у пушек меньших калибров можно снять ударники и сдать их в тот же арсенал, но прибегать к таковой мере крайне рискованно, так как этим недоверием можно, во-первых, возбудить совершенно напрасно всех верных долгу присяги нижних чинов и, во-вторых, мы имеем пример бунта в Севастополе, когда «Ростислав», благодаря во-время полученным ударникам принял значительное участие в подавлении бунта, открыв огонь по «Очакову». Имея в виду, что суда готовятся к плаванию и в каждый должный момент должны быть в полной боевой готовности уйти в море, упомянутую меру главный командир взять на себя без разрешения морского министра не может.

Для того, чтобы ни одно из мелких судов не могло сняться с якоря или уйти с рейда, сделано распоряжение не разводить паров без разрешения начальников отрядов и командиров судов; в случае же нарушения или сопротивления в этом направлении приказано немедленно принять самые решительные меры, включительно до потопления неповинующегося судна.

Десантные пушки и пулеметы в настоящее время находятся на судах, и весьма незначительная часть неисправных находится в арсенале. Как те, так и другие пушки не могут быть переданы крепости без разрешения морского министра.

Единственная мера для быстрой передачи с рейда или из гавани о случаях каких-либо мятежных попыток на отдельных кораблях, может быть следующая: суда, рядом стоящие и не принимающие участия в мятеже, обязаны дать знать сигналом по книге свода морских сигналов морскому телеграфу (вышка над инженерным училищем), откуда о случае будет сообщено по телефону или через рассыльного в штаб крепости.

Относительно пропуска на морской телеграф одного из сухопутных чинов, главный командир полагает, что эта мера может породить крупные недоразумения вследствие неправильно понятого движения судов или не точно переданного известия, а потому пропуск может быть выдан только с разрешения морского министра. К сему штаб добавляет, что на морском телеграфе ежедневно дежурит офицер.

---

[1] МИА, ф. 930/24, 1906 г., д. № 343, лл. 293—294.

[2] Отношением от 26 мая за № 301 начальник штаба Кронштадтского порта препровождал в штаб Кронштадтской крепости схематический чертеж расположения судов в гаванях, список судов, стоящих на рейдах, а также сведения о боевых запасах, находящихся на судах.

[3] Так в подлиннике.

Что же касается постоянных мер для воспрепятствования сборищ команды на гласисах крепости, то для устранения этого будут по праздничным дням высылаться на гласис ружейные обходы под командою кондукторов. Внутренняя же охрана казарм в настоящее время ведется в том же направлении, как она была преподана комендантом крепости после 26 октября.

Начальник штаба контр-адмирал Петров.

Рапорт командира 4 флотского экипажа капитана I ранга Попова старшему флагману 1 флотской дивизии контр-адмиралу Паренаго 28 мая 1906 г.[1]

27 числа в 11 час. 50 м. ночи мне было передано по телефону дежурным офицером по 1-му флотскому экипажу мичманом Арнаутовым, что в столовой 4 экипажа было собрание нижних чинов, и когда он туда пришел, то все они разбежались.

Я сейчас же пошел в экипаж, где был встречен дежурным офицером по 4 экипажу лейтенантом Кареевым, который мне доложил, что в столовой 1 и 4 экипажей около 11½ час. ночи собрались какие-то матросы, и когда они вместе с мичманом Арнаутовым пошли узнать, в чем дело, то, придя в кухню, они нашли двери запертыми, и когда начали стучать, то все матросы разбежались. В столовой боцман Краснов нашел чью-то фуражку с ленточкой «Адмирал Спиридонов»[2], которая и передана была дежурному офицеру по 1 экипажу.

После этого мною были опрошены:

Боцман Краснов, который видел только, что матросы выбежали из кухни; в лицо же он не мог никого заметить, так как было темно и он знает очень мало команды, ибо очень недавно поступил в экипаж. Дежурный по кухне машинист 2 статьи Рублев показал, что часу в одиннадцатом пришли на кухню человек 10 матросов как бы за чаем, и когда он впустил их, то они его и дневального Прозорова оттерли от дверей и окон и заявили, чтобы они молчали, а то плохо будет, в то же время стали собираться матросы и набралось человек от 70 до 100 и начали говорить что-то о черной сотне, и он так испугался, что никого не заметил да и разглядеть было трудно, так как было темно. Дежурный по кухне 1 экипажа комендор Михайлов, с которым то же было проделано, что и с Рублевым, но Михайлов доложил, что он понял, что говорили о том, как бы себя огородить от черной сотни, рассказывают, что будет здесь погром и, хотя матросов не будет, но все взвалят на них. В экипаже, когда я был, все было совершенно спокойно.

28 утром мною было поручено капитану Скворцову совместно с лекарским помощником 1 экипажа осмотреть команду всего экипажа, не было ли у кого-нибудь ссадин на руках, так как в кухне оказались разбитые стекла, и люди могли себе поранить руки, но поранений не нашлось. После справки 27 оказался нетчиком матрос 2 ст. Аркадий Шведов.

Капитан 1 ранга Попов.

---

[1] МИА, ф. № 930/343, лл. 140—141.

[2] Фуражка принадлежала машинисту 7-й роты 1-го экипажа Илье Лагиреву, переведенному из Каспийского экипажа.

Отношение коменданта Кронштадтской крепости А. Адлерберга и. д. главного командира флота и портов и начальника морской обороны Балтийского моря А. Сиденснеру, 11 июля 1906 г.[1]

Начальник штаба порта доложил мне, что г. морским министром сделано распоряжение, чтобы ни одно судно, находящееся в плавании, не прибывало в Кронштадт без его разрешения.

В виду сего, на случай, если это приказание его высокопревосходительства будет нарушено каким-либо судном, признаю необходимым принять соответствующие меры, а потому прошу ваше превосходительство не отказать в распоряжении, во избежание недоразумений и могущих произойти от этого серьезных последствий, своевременно ставить меня в известность о каждом судне, прибывающем в Кронштадт, следует ли оно с вашего разрешения или же считать его вышедшим из повиновения начальства, дабы в последнем же случае иметь основание приказать открыть по нем огонь из орудий крепости.

Прошу принять уверение в моем совершенном почтении и глубокой преданности.

А. Адлерберг.

Рапорт временно командующего 1 флотским экипажем капитана II ранга Николаева I и. д. главного командира флота и портов и начальника морской обороны Балтийского моря А. Сиденснеру, 20 июля 1906 г.[2]

Вчерашнего 19 июля я был очередным наблюдающим экипажным командиром в 4 служительском флигеле, занимаемом экипажами 1 дивизии. До справки команда веселилась, плясала под гармонию и вообще была в хорошем настроении; я сам подходил смотреть на пляску и разговаривал со многими, видел тут же находившихся капитана по адмиралтейству Скворцова и шт.-кап. Армфельдта. Справка, на которой я присутствовал в своем экипаже, прошла вполне благополучно. После нее я находился в канцелярии своего экипажа и стал подписывать послужные списки офицеров, состоящих в 1 экипаже. Около 9½ часов ко мне пришел с вечерним рапортом старший дежурный по сводному экипажу штабс-капитан инженер-механик Ильютович и просидел у меня, вероятно, до начала одиннадцатого часа, затем я стал заниматься тем же.

Часов же около одиннадцати или в самом начале 12-го часа ко мне явился дежурный по 1 экипажу фельдфебель Рак и доложил, что все экипажи внезапно переоделись в фланелевые рубахи, сняли чехлы с фуражек и спешно выходят на двор. Я, взглянувши в окно, действительно увидел на дворе выбегающую из здания команду, и понял, что это видимо организовано, и далеко не шуточно, и опасаясь, как бы не прервали телефонов, не выходя к команде, тут же в канцелярии вызвал по телефону начальника штаба и доложил ему, на что получил ответ, что он даст знать флагману 2 дивизии. Затем я хотел выйти на двор, но бывшие в канцелярии мои писаря и дежурный квартирмейстер Казаков настойчиво стали убеждать меня не выходить к команде, так как наверное убьют, потому что, видимо, уже разобрали в экипажах винтовки, в чем я и сам убедился, видя на дворе в общей массе команды уже вооруженных. Тогда я снова стал вызывать по телефону начальника штаба, но сразу соединиться с ним не мог, так как, по сообщению станции, он говорил в это время с главным коман-

[1] МИА, ф. № 930/24, 1906 г., д. № 343, л. 397.
[2] Там же, д. 173, л. 502.

диром. Когда же меня снова с ним соединили, то я только успел ему проговорить: «Команда разобрала винтовки», — как телефон прервали, и я больше уже по телефону ни с кем говорить не мог. За это время команда растворила ворота, ведущие в 11 и 20 экипажи, послышались выстрелы, вначале одиночные, а потом залпами и крики: «Бей всех, кто не выходит». Вместе с этим команда быстро начала двигаться по двору по направлению к Павловской улице; залпы продолжали раздаваться еще некоторое время, и слышно было, как выгоняли из камер всех людей, крича: «Лучше выходи, а то всех перебьем».

В начале первого часа ночи почти вся команда уже ушла через ворота на Павловскую улицу, на дворе остались только перебегающие отдельные личности, видимо не желавшие принимать участие в бунте и прятавшиеся даже друг от друга. Изредка слышались отдельные выстрелы. Все происходившее перед глазами при моем болезненном астматическом состоянии настолько нервно меня потрясло, что я во втором часу ночи решил выйти из экипажа, где мое присутствие уже не могло иметь значения, и, имея ключ от калитки в 4 офицерский флигель, я перешел в квартиру капитана I ранга Родионова (моего товарища), чтобы оставаться вблизи; на время же этого перехода, так как я был в белом, то, чтобы не быть слишком видимою целью для сновавших по двору людей, я накинул матросское платье. Оправившись от нервного удушья, я в 7 часу утра пошел в дивизионную канцелярию, чтобы узнать что-либо о происходящем в городе. Бывшим же со мною старшему писарю Плотникову и квартирмейстеру Казакову я велел итти в экипаж и дал им записку, что они все время беспорядков были со мною. В 11 часов утра сего 20 июля я был в 1 экипаже во время арестования команды л.-гв. Финляндским полком и убедился, что имевшиеся у меня в цейхгаузе ружья и патроны все остались целы и взяты только офицером этого полка.

О вышеизложенном доношу вашему превосходительству.

Капитан II ранга Николаев I.

Рапорт временно заведывающего 4 флотским экипажем капитана I ранга Митурич в штаб Кронштадтского порта, 20 июля 1906 г.[1].

В среду 19 сего июля в 11 часов вечера некоторыми нижними чинами порученного мне экипажа произведен совместно [с нижними чинами] других экипажей бунт. Когда в этот день около 3 часов пополудни я обходил ротные помещения экипажа и разговаривал с некоторыми нижними чинами, то все они держали себя дисциплинарно, и поведение их не вызывало каких-либо подозрений. На вечерней перекличке был капитан Скворцов и также не заметил никакого проявления чего-либо подозрительного в поведении нижних чинов. После переклички около 9 часов он ушел из экипажа; в ротах было все спокойно. До переклички капитан Скворцов находился на дворе экипажа среди гуляющей на дворе команды и слушал песенников.

Узнав о происшедшем в экипаже возмущении поздно, я не мог попасть в экипаж до 10 часов утра.

По приходе в экипаж, переписал оставшихся в экипаже нижних чинов и оставался до 3 часов пополудни, когда был потребован к главному командиру, а затем, по арестовании и отводе всех оставшихся в здании экипажа нижних чинов под конвоем в 5 служительский флигель, перешел туда. Оставшиеся в экипаже люди показали

[1] МИА, ф. № 930/24, 1906 г., д. № 173, л. 475.

что около 11 часов вечера в роты и канцелярию прибежали нижние чины из других экипажей, некоторые с винтовками, погасили в канцелярии на столе у писарей лампы, взяли ружья, которые в числе 20 штук находились в пирамиде близ стола экипажного командира для караульных, и, угрожая приколоть неповинующихся, выгоняли людей из рот на двор, почему и они должны были выбежать на двор, но, не желая принимать участие в бунте, попрятались кто куда мог: под койки, на дворе за разными пристройками, в ватер-клозете и других местах. Донося об этом при сем представляю список нижних чинов, оставшихся в экипаже.

Капитан I ранга Митурич.

Рапорт штабс-капитана 5 флотского экипажа Армфельдта командиру 1 сводного экипажа 1 флотской дивизии, 20 июля 1906 г.[1]

19 июля с. г. я пришел в экипаж около 8 с половиной часов вечера. На дворе около театра стояла толпа матросов. Один из матросов играл на гармонике, а несколько человек танцевали русского. Около их стоял и капитан Скворцов. Налюбовавшись их премилым времяпрепровождением, я пошел в экипажную канцелярию приготавливать бумаги к вечернему докладу. Вскоре заиграли на справку и вскоре пришел командир экипажа. По обыкновению я поднялся в роту, куда пришел и командир экипажа капитан II ранга Добровольский. Поднимаясь по трапу, я взошел в музыкантскую команду, которой в этот вечер было мало, так как ученики находились в карауле. Как в роте, так и в музыкантской команде все обстояло благополучно и на вечерней перекличке находились все. Командир экипажа по списку проверил всех людей, ходивших в этот день гулять и затем спустился в канцелярию. Я остался в роте, присутствовал во время производства наряда на службу, несколько минут поговорил с командой о службе и затем пошел в канцелярию делать вечерний доклад командиру. Командир в этот вечер ушел из экипажа ранее обыкновенного времени. Он ушел в начале одиннадцатого часа. Я же остался еще в канцелярии доканчивать канцелярские дела. Без нескольких минут 11, закончив дела, я вышел на двор, направляясь на Павловскую улицу, дабы проверить обход на этой улице, так как я был дежурным по городским обходам.

Выйдя на двор, я заметил у театра несколько матросов в черных шапках и затем, посмотрев направо и налево, увидел такие же черные шапки у под'езда 3 и 7 экипажей. Подойдя к под'езду 7 экипажа, я обратился к этим матросам в черных чехлах с вопросом, откуда они прибыли в такой поздний час, на что получил ответ одного матроса «мы запасные». Не добившись от них настоящего ответа, я быстрыми шагами пошел в 10 экипаж доложить об этом дежурному офицеру и справиться у сего офицера, какие это могут быть запасные. Поднявшись в канцелярию названного экипажа, и входя в оную, я совершенно неожиданно был встречен несколькими такими же матросами в черных шапках с ружьями на руку и двумя матросами с поднятыми на меня револьверами. Дуло одного револьвера коснулось моего лба. Приставляя к моему лбу револьвер, матрос с ленточкою на шапке «Россия» сказал: «Город и крепость в наших руках, именем закона вы арестованы, отдайте оружие, или будете убиты». В это же время кто-то сорвал с меня плащ. Я крикнул: «Именем какого закона?

[1] МИА, ф. № 930/24, 1906 г., д. № 173, лл. 469—470.

Опомнитесь, братцы!» Но мои слова остались не услышанными; они наговорили мне дерзостей и, наконец, силою потащили в дежурную комнату, где уже находились арестованные офицеры, дежурные по сводному экипажу — штабс-капитан Ильютович и его помощник мичман Леванда. К нам был приставлен часовой и караул из пяти человек. Старший караульный что-то нам говорил, но я не запомнил его слов. Он коснулся о нашей прежней жизни и сравнивал ее с нашей будущею.

В дежурной комнате тускло горела лампа. На дворе было темно. Вскоре на дворе с ружьями стали выстраиваться матросы и ими покомандовал какой-то матрос. Все были в черных шапках. Сдвоенными рядами вышли эти люди на Павловскую улицу и затем повернули налево к Владимирскому собору. На дворе осталось еще много ружейных матросов и безружейных, коим в экипажах ружей не хватило. Среди них было несколько штатских и какая-то женщина. Иногда на дворе слышны были одиночные выстрелы. Оставшимися на дворе людьми командовал какой-то матрос. Он собирал их в команду, давал советы и предлагал команде выбрать себе начальников, слушаться выборных и итти строем в арсенал за ружьями. В толпе раздавались ругательства и принудительные возгласы, из коих я хорошо запомнил слова: «Если не пойдешь, все равно убьем»; «Мы должны постоять за народ и спасти свою родину, вся крепость и город в наших руках».

Кой-как, уже на Павловской улице, была собрана эта команда, повелительный голос какой-то женщины резко выделялся среди общего шума и, наконец, каким-то неопределенным строем команда двинулась по направлению Народного дома. Впереди шли ружейные. Дойдя до Народного дома, вся эта команда в панике, давя друг друга, побежала обратно, бросаясь в ворота 20 и 5 экипажа, крича: «Армейцы, армейцы!». Несколько раз собиралась затем эта команда и несколько раз, уговоренная этим же предводителем, порывалась она вновь итти за ружьями и в конце концов куда-то скрылась.

Как первая ружейная команда, так и вторая безружейная, была не менее 200 человек. Все вышесказанное произошло до 12 с половиной часов ночи. На дворе у ворот оставалось еще человек 100, в том числе несколько человек ружейных. К этим людям в 12 с половиной часов ночи подошел прибывший, вероятно, через калитку командир 5 экипажа капитан II ранга Добровольский. Добровольский обратился к толпе со следующими словами: «Братцы! Опомнитесь, что вы делаете и на какое вы дело пошли, вернитесь к присяге!» В ответ на эти слова послышались слова какого-то матроса: «Довольно мы терпели. Много вы нашей крови попили, теперь попьем мы вашу». Капитан II ранга Добровольский, продолжая уговаривать, немного возвысил голос, за что, подойдя к нему, один из толпы, матрос сильно ударил по лицу. Тут же, вероятно, он был ранен, так как, побежав к своему 5 экипажу, он упал и сильно застонал. После этого последовало несколько выстрелов, и стоны прекратились. Когда стало светло, матросы вынесли убитого на Павловскую улицу.

У Народного дома и у маленького переулка, соединяющего Павловскую улицу с Северным бульваром, обрисовалась пехотная цепь от 94 пехотного Енисейского полка. Одиночные выстрелы повторялись довольно часто. Но когда цепь поднялась и пошла вдоль Павловской улицы, то матросы все бегом попрятались в казармы. Цепи двигались под командою офицеров. Видя все последнее, караульный начальник поставленного к нам караула явился к дежурному офицеру штабс-капитану Ильютовичу с вопросом, что ему теперь делать? Дежурный офицер приказал сдать оружие. Приказание было исполнено. Таким

образом мы были освобождены. После этого я потребовал к себе своего фельдфебеля, приказал ему переписать всех наличных в роте людей и сам пошел в свой экипаж. Проверив роту и обойдя все помещения экипажа, я отправился в комендантское управление коменданта города. Доложив о случившемся коменданту города, я вновь возвратился в экипаж, куда вскоре явилось пехотное начальство с двумя ротами л.-гв. Финляндского полка. В дополнение всего вышеизложенного доношу вашему высокоблагородию, что все помещения роты и музыкантской команды, в виду арестования всех людей, лично мною запечатаны, за исключением экипажной канцелярии, где находится караул от л.-гв. Финляндского полка.

Штабс-капитан Армфельдт.

Рапорт и. д. командира 11 флотского экипажа капитана II ранга Берлинского в штаб Кронштадтского порта, 20 июля 1906 г.[1]

19 июля на справке было совершенно тихо, никакого брожения среди матросов не замечалось. При перекличке нетчиков не оказалось. До 11 часов была совершенная тишина и около этого времени без всякого инцидента был посажен в карцер матрос Путилов. Ровно в 11 часов вечера команда стала выходить на двор без чехлов, но пока еще и без оружия. Толпа матросов, между которыми было несколько вооруженных винтовками, ворвалась в канцелярию 11 экипажа и стала вооружаться экипажными винтовками, которые хранились в пирамиде, разбила ящик у часового от денежного сундука, в котором хранились патроны, необходимые для экипажа, и быстро выходила на двор, где строились. Та часть команды, которая вошла в канцелярию вооруженная, бросилась на дежурного по группе офицера штабс-капитана Стояновского, потащила его в прихожую и там нанесла тяжкие раны штыками, от которых штабс-капитан Стояновский и умер через три часа в лазарете. Покончив с этим, команда во дворе встретила капитана I ранга Родионова и с расстояния приблизительно десяти шагов со словами: «Сдавайтесь лучше, ваше высокоблагородие», — несколькими выстрелами убила его. Позади капитана I ранга Родионова шел контр-адмирал Беклемишев, в которого команда, покончив с капитаном I ранга Родионовым, также стала стрелять; после первого выстрела контр-адмирал Беклемишев повернулся и вбежал в первый под'езд. В это время еще несколькими выстрелами адмирал был ранен. Он был снесен несколькими матросами во временный кабинет экипажного командира и затем спрятан там же в цейхгаузе. Часа в 4 утра контр-адмирал Беклемишев был отправлен в госпиталь.

Покончив с начальством, команда нашей дивизии соединилась с первой дивизией, и вооруженные шайки вошли в казармы и силой и угрозами стали выгонять команду на двор и со двора на улицу, причем у ворот были поставлены ружейные часовые, которые уже не впускали команду обратно в экипаж. Около 1 часа ночи кто-то из матросов крикнул громко: «Казаки»,— после чего вся толпа бросилась в полной панике через забор в ворота и пряталась где кто мог. После этого момента толпа уже больше не собиралась в большую кучу и только были единичные появления нижних чинов. Так продолжалось с 4 часов до прибытия войск. В 4 часа приблизительно командир 16 флотского экипажа капитан I ранга Хомутов приказал команде выйти на двор для проверки. Когда команда построилась и начали

[1] МИА, ф. № 930/24, 1906 г., д. № 173, л. 444.

проверять людей, из окон 1 дивизии раздались выстрелы в командира и команду почти залпами, после чего капитан I ранга Хомутов распустил команду по ротам. Раненых при этом не было. После этого команда легла спать, и управление экипажем перешло к сухопутным войскам.

Капитан II ранга Берлинский.

Рапорт командира 19 флотского экипажа капитана II ранга Соловьева и. д. главного командира флота и портов и начальника морской обороны Балтийского моря А. Сиденснеру, 20 июля 1906 г.[1]

В ночь с 19 на 20 июля до 11 часов вечера во флигелях занимаемых командами 12, 14 и 19 экипажа было все тихо, и команда спала. Около 11 часов послышались в отдалении выстрелы, и команда стала одеваться и подходить к окнам. В это время толпа на улице шумела около арсенала, но за темнотой нельзя было видеть, что там делается. Когда раздались на улице залпы сухопутных частей войск по толпе, бывшей около арсенала, то команда в экипажах начала кричать ура и свистать, и многие бросились на двор экипажа. Я тогда пошел в помещение 16 сводной роты и стал уговаривать команду успокоиться и не выходить на двор. В том помещении, где я был, мне удалось удержать команду в камере, но из противоположного флигеля, где помещаются 12 и 14 экипажи, часть команды выскочила на двор и бросилась к воротам. Видя, что ворота заперты, толпа, оттолкнув дежурных у ворот, ломом от пожарного инструмента, стоявшего под воротами, сломала замок, но на улицу не вышла, или, если выходила, то тотчас же вернулась обратно.

Часть команды 19 экипажа через черный ход тоже выскочила на двор экипажа; все выскочившие на двор нижние чины были одеты во все черное и со снятыми чехлами с фуражек, что доказывает, что они знали, в какой форме надо быть бунтовщикам.

Капитан II ранга Паттон пошел уговаривать команду 12 и 14 экипажа, выскочившую на двор и стоявшую у крыльца своего флигеля; поговоривши с ними, он повернулся и пошел к 19 экипажу, и в это время, повидимому, из толпы, стоявшей у крыльца 12 и 14 экипажа, раздался выстрел, судя по звуку револьверный, и капитан II ранга Паттон упал раненый в руку.

Его временно перенесли в помещение карцера, под охрану караула, и было послано за носилками в 12 экипаж. По приносе носилок, он был уложен в них и отправлен в госпиталь.

Команда со двора скоро разошлась по своим камерам и тотчас же приказано мною было произвести перекличку, причем в 12 экипаже оказалось три нетчика: матрос Николай Косарев, Илья Бабичев и кочегар Петр Меркулов и в 19 экипаже нетчик машинист Столбов, оказавшийся раненым в госпитале.

Также были осмотрены ружья караула и проверены патроны. Ружья оказались не стрелявшими и патроны все в целости.

О чем штабу порта доношу.

Капитан II ранга Соловьев.

---

[1] МИА, ф. 930/24, 1906 г., д. № 173, лл. 477—478.

Рапорт заведующего командою учебно-артиллерийского отряда, оставшейся на берегу, подполковника Миклашевского и. д. главного командира Кронштадтского порта и начальника морской обороны Балтийского моря А. Сиденснеру, 20 июля 1906 г.[1]

19 июля вечером, уйдя из отряда, я был в часу 11 вызван к телефону дежурным кондуктором в следующих выражениях: «Я вас прошу прибыть в отряд, поспешить на извозчике». Я в отряде нашел все тихо. Кондуктор мне доложил, что команда не ложится спать и бродит; кроме того, по Павловской прошли армейские и крикнули нашим матросам в окно: «Готовься, Черноморская эскадра идет». Я с дежурным кондуктором и двумя фельдфебелями, которые были потребованы кондуктором раньше, обошел камеры, и все было спокойно; действительно, некоторые не спали и были пустые койки, но это я постоянно замечал, койки пустовали находящихся на службе, а в жару не только команда ложилась поздно, но даже спала на дворе. Сказав, чтобы команда ложилась, я вполне нашел ее спокойной, почему и удалился. В 12 часу ночи телефонировали мне, что в отряде скандал, но когда я сам подошел к телефону, то ответа не получил. Сейчас взял извозчика и поехал в отряд по Николаевскому проспекту. Навстречу мне бежала масса толпами матрос без чехлов и воротников, как будто их кто-то преследовал. Я не останавливался, но кричал им: «Куда вы, вернитесь». Некоторые замедляли бегство, но сейчас опять и продолжали бежать. Остановясь у отряда, я застал весь первый белый двор заполненным людьми без ружей и видимо только матросов. Я вошел в толпу и стал говорить: «Уходи, ребята, из моего отряда к себе в экипажи», беря близ стоящих к себе за рукав; с первого раза некоторые стали уходить, но когда я стал приближаться к крыльцу, один из чужого экипажа с нашивками сначала сказал мне: «Довольно пить нашу кровь», а потом схватил меня с другим, вытащил за ворота, прямо кинул на извозчика, который еще не от'ехал, причем говорил: «Убирайся, ваше высокоблагородие, по добру-по-здорову домой». Извозчик повернул и в меня полетело несколько камней, и я услышал два выстрела.

По близости я отправился к коменданту, которого застал на дворе, и обо всем доложил, прося послать немного конницы и всех разогнать. Конницы не было, а стягивались батальоны, которые сейчас же отправляли. Прибыл я к коменданту в 1 часу, а вернулся в отряд во 2 часу, где застал все тихо, людей в беспокойстве; кондуктор был обезоружен, отнята сабля. Чужие матросы произвели обыск, отняли часть винтовок, и некоторые винтовки оставили свои. Взяли только около 20 патронов, остальные были спрятаны, ничего не портили, только побили стекла и поломали рамы в нижнем этаже; по словам кондуктора, это делали армейские солдаты. Ранили выстрелами в коридоре двух матросов. Остальное все время я оставался в отряде. На утренней перекличке не оказалось дома 18 человек. В 8 часов утра сухопутные войска (Финляндский полк) заняли отряд.

О вышеизложенном доношу вашему превосходительству.

Подполковник Миклашевский.

---

[1] МИА, ф. 930/24, 1906 г., д. № 173, лл. 451—452.

Рапорт корпуса флотских штурманов капитана Политаева заведующему командой учебно-минного отряда, оставшейся на берегу, 20 июля 1906 г.[1]

Доношу вашему высокоблагородию, что 19 сего июля был на справке в обоих ротах отряда при полном спокойствии команды. Около 10 часов вечера пошел к себе на квартиру и через час услыхал выстрелы, почему вышел из дома с офицером Кронштадтской артиллерии Глязгером, с которым, дойдя до Гостинного двора от Соборной улицы, и затем поехал в отряд на Павловскую ул. Против учебно-артиллерийского отряда была большая толпа возмутившихся матросов и вольных людей, и производилась стрельба, почему не мог попасть в отряд. Проехать со стороны стрельбища тоже не удалось, так как был толпой оттеснен, после чего я отправился в штаб порта, но по дороге был задержан с тыла вооруженными людьми и у арсенала заметил вооруженную команду матросов и вольных более 150 челов., где оказался также задержанным капитан II ранга Криницкий, и мы вместе с ним стали невольными свидетелями дальнейшего беспорядка, оба были без огнестрельного оружия. Арсенал уже был разгромлен. Вскоре появилась между 12 и 19 флотских экипажей рота Енисейского полка, которая, произведя пачками стрельбу по возмутившимся, дала возможность присоединиться к роте, за которой мы оба следовали ее движениям. До рассвета стояли у летнего помещения главного командира, а после пошли с ротой, которой были произведены осмотры и аресты у арсенала и Поморской улице. Затем у арестного помещения я отделился и пошел в отряд, но, в виду еще продолжавшейся стрельбы по Павловской улице, остался у 1 Кронштадтского крепостного пехотного батальона. Около 6 часов утра вошел в отряд, где все было в порядке. Часовой у денежного сундука стоял на своем посту, печати целы, дежурные и дневальные на своих местах, а ворота заперты; команда вставала, больных и раненых не было; нетчиков 7 человек.

Вскоре в отряд прибыла 11 рота л.-гв. Финляндского полка, которая была встречена миролюбиво.

Капитан Политаев.

Рапорт начальника штаба Кронштадтского порта капитана 1 ранга Андреева и. д. главного командира флота и портов и начальника морской обороны Балтийского моря А. Сиденснеру, 20 июля 1906 г.[2]

19 сего июля в 11 часов вечера мне было доложено по телефону флаг-капитаном 1 флотской дивизии о том, что в командах экипажей, расположенных на Павловской улице, не спокойно, нижние чины переодеваются во все черное, разбирают ружья и выходят на двор. Мною тотчас же было доложено о происходящем вашему превосходительству, а также и. д. коменданта крепости, от которого был получен ответ, что распоряжение о высылке войск для прекращения беспорядков уже сделано. В то же время мною было передано о начавшихся волнениях и д. старшего флагмана 2 флотской дивизии контр-адмиралу Беклемишеву. Немного погодя телефонные провода, идущие в экипажи обеих флотских дивизий, расположенных на Павловской улице, были, видимо, обрезаны за исключением одного провода, в 20 флотском экипаже, командир которого капитан 1 ранга Родионов в то же время,

[1] МИА, ф. № 930/24, 1906 г., д. № 173, л. 467.
[2] Там же, лл. 487—488.

вероятно, был уже убит, так как на мой вызов отвечал писарь, которому место нахождения командира не было известно. Таким образом я лишился возможности получать какие-либо сведения о происходящем на Павловской улице.

Около 12 часов ночи со стороны Павловской улицы была слышна беспорядочная стрельба, а затем большая толпа, состоящая из мастеровых и вольных людей, двинулась по Княжеской и Петровской улицам. Выйдя воротами к летнему морскому собранию на Петровскую улицу, я увидел, что большая толпа вольных и мастеровых подошла к помещению центральной электрической станции, шумела и требовала, чтобы караул вышел на улицу, в противном случае будет разбита станция. Я тотчас по телефону передал и. д. коменданта и просил прислать роты и доложил об этом вашему превосходительству. Спустя некоторый промежуток времени послышались залпы, как мне послышалось со стороны машинной школы. Толпа, стоящая у станции, побежала через площадь на Петровскую улицу к арсеналу. Встреченная подошедшими частями 94 пехотного Енисейского полка толпа была оттеснена к помещению портовой столовой и пошла по направлению к арсеналу. Затем я находился все время у телефона, принимая приказания как вашего превосходительства, так и и. д. коменданта крепости. Так в 4 часа ночи мною было получено от последнего приказание выслать вооруженные баркасы с эскадренного броненосца «Император Александр II», чтобы действовать во фланг, если бы желающие убежать с форта «Константин» направились бы на южный берег на паровых баркасах, но приказание это командою названного броненосца исполнено не было под предлогом, что они не станут стрелять по своим. В 6 часов утра мною было получено от и. д. коменданта крепости приказание послать миноносец пограничной стражи № 105 на северный фарватер, так как имелись сведения, что там находится паровой баркас с мятежниками, бежавшими с форта «Константин». Не имея карт северного фарватера, миноносец не мог пройти на самый фарватер, но пройдя насколько было возможно дальше, убедился, что на северном фарватере никакого парохода не видно, о чем мною было доложено вашему превосходительству и коменданту крепости.

К рассвету около 2—3 часов утра беспорядки в морских командах и на улицах были прекращены, и по телефону из 20 экипажа дежурным писарем было передано, что в казармах все спокойно.

В 4 часа утра, при осмотре сторожем при даче начальника штаба порта матросом 19 флотского экипажа Семеном Денисимовым были найдены спрятавшимися в будке сторожа летнего сада два матроса 7 флотского экипажа команды крейсера «Посадник» — машинист Алексей Девятов и матрос I ст. Яков Галушка. Оба были в фуражках без чехлов. В это время матрос 10 экипажа Александр Гончаров, находящийся при мне ординарцем, привел ко мне спрятавшегося в сторожке летнего морского собрания матроса 4 экипажа Петра Гончека. Все поименованные нижние чины были препровождены в 19 флотский экипаж и сданы дежурному по экипажу офицеру.

О всем вышеизложенном вашему превосходительству доношу.

Капитан I ранга Андреев.

Рапорт заведующего портовым полицейским надзором Васильева и. д. главного командира флота и портов и начальника морской обороны Балтийского моря А. Сиденснеру, 20 июля 1906 г.[1]

Сего числа утром мне доложил сторож портового полицейского надзора Даниил Ильин, что вчера 19 сего июля поздно вечером он наблюдал из окна своей квартиры, которая находится в стенке у мясного склада морских команд, как толпа матросов, многие с ружьями, совместно с прочими вольными людьми, собралась возле морского мясного склада и начала что-то обсуждать; о чем именно говорили, расслышать он, Ильин, не мог, но только видел, что через несколько времени по направлению от госпиталя под'ехали две двухколесные тележки, на которых находилось очень много, видимо, патронов. Вся толпа направилась к тележкам и стала набирать себе патроны, а затем часть людей из толпы, перекрестившись, направилась по Северному бульвару к казармам и на Песочную улицу; минуты через три или четыре после ухода толпы раздался первый выстрел. Выйти из квартиры, чтобы дать кому-либо знать, он, Ильин, не мог потому, что часть людей еще оставалась некоторое время, как бы для наблюдения, что не явится ли кто-либо посторонний, чтобы об этом предупредить. Старшина же портового полицейского надзора Лука Фролов, проживающий в будке на Якорной площади у моста Большой Екатерининской улицы, доложил, что выстрелы единичные как бы сигнальные раздавались с постройки Морского собора и из Екатерининских парков.

При сем считаю долгом доложить вашему превосходительству, что я сам наблюдал из портовой столовой следующее: около 11½ часов вечера я услышал первые выстрелы как бы в отдаленности и сейчас же послал дворника портовой столовой Василия Иванова узнать причину стрельбы, но тот возвратился и сказал, что по близости ничего нет, но вслед за этим уже залпы участились и было ясно, что люди, стреляющие из ружей, приближаются все ближе и ближе. Загасив огни, я стал внимательно наблюдать из окна и хотя было темно, но заметить можно было, что толпа матросов, а с ними несколько других вольных людей, повидимому, мастеровых, пробежали по направлению морского арсенала и уже с этого момента стрельба была сильная, но непродолжительная. Затем в четвертом часу утра видел, как сухопутное войско возвращалось обратно от арсенала, с забранными людьми, как матросами так и вольными, и попутно осмотрело двор и помещение портовой столовой, причем около столовой была поднята винтовка, брошенная матросами.

О вышеизложенном доношу вашему превосходительству для сведения.

Титулярный советник Васильев.

Рапорт коменданта города Кронштадта капитана Скворцова и. д. главного командира флота и портов и начальника морской обороны Балтийского моря А. Сиденснеру, 21 июля 1906 г.[2]

19 сего июля, около 8½ часов вечера, я совместно с капитаном II ранга Шумовым, лейтенантом Петровым 7 экипажа вошел через калитку из офицерских флигелей на двор сводного экипажа 1 флотской дивизии; офицеры эти вошли в канцелярию 7 флотского экипажа, а я пошел по двору, где встретил матроса 4 флотского экипажа

[1] МИА, ф. № 930/24, 1906 г., д. № 173, лл. 441—442.
[2] Там же, лл 503—504.

Ермакова, который с малой гармонией в руках подходил к подмосткам домашнего театра сводного экипажа.

Около театра Ермаков с другим нижним чином, который умел под'игрывать на листе зеленого лука разные мелодии, развлекали игрой нижних чинов, и развлечение это приняло более широкие размеры, так как к играющим присоединились и танцующие, все это продолжалось до справки и имело чисто домашнюю обстановку, доставляя истинное, как мне казалось, удовольствие и участвующим и присутствующим. Особенно забавлял всех оригинальным исполнением малороссийского танца матрос 4 экипажа Орлов, за что награждался дружными аплодисментами всей группы нижних чинов, среди которой не видно было в нетрезвом виде нижних чинов. Через несколько времени к группе веселящихся подошел и капитан II ранга Николаев. В 9 часов вечера заиграли на справку, и все в полном порядке разошлись по ротам. Я присутствовал на справке постепенно во всех ротах 4 флотского экипажа; в 8-й машинной (вверенной мне роте) пел, как всегда, с командой молитву. В этот день нетчиков ни в одной из рот 4 флотского экипажа не было, а равно и нижних чинов в нетрезвом виде.

По окончании пения молитв в 8 роте я подписал билеты увольняемым на другой день в город нижним чинам, снес их в канцелярию экипажа, где и положил на письменный стол командира, кроме этого, подписал выписку из журнала взысканий на боцманмата Волокитина и несколько рапортов.

По моем выходе из канцелярии матрос Ермаков обратился ко мне с просьбою итти послушать еще его игру, но я, весь этот день по службе отсутствовавший из дому, сказал, что мне нужно итти домой и от этого удовольствия должен отказаться. Это было уже более 9½ часов вечера. Среди нижних чинов, находившихся в это время на дворе, я не заметил ничего подозрительного, прошел по Павловской улице на Николаевский проспект к себе на квартиру.

В 11 часов вечера лег спать и едва заснул, как был разбужен своей прислугой. В это время на улице был слышен крик и беспорядочная ружейная стрельба. Придя на угол Павловской и Николаевского проспекта, я узнал, что толпа взбунтовавшихся матросов, частью с ружьями прошла по Павловской и Соборной улицам, но обстоятельств беспорядка я еще не знал. Я тотчас же поднялся в свою квартиру и по телефону просил соединить меня с 10 флотским экипажем, где состоял писарь временно вверенного мне управления Беляев. Телефонист мне об'яснил, что остались неповрежденными провода лишь в 8 и 20 флотских экипажах, а все остальные провода взбунтовавшими испорчены. Отказавшись говорить по телефону, я решил лично итти в сводный экипаж 1 флотской дивизии. Выйдя на Павловскую улицу, я видел, как л.-гв. Финляндский полк расставлял посты и цепи для отражения взбунтовавшихся команд. Так как вдоль Павловской улицы финляндцами производились одиночные и пачками выстрелы, то я пошел по Владимирской улице, дойдя по которой до дома Коклюшкина, я пытался пробраться в сводный экипаж 1 флотской дивизии, но в это время был остановлен бывшим матросом моей роты, ныне зачисленным в запас флота, который, взяв меня за локоть руки, сказал: «Зачем вы пойдете туда, ваше высокоблагородие, вас там убьют, как убили адмирала Бекле мишева и двух штаб-офицеров или арестуют». В это время я стал на углу Владимирской и Без'именного переулка. По Северному бульвару я прошел до Николаевского проспекта, по Николаевскому проспекту и по Екатерининской ул. я пошел во временно вверенное мне управление

(6 офицерский флигель) и на Екатерининской улице встретил роту 1 Кронштадтского крепостного пехотного батальона под командой капитана Герасимова.

Придя в управление, я по телефону справился в казначействе, все ли там благополучно, потом в военно-морской следственной тюрьме и, наконец, говорил с дежурным по арестантскому лазарету офицером, которому приказал особенно следить за тем, чтобы все камеры были заперты и лично осмотреть все наружные посты; это было в 1 час 50 мин. ночи. Получив отовсюду донесения о благополучном состоянии караулов, я пошел к 3 северной казарме, где встретил 94 Енисейского полка капитана Федорова, который, как он мне сказал, только что входил в казармы сводных экипажей 2 флотской дивизии, где арестовал несколько ружей, револьверов и патронов. Я тотчас же просил капитана Федорова сделать это и со сводным экипажем 1 флотской дивизии, но капитан Федоров, спросив меня о приблизительном количестве находящихся там нижних чинов, за малочисленностью находящихся в его распоряжении людей, не рискнул это сделать. Тогда я по Северному бульвару пошел к арестантскому лазарету; в это время в том же направлении несли тело убитых одного из капитанов II ранга и матроса. Так как Северный бульвар в том конце, где госпиталь, патрулями не охранялся, то я просил у подпоручика 2 Кронштадтского крепостного пехотного батальона Бурасова дать мне с ружьем сопровождающего; тот назначил мне старшего унтер-офицера, каптенармуса неприкосновенного запаса.

У здания мясного склада я встретил офицерский патруль под командой подпоручика 94 пехотного Енисейского полка Лобановского. В арестантский лазарет прибыл около 5 часов утра, где, проверив караулы и дав указания поставить часовых у дверей анатомии, где сложены были трупы убитых, я направился сначала в госпиталь, а затем во временно вверенное мне управление, где, подписав срочные бумаги, отправился с докладом вр. и. об. главного командира. В 7 час. 45 мин. утра проверял караул при морском арсенале и казначействе, куда прибыл также и дежурный по караулам 1 Кронштадтского крепостного батальона штабс-капитан Никитин.

Еще раньше около 7 часов утра, когда я был в управлении, прибыл вр. и. об. ад'ютанта вверенного мне управления штабс-капитан Армфельд, который и доложил мне подробно о всем случившемся с ним в эту ночь, о чем мною приказано было ему донести мне отдельным рапортом.

Около 9 часов утра двор сводного экипажа был занят командами л.-гв. Финляндского полка. Я просил командира означенного полка дать мне разрешение войти в казармы, дабы узнать состояние команды 4 флотского экипажа, в чем мне сначала было отказано, но через значительный промежуток времени я был туда допущен, переписал всех находящихся налицо и оказавшихся нетчиков. Команды были арестованы л.-гв. Финляндским полком и переведены в казармы 11 и 20 флотских экипажей, а имущество оставлено в старых помещениях. Во время прибытия моего в арестантский лазарет Николаевского морского госпиталя дежурный офицер 1 Кронштадтского крепостного пехотного батальона подпоручик Денисов доложил мне, что матросы мясного склада ночью сняли чехлы с фуражек и имели воротники форменных рубах спрятанными под фланелевку.

О чем вашему превосходительству и доношу.

Капитан Скворцов.

Из служебной записки и. д. флаг-капитана штаба 2 флотской дивизии капитана II ранга Криницкого и. д. главного командира флота и портов и начальника морской обороны Балтийского моря А. Сиденснеру, 22 июля 1906 г.[1]

Во исполнение словесного приказания вашего превосходительства доношу, что 19 сего июля, окончив в дивизионной канцелярии письменные занятия, сделав распоряжения о нарядах по дивизии на следующий день и поручив штабс-капитану Булычеву (и. д. флаг-офицера) проверить по отпечатании на машинке список нижних чинов, которые подлежали отправлению на суда гардемаринского отряда, я около 8 часов вечера ушел из канцелярии домой. Занявшись дома чтением газет и журналов, я, поужинав, собирался ложиться спать, но услышав шум на улице, подошел к окну и увидел кучку матросов с ружьями, человек 30—40, спешно направлявшихся от Красной улицы мимо 12 флотского экипажа к Морскому собранию. Я оделся в пальто, положил в карман револьвер (браунинг), вышел на улицу и, чувствуя что-то не совсем обыкновенное, так как прошедшие матросы были без чехлов и без белых рубах, направился за ними. По выходе на улицу их уже нигде не увидел. Тогда я пошел к Морскому собранию узнать, в чем дело. Огни в собрании оказались потушенными, калитка заперта и возле нее стоял лакей в белом кителе (полный старик). К нему я обратился с вопросом: «Что случилось, отчего погашены огни?» Он мне ответил, что начался бунт и что господа офицеры потребованы по своим частям. Он же сообщил, что флагман адмирал Беклемишев уехал в дивизию. Это было приблизительно около 3/4 двенадцатого часа ночи. Тогда я сел на ехавшего мимо извозчика и приказал везти себя в дивизионную канцелярию. Извозчик поехал, но заявил, что туда ехать очень опасно, так как там могут убить. Я все-таки приказал ему ехать. На дороге встретил одного матроса с папкой в белой рубахе, остановил и спросил, куда и зачем он идет. Оказалось, что это рассыльный штаба порта, идет с телеграммой, подписанной капитаном I ранга Андреевым. Я отпустил его дальше, так как подпись была не поддельная. Дальше я встретил еще двух матросов 19 флотского экипажа возле этого экипажа также в белых рубахах и белых шапках и приказал им немедленно итти в экипаж. Они ответили «есть» и пошли к воротам. Я приказал извозчику после этого ехать скорее. На улицах не было ни души. Когда я проехал мост через Екатерининский канал, то между западной и восточной частями Екатерининского парка у ларька мой извозчик был остановлен толпой встречных мятежных матросов. Сбоку толпы шло несколько штатских. Передняя шеренга матрос стала при этом целиться в мою голову из винтовок. Тогда я, отдав извозчику бывший у меня в руках полтинник, соскочил с пролетки и стал возле извозчика, и, увидев тут же рядом ларек, перешел за него, чтобы иметь за спиной препятствие и стеснить свободу действий врага. Тут толпа матросов быстро окружила меня и, так как стрелять уже им при таком моем положении было невозможно без риска подбить «товарища», то они стали действовать штыками, да и то только в ограниченном районе. Я же с своей стороны, отбивая их штыки руками, стал усовещевать их в гнусности их поступка, когда они вооруженные со штыками набрасываются целой огромной толпой на одного только человека, георгиевского кавалера, защитника Порт-Артура, выходившего с одним только миноносцем «Сильный» на десять японских судов и разбивавшего их, причем один брандер и один миноносец были утоплены мною, то из толпы последовало приказание

[1] МИА, ф. №930/24, 1906 г., д. № 173, лл. 449—450.

оставить меня в живых и взять под конвой. Успев во время этой борьбы только слегка поранить меня за ухо и в грудь, и руки, толпа опустила ружья и, подхватив меня под руки, с искаженными,— может быть, даже искусственно,— физиономиями потащили меня за двинувшейся далее колонной. На мосту один залез ко мне в карман пальто и, нащупав браунинг, закричал: «Товарищи, да у него браунинг». На это последовало приказание отобрать и дать сюда. Браунинг, а потом и кортик были сейчас же отобраны и переданы в толпу. Затем я вырвал свои руки из матросских, сказав им, что я пойду сам. Они ничего на это не ответили, руки мои выпустили, но приставили сзади ружейных конвойных.

При повороте на Княжескую улицу я увидел, что, кроме меня, в этой толпе неподалеку также идет арестованный офицер корпуса штурманов Политаев. Эта мятежная толпа, проследовав по Княжеской, Петровской, и Красной улицам, подошла к артиллерийскому морскому арсеналу и остановилась у ворот его на Поморской улице. Большинство безоружных перелезли через забор и стали хозяйничать на дворе арсенала, а потом и в самом арсенале, а вооруженные ружьями около 80 человек остались на улице, собрались вместе со штатскими в кружок, выслав женщину в коричневом гладком платье, высокую и стройную без шляпки и без платка за угол, и стали о чем-то совещаться. Из этой толпы от времени до времени подходили ко мне матросы с заявлением мне неудовольствия, что я их арестовывал и наказывал за хождение по улице в позднее время, так же и за хождение в парках: в Екатерининском и Петровском. Один из них небольшого роста с довольно большими усами при одном из таких заявлений сорвал с меня погоны, сказав, что они мне больше не понадобятся. На это я ему заметил, что утром ему придется раскаиваться в своем поступке.

В это время из-за угла показалась женщина, быстро подошедшая к совещавшимся, а вскоре за нею показались и армейские солдаты с офицерами, которые, быстро развернувшись, дали залп по скрывавшимся под тьму аллеи бунтовщикам. Этим залпом был подбит приставленный ко мне бунтовщиками часовой. Тут кстати нужно упомянуть еще одну подробность. Когда эта толпа бунтовщиков шла по Петровской улице, то встреченные раньше мною, когда я ехал на извозчике, два матроса 19 экипажа все еще шатались по Петровской улице, и толпа их также захватила с собой. У арсенала одному из них была дана винтовка, и он приставлен был ко мне часовым вместо тех, которые меня конвоировали по дороге. Этот нижний чин, будучи приставлен ко мне, заявил, что он от меня понапрасну пострадал 14 июня; ни за что высидел 30 суток в тюрьме, так как хотя фальшивый билет, отобранный мною у одного нижнего чина в 2 часа ночи на Нарвской площади был и с его фамилией, но он про это ничего не знал и спал себе в экипаже, а владелец билета, убежавший от меня, был совсем другой. Впрочем, заявил он мне, он никакого зла за это на меня не имеет. Почти вслед за этим разговором последовал залп армейцев, и этот часовой, охая, свалился. Упал и подполковник [1] Политаев. Я же после залпа, сняв шапку и показывая ею вправо от себя, куда следовало стрелять, пошел на правый фланг армейской цепи. Стрелки дали еще залп, затем стали стягиваться во взвод и пошли по Поморской улице. Я подошел к подполковнику, руководившему выступлением, и представился.

Наступавшие на мятежников войска оказались ротой Енисейского полка. Я присоединился к ней. Когда подошли к упавшим при залпе часовому и подполковнику [1] Политаеву, последний благополучно поднял-

[1] Так в подлиннике.

и заявил, что он упал для того, чтобы его не подстрелили. Затем енисейцы двинулись вдоль Поморской улицы к пароходному заводу, дав предварительно залп вдоль улицы. В это время [одно] из деревьев справа у ворот арсенального двора зашевелилось. Енисейцы быстро дали по нем залп, и оно успокоилось. Там утром оказался убитым в сидячем положении с ружьем один из мятежников 5 флотского экипажа, судя по ленточке на шапке. Пройдя по Поморской улице, рота свернула на Петровскую и подошла к дому главного командира. Отсюда часть ее команды была посылаема для осмотра 19 экипажа и выяснения положения раненого капитана II ранга Паттон, командующего 19 флотским экипажем, а затем эта рота енисейцев была послана для осмотра артиллерийского двора. При осмотре барж у Артиллерийской пристани было задержано на баржах несколько нижних чинов бунтовщиков, одетых в черные шапки и без синих воротников, а также несколько вольных. Осмотрев баржи, суда и все закоулки этой части порта, а также сараи и здания, енисейцы пошли вдоль Поморской улицы к своим казармам для сдачи в арестное морское помещение задержанных...

И. д. флаг-капитана штаба старшего флагмана 2 флотской дивизии
капитан II ранга Криницкий.

Рапорт командира эскадренного броненосца «Император Александр II» капитана I ранга Петрова командующему практическим отрядом Балтийского моря контр-адмиралу Цывинскому, 20 июля 1906 г.[1]

Сего числа около 4 часов утра, получив приказание начальника штаба спустить баркасы и, установив на них пушки Барановского, отправить к форту «Константин», команда была разбужена [с] приказанием стать на тали, отказалась это сделать и, несмотря на уговоры ее, убеждения, демонстративно ушла на бак. Мною раз'яснилась команде вся ответственность ее за неповиновение, были прочтены статьи закона, я приказывал ей именем государя императора, но она молчала и приказания не исполнила. Об этом мною было доложено по телефону начальнику штаба, который мне ответил, чтобы баркасов не спускать. При моих разговорах с командою она молчала, и никто из них со мной в разговор не вступал. Все последующее время до прибытия вашего превосходительства, команда исполняла обычные работы, как-то: был спущен паровой катер, скачивалась палуба, чистилась медь и проч.

До сегодняшнего дня в команде никакого брожения не замечалось, и на мои воскресные опросы претензии не заявлялось. Указать на агитаторов не могу, считаю всю команду, переведенную с крейсера «Громобой», ненадежной, о чем мною было доложено при самом ее назначении; в среде основной команды найдется тоже незначительное количество человек, над которыми был постоянно строгий налзор.

Ввиду всего вышеизложенного [считаю] необходимым разоружить теперь же броненосец.

Капитан I ранга Петров.

Доклад помощника прокурора военно-морского суда Кронштадтского порта штабс-капитана Твердого прокурору суда, полковнику Алабышеву, 20 июля 1906 г.[2]

Доношу вашему высокоблагородию, что в 8 ч. 4 м. утра сего числа я получил приказание главного командира прибыть немедленно к вр. и. д. коменданта Кронштадтской крепости г.-м. Адлербергу. Испол-

[1] МИА, ф. № 930/24, 1906 г., д. № 173, л. 454.
[2] МИА, ф. № 147, 1906 г., д. № 183, л. 3.

нив в точности и с надлежащей поспешностью это приказание, я явился к генералу Адлербергу и ожидал его возвращения с форта «Константин». По прибытии генерала Адлерберга я явился лично его превосходительству и получил приказание ехать в Минный лагерь и, за отсутствием военного прокурора, дать надлежащие юридические справки г.-м. Ракинту, разбирающему дело об убийстве в минувшую ночь полковника Александрова и капитана Кочеровского (если не ошибаюсь в последней фамилии), а также в поранении г-жи Якоби. Получив таковое приказание в 12 ч. дня, я отправился в штаб порта, сообщил о том начальнику штаба и доложил по телефону лично его превосходительству главному военно-морскому прокурору. Затем я поехал по назначению и явился в 1 ч. 30 м. пополудни генералу Ракинту, который предложил мне дать указания, какими статьями воинских уставов предусмотрены преступления семи нижних чинов, уличенных свидетелями и частью сознавшихся на дознании в совершении вышеозначенных убийств и поранения. Кроме того, генерал Ракинт спросил, в какой статье в. с. устава указан обряд смертной казни. Таковые справки были мною даны. После чего генералы Ракинт, Шульман, Павлов и полковник Гулин составили протокол (без названия его) о том, что такие-то нижние чины минной роты уличены в вышеприведенных преступлениях, караемых смертной казнью. Посему и согласно приказания августейшего главнокомандующего, переданного генералом Адлербергом помянутой комиссии (3 генерала и полковник) семь вышеозначенных нижних чинов подлежали немедленной смертной казни через расстреляние, что и последовало в 5 часов пополудни [1].

Я при исполнении казни не присутствовал и в обряде таковой не участвовал. Расстрелянные закопаны на месте казни.

Штабс-капитан Твердый.

Докладная записка командира учебного судна «Африка» капитана II ранга Муравьева начальнику главного морского штаба, 1 августа 1906 г. [2]

Для уврачевания недуга, переживаемого флотом, в виде мятежей, надо прежде всего найти причины, повлекшие за собою упадок дисциплины, а затем и беспорядки.

Ближайшие причины последних беспорядков следующие: 1) Общее социальное брожение во всем государстве. Здесь нужна жестокая, беспощадная борьба с анархистами и революционерами, но это не в руках морского министерства. 2) Внешняя агитация среди морских команд, причем к каждой морской части приставлены специальные агитаторы, которые в пределах Финляндии действуют совершенно в открытую и безнаказанно, да и Кронштадт, находившийся на военном положении, ими кишел. 3) Профанированное военное положение Кронштадта. Военное положение в Кронштадте длилось 8 месяцев и выразилось для морских команд в сидении в экипажах без живого дела, без воинского обучения, причем не было ни одного строевого ученья. Престиж старших морских начальников, как экипажные и судовые командиры, постоянно ронялся через совершенно ненужное сидение в экипажах и даже с ночевкой в них, что было похоже на какой-то арест, что вме-

[1] Михаил Алексеев, Оскар Пурвинг, Веньямин Казаков, Иван Бакланов, Михаил Мазеров, Алексей Якушев, Михаил Василла. ДП, о. о., д. № 8, т. IV, л. А, 1906 г. (А. Дрезен, Моряки в восстании 1905—1906 гг., Ленгиз, 1926 г., стр. 74, примеч. 2).

[2] МИА, ф. № 930/24, д. № 344, лл. 2—5.

сте с крайним недостатком младших офицеров и частыми переводами их из одной части в другую, в особенности с начала кампании, не могло создать ни на берегу, ни на судах сплоченной части. 4) Постоянная травля газетами офицерского состава не могла не подорвать доверие и уважение к ним со стороны нижних чинов. 5) Не было принято в Кронштадте серьезных мер для ограждения этого оплота столицы от агитаторов и других вредных элементов. В Кронштадте следует иметь многочисленную и хорошо поставленную охранную полицию, чтобы ни одно лицо не могло бы проникнуть в крепость, порт и казармы незамеченным. Не было установлено никакого досмотра на пристанях за от'ездом на северный, южный берег и в Петербург нижних чинов, билеты их никем на пристанях не проверялись, и ездить мог всякий, кто только хотел. Досмотр и охрана, вероятно, были проводимы более или менее целесообразно с военным положением только в крепостных частях острова, да и то, как показал бунт 19 июля, не в достаточной степени. Причем при подавлении мятежа обращает внимание страшно малое число жертв со стороны мятежников, что является тревожным симптомом: в войсках стреляли не в бунтовщиков, а вверх, и этот факт в будущем может быть учтен мятежниками в свою пользу. 6) Увольнение нижних чинов 1901 г., а вместе с ними наиболее лучших и дисциплинированных людей, в числе которых ушла значительная часть унтер-офицеров, почему оставшаяся масса, лишившись лучших элементов, стала в общем более недисциплинированной и несдержанной. 7) Чересчур мягкое отношение и почти заигрывание с нижними чинами; все и вся было проникнуто улучшением быта нижних чинов: хорошая кормежка, бывшая прежде, считалась худой; стали кормить, как говорится, на убой; удовлетворение нужд и требований нижних чинов шло широким потоком, но вместе с этими симпатичными мерами строгость дисциплины не поддерживалась, наоборот: дисциплина все падала и падала, нижние чины чувствовали, что власть слабеет, что многое теперь можно, наглость скрытая стала в разных видах проявляться вьявь. Для команды устраивались чтения, спектакли, команды хорошо кормили и развлекали, но воинского дела, при котором только и возможна воинская дисциплина, не было. Команда скучала от безделья, пропагандировалась агитаторами внутренними и внешними, терроризовала унтер-офицерский состав и наглела. 8) Медленное, слишком мягкое возмездие за беспорядки, бывшие 26 октября прошлого года, причем масса участвовавших в беспорядках, и, по всей вероятности, наиболее виновных, остались не наказанными и уверовали и в будущую безнаказанность свою. 9) Неудовлетворительный офицерский состав во всем своем об'еме и мало подготовленный к делу воспитания команд в истинно воинско-патриотическом и верном долгу духе. 10) Очень неудовлетворительный и даже плохой унтер-офицерский состав, без твердых устоев знаний, престижа перед нижними чинами, без высокого понятия о долге перед царем и родиной, который к тому же малочислен, легко терроризуется и представляющий из себя плохих помощников офицеров.

Таковые, по моему мнению, причины мятежного духа морских команд, и меры к устранению их и оздоровлению команд, по моему убеждению, должны заключаться в следующем:

1) Жестокая и быстрая расправа как с убийцами офицеров, так и с обнаруженными зачинщиками мятежей;

2) Образование по высочайшему повелению из бунтовавших частей дисциплинарно-воспитательных батальонов с понижением всех нижних чинов этих частей в матросы 2 статьи, хотя бы и не принимавших участия в бунте, но виновных в недонесении о готовящемся бунте и не

принявших участия в противодействии ему, что является преступлением против присяги; отправление этих батальонов из Кронштадта в село Медведь, Шлиссельбург, Архангельск и пр., для производства каких-либо работ, хотя бы для ирригационных целей. Эти батальоны должны быть разоружены. Кроме работ, в них должны производиться строевые ученья, толковое изучение уставов, обучение грамоте и должно быть обращено внимание на патриотическо-нравственное и религиозное воспитание. Офицерский и унтер-офицерский состав должны получать вдобавок к береговому содержанию по береговому положению морское довольствие, командиры батальонов, как командиры судов II ранга, ротные командиры — как старшие специалисты и субалтерн-офицеры — как вахтенные начальники, причем офицеров следует менять таким образом: первую треть через полгода, вторую треть — через год и последнюю треть через полтора года и т. д. Службу офицеров в этих батальонах удваивать для пенсии и давать, не вычитая из суммы, 4-месячный отпуск по прослужению в батальоне полутора лет. Эти батальоны должны быть охраняемы сухопутными частями, которые не должны иметь сношений с ними, и должны сменяться не реже одного раза в месяц, чтобы не устанавливалась связь между ними и бунтовавшими частями морских команд. Оставление в Кронштадте, а также на судах бунтовавших частей только потому, что судебное разбирательство не сможет добыть достаточных улик против многих, принимавших деятельное участие в бунте, укрепит этих последних в убеждении, что даже мятеж остается без наказания, и это побудит не только их, но и других колеблющихся быть более дерзкими и в недалеком будущем повторить опыт мятежа более уверенно и, вероятно, с более печальными последствиями. Кроме того, бунтовавшие части, когда увидят всю неприглядную сторону положения, в которое попали, вероятно выдадут еще многих коноводов, которые должны быть судимы военными судами. Эту меру я считаю безусловно необходимой по отношению к бунтовавшим частям и ее необходимо провести немедленно, подобно тому, как это было сделано с первым батальоном Преображенского полка[1]. Если бы не нашлось достаточно офицеров флота для службы в этих батальонах, необходимо пригласить таковых из армии. Возвращение из этих батальонов для службы во флот не должно иметь места ранее одного года и то под ответственность командиров батальонов, которые должны быть вполне убеждены, что возвращают вполне хороших людей. В юридическом отношении здесь не может быть сомнений, так как эта мера принимается относительно бунтовавших частей, почему придирок на беззаконность ее не будет иметь места.

3) Является другой вопрос, что делать с людьми, не проявившими активно своих дурных инстинктов, которые, вероятно, намеревались принять участие в бунте, но по тем или другим причинам не успевшие в этом, а также относительно людей вообще неблагонадежных и нежелательных среди команд. Таких людей наберется несколько сот. Их следует также удалить из Кронштадта на один из имеемых транспортов «Терек», «Дон» и пр., который следует назвать учебно-воспитательным кораблем. (Эта идея была высказана на совещании под председательством вашего превосходительства). Орудия и учебные снаряды

[1] Первый батальон Преображенского полка за отказ итти пешком в Петергоф для несения охраны и подачу петиции политико-экономического характера (см. «Большевики и армия в 1905—1917 гг.», Истпарт, изд. «Красная газета», 1929 г., стр. 267) приказом по гвардейскому корпусу от 16 июня был переименован в особый пехотный батальон и лишен прав гвардии.

должны быть на этом корабле, но вместо зарядов учебные балванки. Ружей и револьверов, кроме учебных (для сборок и разборок), не должно быть. На этом корабле должно быть достаточное число хороших, верных и с сильным характером инструкторов-кондукторов и унтер-офицеров, между которыми все нижние чины должны быть росписаны так, чтобы каждый инструктор мог знать каждого матроса своей смены и наблюдать за ней. Этот корабль должен быть на паровом отоплении, и нижние чины не должны получать морского жалованья. Инструктора же по возможности из сверхурочно-служащих должны получать добавочные в значительном размере. Командир и офицеры должны получать морское довольствие по I рангу, а береговое — по Сибирскому положению [1]. Для охраны и несения караульной службы на этом корабле должна быть назначена сухопутная часть из вполне верных и надежных людей, как казаки, к тому же наиболее знакомые с водой, реками и пр. Они должны быть вооружены, иметь своих офицеров, которые подчиняются командиру корабля. Их следует держать совершенно отдельно от морской команды, с которой не должно быть у них соприкосновения. Этот корабль должен быть поставлен на мертвый якорь в аванпорте порта императора Александра III или Виндаве. Служба на нем должна быть суровая, строго по уставу. Нижние чины должны быть постоянно заняты: по утрам все, не исключая унтер-офицеров, должны быть на гребле, затем производство артиллерийских учений, строевых, пожарного, водяной тревоги, обучение мастерствам, занятия по специальностям, учение с толкованиями уставов, чтение и толкование евангелия (нужен священник богослов), обучение грамоте, изучение географии и русской истории, преимущественно морской, в патриотическо-национальном духе. Спуск на берег должен быть ограничен 20 человеками ежедневно, причем нижним чинам следует об'явить, что малейший проступок на берегу, опоздание явиться в срок и пр. повлечет за собой полное прекращение увольнения на берег не только произведших это нарушение, но и всех остальных, а может быть следует выработать какую-нибудь систему круговой поруки. Я считаю эти меры необходимыми, которые должны быть проведены немедленно, иначе повторения беспорядков будут неизбежны, тем более что весьма вероятен массовый уход офицеров из флота.

4) Всех обер-офицеров, числящихся за морским корпусом, служащих в министерстве и находящихся в отпусках, следует призвать для службы в строю. Офицеры должны быть обязательно прикреплены к своим частям и командам, и переводы их из одной части в другую не должны допускаться до тех пор, пока не установится прочно нормальный порядок, иначе дисциплину в командах не поднять, ибо для этого прежде всего нужно, чтобы офицеры знали команду, а нижние чины своих офицеров. Если офицеров будет недостаточно, то следует произвести корабельных гардемаринов теперь же. Службу следует обставить строго, без всякой поблажки, и, главное, необходимо, чтобы нижние чины были постоянно заняты или работой или ученьями и военно-строевым образованием. Для нижних чинов, находящихся на берегу, нужно почаще устраивать строевые ученья с музыкой (в прошлую зиму не было).

5) Следует оставлять на сверхурочной службе всех хороших людей, из'явивших на это согласие, обязав подпиской прослужить не менее 2 лет и с возобновлением подписки за 4 месяца до окончания 2-лет-

[1] В сравнении с морскими частями в Балтийских портах на 20—40% больше. Свод морских постановлений (продолжение) 1907 г., стр. 15, ст. 2, книга XIII, приложение к ст. 2, стр. 691.

него срока опять на 2 года; в особенности это следует широко применить к машинной команде, комендорам и минерам, ибо образование каждого из этих нижних чинов стоит очень дорого казне, почему часть денег, затрачиваемых на образование их, пойдет на покрытие расходов за сверхсрочную службу, и, кроме того, флот останется в громадной выгоде, имея опытных людей и в такое время испытания хороших.

6) Все суда, не требующие капитального ремонта, следует оставить в вооруженном резерве, причем большую часть их следует держать в порте императора Александра III, как более теплом.

7) На берегу в Кронштадте должны остаться только школы, команды ремонтирующихся судов и команды зимующих в Кронштадте миноносцев, где всюду должно быть достаточное число офицеров, причем в школы должно приниматься такое число учеников, чтобы на каждую смену в 25 человек был один офицер-учитель. Если будет какая-либо возможность, то следует оставить функционировать офицерские классы, хотя бы с ограниченным числом слушателей, ибо ощущается большой недостаток в специальностях, хотя на первое место нужно поставить требование достаточного числа офицеров в каждой части.

8) Немедля, в этом же году нужно начать создание палубных офицеров, метров из числа лучших, желающих остаться на службе, нижних чинов (проект кап. I ранга Небольсина, М. сб., № 5 за 1906 г.) по преимуществу из минных, артиллерийских и машинных квартирмейстеров.

9) Обучение низших специалистов следует возложить на больших судах на судовой состав, освободив обремененные в настоящее время школы, причем универсальности нужно избегать, напротив, нужно создать массу мелких специальностей, так, минер, приставленный к палубному освещению, пусть его только и знает, да и то на своем только корабле; приставленный к 75-мм [пушке] должен ее одну только и знать и т. д.

10) Молодых матросов будущего призыва следует обучать при Гвардейском экипаже или, если это ему будет непосильно, создать из них особый экипаж с организацией школы строевых квартирмейстеров или бывшего учебного экипажа, назначив инструкторами матросов Гвардейского экипажа и учебно-стрелковой команды. Отнюдь не следует их обучать при сухопутных частях, как это было с призывом 1906 г., что дало неудовлетворительно и недостаточно дисциплинированных нижних чинов, привезших из разных концов России все худое и зараженных пропагандой.

11) В Кронштадте следует создать хорошо организованную сыскную или охранную полицию, которая была бы в состоянии пресечь в самом начале всякую начинающуюся извне агитацию среди нижних чинов.

12) Увольнение нижних чинов из Кронштадта по праздникам, когда мастеровые всюду не работают, должно быть совершенно прекращено; можно допустить это увольнение в будни и то только тех нижних чинов, каких поведение вполне безупречно, причем на пристанях должно быть дежурство, проверяющее билеты от'езжающих.

13) В ближайшем же будущем необходимо будет создать, по примеру искушенной в бунтах среди морских команд Англии, морскую пехоту, которая одна только и должна быть вооружена ручным огнестрельным оружием, опираясь на которую поддерживается дисциплина в английском флоте.

14) Рабочие мастерских Кронштадтского порта, обставив хорошо, следует поставить в положение арсенальных рабочих французского флота.

Капитан II ранга Муравьев.

Крепостные крестьяне села Барашева-Усада в первой половине XIX в.*

Публикуемая ниже переписка ярко обрисовывает положение крестьянства в период кризиса и разложения крепостного хозяйства. Во введении «К критике политической экономии» К. Маркс дает классическое определение сущности кризиса общественно-экономических формаций: «На известной ступени своего развития,— пишет Маркс,— материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или, что является только юридическим выражением этого, — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы» [1].

Эти слова Маркса вполне приложимы к характеристике крепостной системы в России в первой половине XIX в., когда под влиянием развивающегося капитализма созрела необходимость слома старых крепостных отношений.

Показателем развития капитализма в первой половине XIX в. в России являлось увеличение числа вольнонаемных рабочих, которое составляло: в 1816 г.— 187 тыс. человек, в 1825—210 тыс. и в 1860 г. — 565 тыс.; из них процент вольнонаемных был равен в 1825 г. — 54,0%, а в 1860 г. — 87,0%.

Развитие капиталистической фабрики и вольнонаемного труда требовало слома, препятствовавшего их развитию, крепостничества.

Следует при этом иметь в виду, что капиталистические отношения касались не только промышленности,— они захватывали собой и сельское хозяйство, так или иначе влияя на разложение барщинной системы.

В первой половине XIX в. наряду с сложившимся довольно значительным внутренним рынком, развернулась широкая торговля хлебом на внешнем рынке. Рост внутреннего рынка был неизбежен в связи с ростом городского населения, которое в 1846 г. составляло 5,5 млн. человек. К этому следует добавить население, занятое кустарным ремеслом. По данным статистики того времени (Арсеньева [2]), оно составляло 700 тыс. человек. Если к этому прибавить еще потребление хлеба в тех с.-х. районах, где нехватало своего хлеба, то мы увидим, что на внутреннем рынке в первой половине XIX в. обращается значительное количество хлеба. Семенов [3] считает, что в нечерноземных районах требовалось не менее 43 млн. четвертей, по вычислению Струве [4], на потребление го-

---

* От редакции: Публикуемые материалы представляют собой извлечение из дипломной работы окончившего курс Историко-архивного института М. М. Семина, проведенной им в 1935 г. под руководством проф. И. В. Кузнецова. Документы хранятся в ГАФКЭ, ф. гр. Бобринских. Из материалов по разным имениям гр. С. Бобринской печатаются главным образом документы по Симбирскому имению — Барашева-Усада.

[1] К. Маркс, К критике политической экономии, Партиздат, 1935, стр. 38.

[2] Арсеньев К., Начертание статистики Российского государства.

[3] Семенов, Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности.

[4] Струве, Крепостное хозяйство.

родского населения шло 18 млн. четвертей, винокурение — 10 млн. четвертей, из общего производства хлеба в 250 млн. четвертей.

Ежегодный средний вывоз хлеба за границу в первой половине XIX в. по 4 важнейшим хлебам (пшеница, рожь, ячмень, овес в тыс. пудов) составлял:

1801—1805 гг.	19 873 тыс.	1821—1825 гг.	10 071 тыс.
1806—1810 »	5 120 »	1826—1830 »	23 950 »
1811—1815 »	9 122 »	1831—1835 »	18 465 »
1816—1820 »	29 655 »	1836—1840 »	28 831 »

1841—1845 гг.	27 205 тыс.
1846—1850 »	51 211 »
1851—1855 »	45 396 »
1856—1860 »	69 254 »

Из таблицы видно, что перед реформой вывозились за границу до 70 млн. пудов.

Таким образом, в первой половине XIX в. крепостное, барщинное хозяйство, натуральное по своей основе, оказалось широко вовлеченным в орбиту рыночных отношений. Преследуя цель наживы и расширения своих торговых операций, помещики стремились как можно больше выжать из крестьян, уменьшая крестьянские наделы, повышая до предела барщину, увеличивая барскую запашку. Ленин дал исчерпывающую характеристику этому положению. Он писал:

«Возьмем за исходный пункт дореформенное крепостническое хозяйство.

Основное содержание производственных отношений при этом таково: помещик давал крестьянину землю, лес для постройки, вообще средства производства (иногда и прямо жизненные средства) для каждого отдельного двора, и, предоставляя крестьянину самому добывать себе пропитание, заставлял *все прибавочное время* работать на себя, на барщине. Подчеркиваю: «все прибавочное время», чтобы отметить, что о «самостоятельности» крестьянина при этой системе не может быть и речи. «Надел», которым «обеспечивал» крестьянина помещик, служил не более как *натуральной заработной платой*, служил всецело и исключительно для эксплоатации крестьянина помещиком, для «обеспечения» помещику рабочих рук, никогда для действительного обеспечения крестьянина.

Но вот вторгается товарное хозяйство. Помещик начинает производить хлеб на продажу, а не на себя. Это вызывает усиление эксплоатации труда крестьян, — затем, затруднительность системы наделов, так как помещику уже невыгодно наделять подрастающее поколение крестьян новыми наделами, и появляется возможность расплачиваться деньгами» [1].

Особенно важно подчеркнуть вторую часть высказывания В. И. Ленина, где он указывает на то, что помещик начинает производить хлеб для продажи, а не только для собственного потребления. С оброчных крестьян помещик увеличивает сумму оброка.

Характерный материал в этом отношении дают настоящие документы. Бобринская и ее управляющие не довольствуются чрезмерным (при нищенстве крестьян) оброком, но пользуются всяким случаем для нового обложения крестьян. Из документов видно, что после бунта крестьян на них был наложен штраф по 1 р. 50 к. серебром с тягла. В целом ряде предписаний по этому поводу строжайшим образом предлагается выслать штрафную сумму в размере 253 р. 50 коп., причем главная контора не довольствуется уже наложением штрафа, а угрожает увеличить его вдвое.

«Я не признаю,— пишет главноуправляющий,— самостоятельности мирского общества и строго подтверждаю тебе, староста, по получении сего приказа со-

[1] Ленин, Соч., т. I, стр. 367—368.

брать в течение трех дней наложенный мною на все общество штраф по 1 р. 50 к. сер. с тягла, и с первою отходящею почтою выслать деньги ко мне с приложением особого с тебя штрафа 50 руб. сер. за ослушание моему приказу. Если же ты осмелишься еще не выполнить в точности этот мой приказ, то я наложу вместо 1 р. 50 к. сер. по 3 р. сер. с тягла и особо с тебя 100 руб. сер.».

Чтобы выколотить с крестьян эти деньги, Бобринская и ее управляющий не останавливаются ни перед чем. Характерна угроза управляющего сдать в солдаты сыновей старосты, если он не соберет этого штрафа.

С неменьшей энергией выколачивался и оброк. Крестьяне-оброчники не имели средств для уплаты оброка, а знаменитый их горшечный промысел, по признанию самого начальства, не обеспечивал дохода, но никаких уступок не допускалось.

23 февраля 1847 года управляющий села Барашева-Усада доносил: «О сборе же остального оброка не только в скорости, даже к 1 числу апреля с некоторых получить нет возможности, ибо на таких остается, у коих уже ни лошади, ни коровы не имеется, а заработать негде». Однако управляющий пишет, что он «прилагает все свое старание». В результате и без того нищие крестьяне буквально пускаются по миру. Для уплаты оброка продается их ничтожнейший скарб.

Типично прошение от 29 марта 1849 года старосты и крестьян села Барашева-Усада, в котором они пишут:

«По приходе сего зимнего времени осмеливаемся беспокоить ваше сиятельство вторичным прошением о своей крайней бедности и о тягостном сего года неурожае хлеба. И все вашего имения крестьяне из своих жительств своего имущества лишились на ваш положенный оброк». Лицемерием после этого звучит то место в письме графини Бобринской, где она упрекает своего управляющего в том, что он допустил крестьян до нищенства.

Если в отношении оброчного крестьянства стремление помещика шло по пути выколачивания все увеличивающегося оброка, то в отношении барщинных крестьян помещик, как уже говорилось выше, шел по пути расширения барской запашки, сокращения земли, находящейся в пользовании крестьян, и увеличения барщины.

По данным Семевского[1], в конце XVIII в. в пользовании крестьян находилось $^2/_3$ пахотной земли, и $^1/_3$ находилась под барской запашкой, перед реформой же 1861 г. в подавляющем числе районов это соотношение изменилось. Помещики, идя по пути расширения своей запашки, увеличили ее от 50 до 85% по разным районам.

Хотя публикуемые материалы не освещают нам истории расширения барской запашки Бобринских в их селе Барашеве-Усаде, тем не менее и в них мы видим факты, отражающие эту тенденцию помещиков. Видим, что управляющий Бобринской при всяком случае отнимает землю у крестьян, отводя ее под барскую запашку.

Так, в ответ на жалобу крестьян, управляющий Баулов доносил: «Земли у крестьян по полудесятине с тягла я никогда не отбирал и не имел надобности», а дальше добавляет: «А для господской запашки оставлено 70 десятин и 3 осминника, к которой еще прибавлено мною $1^1/_4$ десятины такой земли, которую крестьяне всем миром отдавали деревни Сойниной удельного ведомства крестьянам за бесценок или, лучше и справедливее сказать, пропивали. Чтобы прекратить это зло, я не дозволил крестьянам более ее пропивать, а прирезал к господской пашне». Дело, конечно, не в предлоге, каким мотивировал управляющий факт захвата крестьянской земли, а в самих действиях, направленных к расширению помещичьей запашки.

Прирезка земли под барскую запашку вызывалась потребностью выбросить на рынок больше хлеба для увеличения своих доходов. Расширяя запашку, по-

[1] Семевский, Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I, стр. 37.

мещик естественно увеличивал барщину, заставлял крестьян работать на себя лучшие дни. Крестьянская земля постепенно забрасывалась. Обработка ее доходила до примитивности; неурожаи становились хроническими и все более учащались. Обеспечения на случай неурожая в виде общественных запашек или хлебных магазейнов ничего не давали, так как и эти ничтожные запасы грабились помещиком.

Выборка неурожайных лет дает крайне наглядную картину роста развития крепостного хозяйства. Неурожаи были в 1833, 1834, 1835, 1839, 1843, 1844, 1845, 1850, 1851 годах и т. д. Годы неурожая еще больше подрывали и без того развалившиеся крестьянские хозяйства.

Значительная часть публикуемых документов рисует нам яркую картину нищенства, систематических голодовок крестьянства. Крестьяне Барашева-Усада в 1832 г. дошли до того, что не в силах были молотить хлеб. Неурожаи были не только следствием неблагоприятных метеорологических условий, а являлись прямым результатом господства крепостников, следствием непрерывного усиления эксплоатации крестьян. Невозможность для крестьянина своевременно обработать свою землю заранее предопределяла невысокий урожай, а при малейших неблагоприятных условиях и полный неурожай и голод.

Документы дают интересный материал также в части характеристики крайней рутинности крепостной техники. В обзоре главноуправляющего Дудышкина мы читаем, что крестьяне «всякого рода зерновой хлеб жнут, а не косят, сушат в овинах и молотят,— рожь, ячмень, овес цепами, а пшеницу мнут лошадьми, гоняя их связанными вокруг по постланному хлебу на ток; зерно провевают на открытых токах, потом подсевают сквозь большие решета; землю никогда не удобряют, по причинам, о которых сказано ниже, не двоят, с осени не подымают яровище...» и т. д.

То же самое донесение главноуправляющего дает яркий облик крепостного крестьянства, в частности его отношения к работе на барщине. В разделе «Нравственные и физические качества крестьян» говорится, что «крестьяне к церкви нерадивы, обряды ее исполняют неохотно, к работе нерективы, и нравом грубы, по большей части бедны»...

«Неретивость к работе» на барщине, выполняемой крестьянином только в силу внеэкономического принуждения, — понятна. Попытки помещиков повысить производительность увеличением числа барщинных дней не могли, конечно, дать желаемых результатов. Это показывало, что крепостная система исчерпала себя и подлежала слому. Не случайно, что наиболее передовые помещики отказывались от крепостного труда и переходили к применению вольнонаемного труда.

Разложение крепостничества, происходившее под влиянием развития товарно-денежных отношений, нашло свое выражение также и в том, что среди крепостного крестьянства намечались элементы диференциации, наиболее сильные среди государственных и оброчных крестьян, но захватившие также, в известной мере, и барщинное крестьянство.

При этом происходила также резкая пауперизация значительной части крестьян. Но вместе с тем наблюдались случаи применения отдельными крестьянами труда батраков, приобретения экономической запашки и пр. Так, в Барашеве-Усаде «97 работников, которые числятся в 80 тяглах, обрабатывают на 72 десятины (экономических) в каждом поле, и должно бы ожидать от них большого дохода, но вот причины, которые ограничивают это ожидание: а) непризор за правильным ходом работы и сбережением зерна; б) недостаток рабочих лошадей (только 60 работников имеют по одной лошади, а остальные 37 без лошадей)».

Верхушка крестьянства состояла, разумеется, из единиц; развитию ее мешало господство крепостников, распоряжающихся личностью и имуществом крестьян. Крепостная система была препятствием развитию капитализма.

Основная масса крестьян приходила все к большему и большему обнищанию. Крестьяне в прошении от 25 апреля 1842 года, пишут: «барщинские же крестьяне, отягощенные барскою работой, пришли в крайнее разорение тем, что у двадцати домов, у тридцати тягол нет ни одной лошади, и от сего-то разорение. Все почти крестьяне ходят по миру»...

Такое положение крестьянства приводило к тому, что неимущий крестьянин, лишенный всяких средств производства, не мог быть производительной силой и уже является в известной мере обузой для помещика. Все это вместе взятое способствовало возникновению среди некоторой, правда, еще ограниченной, части помещиков идеи необходимости отмены крепостничества. Однако основным аргументом, который заставил крепостников пойти на отмену крепостничества, было опасение нового пугачевского восстания.

Характеризуя сущность кризиса общественно-экономических формаций, Маркс не ограничивался только одной экономической стороной дела, а брал и политическую сторону, говоря, что при кризисе формации складывается революционная обстановка.

Просматривая под этим углом зрения обстановку в России, мы должны отметить, что ухудшение положения крестьянства, которое можно наблюдать по материалам этого периода, ухудшение, являющееся результатом кризиса и развала крепостничества, привело к резкому обострению борьбы крестьянства против помещичьей власти. Крестьянские волнения нарастали ежегодно. Что это так — видно из следующих данных:

1826—1834	гг.	148 волнений
1835—1844	»	216 »
1845—1854	»	348 »
1856—1861	»	471 »

В публикуемых документах мы находим интересный материал для характеристики этой стороны дела. Донесения показывают, что среди крестьян Барашева-Усада было непрекращающееся, изо дня в день нарастающее недовольство, которое привело к прямому бунту в ноябре 1852 г., причем расправа не изменила настроения крестьян. Документы с исключительной яркостью показывают, что крестьяне не желают больше терпеть крепостных порядков. Вот любопытная характеристика «нравственных» качеств крестьян, даваемая управляющим: «Нравственность крестьян. К обязанностям христианским нерадивы, грубы, своевольны, подчиненности не терпят и потому местных начальников не только не признают за власть над собою, но подчиняют их своему беспорядку. Староста, особенно настоящий, пользуется только этим именем, а в самом деле управляют им во всех делах. Доказательством этому служит то, что он не смел заплатить в срок оброк свой. Они требуют, чтобы все приказы были им известны. Они хотят участвовать в распоряжениях, присваивают себе самостоятельность, короче говоря, они — русские французы».

Особенно любопытно здесь выражение «русские французы», означающее стремление крестьян к уничтожению крепостничества.

Далее документы показывают, что дело не ограничилось скрытым, пассивным недовольством крестьян своим положением. Издевательство над крестьянами управляющего привело к открытым крестьянским волнениям, повлекшим за собой жестокую расправу.

Лицемерный и лживый приговор полностью оправдал управляющего, который, как пишут крестьяне: «По одержимым его болезням сумасшествия и падучей в таком виде, без разбора и всякого дела, кто только не попадается в глаза, бьет без всякой пощады, большей частью кнутом, плюхами и розгами, только и говорит, что всех загоню в гроб, — и угрожает каждому отдачею в рекруты и арестантские роты и налагает почти на каждого безвинный штраф». Виновными оказались, конечно, крестьяне, из которых 4 человека были осужде-

ны на 5 лет арестантских рот, 36 человек на 2 года и к наказанию розгами, остальные к наказанию розгами. Помещица еще наложила штраф на крестьян.

Так кончилось волнение крестьян Барашева-Усада. Оно демонстрировало общее недовольство крестьянских масс накануне реформы 1861 г. Вместе с тем оно иллюстрировало положение, что крестьянство без гегемонии пролетариата не в состоянии победить.

И. Кузнецов.

Из донесения старосты и крестьян села Барашева-Усада гр. С. Бобринской и ее управляющему В. Компанейщикову, 8 ноября 1832 г.[1]

Доносим мы, государи, вам, что относились мы, государи, вам о двух отписках, получены вами или нет, а нам наоборот от вас, государи, предписания нету, что просим мы вас, государи, всемирно, что пожалуйте нам, вашей господской ржи прикажите раздать по крестьянам вашим почему, потому не поморите нас гладом, а нам взять негде и купить не на что.

Сделайте, государи, милость для нас бедных о хлебе, государи, вам мы доносим нашим господским, что хлеб ваш мы начали молотить, но однако доносим мы, государи, о сем, хотя и начали молотить, да остановку до будущего время остановили почему, потому что работать стало крестьянам вашим стало нечем, хлеба нету, и было вам, государи, ото всего мира донесено и прошено ото всего миру для предписания вашего господского хлеба в обеих отписках...[2]

Приказ старосты Ольшанской вотчины гр. С. Бобринской Ф. Глазкова крестьянам села Барашева-Усада от 7 декабря 1832 г.[3]

Ее сиятельство гр. Софья Прокофьевна изволила получить два донесения: первое от 8 ноября, писанное от тебя, староста, и от всех крестьян, в котором вы просите ее сиятельство, чтоб приказать вам раздать господской ржи и не поморить бы вас голодом, потому что вам взять оной негде и купить не на что. О господском же хлебе доносите, что хотя вы и начали его молотить, да сделали остановку до будущего время для того, что работать вам стало не с чем, хлеба нет...

Ее сиятельство изволила мне предписать, чтоб я на таковые ваши донесения сделал вам приказание следующего содержания: для ее сиятельства весьма прискорбно, что у вас нет хлеба, и вы, как в донесении своем прописываете, до такой степени уже дошли, что не в состоянии и господского ее сиятельства хлеба обмолотить, чему верить вам никак нельзя, потому: неужели уже вы в столь короткое время до того все вообще дожили, что и господского хлеба обмолотить не кому и не в силах. Следовательно по таковому вашему явно несправедливому донесению наперед надобно нанять работников и обмолотить господский хлеб и тогда-то уже вам оного выдать сколько же вам оного надобно выдать и кому именно. Неужели, вам вообще, о чем в донесении своем ничего не упоминаете, а притом и сколько у вас находится господского хлеба, какого именно также напишите.

По получении же сего приказываю именем ее сиятельства выдать господской ржи на каждое тягло по одной четверти, но только тем самым крестьянам, которые точно не имеют у себя хлеба и не имеют никакого способа достать и купить оного. Господскую же рожь всю

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 21, лл. 2—3.
[2] Подписи отсутствуют.
[3] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 21, лл. 2—3.

обмолотить и сколько оной у вас имеется на лицо, и сколько роздано будет обо всем донести ее сиятельству в село Бобрики, а мне дайте знать Орловской округи в село Ольшан[1].

Из донесения управляющего села Барашева-Усада П. Яковлева гр. С. Бобринской, 24 ноября 1835 г.[2]

Сиятельнейшая графиня, милостивая государыня, Софья Прокофьевна.

... 5 сентября я доносил вашему сиятельству, что по крайней необходимости должен был оставить пост свой в Симбирской вашей вотчине по следующим причинам:

1) Вам уже известно, что имение сие я нашел по приезде моем, в совершенном беспорядке, как в отношении доходов, так и самих себя.

2) Исправление всего беспорядочного вооружило против меня сих, всегда сварливых людей, и они, чтобы иметь прежнюю свою волю и делать то, что они, как вам известно, прежде делали, старались меня, как препятствие, оттуда вытеснить, почему и сделали буйство, соединясь с крестьянами Сергея Федоровича[3] и прочими разночастными, которое неповиновение продолжалось около пяти ден с большими угрозами относительно нашей жизни. Мы же, видя, что у нас все тащут и многое растащили уже, вынуждены были отправиться в Москву, дабы лично у ваших сиятельств просить себе защиты и лично донести вам обо всем...

Донесение старосты села Барашева-Усада главноуправляющему имениями гр. С. Бобринской В. Компанейщикову, 25 мая 1838 г.[4]

Ваше сиятельство, милостивейший государь, Василий Алексеевич.

По последнему вашему предписанию о продаже разного хлеба и вместе с тем приказали взыскивать складочные деньги 350 рублей, и я, по получении приказания, сделав сходку и об'явил им вашу волю, то они тут же меня начали ругать скверно матерными словами за то, что я донес вашему сиятельству о складочных деньгах и даже один из самовольно пришедших крестьян Павел Семенов Сутылин меня ударил железною кочергою так сильно, что я не мог даже устоять на ногах, а упал, и потом протчие еще 5 человек начали меня гнать из конторы и всячески ругать и страмить и выгнали из конторы вон и напоследок приступили с требованиями, чтобы я отдал им отчет. Тогда я, ничего не споря, стал отдавать в деньгах отчет и сдал избранному ими новому старосте Гурьяну Григорьеву Козлову и, когда отбирали денежную сумму, тогда послали они за священником, чтобы он пришел и запечатывал бы хлебные амбары и что и было священником, по просьбе их, исполнено. И спустивши несколько дней призван был я старостою Козловым для перемерки хлеба, когда уже они пшеницу роздали, но я тогда к перемерке не приступал, так как уже он Козлов сим делом руководствовал.

И небезызвестно было вашему сиятельству, что озимы посеяны были в другой раз и по вскрытии весны оказались очень плохи, я хотел было распорядиться в пользу вашу — те десятины перепахать и засеять пшеницею, то они начали противу меня делать неповиновение и только я с большим трудом перепахал и засеял 5 десятин, а теперь я полагаю еще осталось до 20 десятин, с которых нельзя будет собрать

[1] Подпись отсутствует.
[2] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 21, л. 31.
[3] Соковнина.
[4] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 21, л. 69.

половинного количества семян, и я обо всех сих обстоятельствах об'являл словесно г. земскому исправнику Николаю Дмитриевичу Рыбушкину, на что он мне сказал, что он может их усмирить, только я без приказания вашего не осмелюсь и за нужное почел об'яснить всех бунтовщиков поименно: 1. Павел Семенов Сутылин. 2. Филипп Морозов. 3. Иван Кузьмин Бердяев. 4. Яков Молотцов. 5. Самсон Токарев и вместе с ними теперь избранный староста Гурьян Григорьев Козлов, а прочие все живут теперь покойно и смирно, а только сии именованные делают буйство, как противу меня, так и старшин. [Подписи]

Приказ главноуправляющего имениями гр. С. Бобринской В. Компанейщикова старосте и крестьянам села Барашева-Усада, 16 апреля 1839 г.[1]

Определенный по воле моей управлять вами Василий Алексеевич Баулов вторично доносит, что вы не исполняете должным порядком работу, а еще более против него делаете ослушание, в особенности отделенные на оброк, и более всего Иван Морозов, Яков Фадеев и Григорий Алексеев. Весьма прискорбно мне было сие слышать, но полагаю, что оное происходит от какого-либо недоразумения, а потому и предписываю вам быть у него в полном повиновении и послушании и все назначенные господские работы исполнять с усердием. Оброчную сумму в назначенные сроки платить бездоимочно, не домогаясь земли из господских полей, но быть довольным своею тягловою, против положенного оброка превышающею. Естли же и за сим кто окажет неповиновение, то я вынужден буду поступить с вами, как с ослушниками[2].

Из донесения управляющего села Барашева-Усада В. Баулова в главное вотчинное управление гр. С. Бобринской, 14 июня 1839 г.[3]

...Во обязанность себе поставил довести до сведения вашего: сего июня 11 числа отправлены от меня по усиленной просьбе всех крестьян от мира с просьбой к ее сиятельству. Выбраны ими два человека: бывший староста Иван Седякин и рядовой Яков Фадеев. Просьба ж их состоит в том, как от них слышал на мирской сходке, что они положили просить ее сиятельство, чтоб оброчных обратить на пашню или всех на оброк, с тою целью, чтоб земля господская пришла в их руки. И все таковые выдумки и вредные в миру советы происходят как от Ивана Морозова, равно и от Якова Фадеева. Доказательство, что они сами отправились ходоками к ее сиятельству и уверили весь мир, что о сделанных вами распоряжениях ее сиятельству неизвестно. Это-то меня и понудило отпустить посланных, полагая, что они побывают и в Москве. И уверен, что они без награждения[4] не возвратятся, и после того уменьшится их своевольство, а, может, и вовсе истребится, что очень нужно...

Управляющий Василий Баулов.

Донесение управляющего села Барашева-Усада В. А. Баулова в главное вотчинное управление гр. С. Бобринской, 18 апреля 1842 г.[5]

Апреля 5 доносил я о буйстве крестьян, которые совершенно вышли из повиновения. Возвратившиеся из Москвы Григорий Савинов и Прокофий Леонтьев Зеленов большое сделали возмущение в крестьянах.

---

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 21, л. 119.
[2] Подпись отсутствует.
[3] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 21, л. 119.
[4] Без наказания розгами (прим. ред.).
[5] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 8, лл. 8—9.

Сего же месяца 9 числа собран был сход для раскладки тягол. В это время Савинов столько наделал мне грубостей, которых я более переносить не в состоянии. При всем сходе кричит: что ее сиятельство ему приказала выгнать из Барашева и отобрать от меня мою собственность, чему я никак не верю, чтоб ее сиятельство решились меня обидеть неимеющего никакого состояния и еще того более остановить безвинно гонение, ничего нестоящее для ее сиятельства [1] и уверили крестьян, что ее сиятельству совсем не известно, какое вы сделали в бытность вашу по селу Барашеву распоряжение и что обещали прислать приказ на имя крестьян о нарезке им из господских полей по одному осминнику на тягло оброчным, и потому платеж оброка по многом требовании остановили до получения приказа, а в то же самое время, когда раскладывали тягла, старосту Филиппа Карпова выгнали из конторы и выбрали самовольно из тех, которые ходили в Москву, Прокофья Леонтьева.

Если таковое их возмущение и дерзкие их поступки будут прощены, тогда уже совершенно управлять ими никакой не будет возможности, и мои приказания никогда не могут быть выполнены в точности. Три года все было спокойно, но эти бездельники возмутили крестьян и лишили меня спокойствия, даже и здоровья. Я через великую силу могу вам писать. Я желал бы, чтоб вы поместили в вашем предписании просить мне у станового пристава взойти в мое положение и исследовать чрез чужие барщины о моих беспорядках. Может быть, оное не подействует ли на них. В противном случае, я вынужден буду отказаться. Деньги за проданный хлеб, по нездоровью моему, не могу ехать на почту, еще не отправил. А как сколько-нибудь сделается мне легче, то с первой же почтой отправлю.

Управляющий Василий Баулов.

Из письма алатырского станового пристава Ф. Чертакова главноуправляющему имениями гр. С. Бобринской В. Компанейщикову, 19 апреля 1842 г. [2]

...Я решился довести до сведения вас, м.г., что ее сиятельства имение, состоящее в селе Барашева под управлением г. Баулова, совершенно крестьяне противу управляющего выходят из послушания: делают разные грубости, собирают потайные сходы, чинят разные заговоры и хотят г. управляющего из имения выгнать, который каждый день находится в большом огорчении и опасности, которое имение состоит в вверенном мне стане. Я, с своей стороны, делаю нередкие наблюдения за тишиной и спокойствием... Главным виновником состоит крестьянин Григорий Савинов и другой Прокофий Зеленов, которые возмутили многих крестьян и самопроизвольно удалили хорошего старосту Филиппа Карпова и среди себя выбрали Прокофья Зеленова. Входя в положение сих обстоятельств, всепокорнейше прошу вас, м. г., взойти в положение старика г. Баулова. Успокойте его. Сделайте крестьянам строгое предписание, чтобы они повиновались и все приказания г. Баулова исполняли, а до того времени спокойствие и тишины быть не может. Поспешите сделать свое распоряжение. Я уверен, что вы сие примете в настоящем виде.

Становой пристав Федот Чертаков.

---

[1] Так в подлиннике.
[2] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 8, лл. 10—11.

Прошение крестьян села Барашева-Усада главноуправляющему имениями С. Бобринской В. Компанейщикову, 25 апреля 1842 г.[1]

Ваше благородие, Василий Андреевич.

Мы, крестьяне села Барашева, на присланное вами письмо посылаем справедливое об'яснение.

Мы посылали к ее сиятельству, с общего между нами согласия, с прошением крестьян Прокофья Леонтьева Морозова и Григория Васильева Савинова, которые доказали в прошении ее сиятельству все справедливо, о чем вы нам писали. Теперь, описавши справедливое, мы обращаемся к вам, Василий Андреевич, с прискорбным прошением: не оставьте нас бедных, пришедших в крайнее почти разорение. Будьте милосерды для нас бедных, как отец наш небесный милосерд есть, сделайте отцовскую милость — прикажите из кладовых ее сиятельства, находящихся в нашем селе, выдать хлеба нам бедным для засеяния земли на каждое тягло, сколько вам заблагорассудится; а мы по урожае внесем заемный у ее сиятельства хлеб в кладовые ее сиятельства, находящиеся в нашем селе, и будем вечно благодарить вас, Василий Андреевич. Необходимость заставляет нас занимать хлеба у ее сиятельства; крестьяне наши оброчные от разорения не в состоянии платить оброк ее сиятельству, желают лучше обрабатывать землю вместе с барщинскими крестьянами; барщинские же крестьяне, отягощенные барскою работою, пришли в крайнее разорение тем, что у двадцати домов, у тридцати тягол нет ни одной лошади, и от сего-то разорение. Все почти крестьяне ходят по миру, изыскивают себе пропитание именем христа, — и все, как барщинские, так и оброчные, не имеют у себя никаких семян для засевания земли.

Еще касательно старосты. Мы уведомляем вас: мы все крестьяне, с общего между нами согласия, избрали себе в старосты нашего крестьянина Ивана Никитина Седякина, а бывшего перед Седякиным старосту сменили за то, что он не имел у себя ни господских нащет хлеба бирок, ни наших крестьянских расходов. И мы по сие время от управляющего Василия Алексеева и бывшего старосты Филиппа Карпова Морозова отчет никаковой не получаем, тогда как у нас бывшие управляющие имением имели у себя книги записные касательно господского хлеба, а старосты имели бирки и мирские расходы.

Из села Барашева от крестьян, с общего между ними согласия.

Донесение управляющего села Барашева-Усада В. Баулова главноуправляющему имениями гр. С. Бобринской В. Компанейщикову, 25 апреля 1842 г.[2]

На предписание ее сиятельства главного вотчинного правления от 30 марта прошлого месяца, последовавшего по жалобе крестьян села Барашева, честь имею об'яснить:

Земли у крестьян по полудесятине с тягла я никогда не отбирал и не имел надобности. Они остаются и до сего времени на том самом положении, какое сделано самим г. главным управляющим, в бытность его в селе Барашеве в декабре месяце 1838 года, а именно: крестьянам как оброчным, так и пахотным определено по 5 осминников на тягло, а для господской запашки оставлено 70 десятин и 3 осминника, к которой еще прибавлено мною 1¼ десятин такой земли, которую крестьяне всем миром отдавали деревни Сойниной удельного ведом-

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 8, лл. 12—13. На прошении подписи отсутствуют.

[2] Там же, лл. 14—15.

ства крестьянам за бесценок или, лучше и справедливее сказать, пропивали.

Чтобы прекратить это зло, я не дозволил крестьянам более ее пропивать, а приезал к господской пашне, отчего и составился участок господской запашки 72 десятины. Остальную затем землю, причитающуюся собственно крестьянам, как выше об'яснено, по 5 осминников на тягло они сами засевают не всю, а большую половину отдают тем же удельным крестьянам за бесценок, а сами занимаются по большей части горшечною работой, изделия которой развозят и продают каждую неделю по разным [деревням], вырученные за это деньги все пропивают. Другие тоже по лености, нерадению к домоводству и привычке к пьянству, уклоняясь от земледелия, нанимаются в волжскую судоходную работу и в Уральск к казакам на плавню. Землю свою отдают всю без остатку, не оставляя себе для пропитания семейств ни одного засеянного загона. Вследствии сами возвращаются в дома свои с просроченными билетами и без денег, а поэтому жены и дети их принуждены поневоле бродить по миру, к чему они сделали уже привычку и почитают это за ремесло. Такое зло возникло у них от своевольства и частой перемены крестьянами начальников.

Последние, как не имеют для распоряжения ими уполномочия, не могут искоренить этого зла никакими мерами, ибо им доверенностями не предоставленно прав ни отдавать их в смирительные дома, ни в зачет будущих наборов в рекруты, а если самим наказывать, в таком случае всякий начальник опасается и правительства, и буйства народа, способного на всякое злодеяние.

Вот причины, отчего крестьяне ходят по миру и отчего не имеют семян для посева полей своих... О чем и имею честь донести; извините: по болезни моей, едва лежу.

Управляющий Василий Баулов.

Приказ главноуправляющего имениями гр. С. Бобринской В. Компанейщикова крестьянам села Барашева-Усада, 22 мая 1842 г.[1]

Сообразив поданное вами ее сиятельству прошение с об'яснением на оную управляющего Василия Алексеевича Баулова, которым он доносит, что вы все описываемые вами в прошении обстоятельства выдумали, ко избежанию платежа возложенных на вас невзначительности повинностей и от обрабатывания земли и к довершению еще без дозволения его и моего сменили старосту; самого его желаете выгнать из селения и находящую под господским посевом землю раздаете на весь мир и хлебопашество уничтожаете. Каковые ваши поступки я и предоставил рассмотреть г. становому приставу с тем, если он найдет справедливым, то главных возмутителей спокойствия Григория Савинова и Прокофия Зеленова предать законному суждению, равным образом и еще кто откроется. А вам предписываю быть в должном повиновении, исполнять возложенные на вас обязанности. Если же и за сим не исполните, то и вы подвергнетесь оному, и годные будут отданы в зачет будущих наборов в рекруты, а неспособные сосланы на поселение в Сибирь.

Вам свою благодетельную помещицу своими поступками в другой раз огорчать стыдно, потому что хлебопашенные крестьяне обрабатывают только по одной десятине в поле, а оброчные платят по 48 руб. ежегодно, за что более 1500 дес. остается в вашем владении и, вероятно, ни у кого из соседственных помещиков крестьяне такой льготы

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 8, л. 20. Подпись отсутствует.

не имеют, какую вы, чрез что и приобретаете себе заработками значительную в свою же пользу выгоду.

Выбранного вами в старосты я не желаю, а слушаться должны того, кто назначен будет Васильем Алексеевичем, и, если из вас кто-либо осмелится сделать какие неприятности Василию Алексеевичу, то также подтверждаю за самомалейшую [вину] будет строго наказан и в селении со всем семейством не останется [1].

Насчет выдачи на посев хлеба от меня предписано г. Баулову, с тем, чтоб он роздал только тем, которые имеют действительную надобность и не имеют не от лености или других причин. Но ослушникам и неповинующимся не давать.

Присланному от вас с прошением Прокофью Зеленову ни в чем не верьте, потому что ее сиятельством ему ни на бумаге, ни на словах приказано ничего не было.

Из обзора вотчины гр. С. Бобринской села Барашева-Усада, Алатырского у., Симбирской г. [2]

Местность. Село Барашево-Усад, Симбирской губернии, Алатырского уезда, отстоит от городов Симбирска в 120 верстах, Алатыря — 35 в., Ардатова — 44 в. От торгового села Промзина, принадлежащего Александру Михайловичу Потемкину, в 12 верстах.

В нынешнем состоянии дача села Барашева заключает 3662 десятины 1391 сажень и разделяется между владельцами в следующем порядке: графине Софье Прокофьевне Бобринской — три части, Сергею Федоровичу Соковнину — полторы части; Андрею Николаевичу, Марии Николаевне Соковниным и Александру Сергеевичу Жилину — полторы части.

В трех частях, принадлежащих ее сиятельству, считается угодий:

Пашни	1 087 дес.	1 600 саж.
Сенных покосов	95 »	300 »
Леса заповедного	180 »	—
» на Малой горе в особом участке	8 »	—
» и кустарника	324 »	1 200 »
Пещаного места в пашнях	29 »	800 »
Под усадьбами и выгоном	54 »	1 706½ »
» церковью и кладбищем	— »	400 »
» проселочными дорогами	9 »	400 »
» полуречками и водоройками	26 »	169 »
Церковной земли	16 »	1 320 »
Итого:	1 831 дес.	695½ саж.

Угодья эти состоят в чересполосном владении и разбросаны участками по всей даче.

Общая дача села Барашева имеет фигуру продолговато-искривленную, длина ее площади идет по направлению от северо-востока к юго-западу; селение неправильными линиями и в отдельных слободах расположено на северном краю дачи; с северо-востока и частию с севера примыкает к глубокому оврагу.

Местоположение. Гористое, пересекаемое оврагами. Овраги эти только весною наполняются водою от стаявших снегов, летом же сухи.

Леса. Дуб, липа, клен, ясень, береза. На Малой горе — строевой. В урочище заповедном строевого небольшая часть, остальной годен

[1] Далее зачеркнуто: «в чем и уверяю вас».

[2] Обзор помечен январем 1913 г. и составлен главноуправляющим имениями гр. С. Бобринской, Н. Дудышкиным, ГАФКЭ, ф. 176, св. 2, д. № 2, лл. 75—86.

только на жерди и, наконец, кустарник. Дубу много посохло и вообще лес от самовольных порубок дурно сбережен.

Свойства земли. Дача обильна мягким белым камнем, который в мелких кусках покрывает поля во многих местах, и горшечною, хорошего свойства, глиною белого, желтоватого и зелено-дикого цвета. Грунт на поверхности земли чернозем.

Народонаселение. Состояло по VIII ревизии душ: крестьян мужского пола — 299; женского пола — 324; дворовых мужского пола —10, женского пола — 7.

Теперь состоит в наличных:
крестьян мужского пола — 326, женского пола — 329, дворовых — 1.

Следовательно после ревизии прибыло крестьян мужчин — 27 душ, женщин — 5 и дворовых убыло мужчин — 9, женщин — 7.

Общественные здания и жилища. В селе Барашеве две деревянных церкви, одна ветхая с колокольнею во имя святителя Николая, другая поновее во имя владимирской божией матери. Обе церкви в самом бедном состоянии, выстроены в близком друг от друга расстоянии в середине села и ничем не огорожены. Крестьянские избы построены из бревен, покрыты на два ската соломою и редко тесом, дворы невелики, проулки все застроены, поселки крестьян одного владельца прерываются поселками крестьян другого и только из 97 домов, принадлежащих ее сиятельству, 28 стоят друг возле друга без перерывки.

Господский дом состоит из двух изб, разгороженных сенями, в одной половине, белой, помещается управитель, в другой — его кухня, контора и сборная. При дворе, обнесенном бревенчатым забором, есть два сарая, конюшня, погреб и две клети: на огороде баня, на гумне рига и сарай из плетня, два овина на краю села, четыре небольших амбара. Вот все экономические здания. Печь в овине, выстроенном посреди риги, дурно расположена и один только бог хранит от несчастия.

Селение, брошенное в беспорядке на пустыре, не оттененном ни одним деревцом, кажет какой-то унылый вид, а вдобавок кучи позема перед домами и в оврагах, накопившиеся с давнего времени, должны неминуемо весною и летом испарениями своими заражать воздух и придавать селению еще большее безобразие.

Способы к постройкам. Материала для кирпича в даче находится в изобилии. Готовой обоженный кирпич продается в селе Промзине по 15 рублей за тысячу. Сосновый строевой лес продается в имении графини Орловой в селе Чеборине в 15 верстах от села Барашева от 400 до 500 рублей за десятину, бревно сосновое длиною 10½ аршин, толщиною от 7—8 вершков по 2 рубля 50 копеек, доски и тес продаются в городе Ардатове, доски от 40—100 рублей за сотню, тес от 25—40 рублей за сотню.

Нравственные и физические качества крестьян. Крестьяне к церкви нерадивы, обряды ее исполняют неохотно, к работе не ретивы, и нравом грубы, по большей части, бедны, на вид крепкого сложения, на вид рослы, оба пола одеваются не слишком опрятно.

Казенные повинности и земские обрядности. В течение 1842 года по двум квитанциям алатырского уездного казначейства казенных податей заплачено 1463 руб. 11 коп.; поэтому на каждую ревизскую душу легло по 4 рубля 89⅓ коп., а на тягло приходится по 10 руб. 16 коп.

Рекрутская повинность отправляется в натуре, отдают не очередного, но того, кто дурно ведет себя.

Для содержания в исправности по большой Симбирской дороге моста с 1841 года по 1845 год нанят, по частному условию г-на Потемкина, крестьянин Петр Иванов за 600 рублей за все четыре года и деньги крестьянами всех владельцев села Барашева заплачены подрядчику в 1842 году сполна вперед. С части ее сиятельства пришлось по расчету за 308 душ по 1 руб. 4 коп. с души — 321 руб. 36 коп.

В обязанность всех владельцев села Барашева поставлено ежегодно выставлять на шесть недель в село Княжуха двенадцать лошадей для раз'ездов членов земской полиции. Для выполнения этой обязанности наняты крестьяне: Сергея Федоровича Соковнина — Леонтий Никифоров Кудряшев и г. Жилина села Княжухи Василий Васильев Смолин; с части ее сиятельства приходится в 1843 году заплатить по 26 коп. с души или 80 рублей 34 коп.

Прочие расходы по земским делам незначительны.

Мирские сборы и расходы в 1842 году

Следовало получить:

Окладных в 1 половину с	139	тягл по	10	р. 50 к. с тягла	1 459 р. 50 к.
» 2 »	140	»	7		980
				Итого . . .	2 439—50
В то число получено окладных					2 430—75
» » за оброчные статьи					99—00
				Итого . .	2 529—75
К 1843 году осталось в недоимке окладных					8—75
В течение года израсходовано					2 320—62
Затем осталось на лицо					209—13
На текущий 1843 год по смете расходов назначено собрать подушного в обе половины года по 15 рублей 50 коп. с тягла, мирская сумма должна в кассу ее сиятельства за 1841 г.					108—94

Доходы ее сиятельства, ожидаемые в 1843 году

64 тягла платят каждое по 48 рублей в год	3 072—00
За 355 четвертей 3 четверика ржи (считая вес каждой четверти в 8 пудов 36 фунтов) или за 3016 пуд. по 80 коп. пуд	2 412—80
За 325 четвертей 6 четвериков яровой пшеницы (считая вес каждой четверти в 9 пудов 16 фунтов) или 3059 п. 85 коп. за пуд	2 600—15
За 8 четвертей ячменя по 4 рубля 40 коп. четверть .	35—20
Итого . . .	8 112—15

По расчету выйдет, что тягло, состоящее на барщине, даст дохода 63 рубля 10 коп., а оброчное только 48 рублей.

К итогу дохода следует еще прибавить ожидаемые к уплате недоимки:

За 2 половину 1841 года	81 р. 15 к.
» 1842 год	662 р. 34 к.
Из мирской суммы долгу	108 р. 94 к.
Итого . . .	852 р. 43 к.

и тогда доход ее сиятельства в 1843 году будет простираться до восьми тысяч девятисот шестидесяти четырех рублей 58 коп.

Сверх этого на вотчине числится следующая недоимка:

По счетам, заключенным в 1835 году

Оброка	3 454—17
За столовой запас	2 323—66 3/4
Итого	5 777—83 3/4

Ржи	262 четв.	2 чет.
Пшеницы	97 »	5 »

С 1841 года

Ржи	77 »	
Пшеницы	4 »	2 »
Ячменя	60 »	—

97 работников, которые числятся в 80 тяглах, обрабатывают по 72 десятины (экономических) в каждом поле, и должно бы ожидать от них большего дохода, но вот причины, которые ограничивают это ожидание:

а) Непризор за правильным ходом работы и сбережением зерна. б) Недостаток рабочих лошадей (только 60 работников имеют по одной лошади, а остальные 37 без лошадей).

в) Удобрение по тамошнему обычаю выбрасывается в овраги, а на поле не вывозится.

Методы хлебопашества. Трехпольная. Сеют более яровую пшеницу, рожь, немного ячменя, редко овес, а гречу никогда. На местах возвышенных пшеница родится лучше, нежели на низменных. Севы яровых хлебов оканчиваются к 15 числу мая, а озимой ржи к 20 числу августа. Всякого рода зерновой хлеб жнут, а не косят, сушат в овинах и молотят, — рожь, ячмень, овес цепами, а пшеницу мнут лошадьми, гоняя их связанными вокруг по постланному хлебу на ток; зерно провевают на открытых токах, потом подсевают сквозь большие решета; землю никогда не удобряют по причинам, о которых сказано ниже, не двоят, с осени не подымают яровище; словом, каждый пахарь хочет взять что-нибудь от земли, ничего ей не давая. Лен и огородные овощи сеют только для своего обихода.

Сенные покосы лежат по большей части около болот и дают сено качества не совсем хорошего. Садоводством никто не занимается и в целом селении не увидите ни одного дерева, даже и дикого.

Сбыт хлеба. В село Промзино на целую зиму приезжают купцы и скупают у жителей хлеб не мерою, а весом. По местному расчету четверть ржи должна иметь 10 пуд. 5 фунт., а пшеница ровно 10 пуд. Пшеница считается лучше та, которая имеет зерно желтоватое, как бы прозрачное, кругловатое и называется «вощанкою». Зерно тощее, цветом похожее на рожь, не уважается и разница на пуд между обоими сортами от 1 руб. 10 коп. до 85 коп.

В нынешнем году четверть пшеницы в 8 четвериков имеет вес 9 пуд. 16 фунт., а ржи 8 пуд. 36 фунт., следовательно к торговой четверти должно дополнить пшеницы 24 фунта или ½ четверика, а ржи 1 пуд 9 фунтов или 1 четверик 25—30 гарнца. Цена ячменя по 4 рубля 40 коп. четверть, овса по 3 рубля 50 коп. четверть. Настоящие цены хлебу в селе Промзине устанавливаются с 15 числа января, а до тех пор торговля производится мелочная.

Промыслы крестьян. Крестьяне все без из'ятия хлебопашцы и горшечники; из них во всей вотчине только 12 человек плотников и один красильщик, который красит в синий цвет льняные и шерстяные ткани, употребляемые в одежду крестьянками. Барашевские горшки считаются лучшими в околодке, потому что глина, добываемая в

этих дачах, имеет все условия для лучшего изделья посуды. Недавно два крестьянина выучились глазуровать свои изделия, но ремесло их еще далеко до совершенства. Если бы крестьяне постоянно занимались этою промышленностью и правильно вели бы свою торговлю, они по крайней мере, были бы сыты, не трогая своих запасов, но, к несчастью, они ленивы и многие из них едва, едва слепят себе горшок.

Если в господской экономии, где есть управитель, староста и выборный, хлебопашество идет дурно, то можно вообразить, в каком оно упадке у крестьян. Однако ж, обвиняя хлебопашцев в нерадении, можно в их оправдание привести одно обстоятельство: 589 десятин (экономических) пахотной земли, которая остается на долю крестьян, разделяется на малые участки или загоны и не составляют постоянной собственности хозяина, но каждый год переходит из рук в руки между крестьян всех владельцев села Барашева; следовательно, кому нужно удобрять участок, который на другое лето достанется другому? Таким образом неимение земельной постоянной собственности многих отвлекло от хлебопашества; одни нерадиво только по привычке берутся за соху, а другие, передав за бесценок свой участок земли, отправляются в приволжские города для сгона барок и в станицы уральских казаков, но этот промысел, основанный на расчете избавиться от надзора и учета сельского начальства, вовлек молодых людей в пороки и вместо пользы принес неоценимый вред нравственности. Из целой вотчины ее сиятельства можно указать только на четырех домохозяев, которые, не имея земли, сеют в избытке хлеб и получают порядочные выгоды. Это обстоятельство доказывает, что земля ждет трудов пахаря, чтобы плодами своими вознаградить их с избытком.

Сельское управление. Управитель не имеет никакого морального влияния на крестьян. Они его не уважают. Староста и выборный не смеют знать, а управитель не хочет знать, что делается в вотчине, и дела текут сами собой без вождя. Вот основа крестьянских жалоб. Все отчеты от безграмотства управителя сделались непроницаемыми для аккуратной поверки, староста на каждый вопрос отвечает: «Не знаю, батюшка, там записано», а в записках этих иное вовсе не записано, иное записано без всякого смысла, отговоркой же всему служит то старость, то недогадка или незнание. Вот один образец, как там собирается оброк: если крестьянин вздумает принести деньги, у него их не берут и говорят: «Куда торопишься? Ведь никто еще не несет» и таким образом по день ревизовки именья, то есть по 25 число декабря 1842 года не было собрано: вполне оброк за 2-ю половину 1841 года, подушное за 2-ю половину 1842 года, а оброк за весь 1842 год и не начинали собирать. Между тем в крестьянах есть один замечательный обычай, резко выказывающий их грубость и невежество; там кто победнее, тот явно негодует и даже грозит зажиточным за то, что он во время платит свои повинности. В таком же беспорядке дела идут в поле, на гумне и в амбарах. Зерно при молотьбе не бережется, в амбары ссыпается не чистое, дурного качества и в той мере, в какой бог даст. О хозяйственном учете хлеба никто и не думает. А управитель говорит, что ему ходить на гумно холодно... Следствием этого оказался недочет 426 руб. 31 коп. господской и мирской суммы, 6 четвертей 7 четвериков пшеницы, 34 четверти 3 четверика ячменя, овес сдохся, пшеница, которая теперь вымолочена, качеством далеко отстала даже и от крестьянской.

Есть еще одно зло, которое расстроило много семейств крестьян: сперва были допущены самовольные разделы, потом просто по грубой прихоти хозяин выгоняет безотчетно какую-нибудь вдову, свою невестку с детьми, и они на задворках, а иногда и в улице строят себе

кое-как хижину, называют ее кельею и живут в ней мирским подаянием, свыкаясь в такой жизни с недостатками и пороками, делаются как бы отпадшими членами общества. Об этом имении, в теперешнем его состоянии, можно выразиться одним словом: это сирота без призора.

Просьбы крестьян. Крестьяне на общей сходке просили единодушно повергнуть милостивому рассмотрению ее сиятельства следующие просьбы:

а) Всемерно стараться окончить размежевание с прочими владельцами, дабы каждый домохозяин вотчины ее сиятельства ведал свою поземельную собственность.

б) Из числа 241 руб. 45 коп., заплаченных в 1842 году из мирской суммы вольнопрактикующемуся землемеру за снятие на план окружной межи барашевской дачи, хотя половину, т. е. 120 руб. 72 коп. принять на счет ее сиятельства.

в) За бывшие пожары домохозяинам, не получившим никакого пособия, оказать льготу в сравнении с теми, которые воспользовались милостию ее сиятельства.

Главноуправляющий Дудышкин.

Из донесения управляющего села Барашева-Усада В. Лопаткина в главное управление имениями гр. С. Бобринской, 21 февраля 1845 г., № 8 [1]

Становой пристав Павел Михайлович Кадышев по приглашению сего февраля 19 числа в селе Барашеве был, которому главные зачинщики беспорядков при полной сходке, 15 человек, представляемы были, из коих Григория Васильева Савинова пятью, Дмитрия Васильева Михинова тремя ударами розгами сделал. Отчего все согласились назначенный главным правлением подушный оклад за обе половины полностью вносить, а потому прочих наказывать остановился. До приезда же г. станового сии предписания мирской сходке об'явили, не только недоимочные, даже с первой половины назначенного полностью взнесть не хотели, говоря: «Много нам в казну, столько не требуется». Касательно ж до благодарности г. станового предлагаемо было, на что отозвался, что для ее сиятельства могу содействовать без всего.

Управляющий Василий Лопаткин.

Из донесения управляющего села Барашева-Усада В. Лопаткина в главное управление имениями гр. С. Бобринской, 23 февраля 1847 г., № 6 [2]

...О сборе же остального оброка не только в скорости, даже к 1 числу апреля с некоторых получить нет возможности, ибо на таких остается, у коих уже ни лошади, ни коровы не имеется, а заработать негде; наем на Волгу по 11 руб. работнику, которыми едва подушный оклад может заплатить. По каковым обстоятельствам главное правление распоряжения ожидаю и до того по возможности в сборе все старание без упущения приложу...

Ее сиятельства крестьяне вторую неделю в контору ежедневно всем миром собираются просить выдачи хлеба казенного или экономического. Так, например, неимущие и имущие, барщинские и оброчные, которую ни казна, ни главное правление не разрешено выдачею, что

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 8, л. 246.
[2] Там же, св. 11, д. № 7, л. 11.

каждый сход об'является им потерпеть до разрешения. И затем, особенно оброчные и состоятельные, сего февраля 21 и 22 числа сошлись при полной сходке: Григорий Васильев Савичов, Егор Потапов Савинов и подобные им. Старосту и старшин из конторы ко мне в горницу взойти не пускали, говоря им: что вы продавать нас идете.

Главному правлению на рассмотрение представляю к распоряжению. Барщинским крестьянам и частью оброчным крайне нужно хлеб выдавать. Повсеместно помещики покупают и выдают неимущим. Благоволите, главное правление, распоряжением снабдить в скорости.

Управляющий Василий Лопаткин.

Из обзора вотчин гр. С. Бобринской [1]

В деревне Фоминской [2] жили два брата — Афанасий и Тихон Матвеевы Титовы, в разных избах, но под одною кровлею.

Братья через женщин своих семейств давно не ладили между собою. Наконец, старшему брату Афанасью весною 1847 года вздумалось отломать свою избу из общей связи и переставить на пустом месте.

Дело сделано. Глазков [3] не знает, что крестьянин строится вовсе не на месте и без его позволения.

Тихону после сломки братом своей избы необходимо было поправить свою и приделать к ней сени. Он ее раскрыл и начал переспрашивать. Тут бдительность Глазкова очнулась, он проявил свой гнев за самовольный раздел таким образом: у Тихона взял на господский двор девять бревен из стен избы, а остальные велел разобрать. Гнев Глазкова продолжался до крещенья 1848 года. В это время, по неоднократным просьбам Тихона, гнев смягчен. Велено было бревна возвратить и постройка разрешена. Едва Тихон накрыл избу потолком, как снова последовал приказ — печь разломать и остановить постройку. Изба эта я до сих пор стоит без кровли накрытая сверху потолка соломою и землею, как черкесская сакля.

Между тем Тихон, не имея крова во время осени и зимы, скитался то у соседей, то у родных. В этой бродячей жизни невестка его, солдатка Настасья Исаева с горя и нужды — умерла. Лошадь околела, прочий скот от непризора истощался, хлеб не мог быть прибережен, как следует. А брат его Афанасий, главный виновник в разделе, жил на новом месте спокойно. В нынешнее мое посещение вотчины я вошел в непокрытую избу Тихона и видел двух женщин и двух девочек его семьи, которые в безмолвном горе пали на землю и рыдали. По призыву моему Глазков с улицы вошел в избу и видел эту сцену.

Из'явление обиженным в таком виде своего глубокого горя не могло быть подготовлено, потому что никто не знал, что я приду к ним.

Я сужу это дело так. Глазков жестоко и несправедливо поступил с Тихоном, потому что это не он отделился от брата, а брат от него, а воля старшего брата неподсудна младшему. И чем прибегать к таким тяжелым мерам против непослушания крестьян, не лучше ли было пресечь зло в самом начале, запретив Афанасью отламывать избу из-под общей кровли. Не видать же или, по крайней мере, не знать,

---

[1] Обзор помечен маем 1848 г. и составлен главноуправляющим имениями гр. С. Бобринской, Н. Дудышкиным — св. 8, д. № 24, л. 279. Подпись отсутствует.

[2] Дер. Фоминская — владение гр. С. Бобринской в б. Орловской губ.

[3] Ф. Глазков — управляющий орловскими имениями гр. С. Бобринской, одно время исправлял обязанности управляющего и в селе Барашеве-Усаде.

что крестьянин избу свою ломает, для управителя дело невозможное, а тем более для Глазкова, который 35 лет держал крестьян в раболепном страхе и знает все мелочи, на которые начальнику неприлично обращать внимание.

До сих пор я удерживался утвердительно сказать вашему сиятельству, что жена Глазкова вмешивается в дела управления, потому что передававшие мне эти сведения не заслуживали большого доверия, и я боялся суждения свои подчинить сплетням. Но теперь утвердительно могу сказать вам, что это действительная правда. Эта женщина судит и рядит вотчинные дела и не без пользы для себя, а Глазков раболепно исполняет ее резолюции. Он на вопрос мой, справедливы ли эти слухи, отвечал так, что к этому порядку вещей давно привыкла вотчина, и до него был управитель, которого жена делала то же. И что все дела, которые решила жена его, Глазкова, решены и исполнены гораздо лучше, чем им самим.

Прошение старосты и крестьян села Барашева-Усада гр. С. Бобринской от 29 марта 1849 г.[1]

1) По приходе сего зимнего времени осмеливаемся беспокоить ваше сиятельство вторичным прошением о своей крайней бедности и о тягостном сего года неурожае хлеба. И все вашего имения крестьяне из своих жительств своего имущества лишились на ваш положенный оброк и которые добропорядочные крестьяне хотели было соблюсти на свою тягловую землю, а по приходе сего времени не осталось никаких яровых семян, а и скота в редком доме остается, едва живы лошади[2]. И просим мы вас, чтоб соединить в одном положении, а будет без сего соединения, то остановится ваша господская работа, и положенный оброк останется в недоимке, и на пропитание нам своих семейств добыть негде.

2) Просим вашей милости староста и старшины не в силах исправить вашей должности по крестьянской недостаточности жителей и отставить нас от сей должности, потому что вашего имения крестьяне нас утружают своими недостатками. За каждый день собираются сходами в вашу господскую контору об своих недостатках.

3) Просим ваше сиятельство об своих недостатках соблаговолите хотя небольшое милосердие нам немогутным крестьянам, хотя заложить свою тягловую землю за малую цену или озимый свой посев, но только хотя разноместным крестьянам, а в вашем имении крестьяне нас всех бедных не смотрят, потому что и достаточных жителей несколько[2].

4) О запасном магазейном хлебе разрешения никакого не видим и от вас милосердия не об'яснено. И помилосердуйте об нас, неимущих крестьян, на пропитание наше семейств хлебною наградою, сколько можете, а нам избавиться никак невозможно и добыть сего негде, и работы все остановились, потому по неурожаям хлебным.

Из донесения управляющего села Барашева-Усада В. Лопаткина в главное управление имений гр. Бобринской, 2 апреля 1849 г.[3]

2) Главному правлению от 15 января и 23 февраля сего года донесено: по неимению экономического хлеба для выдачи крестьянам ее сиятельства по неурожаю прошлого лета на пропитание их с семей-

---

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 11, д. № 7, л. 15. Подписи отсутствуют.
[2] Так в подлиннике.
[3] ГАФКЭ, ф. 176, св. 11, д. № 7, л. 8.

ствами по распоряжению главного правления количество четвертей покупкою приобресть равно и по поданному в комитет народного продовольствия прошению выдачи и доныне не последовало. По каковым обстоятельствам ее сиятельства крестьяне до крайней нужды дошли в пропитании себя и корме лошадей, которые колеют, а на оставшихся по худоте их выехать нельзя; по сим причинам в контору являются просить хлеба, почти ежедневно одно говорят: весной пахать будет нечем. Мудрено встретится без поддержки их недостатки [1], а потому главное правление благоволите немедля с назначением количества четвертей хлеба покупкою приобресть. А между тем соблаговолено бы снестись с предводителем г. Жилиным. До разрешения комиссии народного продовольствия сколько можно магазейного хлеба выдачею разрешил.

3) Крестьяне многократно просят позволения продавать лошадей или землю, засеянную рожью, у некоторых экономическою и под яровой пар, в чужие руки заложить для поддержки себя пропитанием, а лошадей кормом, что строго запрещается.

А как в прошении их ее сиятельству явствует: староста и старшины от должности просятся, главному правлению в рассмотрение и распоряжение об'ясняю.

Управляющий Василий Лопаткин.

Из прошения старосты, старшин и крестьян села Барашева-Усада гр. С. Бобринской, 25 мая 1849 г. [2]

1. Неоднократным прошением осмеливаемся беспокоить ваше великое графское сиятельство о своей необходимости крайней бедноты, потому что приближается ваш положенный с нас, ваших подданных крестьян, оброк, петровская половина. Не в силах сей вашей повинности исправить, платежа сего. Дабы были исправными всякими силами, то и не беспокоили бы ваше сиятельство в том вас и беспокоим, что уже и сил наших недостигает по сей неурожайный год и с сего времени и стало очень трудно, притом же и промыслы все без хлебного урожая остановились...

3. При оном же донесении ваше сиятельство, всемилостивейшая Софья Прокофьевна, о своей недостаточной бытности потому, что расчислены вашего имения крестьяне в разных местах половинное число на оброке, а вторая на вашей господской работе, а земля наша вам известная, каковое количество, в том и делается во всяких местах недостатки. В том вас и просим соблаговолите вашей милости соединить во одно место и, буде соедините во одно место, то исполнено дело, ваш оброк или работа. И буде сию милость явите и не будем беспокоить ваше сиятельство никакими отписками.

4. Вашего имения которые крестьяне на вашей господской работе и очень нуждающие всякими потребностями. Важнее всего, большая и главная нужда — недостаток хлеба, и земля наша запустела бессемянно.

Из прошения старосты и крестьян села Барашева-Усада гр. С. Бобринской, 29 мая 1850 г. [3]

Осмеливаемся беспокоить ваше сиятельство о своей бедности. Просим освобождения на несколько времени со обождением по возмож-

[1] Так в подлиннике.
[2] ГАФКЭ, ф. 176, св. 11, д. № 7, лл. 18—19. Подписи отсутствуют.
[3] Там же, св. 10, д. № 14, лл. 55—56. Подписи отсутствуют.

ности вашей и соблаговолите отеческой милости, ваше сиятельство, как мати сожалевает о детях своих, тако и ваше сиятельство. Приходит время — собирается ваш положенный с нас оброк за 1850-й год за 1-ю половину.

При том же открылось летнее время очень тягостное, о засеве ярового хлеба и всходов не оказывается и с небес дождев на их росtl на землю, по божью повелению, не создано за прегрешения наши. А мы вас просим: сожалейте, по таковым несчастным неурожаем и пропитаться нам никак невозможно. Таковыми вашими служителями Никандром Михайловичем и Васильем Федоровым заобижены всякими большими непорядками и прошлый год пропитаны были общинским хлебом, а теперь избавиться никак невозможно, а теперь обчественного хлеба не имеется. Милостей ваших не видим, приказы ваши нам не об'являются, в том вас и просим, и прежде было донесено вашему сиятельству, чтоб вы приказали нам сделать верную подворную ведомость нашему крестьянскому имуществу, на ответ ничего не видим.

4. О пропитании немогутных крестьян как прошлого 1849 года из'яснено от вашего сиятельства, нам награды на посев нашей земли яровой пшеницы на оборот — того ничего не дано и земля наша навсегда пустеет бесполезно и теперь только надежду имеем на князя Долгорукова пребыванием питаны некоторые с вексельными расписками на заложных бумагах[1].

5. Просим ваше сиятельство о соединении нас во едино место и земля причислилась бы за нас всех, то и будем уплачивать навсегда оброк безнедоимочно и, буде вам невероятно в том и подписуемся друг за друга и, буде явите своей милости, и будем просить за ваше здоровье всевышнего создателя, дабы господь продлил долгие века на сем свете, и на сие будем ожидать разрешения вашего.

Из обзора села Барашева-Усада[2]

Народонаселение. По нынешней IX ревизии 312 душ. Количество земли. В общей даче с прочими совладельцами 3 662 дес. 1391 саж., из коих на часть вашего сиятельства следует половина, т. е. 1831 дес. 695½ саж., следовательно, на каждую ревизскую душу достается более 5½ дес., 144 тягла обрабатывают 589 дес. 40-й меры, стало по 4 дес. с небольшим на тягло во всех полях.

Свойство земли. Почва глинисто-черноземная и способная воспроизводить хлеба, но истощена голодною пахотою. Удобрение там сваливается в овраги.

В недрах земли скрывается мрамор.

Состояние лесов. Самое жалкое: истребляются безумным образом. Есть лес заповедный, но он только носит это название, а в сущности топор из него не выходит.

Нравственность крестьян. К обязанностям христианским нерадивы, грубы, своевольны, подчиненности не терпят и потому местных начальников не только не признают за власть над собою, но подчиняют их своему беспорядку. Староста, особенно настоящий, пользуется только этим именем, а в самом деле управляют им во всех делах. Доказательством этому служит то, что он не смел заплатить в срок оброк свой. Они требуют, чтобы все приказы были им известны. Они хотят участвовать в распоряжениях, присваивают себе самостоятельность, короче говоря, они — русские французы.

---

[1] Так в подлиннике.

[2] Обзор помечен июлем 1850 г. и составлен главноуправляющим имениями гр. С. Бобринской, П. Виолевым — св. 10, д. № 14, лл. 128—131.

Состояние их. Большая часть бедных. Многие не имеют лошадей и раскрытые дворы. В работе ленивы и потому многие, отдав свой участок в чужие руки, почти за ничто отправляются на сторону под предлогом заработков для платежа оброков, но часто возвращаются ни с чем.

Хотя почти все крестьяне занимаются горшечным изделием, но это ремесло, по отсутствию надлежащего познания в нем, доставляет им скудный промысел, а дров уничтожают много. Впрочем сильно способствует неблагосостоянию крестьян чересполосное владение землей.

Скотоводство. У 144 тягл — 100 лошадей, 56 коров, 34 телят, 85 овец, 36 свиней, 311 штук всего. По одной штуке почти на каждую ревизскую душу.

Домогательство крестьян.

Крестьяне на мирском сходе единодушно просили соединить их в одно, т. е. всех оставить на оброке с господскою землею или обратить в барщину.

Соображение по этим предметам.

По 1-му. На господской пашне 80 тягл. От урожая хлеба с обрабатываемой ими земли 72 дес. в поле с 1843 по 1847 год, точнее в 6 лет получено дохода 24 832 руб. 35½ к. асс.; 64 тягла на оброке и они заплатили в 6 лет 18 432 руб. асс., следовательно господская запашка принесла против оброчных более 6 403 руб. 35½ к. асс. Итак, выгода остается на стороне пашни.

По 2-му предмету. В настоящем составе владения землею не исполнимо домогательство их. Земли для господской пашни увеличить нет возможности (по чересполосности), а посадить все 144 тягла на барщину — значит усилить в них еще более заманчивый порок — леность и нерадение, под ярмом которых они и теперь живут.

Необходимость в покупке части совладельцев.

Если ваше сиятельство желает оставить барашевских крестьян за собой, то для поправления их нет другого средства, как приобресть покупкой продающиеся части и отмежевать г. Жилина к одному месту. Тогда земля разверстается между крестьянами поровну, ибо крестьяне в продаваемых частях больше имеют земли против ваших и при уничтожении чересполосности можно будет расчистить из-под кустарников земли для пашни; кроме этого, крестьяне должны будут удобрять свои поля, имея в постоянном владении свой участок без всякого страха лишиться его. Иначе лучше продать вам крестьян своих, нежели оставлять их в настоящем положении.

Необходимость в местном управителе.

Староста безграмотный. Он по увольнении Лопаткина нанял как для переписки ревизских сказок, так и для ведения книг бывшего удельного голову Кабаевского, который взял деньги вперед и до приезда моего не принимался за них и конторские книги перепортил; следовательно, он не благонадежен; а кроме его, никого нет. К тому ж, как выше сказал, что крестьяне не признают старосту начальником над собою и не крестьяне у старосты в зависимости, а он у крестьян. И потому для поддержания порядка в вотчине, по мнению моему, необходим местный управитель. Жаль только, что трудно найти человека твердого и добросовестного.

Повергая все силы изложения и копию с моих на месте распоряжений в благоусмотрение вашего сиятельства, я имею честь испрашивать вашего разрешения.

Виолев.

Из прошения крестьян села Барашева-Усада главноуправляющему имениями гр. С. Бобринской П. Виолеву, 6 декабря 1850 г., № 135 [1]

По выслушанию нами приказа вашего высокоблагородия от 11 прошлого ноября за № 117, в котором видно, что вы приказываете нам навозить господскую землю 62 дес. и по которому приказу вашему нас староста Морозов весьма принуждает навозить и причиняет нам чрез сие крайние обиды, несмотря на наши отговоры, а потому и просим ваше высокоблагородие всепокорнейше освободить нас хотя нынешнюю зиму возкою навозом, потому что из среды нас теперь много крестьян, по случаю неурожая сего хлеба, живут весьма в бедном состоянии, даже у некоторых нет ни скота, ни хлеба почему и ходят по миру и питаются милостынею. А буде сего сделать вам невозможно, просим, не благоугодно ли будет нас соединить всех в одном, то есть на оброк или всех на барщину. А впрочем, куда вам заблагорассудится, а только мы желаем быть все сединены в одно, на что и будем ожидать от вашего высокоблагородия милостивейшей резолюции, в чем и подписуемся [2], а вместо их за неумением грамоте по их личной просьбе села Гулюшева удельный крестьянин Степан Артамонов руку приложил.

Из приказа главноуправляющего имениями гр. С. Бобринской П. Виолева старосте села Барашева-Усада А. Морозову, 15 декабря 1850 г. [3]

Что же касается до просьбы крестьян, то я лично на мирском сходе в бытность мою в Барашеве об'являл им всем, чтобы они, помимо тебя, не входили ко мне с просьбами. И потому об'яви им, чтобы они впредь не осмеливались нарушать уставного порядка. Из просьбы их между прочим вижу я, что многие крестьяне вместо того, что снискивать средства к жизни трудом, ходят по миру для испрашивания милостыни. И ты позволяешь им это? Если это справедливо, то твоя обязанность указать им работу на стороне, которая гораздо больше принесет им пользы, нежели праздношатательство. Итак, займись этим предметом со всею заботливостью и отыщи им труд во время зимы до весны, и донеси мне о твоих по сему действиях.

Из рапорта старосты села Барашева-Усада А. Морозова главноуправляющему имениями гр. С. Бобринской, 3 января 1851 г., № 6 [4]

...О крестьянах же я моей госпожи села Барашева действительно дознал, что точно есть таковые бедного состояния, как писали крестьяне в прошении, которые не могут со своими семействами себя пропитывать, а именно: Степан Тимофеев, Василий Егоров, Иван Петров и Моисей Михайлов, из которых я и определил до будущей весны в работы одного Степана Тимофеева в удельное селение в село Налитово к удельному крестьянину Герасиму Рузаеву ценою за 2 руб. серебром сроком до 1 числа апреля 1851 года...

К сему рапорту вместо старосты Андрея Морозова по безграмотству его руку приложил писец Степан Артамонов.

---

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 14, лл. 173—174.
[2] Далее идет перечисление 17 фамилий крестьян.
[3] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 14, л. 177. Подпись отсутствует.
[4] Там же, д. № 11, л. 7.

Из донесения управляющего села Барашева-Усада В. Белявского главноуправляющему имениями гр. С. Бобринской П. Виолеву, 4 августа 1851 г., № 8[1]

Крайность заставила обеспокоить особу вашу неприятным моим донесением. Июля 24 дня, пред начатием жнива, крестьяне тягловые были собраны на поле; желанием моим было разделить по 40 человек. По усмотру моему не более продолжали бы жниво 5 дней. Напротив, они ослушались и поступили со мной так, о чем не могу при сем упомянуть. 30 человек оставили барщину и ушли домой. Но дома не работали, а все вместе просидели на улице весь день. Видя такую остановку, об'явил им работать по прежнему обыкновению. Оброчные крестьяне были требованы для помощи жнитва, но никто не явился...

Покорнейше прошу особу вашу, не оставьте меня. Дайте приказ, дабы были в повиновении до приезда вашего в Барашево.

Покорнейший слуга особы вашей Викентий Белявский.

Из приказа главноуправляющего имениями гр. С. Бобринской П. Виолева управляющему села Барашева-Усада В. Белявскому, 15 августа 1851 г., № 130[2]

Получив сию минуту, по возвращении моем из подмосковной вотчины, донесение ваше от 4 сего августа № 8 об оказанном со стороны крестьян ослушании вашим распоряжениям при уборке хлеба в разделе, разрешаю вам об'явить всем крестьянам на мирском сходе: 1) мой строгий выговор за оказанное ими вам ослушание и 2) строжайший приказ быть в полном повиновении у вас, иначе жестоко наказаны будут мною в приезд мой в Барашево, в половине сентября.

Между тем при об'явлении сего уполномачиваю вас наказать на мирском сходе и до моего приезда зачинщика ослушания распоряжением начальственным.

Из прошения крестьян Барашева-Усада главноуправляющему имениями гр. С. Бобринской П. Виолеву, 16 июня 1852 г.[3]

Ваше высокоблагородие, милостивый государь, Петр Васильевич.

Крайность и нестерпимые обиды заставили об'явить вашему высокоблагородию поступки определенного вами управляющего имением графини нашей в селе Барашеве Викентия Ивановича г. Белявского. Он стеснил нас до того, что каждый выходит из терпения.

1. Из числа оброчных крестьян состоятельных посадил на барщину, а бедных на оброк, которые решительно платить оброка не в состоянии, и они этого не желали.

2. По одержимым его болезням сумасшествия и падучей в таком виде, без разбора и всякого дела, кто только не попадется в глаза, бьет без всякой пощады, большей частью кнутом, плюхами и розгами, только и говорит, что — всех загоню в гроб — и угрожает каждому отдачею в рекруты и арестантские роты и налагает почти на каждого безвинный штраф, которого набрал до 15 руб. серебром.

В нынешнюю светлую пасху во время заутрени первого дня сделал в церкви такие неблагопристойности, о которых даже совестно доложить вашему высокоблагородию: в церкви учинил испражнение, а 9 чи-

---

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 11, л. 110.
[2] Там же, л. 116. Подписи отсутствуют.
[3] Там же, св. 11, д. № 5, лл. 47—48.

села мая во время престольного праздника нашего, в день Николая чудотворца, когда духовенство пришло к нему с иконами для молебна, в это время он обругал как святыню, так и духовенство скверно матерными словами; поэтому священник с причтом поступки его хотели довести до сведения начальства, но мы обществом, во избежание приезда чиновников, упросили их помолчать впредь до вашего распоряжения.

По прибытии его на работу он от горячности войдет в сумасшествие и начнет бить, кто только попадется, и кричит — удушу. В таком положении много обидел жестоко женщин, малолетних мальчиков, не говоря уже о совершеннолетних.

3. Заставляет караульщику каждый день быть на дворе и гонять с флигеля, так и всего надворного строения птицу, как-то: голубей, галок, воробьев и тому подобных, а если караульщик этого не досмотрит, то наказывает за это розгами.

4. С нами как о наших нуждах, так и ни о чем не говорит и к себе не допускает. Сидит один в комнате и всегда запертый.

5. ...Время он много провел в бесполезной работе, молотил с крыш солому, чего совсем не должно.

Жестокие его обращения и нераспорядительность заставили нас много думать и нести печаль и, посоветовавшись на целом обществе, решили все прописанные действия г. Белявского довести до сведения вашего высокоблагородия и покорнейше просить от вас защиты и покровительства. Затем остаемся нижайшие ваши слуги.

Села Барашева графини Софьи Прокофьевны Бобринской крестьяне.

Из донесения управляющего села Барашева-Усада В. Белявского главноуправляющему имениями гр. С. Бобринской П. Виолеву 8 ноября 1852 г.[1]

Будучи в расстроенном положении от полученного от управляемых мною крестьян неизъяснимого оскорбительного на весь век пятна, я не могу в настоящее время распространить письмо свое к вам. По крайней мере, спешу донести вам о важном обстоятельстве, смею по своей справедливости предупредить вас, что я как прежде, так и в этом обстоятельстве могу оправдать себя пред вами, что докажет в оригинале следствие, произведенное ныне временным отделением. Обстоятельство это следующее. 5 числа ноября месяца отправлялся я в город Алатырь для взноса в тамошнее казначейство казенных податей, но в отсутствие мое 8 человек самовольно порубили из лесной дачи лес, который до приезда моего в имение доставлен был полесовщиками в контору. Но из них Иван Григорьев, в небытность же мою, с детьми своими, взяв самовольно порубленный лес с барского двора, разбоем увез оный в дом свой. Приехав в Барашево и узнавши обо всем подробно, вызвал в контору всех порубщиков и об'явил им, по мере вины каждого, штраф, исполняя этим в точности приказание ваше. Но напротив того, не доставив оный 23 числа сего месяца, из них Алексей Тимофеев и Андрей Михайлов явились также без штрафа в контору, и на требование мое, они неистовым образом требовали сани свои, которые были на господском дворе, говоря, что они штраф платить не хотят, причем кучер мой Аким Иванов секретно от меня в сенях флигеля, как я сам слышал, сказал Тимофееву и Михайлову, чтоб они, не смотря на меня, взяли сани свои, как и помянутый Иван Григорьев, разбоем. За каковые слова кучера наказал я розгами (10 ударами), как это казалось и при

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 11, № 6, лл. 1—4.

освидетельствовании временного отделения, а также и Тимофеева и Михайлова розгами: первого 10, а последнего 15 ударами за их поступки. Но вдруг, сделавши без ведома моего тревогу, пришло в неистовстве в контору множество народа из управляемых мною крестьян и других помещиков, и за справедливые мои по имению поступки и за исполнение приказаний ваших сковали меня, нововыбранного старосту и десятника в железа, разбили окна и другие дома принадлежности, причинив мне и побойство. Таким образом был я в оковах трое суток до временного отделения, которое ныне производит следствие. Представьте себе, м. г., в каком положении был я от поступков крестьян, будучи справедлив. Надеюсь, что следствием буду я вполне оправдан, а потому, вероятно, и вами. Я не в силах выразить обиду, сделанную мне за свою верность и во всех отношениях справедливость. Обида эта для меня чувствительна и неизгладима вечно. Зачинщиками обнаруживаются следствием пойманные с лесом крестьяне, а в заключении меня в оковы — крестьяне г. Соковнина. Если возможно будет, постараюсь по окончании следствия доставить вам с оного копию. Сверх того, при моем несчастном положении пришедший в контору старосте г. Соковнина Николай Гайдуков обижал меня всячески, говоря: «Вот ты не послушал меня отпустить крестьянам крупного леса для дров. Петр Васильевич далеко, а ты здесь и прожил бы 10 лет, если бы послушал меня...»

Покорнейший слуга особы вашей Викентий Белявский.

Из копии с постановления Симбирской уголовной палаты по делу о волнении крестьян села Барашева-Усада, Симбирской губернии, 22—23 ноября 1852 г.[1]

Управляющий имением графини Бобринской в селе Барашеве дворянин Белявский в ноябре 1852 года был закован тамошними обывателями в железа и находился в таком положении в течение двух суток.

Поводом к сему происшествию были следующие обстоятельства: по распоряжению управляющего Белявского были отобраны дровни у крестьян гр. Бобринской Алексея Тимофеева и Андрея Михайлова, оказавшихся виновными в самовольной порубке леса в заказной лесной даче. Когда же 23 ноября перед вечером Тимофеев и Михайлов явились в вотчинную контору, обратились к Белявскому с просьбой о возврате отобранных у них дровней, и на требование его об уплате штрафных за порубку денег, отозвались несостоятельностию, то Белявский велел наказать их розгами. В это время находившийся в конторе крестьянин Аким Иванов между разговора сказал Тимофееву и Михайлову, что они напрасно просили Белявского о возврате им дровней, а взяли бы их самовольно с барского двора. За сии неуместные слова Белявский приказал также наказать Акима Иванова розгами. Но когда было дано Иванову около 10 ударов, он впал в беспамятство и появились потом какие-то признаки судорог. Белявский, заметив это, велел прекратить наказание, вспрыснуть Иванова водой и положить на лавку. Когда же подымали Акима Иванова с пола и клали на лавку, вошла нечаянно в контору жена Иванова Дарья Сергеева и, предположив, что мужа ее засекли, побежала из конторы домой и потом вскоре возвратилась в контору вместе с братом мужа ее Трофимом Ивановым и прочими семейными.

---

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 11, д. № 6, лл. 86—91. Подпись отсутствует.

Наконец, Трофим Иванов стал упрекать Белявского, что он засек брата его до смерти, а Белявский, озлобясь на это, распорядился также подвергнуть Трофима Иванова наказанию розгами, то Дарья Сергеева, испугавшись сего, снова убежала из конторы на улицу и закричала караул. А находившиеся невдалеке крестьянские мальчики ударили в набат в церковный колокол.

Вследствие сей тревоги собралось на улице много крестьян и, узнав по распространившемуся слуху о засечении, будто бы, Акима Иванова, они бросились в вотчинную контору, и таким образом управляющий Белявский, равно и наказывавшие, по приказанию его, Акима Иванова крестьяне Иван Никитин, Петр Филиппов и Гурьян Григорьев были схвачены и заключены в железа. При следствии управляющий Белявский сказал, что он не помнит, кто именно из обывателей села Барашева схватил и заковал его в железа и кто был зачинщиком всего этого, так как он от испуга пришел в беспамятство. Полицейский же сотник Федор Красильников отозвался, что когда он, получив известие о засечении, будто бы, крестьянина Акима Иванова, пришел в вотчинную контору, то застал там много народа, который единогласно потребовал, чтобы управляющий Белявский и наказывавшие, по приказанию его, крестьяне были скованы. Он сначала не соглашался на это, но когда толпа народа снова повторила, чтобы сковать Белявского и прочих, то он уступая силе и желанию народа, вынужден был принести конские железа, которыми одножители его Иван Мухин, Никифор Дергоусов, Иван Татаринов и Сергей Аверин заковали Белявского и прочих. Но Мухин, Дергоусов, Татаринов и Аверин при спросе сознались только в бытности в вотчинной конторе, но отреклись от принятия личного участия в заковании Белявского в железа. Подобным образом отозвались и прочие бывшие в вотчине обыватели села Барашева.

Напротив конторщик Стефан Артамонов и крестьяне Иван Никитин, Петр Филиппов и Гурьян Григорьев удостоверили, что точно Мухин, Дергоусов, Татаринов и Аверин схватили управляющего Белявского и заковали в железа. Таким образом, хотя не обнаружено по произведенному следствию главных виновников или зачинщиков сделанного против управляющего Белявского насилия, ибо судя по показанию сотника Красильникова должно предположить, что целая толпа народа потребовала закования Белявского в железа, но во всяком случае из подсудимых Мухина, Дергоусова, Татаринова и Аверина должно по обстоятельствам дела признать участниками в заковании Белявского, а сотника Красильникова и прочих, бывших в конторе, крестьян графини Бобринской—попустителями сего преступления. Обращаясь же к определению самого рода сего преступления и принимая на вид, что Белявский, управляя имением графини Бобринской по законной доверенности, представлял через то лицо самой помещицы, то и должно заключить, что сделанное Белявскому личное насилие следует отнести и против установленной правительством власти и так как главные виновники или зачинщики сего не обнаружены следствием, то принимавших в сем случае личное участие Мухина, Дергоусова, Татаринова и Аверина должно подвергнуть определенному в I подразделении 287 статьи уложения наказаний и всех прочих крестьян госпожи Бобринской назначенному в той же статье для попускателей сего преступления более строгому наказанию по важности нарушенных ими личных обязанностей. Что же касается до крестьянки Дарьи Сергеевой, которая по при-

ходе в вотчинную контору, усмотрев мужа своего Акима Иванова лежащим на полу и выбежав потом на улицу, закричала караул и чрез это произвела народную тревогу, то нельзя признать ее умышленной виновницей народного волнения, ибо она, вообразив мужа своего мертвым и придя в испуг, действовала в сем случае почти бессознательно. Почему и представляется возможным ограничиться только сделанием ей надлежащего внушения, применяясь к 116 ст. уложения. Точно так же следует поступить и с крестьянскими мальчиками Сергеем Федоровым, Иваном Лаврентьевым и Егором Егорьевым, которые, услышав произнесенный Дарьей Сергеевой крик и прибежав к церкви, ударили в колокол и произвели тревогу. Почему палата, руководствуясь сими соображениями и принимая во внимание запирательство главных виновников по делу, определяет из подсудимых Ивана Петрова Мухина — 42 лет, Никифора Алексеева Дергоусова — 49, Ивана Иванова Татаринова — 60 и Сергея Михайлова Аверина — 60 лет, лишив всех собственных личных и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ, наказать через полицейских служителей розгами 75 ударами каждого и отдать в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на 5 лет, в случае же неспособности их к работам в сих ротах поступить с ними по 83 ст. уложения, а по истечении срока работ возвратить в жительство под особый полицейский и общественный надзор. Прочих же затем Федора Васильева Красильникова — 39, Михаила Андреева Морозова — 25, Прокофия Матвеева Морозова — 47, Василья Исаева Лучкова — 40, Абрама Иванова Козьмичева — 50, Тихона Иванова Морозова — 40, Петра Ефимова Татаринова — 55, Авдея Карпова Рябова — 38, Ефима Филиппова Суренкова — 21, Семена Тимофеева Седякина, Сергея Епифанова Татаринова — 35, Леонтия Стефанова Татаринова, Якова Фадеева Молодцова — 60, Ивана Тимофеева — 37, Ивана Никифорова Седякина — 45, Ивана Стефанова Мирясова — 57, Егора Филиппова Мачихина — 47, Козьму Иванова Нерускова — 60, Василия Павлова Колабаева — 25, Федора Павлова Сутырина — 45, Василия Гаврилова — 60, Кузьму Иванова Шмарина — 40, Прокофия Потапова Савинова — 50 лет, Кузьму Прокофьева Котлова — 40, Егора Потапова Савина — 42, Ивана Григорьева Козлова — 40, Никиту Иванова Волкова — 38, Федора Андреева Леонтьева — 34, Ивана Веденеева Борисова — 65, Федора Михеева Калябидина — 45, Григория Антонова Калябидина — 30, Ивана Михайлова Кирильцева — 35, Григорья Лазарева Кирильцева — 45, Ивана Петрова Волкова — 43, Петра Николаева Емелина — 27, Федора Павлова Погодина — 45, Василья Козьмина Молодцова — 40, Ивана Прокофьева Морозова — 24 и Александра Герасимова Волкова — 66 лет,— лишив по 53 статье уложения некоторых особенных прав и преимуществ, вместо выдержания в смирительном доме на первый раз 2 года, за теснотою помещения в нем, наказать согласно 88 статьи через полицейских служителей розгами 60 ударами каждого и отдать под особый полицейский надзор на основании 54 статьи. Независимо от сего взыскать со всех них похищенные, по словам Белявского, во время закования в железа из вотчинной конторы деньги 60 руб. 60 коп., а также издержки следователей. Затем бывших также в вотчинной конторе графини Бобринской крестьян помещика Соковнина, не принимавших никакого личного участия в заковании Белявского в железа и не обязанных по закону никакими особенными отношениями к лицу Белявского, освободить по 1169 статье XV тома законов уголовных от ответственности, а Дарье Сергеевой, Сергею Федорову, Ивану Лаврентьеву и Егору Григорьеву сделать строгое внушение быть впредь осмотрительнее.

Из приказа главноуправляющего имениями гр. С. Бобринской П. Виолева старосте села Барашева-Усада А. Морозову, 19 февраля 1853 г., № 135 [1]

Ее сиятельство графиня Софья Прокофьевна Бобринская изволила передать на мое рассмотрение и разрешение твою жалобу на г. управляющего Белявского в невыдаче им квитанции на 425 руб. асс. и донос крестьян, что г. Белявский не об'явил будто им предписания о вывозе его в Москву, что он много истратил напрасно из господской и мирской суммы денег, оттого не доверили ему и оброк...

Что ж касается до глупейшего и гнуснейшего доноса крестьян всего мирского общества, то не видя под ним никакой подписи, я невольно утверждаюсь в мысли, что эту ябеду писал какой-нибудь мерзавец по наущению буянов, негодяев и подлецов. Потому она не стоит ни малейшего доверия. Но расправу с ними за нее сделаю я по приезде моем в Барашево. А между тем по воле ее сиятельства определяю на всю вотчину штраф по рублю пятидесяти копеек серебром с каждого тягла за произведенное буйство 24 ноября минувшего 1852 года.

И потому приказываю тебе собрать этот штраф в течение трех дней со всех 169 тягл, всего 253 рубля 50 коп. серебром и немедленно представить эти деньги ко мне при особом донесении, записав их на господской кассе в приход и расход особыми статьями.

Если же ты замедлишь выполнить, то сверх этого штрафа внеси в господскую кассу другой штраф собственно за себя 50 руб. серебром за неисполнение в точности моего приказа. Обращаясь к доносу мирского общества, в котором и ты участвуешь, потому что он приложен к твоей просьбе, я нахожу бездельное стремление в вас вмешиваться в обязанность управляющего. Подтверждаю тебе и всем крестьянам, что ваше дело заниматься хлебопашеством и безусловно повиноваться поставленному над вами начальству, что по вашему желанию никогда не будет, что хотя г. Белявский и просит увольнений от должности, но не увольняю его потому только, что вы этого хотите. И он пошлется мною обратно в Барашево для управления вами попрежнему. Но взыскание означенного штрафа ты обязан произвести в точности и в назначенный мною срок до приезда г. Белявского.

Из прошения крестьян села Барашева-Усада гр. С. Бобринской, 28 февраля 1853 г. [2]

...Все вышеписанные села Барашева крестьяне, будучи при собрании в Барашевском вотчинном правлении на мирской повальной сходке, где слушали присланный приказ старосте Андрею Иванову Морозову за № 36, в котором назначена ответственность на крестьянское наше общество о взыскании с нас штрафа в течение трех дней по 1 руб. 50 коп. серебром с тягла, всего 253 руб. 50 коп. и о скорейшей высылке оного в Москву. По выслушании коего согласно приговорили обществом сим донести к сведению его высокоблагородию г. главноуправляющему Петру Васильевичу.

1) Как не предвидим за собой никаких причин и потому такого штрафа заплатить мы не в силах, ибо из приказа того видно, что гнев этот последовал на нас будто за произведение нами буйства. А как мы причиною тому никогда не были, да и никто из нас при оном не участво-

---

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 11, д. № 6, лл. 31—32. Подпись отсутствует.
[2] Там же, лл. 42—43.

вал в каковом, чистосердечную делаем признательность в невинности производимого буйства.

2) Бунт же этот произошел и возродился более от сумасшествия управителя Белявского, от жестокого наказания им крестьянина Акима Иванова, по каковому наказанию по наслышимости необыкновенного крика и жалостного плача из крестьян г. Соковнина, в то время множество стеклось народа и, видя таковое беспощадное наказание крестьянина Иванова под опасением от жестокого наказания и лишения вечной жизни крестьяне г. Соковнина ударили в то время в набат, от того самого и последовал этот бунт. И потому видно, что причина вся — управителя нашего г. Белявского, о чем справедливо и прежде было нами донесено.

3) А что относительно до поданной нами жалобы от 4 февраля ее сиятельству графине Софье Прокофьевне Бобринской, которая нами была со всего мирского согласия чрез посредство Сергея Федоровича Соковнина, причиною тому побудило нас более, что управитель Белявский при от'езде своем просил в Промзинской почтовой конторе г. почтмейстера, чтоб от нас не принимать денежных посылок и посылаемых жалоб. Более сие запрещение заставило нас таковую жалобу отправить через посредство Сергея Федоровича, в которой чистосердечную делаем нашу признательность, и в том [просим] великодушно нас простить, и впредь того делать никогда не будем, и вместе с тем нижайшие рабы вашего высокоблагородия соблаговолите сделать ваше благодетельное содействие от возложенного на нас безвинно штрафа от платежа оного избавить.

4) Как в жалобе нашей были пояснены поступки управителя Белявского, о котором и ныне скажем истинно, что он [негоден] на управление по хозяйственной части по причине бывшего с ним часто временного сумасшествия. Какой же этот управитель? Может ли он по сумасшествию своему быть на управлении? Хотя в насланном приказе изволите упоминать, что Белявский будет прислан обратно на управление, это есть в воли вашей. По описанным же причинам полезного будет мало, кроме одного вреда и неудовольствия вотчине.

К сему приговору вместо вышеписанных крестьян за неумением грамоты, по их личной просьбе руку приложил села Промзина крестьянин Федор Новиков.

Из приказа главноуправляющего имениями гр. С. Бобринской П. Виолева старосте села Барашева-Усада А. Морозову, 10 марта 1853 г., № 55 [1]

...Донесение твое от 4 марта, журнал повседневным работам по экономии и приговор мирского общества села Барашева-Усада, составленный 28 февраля текущего года, я получил. Но как ты осмелился представить этот глупейший приговор мирского общества? Кого ты должен слушаться — мирского ли общества или главного твоего начальства? Я послал тебе от 19 минувшего февраля № 36 приказ о взыскании со всего мирского общества штраф по 1 руб. 50 коп. серебром с тягла, за участие в буйстве крестьян 24 ноября минувшего 1852 года. Назначил срок взысканию — три дня, а ты, вместо точного исполнения этого моего приказа, вошел с приговором мирского общества о невиновности будто вашей в позорном для всей вотчины событии. Я не признаю самостоятельности мирского общества и строго подтверждаю тебе, староста, по получении сего приказа собрать в течение трех дней наложенный

[1] ГАФКЭ, ф. 176, д. № 6, лл. 45—46.

мною на все общество штраф по 1 руб. 50 коп. сер. с тягла, и с первою отходящею почтой выслать деньги ко мне с приложением особого с тебя штрафа 50 руб. сер. за ослушание моему приказу. Если же ты осмелишься еще не исполнить в точности этот мой приказ, то я наложу вместо 1 руб. 50 коп. сер. по 3 руб. сер. с тягла и особо тебя 100 руб. сер. Мирских же приговоров ни в каком случае не представлять ко мне и не составлять на мирской сходке.

Что касается до наглой просьбы вашей об увольнении г. Белявского и определении другого управителя, то ваше дело — исполнить приказания, а не рассуждать. Г. Белявский, по вашему мнению, не полезен только тем, что запрещает воровать вам общественный лес. Но знайте, что ваше желание не примется мною дотоле, пока вы не исправитесь от своеволия.

Из донесения старосты села Барашева-Усада А. Морозова главноуправляющему имениями гр. С. Бобринской П. Виолеву, 18 марта 1853 г. [1]

...Два приказа вашего высокоблагородия от 10 марта за №№ 55 и 56 мною получены, из коих вижу, что наложенный на общество штраф по 1 руб. 50 коп. сер. с тягла мною по предписанным приказам в точности не исполнен, о причине коего я имел честь и прежде вам доносить, а равно и ныне сказываю; что по неоднократному мною с них требованию крестьяне денег этих мне не платят, да и от платежа совершенно отказались. Что же мне делать? А вы за неисполнение оного изволили наложить на меня штраф 50 руб. сер. Сделайте милость, взойдите в мое положение. Чем же я тут причиною? Конечно, это все состоит в воле вашей. Как вы имеете власть не только в моем имуществе, равно и во мне самом, как угодно будет поступить со мною беспричинно,— должен возложенный гнев перенесть, а потому всепокорнейше прошу, не благоугодно ли будет на предмет оного для разобрания дел прибыть вам самим в Барашево. Тогда вполне все претензии можете усмотреть на ревизации.

Наконец этого крестьяне об'яснили мне следующее: буде же штраф этот вашим высокоблагородием с них не постигнет и простительности, в таком случае намереваются они вскоре отправиться лично в Москву к ее сиятельству графине Софье Прокофьевне Бобринской и просить о пощаде оного милости.

Штрафу же одного вскоре собрать никак невозможно потому самому, что я с трудом большим едва мог собрать за вторую половину текущего года подушные, в число следующей суммы в уплату в казначейство по закладке мною еще не собрано. Подушные состоят на крестьянах в недоимке.

В вотчине нашей состоит благополучно.

Староста Андрей Морозов.

Из приказа гр. С. Бобринской старосте села Барашева-Усада А. Морозову, 27 марта 1853 г., № 75 [2]

...Главноуправляющий моими вотчинами Петр Васильевич Виолев представил мне в подлиннике донесение твое от 18 марта о невзыскании тобою с крестьян положенного на них штрафа по 1 р. 50 копеек сер. с тягла за допущение буйства и позорного действия с г. Белявским.

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 11, д. № 6, л. 49. Подпись Морозова на этом документе и ниже, по безграмотности Морозова, проставлена лицом, писавшим эти документы.
[2] Там же, л. 51. Подпись отсутствует.

Штраф этот наложен Петром Васильевичем на вас по моей воле. Я убеждена совершенно, что если бы не участвовали вы в злоумышлении, то ни в каком случае не могли бы пять человек крестьян привесть его в исполнение.

И потому приказываю тебе об'явить это всем крестьянам и взыскать с них положенный штраф в назначенный срок непременно, со взносом сверх этого собственно твоего штрафа 50 рублей сер. за неисполнение приказа начальника вашего, который уполномочен мною над вами. Все его распоряжения означают мою волю и потому подтверждаю вам беспрекословно повиноваться ему во всем.

Что же касается до намерения крестьян явиться в Москву ко мне с просьбою о прощении штрафа, то я не хочу видеть их: они не заслуживают ни малейшего снисхождения, а в случае потворства им с твоей стороны дети твои, несмотря от освобождения их от рекрутской повинности, будут подвергнуты оной без всякой очереди.

Из донесения старосты села Барашева-Усада А. Морозова главноуправляющему имениями гр. С. Бобринской П. Виолеву, 4 апреля 1853 г.[1]

...Два приказа вашего высокоблагородия от 27 истекшего марта за №№ 75 и 76 получил, из числа которых один за подписью ее сиятельства графини Софьи Прокофьевны Бобринской, которые подробно всем крестьянам мною об'явлены.

Что ж касается до взыскания с крестьян наложенного штрафа я относился к вам и прежде, чем по неоднократным мною с них требованиям они совершенно мне от платежа оного отказались. При об'явлении мною им вышепоясненных приказов приступал к требованию оного неотступно, то они самое мне сказали, что денег у нас на платеж этого штрафа нет. Что ж мне тут делать, когда они не повинуются мне? Наконец оного вижу из посланных ко мне приказов, что будто это делается все по моему потворству. Это совсем напротив. И больше я на предмет сего и писать не могу. А по приезде вашем в Барашево тогда можете вполне по данной вам власти сделать ваше распоряжение. Но как я к сбору этого штрафа нагло приступить не могу, потому, как они отказываются, что будто в наличности не имеют денег, да и не в силах оного заплатить. Надобно уже приняться для этой уплаты, продать у них скот или хлеб, который приготовлен для посева яровины, но и сего сделать тоже без приказа вашего не смею. Если будет угодно ее сиятельству, а равно и вашему высокоблагородию поступить с ними таким образом, то прошу снабдить меня на сие вашим предписанием, тогда уже я могу исполнить вполне ваше требование.

В вотчине нашей состоит благополучно, о чем по должности моей рабски сим честь имею донести староста Андрей Морозов.

Из приказа главноуправляющего имениями гр. С. Бобринской П. Виолева старосте села Барашева-Усада А. Морозову, 24 апреля 1853 г., № 100[2]

Донесение твое от 4 апреля о невозможности будто взыскать штраф за допущение буйства в вотчине выражает новый знак наглого твоего потворства крестьянам и упорствовать даже приказу ее сиятельства заодно с ними.

Доказательством этому служит то, что ты в состоянии заплатить штраф и показать собою в этом пример покорности распоряжениям ее

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 11, д. № 6, лл. 53—54.
[2] Там же, лл. 55—56. Подпись отсутствует.

сиятельства. Не платишь сам по общему согласию твоему с крестьянами в ослушании. Вы думаете, что этот штраф когда-нибудь простится вам. Но я подтверждаю тебе, что не только взыщу этот штраф, но даже и старую недоимку, числящуюся на вас с давнего времени 1782 руб. серебром, которая до сих забыта была, а теперь велено ее сиятельством принять меры к непременному пополнению оной с вас. Не хотели заплатить малого, взыщется с вас многое. А всему этому ты, староста, виноват. Если бы ты не был заодно с крестьянами в упорстве их и по уплате тобою штрафа и по внушению тобою им долга покорности, то, разумеется, что не нужно бы было и прибегать к мерам обращения вашего к крестьянскому долгу подчиненности и безусловного повиновения начальству. Но до приведения этих мер в исполнение приказываю тебе тотчас внести за себя штраф и взыскать с тех, кто, по твоему мнению, в состоянии заплатить, и тотчас донести мне.

Вот еще мера испытания твоей покорности распоряжениям госпожи вашей. Посмотрю, как ты будешь оправдывать свою обязанность против нее...

Из донесения старосты села Барашева-Усада А. Морозова главноуправляющему имениями гр. С. Бобринской П. Виолеву, 6 мая 1853 г.[1]

...Два приказа вашего высокоблагородия: первый от 23 апреля за № 99, второй от 24 апреля за № 100 имел честь получить, на которые спешу по должности моей отвечать.

1. Из коих вижу во отношении невзысканного мною с крестьян села Барашева наложенного ее сиятельством на них штрафа за допущение буйства. Вся причина возложена вашим высокоблагородием на меня без всякой с моей стороны причины. Строжайшие предписания ваши совершенно привели меня единственно от одной только думы до потери рассудка. И не знаю, что впоследствии времени со мною воспоследует, а к пособию оному не имею никакой возможности.

2. По получении мною означенных приказов за нужное поставил об'явить оные подробно всем крестьянам. Наконец того неотступно начал требовать и исполнять волю вашего высокоблагородия о взыскании с них означенного штрафа. Но крестьяне такую неограниченную имеют закоснелость, что не могли оного внести вполне, не токмо из бедных народов, но и достаточные крестьяне, которые имеют у себя в наличности деньги, и те от платежа остановились, одногласно все сказали мне, что мы не хотим платить этот штраф до приезда Петра Васильевича, а когда не терпишь, то ступай, бери и продавай наш скот, чего я сделать без приказа вашего не осмелюсь. Что мне тут делать, ваше высокоблагородие, когда уже они не повинуются определенным над ними властям, а требование мое с них ни во что полагают.

По каковому случаю прошу и умоляю ваше высокоблагородие — сделайте ваше снисходительное милосердие — возьмите на сие терпение впредь до прибытия вашего в Барашево, тогда по данной вам власти можете лично сделать на сие ваше распоряжение.

Но что относится с моей стороны. Поверьте ваше высокоблагородие, я с ними союзу и потворства совершенно никакого не имею, чистосердечно открываюсь в этом, как пред богом моим, а равно и пред вами, надеюсь, что мне в том не отдавать ответственности...

3. Из назначенного штрафа внесено мною за себя с 2½ тягл 13 руб. 12½ коп. и крестьянином Прокофием Леонтьевым тоже заплочено с 2½ тягл — 13 руб. 12½ коп. следующего с него штрафа. Всего ассигна-

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 11, д. № 6, лл. 57—58.

циями 26 руб. 25 коп., которые записаны сего месяца по окладному журналу на приход. Но из прочих крестьян ни одна душа не обратила на то внимания к уплате оного, а все от закоснелости и непокорности оставили в забвении впредь до прибытия вашего и надеются, что будто этот штраф с них будет вами прощен.

В вотчине нашей состоит благополучно, о чем с покорностью моею рабски сим имею честь донести.

Староста Андрей Морозов.

Из приказа главноуправляющего имениями гр. С. Бобринской П. Виолева старосте села Барашева-Усада А. Морозову, 15 мая 1853 г., № 120 [1]

...Донесение твое от 6 мая заключает в себе изложение о закоренелом с твоей стороны потворстве крестьянам в неплатеже наложенного на них штрафа.

Но я писал уже тебе, что никаких не приму отговорок в неисполнении тобою приказа ее сиятельства.

Верно ты не дорожишь детьми своими, которые отвечать будут за твое ослушание лбами своими. Изменять приказа госпожи вашей я не могу и потому строго предписываю тебе взыскать штраф в назначенный срок.

Он не может быть прощен никогда и ни по какому случаю. Подлые поступки ваши требуют удовлетворения. Ты избран в старосты миром, следовательно, твои нелепые отговорки явно изобличают тебя не только в потворстве крестьянам, но и во внушении им духа непокорности распоряжениям ее сиятельства.

Подлая сходка ваша не увидит меня среди себя. Если я приеду в Барашево, то не для свидания с мерзавцами, а потому нет причины отсрачивать им платеж штрафа до моего приезда.

В июне настанет платеж оброка за 1 половину текущего года. Стало, тогда гораздо будет тяжелее платить им вдруг и штраф и оброк. Эй, староста, опомнись! Иначе наживешь себе много бед от потворства крестьянам, которые не могут пропитывать сами себя, так как они миром избрали тебя в начальники над собою. Ты пишешь, что у вас засуха. Сам господь прогневался на вас, окаянные, за буйные поступки ваши, что не посылает дождя. Вы ждете с неба росы, но молились ли вы отцу небесному об орошении ваших полей и о благословении трудов ваших? Наверное полагаю, что закоснелость ваша в своеволии и самонадеянности отвлекает вас от исполнения христианской молитвы о вашем благосостоянии.

---

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 11, д. № 6, лл. 59—60. Подпись отсутствует.

Волнения крепостных крестьян села Красный Кут

В годы, предшествовавшие реформе 1861 г., усиливаются случаи волнений крепостных крестьян. Об этом говорят многочисленные донесения правительственных чиновников. Частым явлением становятся массовые отказы от выполнения барщины, уплаты оброков, бегство крепостных и упорные сопротивления властям.

Боязнь растущего в стране массового крестьянского движения вызвала появление известного указа Николая I, от 4 ноября/23 октября 1853 г., изданного после вооруженного подавления движения крестьян помещика Калантарова в с. Маслов Кут Ставропольской губернии.

Секретный циркуляр министра внутренних дел всем предводителям дворянства указывал, «что Калантаров позволил себе обременять крестьян непомерными налогами и тягостями. Между прочим он заставил крестьян, вместо определенных по закону в пользу владельца трех дней в неделю, работать в течение нескольких недель сразу, предоставляя ровное число дней в пользу крестьянина, но тогда уже, когда удобное для работ время прошло, а также посылал крестьян для господских работ в дальние места, насчитывая в их пользу те дни, которые они провели в следовании туда и обратно. Государь император, опасаясь, что подобные случаи злоупотребления могут быть и в других местах, изволил признать необходимым циркулярно подтвердить предводителям дворянства, чтобы они сами наблюдали и при всех случаях внушали помещикам о непременном соблюдении закона, по коему крестьяне обязаны работать в пользу помещика только 3 дня в неделю»[1].

Высказываясь против чрезмерного угнетения крепостных крестьян из боязни их возмущения, помещичий бюрократический аппарат, с другой стороны, немедленно приводился в движение при первом известии о малейшем выступлении крестьян против помещиков.

В августе 1853 года Николай I, узнав о нерешительности полковника Дуве, при усмирении крестьян баронессы Вревской в Задонском уезде Воронежской губернии, приказал тотчас послать флигель-адъютанта полковника Крейца для расследования причин бунта и оставаться там до совершенного его подавления. Генерал-губернатору предписал действовать решительно, а бунтовщиков судить военным судом, приводя приговор немедленно в исполнение[2].

Публикуемые нами документы содержат интересные факты из жизни села Красный Кут, где на протяжении одного 1853 г. два раза — в июле и октябре — крестьяне восставали против власти помещиков.

А. Шапиро.

Рапорт командующего резервною бригадою 21 пехотной дивизии генерал-майора Зарецкого Николаю I, 27 июня 1853 г., № 4372[3]

Исправляющий должность екатеринославского гражданского губернатора, вице-губернатор коллежский советник Броуншвейг, отзывом от

---

[1] ЛОЦИА, министерство внутренних дел, департамент полиции исполнительной, 1853 г., д. № 820, л. 62.

[2] Там же, д. № 845, л. 4.

[3] Там же, д. № 844, лл. 4—5.

19 сего июля за № 8119, основываясь на донесении временного отделения Славяносербского земского суда, по эстафету им полученному, от 16 числа сего же месяца № 71 уведомляя меня, что крестьяне наследников умершего помещика Славяносербского уезда, генерал-майора Пашкова, села Красного Кута, оказали неповиновение назначенному дворянскою опекою к сему имению опекуну ротмистру барону Фитингофу, и что хотя для приведения крестьян в должное повиновение отправлялось в село Красный Кут временное отделение означенного земского суда, и по требованию оного прибывала туда назначенная мною сводная рота из 3 обер и 20 унтер-офицеров и 80 рядовых, но крестьяне, несмотря на все увещания членов временного отделения и приглашенного ими священника, пользуясь бессилием воинской команды по недостаточному числу людей, решительно отказались от исполнения требований отделения, угрожая в случае принуждения стать противу действия роты вооруженными,— поэтому временное отделение поставлено было в необходимость, отозвав сводную роту на место прежнего ее квартирования, удалиться из места происшествия.

Почему исправляющий должность екатеринославского гражданского губернатора предложил состоящему в городе Екатеринославе корпуса жандармов генерал-майору Рындину отправиться немедленно в село Красный Кут, для принятия мер совокупно с Славяносербским уездным предводителем дворянства, к прекращению неустройств в означенном селе, просит о назначении туда воинской команды, если генерал-майор Рындин признает это нужным и в требуемом им числе.

Генерал-майор Рындин отношением от 28 июля за № 1 просил меня сколь возможно поспешнее откомандировать в село Красный Кут от командуемой мною бригады две сводные роты в полном составе в числе 500 человек нижних чинов, при должном комплекте обер-офицеров, под начальством одного штаб-офицера.

Вследствие этого требования и на основании 459 и 463 ст. I кн. 3 части св. воен. постан., сформировав от командуемой мною бригады сводный экзекуционный батальон, в числе штаб-офицера — 1, обер-офицеров — 6, унтер-офицеров — 32, барабанщиков — 8, горнистов — 8, рядовых — 400 и фельдшера — 1, всего 449 человек нижних чинов, отправил 24 числа этого месяца в село Красный Кут форсированным маршем под командою командира 6 резервного батальона Самурского пехотного полка майора Шейна, коему предписано, не входя в село Красный Кут, на последней станции в селе Хвощевке, расстоянием от села Красного Кута в 7 верстах, разместить людей для ночлега, а самому майору Шейну лично или кому-либо из офицеров порученного ему батальона явиться к генерал-майору Рындину за приказанием и тогда действовать по его распоряжению, сообразно с правилами, изложенными в выданной ему на сей предмет инструкции из статей 7 т. св. воен. постан.

О чем вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу.

Село Троицкое
Бахмутского уезда.

Отношение военного министра министру внутренних дел, 8 августа 1853 г.[1]

Государь император, по прочтении всеподданнейшего донесения командующего резервною бригадою 21 пехотной дивизии, № 4372, о не-

[1] ЛОЦИА, департамент полиции исполнительной, 1853 г., № 814, л. 3.

повиновении крестьян села Красного Кута, Славяносербского уезда, Екатеринославской губернии,— высочайше повелеть соизволил: препроводить копию с сего донесения к вашему высокопревосходительству и сообщить вам, что его императорскому величеству угодно, чтобы с крестьянами этими было поступлено во всем согласно с повелением, сообщенным вам, в отношении моем от 5 сего августа № 6136, о бунтующихся в Воронежской губернии крестьянах баронессы Вревской, и чтобы о последствиях по сему делу было доведено до сведения его величества.

Высочайшую волю эту честь имею сим исполнить.

Военный министр, генерал-ад'ютант князь Долгоруков.

Из рапорта екатеринославского гражданского губернатора Фабра Александру II, 9 ноября 1855 г.[1]

Беспорядки, бывшие в октябре месяце, сопряженные с необузданным упорством крестьян в требовании об освобождении из-под стражи и о возвращении на место жительства преступников, преданных военному суду за первое возмущение, составляя новое и совершенно отдельное дело, тем еще важнее, что, будучи повторением первого, после усмирения оного, выказывали какую-то закоренелость в непокорности духа и что при влиянии сего нового возмущения в Красном Куте начали было возникать беспорядки в других, по близости, имениях, как например у помещиков Голуба и Констана. Главными зачинщиками в этом новом, совершенно отдельном октябрьском деле и были те семеро крестьян, о которых последовал на месте особый суд и расправа, на основании 661 ст. св. воен. пост., ч. V, кн. II.

В промежуток времени этих двух возмущений, в бозе почивший государь император, по прочтении всеподданнейшего донесения командующего резервною бригадою 21 пехотной дивизии о неповиновении крестьян села Красного Кута, высочайше повелеть соизволил: «строго приказать губернатору действовать в сем деле решительно и бунтовщиков судить военным судом, приведя приговор немедленно в исполнение».

На основании таковой высочайшей воли, переданной мне в предписании г. министра внутренних дел от 8 августа 1853 года № 120, я, получив в октябре месяце донесение местного начальства о возникшем вновь возмущении крестьян села Красного Кута, лично отправился туда, а с тем вместе прибыла в селение и экзекуционная команда сводного батальона резервной дивизии отдельного кавказского корпуса, более 600 чел., в боевой аммуниции и с нужным числом боевых патронов, и присутствием оной в таком виде крестьяне, в начале было разбежавшиеся, но потом собранные, были приведены в должную покорность, а главные зачинщики, участвовавшие, как оказалось впоследствии, и в деле первого возмущения в общих действиях толпы, преданы военному суду и судились,— о чем я имел честь пояснить выше,— не как только крестьяне, возмутившиеся против владельцев и подлежавшие мере наказания по содержанию 951 ст. св. зак. о сост., т. IX (по VI прод.) на основании уг. ул., но как бунтовщики, высочайше признанные таковыми и, по свойству преступлений, подлежащие наказанию в высшей мере.

Вникнув в причину такого двукратного, в короткое время, неповиновения означенных крестьян, я удостоверился, что она заключается главнейше в неодобрительной их нравственности.

[1] ЛОЦИА, департамент полиции исполнительной, 1853 г., № 814, лл. 19—21.

Устроив в селе Красном Куте фабрики, помещик Папков обратил на них в рабочие часть своих крестьян за задельную плату, так что в одном и том же семействе встречались и землепашцы и фабричные. Последние, приобретя привычки, с бытом земледельца не совместные, перенесли их в свои семейства и тем ослабили их трудолюбие и всякое прилежание к сельскому хозяйству. Впоследствии генерал-майор Папков упразднил свои фабрики и обратил работавших на них крестьян попрежнему в земледельцев, но отвыкнув уже от плуга и приучась к занятиям менее тягостным, фабричные люди стали приискивать легких заработков на стороне, увлекая за собою и свои семейства. Еще за жизнь Папкова были неоднократные примеры самовольных и продолжительных отлучек его крестьян значительными партиями, даже за пределы губернии, к которым прилегает его имение. Закоснев таким образом в полубродяжской жизни, крестьяне помещика Папкова, домогаясь свободы по причине, что он умер бездетным, искали только предлога уклониться от помещичьей власти, предвидя, что новые их владельцы не дозволят им продолжать теперешней беспорядочной их жизни.

Гражданский губернатор Фабр.

Рапорт генерал-ад'ютанта Анненкова министру внутренних дел, 21 марта 1855 г.[1]

Екатеринославский гражданский губернатор представил ко мне военно-судное дело, произведенное при тамошнем гарнизонном батальоне над пятнадцатью человеками крестьян помещика Славяносербского уезда селения Красного Кута, принадлежавшими генерал-майору Папкову, сужденными по высочайшему повелению за неповиновение, в числе прочих, назначенному по смерти владельца их Папкова к имению его опекуном отставному ротмистру барону Фитингофу и законным властям.

Обстоятельства дела сего следующие:

Славяносербская дворянская опека, получив сообщение тамошнего уездного предводителя дворянства, что по смерти помещика генерал-майора Папкова в имении его, селении Красном Куте, развивается между крестьянами неповиновение в исполнении определенной законами барщины назначенному к тому имению опекуном, мужу одной из наследниц Папкова, отставному ротмистру барону Фитингофу, предписала славяносербскому земскому исправнику привести их в должное повиновение.

Хотя исправляющий должность земского исправника, непременный заседатель земского суда Виргилев, по прибытии в селение Красный Кут, 8 июля 1853 года, собрал крестьян и, прочитав указ дворянской опеки, внушал им о должном повиновении опекуну Фитингофу, но они единогласно отозвались, что как помещик их Папков умер, то они повиноваться никому не будут и не хотят, чтобы Фитингоф был опекуном Краснокутского имения, и чем более Виргилев уговаривал и убеждал их оставить это упорство, тем более они оказывали сопротивление и, не признавая над собою никакой власти, не дали никого взять из среды себя для спроса о причине неповиновения, о чем исправлявший должность исправника, уведомив земский суд, просил распоряжения о назначении для того временного отделения и воинской команды.

Вследствие чего назначенное временное отделение, прибыв в село

[1] ЛОЦИА, департамент полиции исполнительной, д. № 844, лл. 24—29.

Красный Кут 10 июля, приказало сотскому об'явить крестьянам о прибытии к ответу: по каким именно причинам не повинуются они определенному дворянскою опекою опекуну Фитингофу, почему учинили ослушание исправлявшему должность земского исправника и кто возбудил их к таковым противузаконным поступкам? Но из них никто не явился: между тем, устранив произвольно избранного прежде ими и назначенного покойным генералом Папковым атамана, назначили на место его другого и вместе с тем большая половина их не стали выходить на господские работы, а выходившие выполняли ее с крайнею леностию.

12 же июля, в воскресенье, когда приходской священник, вследствие словесного предложения временного отделения, по совершении божественной литургии, в полном облачении обратился к крестьянам с словом, в намерении из'яснить им обязанности и внушить послушание властям законным, то они при начале сего слова удалились из церкви до возглашения государю императору и членам императорского дома многолетия, этим преждевременным выходом нарушили тишину в храме, а 13 числа, узнав чрез своих посыльных о назначении в селение Красный Кут воинской команды, собрались близ господского дома до 30 человек и, вызвав чрез атамана, исправлявшего должность земского исправника и уездного стряпчего, об'явили, что все они, если введена будет в селение воинская команда, бросят свои жилища и уйдут в соседние станицы войска Донского; на убеждения же оставить это и обратиться к должному повиновению повторили прежний свой отзыв: что как помещик их генерал Папков умер бездетным и при жизни своей не об'явил, кому они должны принадлежать, а потому и считают себя от крестьянства свободными и повиноваться опекуну Фитингофу не будут; что же относится до уборки хлеба, то таковой уберут, как сами знают.

Между тем 15 июля прибыла в селение Красный Кут назначенная для экзекуции сводная кадровая рота, и хотя временное отделение распорядилось было расставить солдат по квартирам, по три человека на каждую, с тем, чтобы хозяева оных кормили солдат улучшенною пищею, но крестьяне, собравшись толпою, не дозволили десятским указывать квартир и об'явили, что никакого постоя к себе не примут и кормить солдат не будут, угрожая, в случае принуждения их к тому, брать хлеб, баранов и птицу из господской экономии и стать противу действия роты вооруженными, так как и у них есть ножи. Засим по требованию неповинующихся крестьян, собравшихся толпою на площади возле церкви, в числе до 200 человек, прибыло туда временное отделение и уже при сборе роты уговорило означенных крестьян не шуметь, а потом по скомандовании на караул, вновь прочитало указ опеки, но они, выслушав таковой, опять повторили прежде об'явленные ими слова: что не станут повиноваться опекуну барону Фитингофу, хотя бы всех их подняли на штыки, и из среды себя никого не выдадут, при усилии же и они употребят усилия, ибо помещик их генерал Папков умер бездетным, и они по смерти его должны быть свободными и не признают себя кому-либо принадлежащими в крестьянство, что об'ясняли с дерзостью и криком, прочитанный же им указ признали недействительным.

Посему временное отделение, по духу неповиновения крестьян и их угрозам противодействовать силою, признавая присланную воинскую команду недостаточною для достижения спокойствия, распорядилось о выводе оной на прежние ее квартиры, и обо всем этом донесло начальнику Екатеринославской губернии, прося распоряжения о коман-

дировании для содействия к приведению краснокутских крестьян в повиновение двух рот; причем временное отделение присовокупило, что главным действователем и зачинщиком между неповинующимися крестьянами замечен им крестьянин Иван Ориненко.

До получения на это донесение разрешения из крестьян Иван Нижальский (он же Ориненко), Евгений Хорольский, Данило Жигалко и Самойло Величко, желая отыскать человека, который бы написал просьбу об исходатайствовании им свободы, 22 июля первоначально все ходили в экономическую контору и требовали на эту надобность денег, а потом Нижальский обращался с таковым же требованием к управляющему имением о даче пары экономических лошадей с повозкою, но получив в том и другом отказ, Нижальский при последней об'явил: «все равно, я сам возьму»; того же дня самовольно взял экономическую лошадь с повозкою и упряжью и с крестьянином Евгением Хорольским отправились в город Бахмут; но 24 числа были настигнуты дворовым опекуна Фитингофа человеком Токаревым и при помощи полицейских служителей задержаны и представлены в Бахмутскую градскую полицию, в которой на допросе, скрыв все прописанное, показали, что они отлучились в город Бахмут с дозволения управляющего имением Папкова на данной им якобы экономической лошади и повозке, для покупки себе и продажи другим смолы и бичевы, но как Токарев в поданном в полицию, с представлением их, об'явлении написал, что они из числа суть возмутившихся крестьян селения Красного Кута, то, несмотря на таковое их показание, отобраны от них лошадь с повозкою и упряжью и отданы под расписку Токареву с отысканными при них 13 руб. 60 коп. серебром и затем переданы по принадлежности.

Между тем начальником губернии командирован был находившийся в Екатеринославе корпуса жандармов генерал-майор Рындин, с дачею ему отношения на имя командующего резервною бригадою 21 пехотной дивизии, о назначении в случае необходимости в достаточном числе воинской команды, к чему приглашен и славяносербский уездный предводитель дворянства.

Вследствие сего временное отделение 25 июля приказало сотскому села Красного Кута об'явить крестьянам собраться на другой день к дому умершего владельца их генерала Папкова, а сотским соседних деревень послало приказы о прибытии их к тому же времени с назначенным числом понятых.

Генерал-майор Рындин обще с славяносербским уездным предводителем дворянства 26 июля читали и об'ясняли крестьянам села Красного Кута статьи из свода гражданских законов об обязанностях крестьян к их владельцам и опекунам, а также о наказаниях, какие определены за неповиновение, и потом об'явили указ дворянской опеки с требованием повиновения, но они в продолжение более трех часов времени, не внимая никаким убеждениям с криком отказывались от повиновения опекуну Фитингофу, основываясь на том, что как помещик их Папков умер бездетным и при жизни своей не об'явил, кому они по смерти его должны принадлежать, а потому и считают себя свободными. После какового отзыва, повторенного при неоднократных убеждениях как со стороны означенных лиц, так и приходского священника, генерал-майор Рындин и предводитель дворянства Сомов, не видя готовности крестьян к повиновению, приказали вступить в село Красный Кут заблаговременно истребованному сводному батальону резервной бригады 21 пехотной дивизии и окружить неповинующихся; когда это было исполнено, то крестьянам вновь об'явлено, что если они про-

должать будут свое упорство и не из'явят покорности законной власти, то принудят их к тому строгими мерами и виновнейшие преданы будут суду.

При таковых убеждениях и вразумлениях сказанных крестьян, того же села крестьянки, втеснившись между понятыми, кричали: «не поддавайтесь» и криком этим произвели в крестьянах волнение; когда же приказано было отделить крестьянок, то крестьяне бросились бежать и человек до 70-ти ушло, а остальные 160 удержаны и перевязаны; в каковое время неизвестно кем из уходивших брошено сзади воинской команды несколько небольших камней и два из них попало в солдат, не причинив впрочем опасных ран, а на господском гумне загорелась одна скирда соломы и распространившимся огнем истреблено 43 скирды таковой, заключавших в себе до 150 саженей.

Военный суд, признавая виновных подсудимых крестьян: Ивана Нижальского (он же Ориненко), Евгения Хорольского, Данилу Жигалку, Самойлу Величку, Григория Жадченку, Лукьяна Матяша, Федора Кремнева, Фому Колесниченку, Федора Шевелева, Федора Соколова, Петра Панкова, Данилу Гончаря, Гаврилу Гущенку, Федора Ткаченку и Ивана Кремнева в неповиновении законным властям,— на основании свода военных постановлений части 5 книги 1 статей: 84, 98, 101, 107, 108, 233, 234 и 534 и уложения о наказаниях уголовных и исправительных ст. 283—286 — приговорил всех поименованных подсудимых, кроме двух последних, наказать шпицрутенами, прогнав Нижальского, как главного виновника, чрез тысячу человек шесть раз, а остальных каждого чрез пятьсот человек по шести раз; Ивана же Кремнева и Федора Ткаченку, коим в 1853-м году было от роду только по 15 лет, наказать розгами каждого по триста ударов, и затем по лишении всех прав состояния, сослать в каторжную работу на заводах: Кремнева, Гончаря и Гущенку на четыре года, а остальных двенадцать человек на шесть лет; причем заключил прикосновенность к делу сему крестьян: Федора Желудка, Семена Смирного, Ивана Яницкого, Гаврилы Временного, Григория Шрамченки, Василия Цапцика, Тараса Чеха, Матвея Жадченки, Степана Велички, и крестьянки Агафьи Просенковой, виновных в равной степени явного неповиновения с подсудимыми, предоставить рассмотрению гражданского начальства, а употребленные по сему делу прогонные, суточные и кормовые деньги, всего 295 руб. 53¾ коп. серебром и могущие еще открыться расходы по сему предмету, взыскать с имущества подсудимых и прикосновенных к оному крестьян.

Строительство Днепровской верфи в XVIII в.

На том месте, где теперь высится Днепрогэс, в давние времена был перевоз, через который переправлялись «херсониты из Руси и печенег в Херсонес». Это место называли «крарийской переправой» вплоть до XVI в., когда закрепляется новое название — то Кочкос, Кучкас, то наконец Кичкас.

Эта местность была диким полем почти до конца XVIII века. Академик Зуев, путешествовавший из Петербурга до Херсона, свидетельствует, что в то время (1786 г.) в Кичкасе стояла единственная хата, в которой проживал запорожец [1]. И только в конце XVIII в. эта местность заселяется немцами, вызванными Екатериной II из Данцига и Эльбинга и основавшими в 1789 г. свою колонию Айнлаге-Кичкас.

В хозяйственных и политических расчетах крепостнической империи освоение степной части Украины, так называемого «Новороссийского края», имело первостепенное значение. Водные пути, соединявшие главным образом производительные центры с морскими портами, уже тогда стали притягивать к себе общее внимание.

Многоводный Днепр, соединяющий основные земледельческие районы Украины, но имеющий огромные препятствия для передвижения судов в виде больших и малых порогов, со второй половины XVIII в. начинает занимать большое место.

Мысль о расчистке порожистой части Днепра с целью «истребления... неудобства в рассуждении плавания» впервые принадлежала Петру I, который вскоре однако «начатое чищение оставил», считаясь с тем, что «по тогдашнему времени еще нельзя России надеяться той пользы, какой бы от толикого труда ожидать надлежало» [2].

Екатерина II через своего новороссийского наместника гр. Потемкина приказывает французскому инженеру Деволану и елисаветградскому купцу Фалееву принять все меры к обеспечению свободного и беспрепятственного передвижения через Днепровские пороги. В 80-х годах XVIII в. Фалеев приступил к постройке каналов на первых четырех порогах, в том числе и на самом крупном из них — Ненасытницком.

Остатки этих каналов являются ярким памятником безнадежной борьбы со стихией Днепра, свидетельствуя об убожестве техники того времени. Упомянутый выше академик Зуев, лично наблюдавший строительство каналов, говорит, что Фалеев «по всем опасным порогам срывает верхи торчащих под водою каменьев, просверливая оные и заряжая порохом посредством нарочно сделанных из жести длинных трубок. Труднейшая работа есть бурить камни под водою, и потому не без ужаса смотреть должно, как солдаты и работники, по два человека на плотине, зацепясь за камень, посреди столь сильной быстрины и шуму держатся, сидят как чайки и долбят в оной. Продолбивши на известную глубину, становят жестяную с порохом трубку, к коей приложа фитиль отплывают. По прошествии некоторого времени разрывает камень под водою и оные обломки работники после подбирая должны вывозить на берег...

---

[1] В. Зуев, Путешественные записки, СПБ, 1787, стр. 260.
[2] Там же, стр. 256.

Все принадлежащие к сей работе орудия заказывает он делать в Туле, откуда выписывает и мастеровых людей. Работников, по разным порогам распределенных, всех числом бывает от полутораста до трех сот человек, смотря по времени и нужде. Мне сказали, что все издержки по порогам на жалованье, за работу, инструменты и прочие надобности становятся Фалееву в рабочий месяц по десяти тысяч рублей...» [1].

Но напрасны были хлопоты, человеческие жертвы, огромные денежные расходы. Фалеевские каналы никому не принесли никакой пользы.

Однако необходимость расчистки рек Дона, Донца и главным образом Днепра с порядка обсуждения не снимается и в первой половине XIX в., несмотря на безуспешные попытки в XVIII веке. Так, в 1826 г. еще настойчивее говорится об осуществлении фалеевских затей в более широких размерах, и в 1833 году разрешается, наконец, строить обходные каналы почти на всех девяти порогах.

Один из современников с восторгом писал, что «всем бедствиям на Днепровских порогах суждено прекратиться... Благодетельные следствия от расчистки порогов будут простираться не только на Новороссийский край, но и на всю западную Россию. Бедный литвин тогда почувствует всю цену своих дремучих лесов, которые теперь отнимают у него даже насущный хлеб. Благодатный Днепр принесет ему всю роскошь Востока, все удовольствия западной Европы. В Новороссийских степях возникнут новые города и села, явятся фабрики и заводы, все одушевится торговлею и промышленностью. Малороссиянин будет увлечен промышленным потоком. Наши сметливые немцы [2], получивши легчайший способ сбывать свои прекрасные произведения, почувствуют новую ревность к сельскому хозяйству, и вполне раскроют свои торговые способности. Промышленный еврей, из коих многие и теперь в Днепре находят золотое дно, тогда откроет для себя новые, никому неведомые источники богатства, — словом, Днепр для всех будет разливать изобилие и богатство и приблизится к своей великой сестре Волге» [3].

Но и на этот раз днепровские работы сколько-нибудь ощутительных результатов не имели. Постройка каналов, стоившая свыше 2-х миллионов рублей, опять оказалась бесплодной затеей; по этим каналам при маловодье и короткое время ходили только плоты, руководимые лоцманами. В 1853 г. корреспондент «Кронштадтского вестника» утверждал, что «для судов эти каналы оказались негодными по трем причинам: во-первых, по незначительности глубины: для судоходства нужно иметь по крайней мере шесть футов, но для этого нужно было местами углублять сплошной гранит, лежащий на дне реки; во-вторых, вследствие того, что самое пространство между порогами загромождено множеством камней; в-третьих, по причине необыкновенной силы воды в весеннее время, которая не дает возможности направлять суда в каналы, устроенные сбоку, а не по самой середине реки... В настоящее время, — заключал корреспондент, — суда идут через Кодак [4] только сверху вниз и тем же первобытным способом, как то было во времена древних руссов».

Дальнейшие мероприятия по расчистке фарватера Днепра во второй половине XIX в. не выходили по существу за пределы нескольких планов и теоретических пожеланий.

★

Мало известная в литературе Кичкасская верфь строилась по инициативе новороссийского наместника Платона Зубова.

Освоение захваченных земель и обеспечение дальнейших завоеваний на юге России понуждали царскую Россию к открытию такого рода промышленных заве-

---

[1] В. Зуев, Путешественные записки, стр. 256—258.

[2] Имеются в виду немцы-колонисты б. Новороссийского края (Екатеринославская и Херсонская губернии).

[3] Г. Титов, Письма из Екатеринослава, Одесса, 1849 г., стр. 99—100.

[4] Название первого порога.

дений, которые могли бы удовлетворить в первую очередь нужды армии, находясь вблизи театра военных действий.

Уже со второй половины XVIII в. усиленно строятся новые верфи: в 1775 году гавань и верфь на Днепровском лимане, в Глубокой пристани, в 1778 г. на Азовском море [1] и др. Старые верфи, не отвечающие уже торговым и стратегическим целям, например у Мошнах на Киевщине, либо совсем закрылись, либо переводились на новые места — на Днестр, Ингул, Николаев и Херсон [2]. С этой целью производились нужные исследования, выписывались из-за границы квалифицированные мастера.

К этому времени относится и проект Зубова о постройке верфей на Днестре, на Дону, на Тамане, в Тавриде и в первую очередь в Кичкасе на Днепре [3].

«Малоимение судов как морских, так и речных в полуденной империи делает великое стеснение торговли,— писал Зубов Екатерине II,— и кроме того,— добавлял он,— вся почти коммерция заморская производится на судах, иностранам принадлежащих». Вот то основное, чем мотивировалось учреждение Кичкасской верфи. Проект Зубова со стороны Екатерины II не встретил никаких возражений.

Строительство верфи, начатое в апреле — мае 1796 г. и находившееся в ведении черноморского адмиралтейства, поручено было Дерибасу. Рабочие, которых в декабре 1796 г. насчитывалось 361 чел. [4], состояли из вольнонаемных мастеров, служащих адмиралтейства и крепостных солдат, отбывавших долголетнюю повинность. Вольнонаемных мастеровых (до 150 чел.) по контракту обязывался, между прочим, «поставить» кременчугский купец Ребров [5].

В документах имеются смутные упоминания и о борьбе рабочих верфи против насилий и издевательств начальника ее Макрюкова и «смотрителя колонистов» фон Бракеля. В одном случае рабочие верфи поломали руку сопротивляющемуся часовому, в другом — толпа рабочих верфи и рабочих, строивших немецкую кирху, намеревались отрубить голову Бракелю [6].

Кичкасская верфь, которая, по определению Зубова, должна была «освободить торговлю от вредного для нее стеснения», просуществовала фактически один год, сделав всего лишь два транспорта.

Павел I, не входя ни в какие подробности дела, 20 июля 1797 г. приказал «Кичкасскую верфь, равно и состоящую при верфи контору, упразднить», поскольку она «по расположению своему не весьма удобна, а в рассуждении тамошнего края есть излишняя» [7].

Публикуемые документы хранятся в Архиве армии и флота в Ленинграде (фонд «канцелярии Черноморского адмиралтейского правления», д. № 579, лл. 116 — 155) и дублируются в копиях в Днепропетровском историческом архиве (фонд «Екатеринославского наместничества», д. № 8035, лл. 711—763).

П. М.

---

[1] ПСЗ. т. XX, № 14408, 14764.

[2] Скальковский, Хронологическое обозревание, Одесса, 1836, ч. I, стр. 2.

[3] Упоминает о существовании Кичкасской верфи: Скальковский, цит. соч., ч. I, стр. 246; ч. II, стр. 11 и др.; Новицкий, С берегов Днепра, сборник статей Екатер. научн. о-ва, 1905, стр. 171, 196; Каргопольцев, Путеводитель по Днепру и его притокам, 1888 г., стр. 129.

[4] Ленинградский архив армии и флота, д. № 579, л. 166.

[5] Днепропетр. историч. архив, фонд нам-ва, д. № 8459, лл. 1—4.

[6] Там же, д. 8459, лл. 1—4; № 8463, лл. 1—5.

[7] ПСЗ, т. XX.

Донесение Новороссийского наместника графа П. А. Зубова Екатерине II, 22 июля 1796 г.

Всемилостивейшая государыня!

Входя в рассматривание всех надобностей, относящихся до торговли всемилостивейше вверенным мне губерниям, нахожу я между прочим, что распространению оной важнейшее затруднение делает то, что доныне нет в том краю никаких заведений для пособия в постройке судов частным людям, производящим торг по Черному морю. Сие обстоятельство, а равно и недостаток в судах, нужных для перевозки соли из Таврических портов в учреждаемые в полуденных губерниях запасные соляные магазейны, понудило меня поручить вице-адмиралу Дерибасу[1], по известности ему всех тамошних местоположений, отыскать удобное к учреждению верфи место. Он, обозрев лично берега реки Днепра, нашел способным к тому селение Кичкас, лежащее ниже последних порогов на правом берегу реки Днепра и отстоящее от губернского города Екатеринослава не далее 80 верст. Сие местечко, населенное менонистами, имеет все те выгоды, кои потребны для устроения столь важного заведения. Здравость воздуха и вод, как в самом Днепре, так и в протекающих через сие приятное местоположение ручьях, которые, пробегая с великим стремлением через имеющиеся тут каменистые утесы, очищаются и делаются для употребления легкими и здоровыми, делает оное место по единому естественному его положению перед другими преимущественным. Берег, на котором находится местечко Кичкасы, столько возвышен, что в самое большое разлитие вод не бывает наводняемо и потому, как самое селение, так и предполагаемая верфь со всеми принадлежащими к оной магазейнами и запасами строевых лесов, кои имеют быть тамо заведены, не подвергнется никогда вышеупомянутому приключению, а в то же самое время высотою своего местоположения будет предохранено от вредных паров, причиняемых в низких местах остающеюся от разлития рек водою. Глубина реки Днепра при том месте, где учреждена верфь, не бывает никогда, даже во время самых низких вод, менее как от 9 до 10 фут, так что можно тамо производить строение всякого рода судов, кои при спуске не более берут в глубину как 6½ футов. Сия глубина есть та самая, которая находится во время мелководья при устье Днепра, ниже Херсона, неподалеку от Глубокой пристани; всякое же судно, которое по конструкции своей долженствует в полном грузе итти в глубину на 11 футов, не принимает никогда при спуске на воду более 6 футов. Впрочем при провождении судов, строющихся при Кичкасах и самых тех, кои строятся при Херсонской верфи через устье днепровское, можно избежать затруднений, причиняемых от мелей, тут находящихся, самыми простыми и неубыточными способами, не употребляя немелей, коих построение стоит толиких сумм. Можно помянутые суда привести в ровную киль и проводить во время полноводия весною или осенью без малейшей опасности; причем должны быть байдаки, на которых отправляется обыкновенно для сих судов разная провизия, артиллерия, якори, канаты и все, что для полного их вооружения бывает нужно.

К вышесказанным выгодам новоучреждаемой при Кичкасах верфи присовокупляется следующее:

---

[1] Неаполитанский «волонтьер», находившийся на службе у русского царизма с 1780 г. в черноморском флоте. В дальнейшем с 1794 по 1800 г. отличается в качестве строителя крепости «города Одессы» и составителя проекта укреплений Кронштадта.

1) Дешевизна строевых лесов, как дубовых, так и сосновых, уверенность в удобном всегда получении оных.

2) Пригоняемые леса с верху Днепра и со впадающих в его реки Припети и Березиной ныне обыкновенно складывают в Каменке выше последнего порога за 70 верст от Кичкас, и как провождение их далее в отдаленные места бывает единственно весною, потому что никто не отваживается осенью предпринимать дальнего пути, то случается часто, что оные остаются тут иногда по году и по два, через что причиняется для производимых в Херсоне и других местах построений судов существенный вред. Напротив того новоустраяемая верфь не подвержена неудобности; находясь в том близком расстоянии от Каменки, оная всегда может легко оттуда получить потребные для построений своих леса; поелику без затруднений и без больших издержек можно препровождать их сюда как весною, так и осенью, а сверх того, если бы какие-либо леса не успели быть туда доставлены водою, то, дабы не остановить производящихся на верфи строений по близкому оной от места складки лесов расстоянию, не составит больших расходов, перевести те леса и сухопутно зимою; а дабы не перевозить с нужными ненадобных лесов, карабельной мастер может приехать в Каменку с мастеровыми и там выбрать и обделать потребные ему штуки, чрез что, во-первых, избавиться можно перевозки ненужных лесов и чрез то излишних расходов, а во-вторых, обделанные штуки, быв гораздо легче, удобнее могут быть зимою перевозимы.

3) Местное положение Кичкас представляет еще другие выгоды. Сие место, находясь от Екатеринослава не больше, как на 80 верст расстояния, может с особливою удобностию получать потребныя оному пособия от тамошного губернского начальства, а при том многие надобные для верфи вещи находятся в сем городе, чрез что торгующие в оном обрящут прибытки свои, торговля и ремесла получат приращение и самое поселение умножится. Мастеровые всякого рода находятся в сих местах в великом изобилии, предпочитая производить тут работы свои третьею частию дешевле, нежели в Херсоне, Николаеве или в Одессе, поелику не в отдаленности находятся от своих домов; и что с'естные припасы тамо несравненно дешевле противу цен, кои в упомянутых местах существуют. Менонистское селение прийдет без сомнения в цветущее состояние, имея свое положение подле самой верфи; сии трудолюбивые люди будут в состоянии продавать выгодным образом свои произведения, и находящиеся между ими хорошие столяры и кузнецы найдут тамо себе прибыточное упражнение; потребный же для кузниц верфи уголь можно получать из лесов, при р. Самаре растущих, с удобностию и несравненно выгоднейшими противу Херсона ценами.

4) Кроме того, место Кичкасы имеет еще ту выгоду, что имеется при оном из давних времен установленный перевоз через реку Днепр; сим путем из всех почти полуденных губерний проезжают в Таганрог, отстоящий от Кичкас не более как на 300 верст; способом такового беспрерывного с сим городом сообщения можно оттуда легко и недорого доставлять сухопутно в способное время сибирское железо и другие вещи, привозимые извнутри государства в помянутый город рекою Доном, куда из Волги оные перевозятся на небольшом расстоянии сухим путем; множество промышленников, идущих в Тавриду для получения соли из озер, близ Арабата и Ениколи лежащих, проезжают обыкновенно Днепр через перевоз, при Кичкасах учрежденный, и таковое стечение народа с фурами и волами может быть для верфи много полезным. От Александровской крепости, где бывают ярмонки, богатые множеством пригоняемого туда на продажу рогатого скота, селе-

ние Кичкасы отстоит на 8 верст, а от места, где вновь открыт в Павлоградском уезде земляной уголь, на 200 верст с небольшим, каковое близкое расстояние оного места от Кичкас весьма полезно не токмо собственно для сего селения, но и для Херсона и Одессы и для общего повсюду употребления, ибо гораздо легче и способнее получать уголь через сие место Днепром, нежели из Таганрога морем.

5) От Кичкас до самого устья Днепра плавание по сей реке не затрудняется ни порогами, коих тамо вовсе нет, ниже другими каковыми-либо препятствиями, а хотя и находятся начиная от острова Хортицы до устья небольшой речки Бугая 14 милей или подводных камней, но глубина на самых тех местах, где сии подводные камни скрываются, бывает всегда более футом противу отмелей, между Херсоном и Глубокою находящихся; следственно, все сии отмели не могут быть ни малым помешательством для проходу судов при Кичкасской верфи построенных.

6) И как по описанным выше выгодам сего места можно производить на учрежденной при оной верфи постройку не только партикулярных судов, но для гребного флота Черноморского фрегатов, батарей, канонирских и прочих транспортных судов тем с большею удобностью, что можно оные беспрепятственно проводить для вооружения на Глубокую, не подвергаясь тем помешательствам, которые случились с судами, построенными в Белоруссии на Соже, кои по причине в прошлом лете малой в Днепре воды, принуждены были зимовать в Киеве и дожидаться настоящей весны, чтобы пройти пороги.

7) Есть ли при сем месте устроен будет лесной депо или запасныя, нужных для судостроения лесов, магазейны, к чему подают великую удобность впадающия в Днепр большия реки, при которых растущий лес по снятии с корня без труда может быть сплавляем и доставляем в показанное место, то уверительно полагать могу, что цены всякого роду лесов не токмо при верфи, но и во всех местах, где производится построение судов, прийдут в умеренность, ибо как долг верфи есть установлять всем лесным материалам цены, то оная, зделав разчисление, во сколько ей обойдутся собственно леса, может с накладкою некоторых процентов не только продавать оныя для строения судов частным людям, но и поставлять для казенных надобностей в Херсон, Николаев и Одессу, и когда будет определена цена за провоз оных лесов, тогда можно привести в точную известность цену лесов во всех оных местах, что послужит к великой для казны выгоде, ибо по сие время леса для построения кораблей и других судов, в тех местах строющихся, получаются прямо из лесов и часто весьма отдаленных; покупка, приуготовление и перевоз оных стоит чрезвычайных сумм и часто из одного места платятся совсем разные цены, так что никогда цена двум кораблям одного ранга не была одинаковая. Сверх того, часто к надлежащему времени леса не поспевали, отчего происходила в нужнейших строениях остановка: из ведомостей же черноморского адмиралтейского правления не видно, чтобы лесных запасов тамо находилось большое количество. Следственно с устроением при Кичкасах запасного лесного магазейна не токмо будут приведены в понижение цены лесам, но и каждое из вышеупомянутых мест возможет получать для своих строений благовременно леса, просохшие и приуготовленные, лишь бы в надлежащия времена производили о том свои требования. Моим же старанием будет то единое, чтобы по соображению надобностей в судопостроении по всему тамошнему краю приуготовлено было такое количество разного сорта лесов, какое для полуторогодовой пропорции на самые большие построения судов, как казенных, так и частных, надобно будет, не воспрещая впрочем частным

людям покупать леса для строения при сей верфи судов, где они сходнее для себя найдут.

8) Все мною сказанное о лесах относится также необходимо на канаты и на паруса; сии важныя в сооружении судов части долженствуют быть приведены в такую же известность, как и заготовление лесов. Удобность доставления пеньки из Белоруссии, изобилующей сим произрастанием, подает верный способ к заведению при Кичкасах канатных и ревендучных фабрик; устроение тут таковых фабрик по многим отношениям признается полезным: во-первых, всяк строющий тамо суда в то же время может получать для вооружения оных готовые канаты и паруса или заготовлять оные нарочно, с тем что естьли пожелает, то не воспретится ему иметь и присмотр, дабы сие лучшим образом было зделано; также для преподания всевозможной выгоды заключающим с верфиею договоры о построении каковых-либо судов дозволено будет заготовлять потребные для тех судов канаты и паруса из собственных их материалов с умеренною заплатою в пользу фабрик; во-вторых, когда вышесказанныя фабрики будут заведены, то легко можно будет установить цену сим вещам для всех тех мест, где судопостроение производится, подсобно тому, как в предыдущей статье о лесах сказано.

9) Хотя Кичкасы от новоустрояемого литейного завода[1] отстоит на 280 верст, однако сие разстояние несравненно есть ближайшее тех мест, из которых ныне в места строения судов получаются железные вещи; следовательно, и сие обстоятельство, с прочими другими взяв в уважение, надлежит ожидать, что по устроении при Кичкасах верфи, при порядочном присмотре и управлении сим делом, вскоре сие заведение прийдет в цветущее состояние, ибо вышеизчисленные выгоды не токмо привлекут всякого строить суда преимущественно в сем месте, а не в другом, но при том многия, увидев, коль полезно есть иметь собственные свои суда, кои и удобно и недорого можно иметь без всякого сумнения, будут на сей верфи оные строить и судопостроение со временем получит весьма знатное приращение.

10) Малоимение судов как морских, так и речных в полуденном крае империи вашего императорского величества делает великие стеснения торговли, а особливо, что вся почти коммерция заморская производится на судах, иностранцам принадлежащих, которых однакоже не великое количество тамо находится, так что при надобности во многом числе судов ни за какую цену отыскать оных не можно, сколько нужно, что случилось прошлого лета при перевозке соли из Тавриды в одесския запасные соляные магазейны. Г. вице-адмирал Дерибас, на которого возложена сия перевозка, при всем своем старании не мог достать потребного числа вольнонаемных судов и вышесказанныя магазейны не могли быть наполнены по сей причине всем количеством соли в прошедшем году, как сие предполагаемо было. Но когда сделано будет предполагаемое заведение верфи, то суда время от времени размножаясь, платимая ныне чрезмерная цена за наем иностранных судов унизится без всякого сомнения, и торговля освободится от вредного для нея стеснения, а тем самым и дешевизна во всех вещах установлена будет. Со временем же, когда страховой банк для обеспечения морской торговли учрежден будет собственно у нас, то торговля еще вящее одобрение и распространение получит, о чем не оставлю я всеподданнейше представить вашему императорскому величеству плана, по коему сие полезное для коммерции учреждение к величайшей выгоде всего полуденного края может быть произведено в действо.

[1] Имеется в виду строившийся в Луганске с 1795 г. литейный пушечный завод, выделывавший и различные железные строительные материалы.

Все вышеизложенные выгоды и преимущества местечка Кичкас подают надежду несомненную, что устроение при сем месте верфи принесет в скором времени как для судопостроения особенно, так и для торговли и вообще для тамошнего края величайшие пользы. А потому, приняв все сие во всемилостивейшее уважение, не благоугодно ли будет вашему императорскому величеству из'явить на учреждение при местечке Кичкас верфи со всеми к ней принадлежащими заведениями высочайшую вашу волю, дозволив употребить на устроение всего оного сумму из доходов вверенных мне губерний; а сверх того, как для сей верфи, по изображенному выше сего предположению, нужно будет запасти довольное количество материалов, которые, обращаясь в постройку судов казенных и частных, будут приносить положенной доход верфи, назначить в капитал ея до 100 000 рублей единовременно из тех же доходов с тем, что сия сумма равно и употребленная на содержание ея по прилагаемому при сем штату должны по приведению в действо работ, и когда уже оная верфь будет получать свои доходы, непременно по частям в течение нескольких лет из остатков будет возвращаться в общие доходы оных губерний, до того же времени, покуда верфь сия надлежащим образом не устроится и не будет получать от строения судов прибыли столько, чтобы могла содержать жалованьем полагаемых при ней чинов, отпускать первоначально в сию штатную сумму из помянутых же губернских доходов ежегодно. На каком основании оной верфи быть должно, прилагаю при сем на ваше императорское величество утверждение статьи, составленныя мною, применяясь к тем, которые в помянутом данном сенату 1874 года февраля 21 дня указе для здешней санктпетербургской городской верфи изображены, с присовокуплением к тому и примерного штата той Кичкасской верфи, где означено, сколько на годовое ее содержание потребно суммы, так же образцов договора, какие могут быть заключены между верфию и частными людьми о постройке судов. А дабы распространить подобные сему заведению и в других местах вверенных мне губерний, полагаю я учредить на сем же основании верфь на Днестре, на Дону, на Тамане и в Тавриде, где отыщутся удобные к тому местоположения с тем, однако, что сии верфи зависеть будут от Кичкасской, где назначается главная кантора, но к устроению оных не прежде приступлю, как по приведении в надлежащее действо верфи Кичкасской, и тогда, когда бы необходимая того востребовала надобность, на что предварительно испрашиваю высочайшего вашего величества разрешения.

В подносимых статьях изволите ваше императорское величество усмотреть, что вместо того, что здешняя санктпетербургская городская верфь, подчинена городовому магистрату, полагаю я Кичкасскую верфь поручить особо определенному начальнику верфи. Отмена сия делается потому, что здешняя верфь, яко в пользу сего города собственно заведенная, зависит от магистрата, ибо и вся потребная для оной сумма заимствуется из городских доходов, а Кичкасская верфь, учреждаясь не для одного какого-либо города частно, а для пользы целого тамошняго края, где предполагается строить суда не только всяких частных людей без из'ятия, но главнейше для казны, не может примерно тому быть по сведениям купеческого общества. По обширности дел, которые она в предмете своем будет иметь, имея в своем управлении и все прочия верфи, которые со временем предполагается учредить в полуденном крае, из'емлю я оную верфь и от начальства екатеринославского губернатора, который, быв обязан многими другими должностями, не в силах будет иметь за оною такой присмотр и надзирание, какого требует сия важная и по времени могущая быть весьма пространная

часть; а полагая, токмо, чтоб губернатор, яко хозяин губернии во всем, что до пользы сей верфи касаться может, подавал пособие и помощь по отношениям к нему помянутого начальника верфи. Сей же должен быть из чиновников, не только нужные сведения в строении как мореходных, так и прочих больших и малых судов имеющий, но и знающий совершенно науку мореплавания, также сведущий о положении тамошних морей, рек и о свойстве растущих тамо лесов, и откуда оные могут удобнее быть доставляемы, а что всего более разумел бы обращение с тамошними народами и был испытанной честности и безкорыстия человек, какового и не примину я, избрав, об определении его к помянутой должности вашему императорскому величеству представить.

Князь Платон Зубов[1].

Статьи для учреждаемой при Днепре в селении Кичкасах верфи[2].

1

Число и звание людей назначается при верфи в примерном стате. Верфь сия заводится для пользы и распространения плавания на Черном море и по рекам, в оное впадающим, посредством коих торгующие делают транспорты товаров в разные места полуденной страны. В каком числе людей и какого звания учреждается оная верфь означено в примерном ее стате, при сем под буквою *А* прилагаемом, в котором уважены главнейшие ее надобности; и по которому положенными при верфи людьми можно производить постройку десяти судов в одно время. В случае же, когда потребуется большое число мастеров, предоставляется нанимать их добровольно.

2

Верфь сия долженствует состоять в ведении особого от ее императорского величества определенного главного начальника под непосредственным управлением екатеринославского генерал-губернатора и зависеть от хозяйственного распоряжения оного главного начальника, который обязан прилагать попечение о содержании в добром порядке и исправности сего заведения и всех принадлежащих к нему строений и вещей, и, смотря по надобности, о распространении оного, с ведома и дозволения генерал-губернатора.

3

Прочих для верфи сей потребных людей главный начальник избирает из желающих определиться на добровольных условиях, а поелику некоторые из них должны иметь сведения, званию их свойственные, для того главному начальнику принимать их неинако, как по испытании их в искусстве, заключая с ними договор на время по взаимному соглашению.

4

Буде из определившихся к верфи сыщутся такие, кои окажутся в должности их не радивы или же учинят какое-либо упущение, злоупотребление, похищение или иное уголовное преступление, таковых главный начальник от должности отрешает, а смотря по вине, и к суду отсылает, донося о всем этом генерал-губернатору.

---

[1] Новороссийский наместник после Потемкина. Один из фаворитов Екатерины.
[2] Заголовок подлинника.

5

Как преступления и упущения без взыскания и наказания, так и особливое прилежание и искусство без воздания оставляемы не долженствуют, почему и может главный начальник, с дозволения генерал-губернатора, отличившимся радением и искусством делать некоторое денежное награждение, соразмерно пользе, от того происходящей.

6

Поелику случиться может, что многие из служителей при верфи наняты будут за меншую плату, и от того в сумме статской положенной учинится остаток: то посему дозволяется главному начальнику остатки употреблять или на принятие сверх стата для верфи потребных людей, буде в том окажется нужда или польза, или на прибавку окладного жалования отличившимся трудолюбием и знанием или на единовременное таковых награждение, смотря только, чтобы вообще издержки не превосходили суммы, положенной на содержание верфи.

7

Во всех сих расходах главный начальник обязан дать отчет генерал-губернатору, книги же приходные и расходные да отошлются в казенную палату для надлежащего свидетельства.

8

Главный начальник имеет пещися о собрании чертежей мореходным и речным большим и малым судам с принадлежащею к ним оснасткою и пропорциею парусов, как все то в России, или у инных народов употребляется. Собрание сие необходимо нужно, во-первых, для желающих строить на верфи, дабы каждый мог удобнее выбрать род и величину судна, и строение оного, сходственным для себя образом расположить, отменяя, прибавляя или убавляя что-либо по совету корабельного мастера, при верфи находящегося; второе, для учащихся при верфи корабельному и оснасточному искусству коим мастера на чертежах могут удобно толковать выгоды и недостатки, всякому роду судов свойственные.

9

Черноморскому адмиралтейскому правлению снабдить тотчас оную верфь всеми чертежами, принадлежащими до строения кораблей с инных морских и речных больших и малых судов по отношению главного начальника верфи, а и впредь, буде какие новые по сей части открытия или изобретения учинены будут, доставлять для той верфи чертежи с подробными и ясными описаниями, да и вообще упомянутому правлению делать всякое зависящее пособие сей верфи, как полезному для государства заведению.

10

Буде для флотов черноморских потребно будет построить какого-либо роду суда военные или транспортные, то черноморское адмиралтейское правление, не приступая к таковому построению, посылает к главному начальнику Кичкасской верфи чертежи тех судов и требует во что оные могут обойтится постройкою при сей верфи; главный начальник должен немедленно послать черноморскому адмиралтейскому

правлению исчисление, в какую сумму обойдутся потребные для оного суда с присовокуплением 10% в пользу верфи, и к которому времени совершенною отделкою окончены быть могут; и естьли правление найдет, что построение надобных ему судов может быть в Кичкасах произведено невыгоднейшим для казны образом и оные к надлежащему времени поспеть не могут, то препоручается сие построение главному начальнику над верфью, который, по получении третьей части, следующей на все построение суммы, немедленно к тому самым делом приступает, досталные же деньги правление обязано доставлять в контору Кичкасской верфи по отделке каждого судна без всякого удержания.

11

На сем основании и прочия казенные места, имеющие надобности в перевозных судах для перевозки разных казенных кладей, должны производить построения оных на сей верфи с платежами той цены, в какую те суда для верфи обойдутся и с прибавлением 10% в пользу верфи, как выше о том сказано.

12

Дозволяется впрочем всякому частному строить суда мореходные и речные большие и малые, их оснащивать и починять, где кто пожелает, и в том никому никакого препятствия или принуждения не чинить.

13

А буде кто из частных лиц пожелает строить суда на сей верфи, то дабы в том никакое недоразумение, обман или иное злоупотребление не происходили, строение сие желающими не инако производимо быть долженствует, как по заключаемым частным договорам, которым образцы при сем приложены под буквами *Б* и *В*.

14

Договоры, заключаемые между верфию и желающими на оной строить суда, долженствуют прежде утверждения их взнесены быть на рассмотрение главного начальника, который обязан рассматривать их прилежно, и буде найдет что-либо ко вреду или невыгоде верфи клонящееся или противное установленному порядку, или неясность, могущую причинить спор, сомнение или замешательство, то стараться исправить и дело привесть в ясность с согласия того, кто предприемлет строение; когда же все приведено будет в надлежащий порядок, тогда дает позволение верфи заключать договор.

15

Должность главного начальника будет установлять при верфи цены: 1) платежа за строения судов, находящимся при верфи материалам и служителям, которую обращать на пользу и содержание верфи, ибо те мастера и служители имеют положенное им жалования кроме корабельного мастера, которому с каждого тонна строимого им судна полагается ниже сего особое награждение; 2) за наем галленгов, сараев, амбаров для складки припасов, такелажей, блоковой, кузницы, чертежной для разбивания планов, паров для изгибания досок, кийрихтера, крана для постановления мачт, словом, всех строений, к верфи принадлежащих; 3) назначенным для продажи вещам.

16

При назначении цен главный начальник наблюдает, что показанное в первых двух отделениях может надолго остаться непременным, а означенное в третьем отделении долженствует распоряжаемо быть, смотря по временам и соразмерно настоящим ценам, что для верфи полезно, чтобы все сии цены умеренны были, дабы тем более приохотить частных людей предпочтительно на сей верфи строить их суда и, наконец, что тут не долженствует происходить ни для кого ни малейшее притеснение или принуждение.

17

В случае спора и неудовольствий строящих на верфи свои суда, о доброте вещей или о прочности строения, главный начальник, как хозяин верфи, в разборе оных не вступает, но для решения да изберут с обеих сторон по два человека российских или иностранных купцов, свои собственные суда имеющих, кои пригласят себе в помощь их находящихся в ближнем порте шкиперов двух человек; и ежели посредники согласны, то приговор их будет исполнен беспрекословно; а буде посредники будут мнениями несогласны, то главный начальник требует разрешения от генерал-губернатора, который дело сие, яко времени не терпящее, приводит к концу без малейшего медления. Сие разумеется о судах частных людей; что же касается до построенных для флотов черноморских и для других казенных мест судов, кои бы паче чаяния оказались не добротными, то по надлежащем освидетельствовании, главной начальник подвергнется тяжкому взысканию, и новое судно на его щет имеет быть построено.

18

Для внутренняго управления сего верфею учреждается при оной особая кантора; и буде в других местах в полуденном краю учредятся по надобности верфи, оные должны зависеть от сей канторы и особенно состоять под управлением главного над Кичкасскою верфию начальника. В канторе Кичкасской верфи присудствовать надзирателю верфи и корабельному мастеру, коему быть и начальником при верфи в звании интенданта с потребным числом служителей.

19

Канторе верфи дела свои отправлять на купеческом основании кратко и ясно, не затрудняя их канцелярским пространным порядком, который тут не свойствен и только в остановку дела обращать может.

20

Кантора верфи обязана иметь над верфию точное смотрение, чего ради мастера, подмастерья, ученики, работники и все служители ей подчинены быть и ее приказания исполнять долженствуют. Она обязана вести порядочные записки в даваемых ей от главного начальника книгах прихода и расхода денег и вещей, в продажу назначенных, и оные по прошествии года подавать к главному начальнику, который по поверке и свидетельстве в исправном и законном употреблении дает расписку; то в противном же случае утраченное или недостающее число денег или вещей взыскивает с тех, от кого похищение, утрата или злоупотребление произошло; а с виновными поступает

по законам; впрочем, главный начальник может во всякое время, когда ему рассудится, делать свидетельство денежной казне и материалам, наблюдая, чтоб все хранилось в целости.

21

Кантора Кичкасской верфи должна иметь сведение о всех мореходных судах, принадлежащих купцам или мещанам и всякого звания людям, в портах черноморских живущим из российских подданных, где бы те суда строены не были. В следствии сего хозяева при отправлении их в море обязаны уведомлять кантору сей верфи, куда они и с какими товарами назначены и на каких условиях так называемые сертепартии[1] их заключены; а при том по получаемым известиям, где они находится будут, дабы в случае нужды всякое место могло от канторы сей верфи получить о том сведение и сообразно оному зделать свои распоряжения.

22

Для удобнейшего получения таковых сведений и во облегчение торгующих в сих сношениях канторе верфи иметь одного сведущего маклера, которому поручить собрание сих уведомлений.

23

Канторе верфи поручается сверх того свидетельства чрез корабельного мастера при верфи определенного, мореходных судов, к оному месту извнутри земли по Днепру без надлежащих одобрений приходящих и назначенных к отправлению в море. А как таковое свидетельство полагается для утверждения доверия к российским судам, то кантора верфи обязана самым прилежным и точным образом наблюдать за верностью даваемых корабельным мастером одобрений, а как скоро увидит тому противное, участвующих в оном представить главному начальнику для отсылки в суд к осуждению и наказанию по законам; во взятие же пошлин, при таковом свидетельстве положеных, поступать по силе 163 статьи 1 части устава о водоходстве.

24

Поелику недостаток в российских корабельщиках или судовщиках принуждает часто хозяев для управления кораблями или судами их нанимать чужестранцев, коих ни поведение, ни искусство им неизвестны, отчего многие российские мореходные суда могут подвержены быть крушению,— то, для предохранения хозяев российских кораблей или судов от несчастий и убытков, контора верфи, в коей, как выше сказано, заседать будут люди, знающие мореплавание, долженствует стараться о доставлении хозяевам российских кораблей или судов надежной помощи, свидетельствуя чужестранных корабельщиков или судовщиков в знании во всех частях мореплавания, буде нанимающие их того пожелают.

25

Свидетельства, даваемые: 1) судам строенным на сей верфи, и тем, кои знатную починку при оной имели, как-то: киеванье, или перетимберованье; 2) приходящим из внутренности земли без надлежащих

[1] Письменный договор между хозяином корабля и кладчиком.

одобрений; 3) корабельщикам или судовщикам, также и представляемым для экзамена от частных людей,— должны записаны быть в конторе в особо зделанную на то книгу с показанием о судне, какого оно роду, яко то: бригантин[1], фрегат, или галист[2] и прочее, во сколько тоннов или ластов длинны его по килю[3] и через штевены[4] его, широты его, глубины интрюма, из какого лесу построено, когда, кто был при оном корабельной мастер, и кому оное принадлежит; о корабельщике, какого он звания, имеет ли на то потребные сведения, сколько лет служит, и о прочих подробностях до сего относящихся.

26

Для удобнейшего по сему исполнения корабли, назначенные для иностранного торгу, должны записаны быть в особую книгу от тех, которые употребляются на реках для перевозу.

27

По зделании такого различия, каждой род судов должен разделен быть на 3 статьи, смотря по доброте и по состоянию их починке, как например: все суда крепкие и новые и коих снасти и такелаж совершенно хороши и прочны, поместить в первую статью. Суда, построенные из соснового лесу и служившие от 4 до 7 лет, так же и те, кои были в большой починке, или перетимберованы, должны считаться во второй статье. Сосновые суда, служившие от 7 до 9 лет, которые не были в большой починке, или перетимберовании, поставлять в третьей статье. Сосновые суда, служившие свыше 9 лет, которые не были в большой починке и не перетимберованы, могут почесться не благонадежными для дальнего мореплавания. При таковом расположении по статьям рассматривать должно, в каких местах оные плавали, не подвержены ли были червоточению, с надлежащим ли рачением были сохраняемы и не оказывается ли какая гнилость или повреждение в досках или тимберсах.

28

Для вящего поощрения частных людей к строению на верфи всякого рода судов и для поспешества работе иметь при верфи запас некоторых материалов, коих иногда достаточного числа в том месте найти трудно. Сии материалы продавать строителям судов по установленным ценам с приложением к настоящей 10% в пользу верфи и на содержание амбаров и людей, к смотрению за ними определенных. Они состоять должны в железе сортовом, в гвоздях разных мер, в якорях, в свинце, готовых блоках, бакауте, дубе разных сортов, сухих сосновых досках, всяком сосновом лесе и других тлению и скорой гнилости не подверженных вещах, а равномерно при заведении канатных и ревендучных фабрик, можно и из сих вещей за употреблением в дело оставлять в запасы достаточное количество для продажи на вышеиз'ясненном основании, стараясь только, чтобы не было запасено сих вещей несоразмерное противу расхода количество, дабы оные от непродажи не могли в убыток верфи обратиться.

---

[1] Небольшое двухмачтовое судно.
[2] Трехмачтовое военное судно.
[3] Четырехгранный брус из нескольких штук по длине судна, служащий его основой.
[4] Толстые деревянные брусья, служащие основанием кормы или носа корабля.

29

Когда таковой запас для продажи при верфи заведен будет, тогда канторе той верфи наблюдать: 1) чтоб продажа сия вещам произведена была по ценам, установленным на основании ст. 13 с прибавлением не более 10%, а ежели заготовление и закупка таких вещей будут деланы в удобное время оптом и на наличные деньги, то и самая сия накладка будет еще гораздо дешевле против вольной покупки; 2) вырученные за вещи деньги употреблять на благовременную закупку новых на место проданных, наблюдая потребную хозяйственную бережность, и чтоб сии вещи были превосходных доброт; 3) продавать сии вещи только тем, кои будут строить или килевать, или тембировать при верфи свои суда соразмерно надобности на сие строение, кроме якорей; ибо верфь обязана сими последними снабжать не только российские мореходные суда, но и чужестранные, кои за недостатком их иногда терпят в отправлении в море великую остановку, сберегая же однако некоторое количество онных для собственного употребления; 4) продажа вещей при верфи не должна служить поводом к запрещению частным людям покупать те вещи и по вольным ценам, где кому дешевле и выгоднее покажется.

30

Поелику для строения судов многие вещи употребляются только на малое время, а потом для частных строителей судов делаются ненадобными, как-то домкраты для помощи движения при корабельном спуске, гинблоки с их канатами для валянья при киевании, стелы, при таковом же случае употребляемые, заливные трубы при обжигании судов и другие: то для пособия строителям судов и для сокращения их издержек, а при том и для собственной пользы верфи нужно есть, чтобы она имела в запасе сии вещи для отдачи их в наем за установленную плату с условием, на случай повреждения вещей поставить в верфь новые и прочныя, оставляя испорченныя в пользу тех, кто новые поставит.

31

Все вещи для верфи потребные, в продажу и в наем назначенныя, содержать в пристаных местах с должною бережливостью под присмотром определенного к тому верфоваго анбарного надзирателя, которого для записки прихода, расхода и найма вещей с означением времени употребления надлежащими книгами снабдить от канторы верфи.

32

Буде не все анбары при верфи заняты будут припасами, к той верфи принадлежащими, в таком случае остающиеся праздными отдавать в наем частным людям с платежом помесячно цены, главным начальником положенной, на основании 13 ст., но токмо на то время, покуда строение, килевание, или перетимберование судов продолжается; по прошествии сего приказывать им оные очищать, дабы всяк, желающий строить или починять судно, мог иметь при готовом геллинге и магазейне для складки своих припасов.

33

Желающие строить на верфи мореходные и другие суда, частные люди должны подавать в канторы верфи требование, прописав в оном какой длины по килю и через штевены широты судно строить хотят,

из какого лесу, приложа при оному план и назнача время, к которому судно готовым иметь желают. Сии требования кантора верфи рассматривает подробно, и буде найдет их выгодными, представляет на рассмотрение главного начальника, как выше изображено. Но естьли предлагаемые условия будут для верфи не выгодны, или неудобоисполнительными или состоять будут в выражениях темных, либо двоесмысленных, тогда контора верфи призывает к себе желающих строить, встретившиеся обстоятельства им об'ясняет, а потом и в требовании их отказывает. Но естьли бы отзывом канторы верфи строитель судна был не доволен и зделал бы свои возражения, тогда оная обязана, прописав все обстоятельства, представить главному начальнику, от которого и требовать должна разрешения, принять ли предлагаемые условия, или, следуя прежнему своему мнению, отказать в оных.

34

Условия, заключаемые между канторой верфи и строящими на оной суда частными людьми, могут быть двояки: 1) будет строитель судна нанимать для сего на верфи геллинг с приналежащими к тому сараями, анбарами и другим потребным строениям, доставляя для сего собственные свои материалы и производя работу вольнонаемными плотниками, кузнецами, конопатчиками и другими мастеровыми, однако ж под надзиранием корабельного мастера, при верфи определенного, коему строитель судна, на каких бы условиях договор его сделан не был, обязан по окончании строения и по благополучном спуске на воду дать в награждение с каждого тонна по 25 коп.; 2) буде строитель судна пожелает оное отдать на подряд верфи, и сделает с оною условие с согласия, как выше сего сказано, главного начальника, не запрещается ему однако быть при строении, или назначить к таковому надзиранию корабельщика, которому он намерен препоручить судно в управление, или другого от себя поверенного человека.

35

Буде при сем последнем случае сам хозяин, или корабельщик, или судовщик, или поверенный усмотрит, что при строении употребляется лес худой, гнилой и не совершенно высушенной, или железные вещи будут деланы из хрупкого и не доверенного железа, а особливо рулевыя петли и вантпутенсы[1], то может, остановя употребление оных, просить кантору верфи о переменении непрочного, которая долженствует тотчас осмотреть, на что жалоба приносима будет; и буде найдется, что требование хозяина, или корабельщика, или судовщика, или поверенного было основательно, приказать подчиненным своим оное исправить.

36

Кантора верфи должна постановляемого договора между ею и хозяином судна по образцам, при сем под буквами *Б* и *В* прилагаемым, зделать за подписанием обеих сторон, из которых один оставить у себя, а другой отдать предприемлющему строение, и не прежде оные уничтожить, как по совершенном исполнении в нем написанного.

37

Для разобрания споров между канторой верфи и судостроителем, могущих быть при определении числа тоннов в построенном вновь

[1] Железные цепи, идущие от блоков к борту корабля.

судне, предлагается следующее правило: буде купеческое судно, строенное на верфи, иметь длины от форштевена[1] по нижней палубе 112 футов, шириною в середине корабля 32 фута, глубины интрюма 16 футов, то должно длины корабля 112 футов вычесть 5 ширины, что составит 20 футов; за тем, остающееся число 29 умножить шириною корабля 32, и произведение умножить глубиною корабля 16; потом вышедшее разделить на 94, частное же число 510.10/34 почесться может вместительностью груза в тоннах.

38

При всяком строении судов, производимом на верфи, верфовой начальник и мастера по частям, их званию соответствующим, наипрележнейше смотреть должны, чтоб употребляемые в строении материалы были превосходных доброт, равномерно и работа была бы прочная и соразмерная предлагаемым расширениям, ибо сей есть единственный способ к утверждению несомненного доверия частных людей к судам, на сей верфи построенным, от которого и умножение дохода зависеть будет.

39

Когда судно плотничною и кузнечною работами окончено будет, тогда корабельной мастер, прежде нежели дно мазать обыкновенным составом, обязан о том дать письменное известие канторе верфи, почему все присутствующие в оной, нимало не мешкая, имеют осматривать как доброту, так прочность строения и качество материалов и, найдя оные в надлежащем порядке, позволяют корабельному мастеру дно вымазать и приготовить к спуску, а при том размеряют все расширения судна, и определяют по предписанному правилу число тоннов, в оном содержащихся, по которому деньги при разщете от хозяина судна получаются.

40

Заседающие в канторе верфи должны непременно находиться при спуске судна и быть тому свидетелями, оставляя впрочем распоряжение корабельному мастеру, ибо он один при сем случае за весь причинившийся вред ответствовать обязан.

41

Когда судно благополучно спущено будет на воду, то хозяин повинен по зделанному им с канторой верфи договору, тотчас взнести в оную достальные деньги; и коль скоро сие исполнено будет, то кантора верфи надписывает на договоре, находящемся у хозяина судна, что все должные деньги за наем или за подряд и материалы получила сполна и никаких более требований не имеет; напротив чего и хозяин надписывает на договоре, в канторе верфи хранящемся, что он свое судно на воде получил в исправном состоянии и более никаких требований делать не будет.

42

Буде же в договоре между канторой верфи и хозяином судна, сверх отстройки оного, положено будет его и оснастить, тогда таковое взаимное надписание на договорах делать по освидельствовании чрез ботсманов, при верфи определенных.

---

[1] Кривообразное дерево, основа передней части корабля.

43

По взаимном подписании договоров, как выше сего сказано, кантора верфи во уверение о доброте построенного судна, при отдаче его во владение хозяину, дает ему свидетельство, «что купеческое судно, бригантин, или фрегат, или галиот именуемой... мачтах (прописать все подробности измерений), имеющий... листов, построен... году, на Кичкасской верфи из дубового, лиственничного или соснового дерева, чистою, прочною и крепкою работою, что железные вещи скованы из хорошего и неломкого железа, и судно связано крепко книсами[1], стандерсами[2], выконопачено выше и ниже водяной черты, и способно для перевозу товаров через открытые моря». Но буде судно сверх сего при верфи оснащено, то прописать «что такелаж[3], и парусы положены наилучшей доброты и при том мачты, реи[4], марсы[5] и стенги уделаны из хорошего дерева в надлежащую соразмерность». Что же касается до крепости на новопостроенное судно, то поступать в сходственность 163 статьи 1 части устава о водоходстве.

Указ Екатерины II новороссийскому наместнику графу П. А. Зубову, 30 июля 1796 г.

Приемля за благо представление ваше о учреждении в Екатеринославской губернии при Днепре верфи для производства строения судов как в пользу частных людей, так и для наших флотов черноморских, и для других по службе нашей надобности, наипачеже для распространения в полуденной стране империи нашей вообще мореплавания и торговли, повелеваем учреждение предполагаемой верфи исполнить самым делом, устроив оную со всеми принадлежащими к ней заведениями при местечке Кичкасах, для чего, утвердив поднесенныя от вас штат сей верфи, статьи, на которых она долженствует иметь свое существование, и образцы договоров, какие могут быть заключены между верфью и частными людьми о постройке судов, и оные при сем препровождая, повелеваем потребную сумму как на построение для верфи надобных зданий, так равно и на содержание положенных при оной чинов, заимствовать из доходов вверенных управлению нашему губерний, стараясь, чтобы по проведению на верфи в действо работ могла она содержать себя современем из собственных своих доходов. Произвождение в чины за отличную службу и труды до примиер-майоров зависеть имеет от вас; о поступающих же в высшие степени представлять к нам, почитая старшинством их на ровне с служащими в наших черноморских флотах. Ради составления нужных сей верфи запасов как в лесах, так и в такелаже, позволяем отделить в капитал ее из тех же доходов 100 000 рублей, которыя по умножении присыльных от имеющихся производиться тамо работ и других оборотов сумм должны по лучшему распоряжению вашему паки в губернския доходы возвращены быть. И, наконец, для распространения подобных сему заведений и в других местах вверенных вам губерний, предоставляем вам по вашему благоусмотрению учредить на сем же основании верфи на Днестре, на Дону, на Тамане и в Тавриде, где отыщутся способные к тому места, подчинив оные, для лучшего их управления начальству Кичкасской верфи.

Екатерина.

[1] Железное колено для сцепления корабельных частей.
[2] Приборы для сцеплений по борту корабля.
[3] Веревочные приспособления на корабле.
[4] Веревки на мачте, к которым прикрепляются паруса.
[5] Деревянная площадка у вершины мачты.

Штат учреждаемой на Днепре в Кичкасах верфи [1]

	Число людей	Им в год жалованья	
		Одному	Всем
		Руб. Коп.	Руб. Коп.
Главный начальник верфи, определенный от ея императорского величества	1	1 800 —	1 800 —
Ему на стол	—	1 200 —	1 200 —
Карабельный и судовой мастер	1	1 000 —	1 000 —
Оному быть при верфи и в звании интенданта и присутствовать в конторе			
Корабельных и судовых подмастерьев	2	250 —	500 —
» » »	2	150 —	300 —
Из которых первым двум быть при строении мореходных судов, последним же двум при строении малых яхт, буеров, ботов и других малых ботов	—	— —	— —
Мастеров:			
Ластовых	2	350 —	700 —
Буерных, яхтенных и шлюбочных	2	300 —	600 —
Корабельных учеников 1 класса	6	80 —	480 —
» » 2 »	6	50 —	300 —
Камендоров	4	60 —	240 —
Плотников:			
Корабельных и ластовых	52	40 —	2 080 —
Шлюбочных, буерных и яхтенных	36	40 —	1 440 —
Пильщиков	24	40 —	960 —
Мачтовых мастеров	2	200 —	400 —
Учеников 1 класса	2	60 —	120 —
» 2 »	2	30 —	60 —
Плотников	12	40 —	480 —
Парусных мастеров	2	200 —	400 —
Учеников 1 класса	2	60 —	120 —
» 2 »	2	30 —	60 —
Матросов, знающих парусное дело	12	40 —	480 —
Кузнечных мастеров	2	150 —	300 —
» подмастерьев	2	80 —	160 —
» »	2	60 —	120 —
Работников	20	40 —	800 —
Блоковых мастеров	2	150 —	300 —
» плотников	8	40 —	320 —
» токарей	4	40 —	160 —
Разного дела подмастерьев	2	60 —	120 —
Резчиков	8	60 —	480 —
Весельного дела учеников 1 класса	2	60 —	120 —
» » плотников	4	40 —	160 —
Конопатного дела подмастерьев	2	70 —	140 —
Конопатчиков	24	40 —	960 —
Молярного дела учеников	2	40 —	80 —
Моляров или работников	8	30 —	240 —
Столярного дела подмастерьев	2	60 —	120 —
Столярей	8	60 —	480 —
Верьфовой надзиратель	1	400 —	400 —
Верьфовых сержантов из морских нижних чинов	2	80 —	160 —
Шкипер	1	250 —	250 —
Ботсманов	10	40 —	400 —

[1] В оригинале помета: «На подлинном подписано собственною рукою: «Быть по сему». В Царском селе, июля 30 дня 1796 года».

Продолжение

	Число людей	Им в год жалованья	
		Одному	Всем
		Руб. Коп.	Руб. Коп.
Квартирмейстеров	10	40 —	400 —
Матросов знающих	30	20 —	600 —
Для сбору с отпускаемых верфских судов денег из старослужащих и доброго поведения офицеров	2	100 —	200 —
В помощь к ним унтер-офицеров	3	30 —	90 —
При магазейнах:			
Анбарной надзиратель	1	150 —	150 —
При нем писарь	1	40 —	40 —
Работников	4	30 —	120 —
Для стражи и содержания верфи в чистоте инвалидов	24	30 —	720 —
Итого . . .	—	—	22 310 —
В конторе верфи:			
Секретарь	1	400 —	400 —
Бухгалтер	1	250 —	250 —
Канцеляристов	4	— —	— —
Копеистов	8	на всех	1 000 —
Писцов	8	— —	— —
На канцелярской расход	—	— —	200 —
Итого . .	—	—	1 850
На починку строения и на прочие мелочные расходы	—	—	500
А всего	387	—	24 660 —

Князь Платон Зубов.

В Царском селе
Июля 22 дня 1796 года

Из предписания новороссийского наместника графа П. А. Зубова главному начальнику Екатеринославской Днепровской Кичкасской верфи контр-адмиралу Воиновичу, 7 сентября 1796 г.

... Потребную же на сие сумму на наем, отправление подвод 3 000 и на путевое продовольствие 1 000 руб., так как и 5 000 р. на покупку нужных для верфи инструментов получите вы здесь из моей канцелярии. Равным образом по неимению в Кичкасах домов для жительства вашего и чинов, к верфи принадлежащих, согласен я на покупку и сплавку Днепром домов из Кременчуга, на что и приказал я к вам отпустить до 15 000 руб., надеясь, что вы купите домы прочные и выгодным для казны образом, о всех же оных деньгах предоставить имеете ко мне подробный отчет. Прочими же людьми, в записке вашей не назначенными и в штате положенными, снабдит вас по требованию

вашему черноморское адмиральтейское правление, о чем ему от меня и дано предписание. Относительно же аглинского пильного дела мастера, находя весьма полезным иметь оного при новоустрояемой верфи поручаю вам войти с ним в договор, и отобрав от него, на каких кондициях пожелает он тамо служить, представить ко мне на утверждение.

2) Отправясь потом отсюда немедленно сами, имеет вы вместе с корабельным мастером, взяв и других интендантского ведомства людей по вашему разсмотрению, предпринять путь ваш через Минскую и Волынскую губернии и осмотреть наиприлежнейшим образом растущие тамо леса, особливо при больших реках и в оныя впадающих, способные к судостроению, и зделав обстоятельные замечания, какого сии леса качества, в каком числе, какого ведомства и на какое количество строения достаточны быть могут, из каких именно мест, каким путем и какими способами легче и удобнее оные к екатеринославской днепровской верфи можно доставлять и не можно ли к выгоде казенной иметь в перевозке оных, хотя в некоторыя расстояния, земских тамошних начальств пособия, и во что может путь обойтиться, представить все сие ко мне подробно и ясно; и как уже по высшему ея императорского величества повелению в 1795 году посланы были для осмотру лесов в означенные губернии от черноморского адмиральтейского правления офицеры и отчасти сделали оные описания, то и для соображения вашего как мои по сему делу к вице-адмиралу Мордвинову и... Тутолмину отношения так и их на оные ответы в точных копиях, уведомляя вас при том, что о преподавании вам от тамошних земских начальников при исполнении ныне вам препорученного осмотра лесов должных пособий к означенному генералу и кавалеру от меня ныне писано. Равным образом препровождаю при сем донесение... Беклешова и о лесах Акулицкой волости, состоящей в Орловской губернии, желая, чтобы вы на все сии сведения сообразили и представили ко мне, из которых мест предпочтительнее и как для верфи, так и для казны полезнее быть может получать для надобностей оной потребные леса.

3) По прибытии вашем к екатеринославской днепровской верфи и по обозрении тамо места приступить к разположению устроения всех до верфи принадлежащих зданий и заведений, для чего, сообразив местное положение ее с способами, как оная может иметь от прочих окрестных мест и посредством Днепра, учинить всем строениям планы и сметы и оные ко мне представить, имея в предмете, чтобы учреждаемые заведения служа к приведению верфи в цветущее состояние, не были бы обременительны и для казны; для чего и должны располагать так, чтобы по приведении тех заведений в действие, казна могла употребленные на них издержки возвратить с прибытком, что от хозяйственных ваших распоряжений и ваших о пользах казенных попечений будет зависеть.

4) Открытие канторы для внутреннего управления верфи представляется вам учинить тогда, когда чины, в оной присутствовать долженствующие, определены будут, которым жалование требовать из Екатеринославской казенной палаты, коей надлежащее предписание от меня дано, а тогда же, по донесению вашему, назначена от меня будет и определенная в капитал верфи сумма: ибо кантора сия будет иметь то место, где сии суммы храняться и на основании установления употребляться долженствуют, впрочем какая вам в продолжении служения вашего в сем звании предлежать будет должность, о том ясно изображено в высочайше утвержденных для оной верфи статьях, по коим вы и поступать обязаны во всей точности.

Чтож принадлежит до представленных от вас пунктов, то в разрешение на оные даю вам знать.

5) Устроение гофшпиталя для пользования больных при оной верфи зависеть будет от вашего распоряжения, для чего и представьте ко мне, какая будет потребна сумма как на заведение сего гофшпиталя, так и на содержание оного и надобных при нем медицинских чинов, стараясь, естьли можно, все сие завести из могущей оставаться экономической суммы.

6) Для стражи при сей верфи не нужно назначать особой команды, а расположится в Кичкасах двуротная мушкетерского полка команда, которая и будет содержать тамо караулы при всех постах, о командировании и расположении той канторы вскоре последует надлежащее распоряжение, о чем и вы тогда извещены будете.

7) А устроение при Каменке анбара для выгрузки подверженных порче вещей до наступления перевозу в Кичкасы зимнего пути и определения тут 10 человек служителей при одном уряднике и при одном писаре зависеть будет от вас же, употребив на сие людей к вышеозначенной команды, а о сумме на построение анбара представив вообще с прочими.

8) Построение в Кичкасах канатного завода и парусной фабрики признаю я весьма полезным, а для того вы, быв на месте, не оставите об оном, сообразясь со всеми обстоятельствами, до сего относящимися, зделать ко мне представление.

9) Построения машины для выбивания гвоздей нет надобности; ибо гвозди выбивать и лить будут на новом заводе, в Екатеринославской губернии учреждаемом, откуда как оными, так и прочими железными вещами верфь снабжать себя достаточно может.

10) Что принадлежит до заведения на противулежащей стороне Кичкас и реки Днепра кожевни, селения мяс для войск и прочего, то мысль сию, по многим отношениям весьма полезную, относя к особенной вашей чести, прошу о всем оном, войдя с подробностию по прибытии вашем на место и по соображении всех обстоятельств до сего касаться могущих учинить по тому общее представление, по которому я не премину зделать надлежащего рассмотрения, впрочем, что касается до пособий, которые вам могут быть нужны при устроении верфи от земского начальства Екатеринославской губ. и прочих, управлению моему вверенных, предписана от меня гражданскому губернатору Хорвату, оные вам подавать без всякого медления и во всех случаях быть вам споспешником. Наконец, о успехе дел, на нас возложенных, имеете как можно чаще мне доносить, дабы я, видя течение оных, мог преподать в случае надобности зависящие от меня пособия.

Князь Платон Зубов.

Дом Гончаровых в Яропольце

Неопубликованные письма А. С. Пушкина

До настоящего времени последним, дошедшим до нас письменным памятником сношений А. С. Пушкина с тещей его Наталией Ивановной Гончаровой [1] считалось письмо к ней поэта от конца августа 1834 г.[2]

Документальных данных, говорящих нам о взаимоотношениях Пушкина с Н. И. Гончаровой, по существу мы знаем немного. Сохранившиеся письма, оставшиеся от их переписки, дошли до нас в очень ограниченном количестве (поэта — от 1.V. 1828 г., 4.IV. 1830 г., 26.VI. 1831 г., от конца августа 1834 г.; Нат. Ив. — от 4.XI. 1833 г. и 14.V. 1834 г.).

Как эти письма, так и дошедшие до нас свидетельства современников [3] рисуют тещу Пушкина в очень непривлекательном виде, отношение ее к дочерям суровым

[1] Наталия Ивановна Гончарова, р. Загряжская (22.X—1785 г.—2.VIII—1848 г.), дочь Александра Артемьевича Загряжского и второй его жены—француженки, 27.I—1807 г. вышла замуж за Николая Афанасьевича Гончарова, правнука первого владельца парусиновых и полотняных фабрик в Калужской губ. А. А. Гончарова.

[2] «Переписка», под ред. и с примеч. В. И. Саитова, т. III, стр. 162—163, № 863.

[3] См. «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым», М. 1925 г., стр. 62—64, 139—140 и сб. статей «Ярополец», изд. 1930 г., ст. М. А. Цявловского: «Пушкин и Наталия Ивановна Гончарова», стр. 1—15.

Дом Чернышевых в Яропольце

и взбалмошным, а ее роль в отношении к Пушкину,— сначала жениху, потом мужу ее дочери,— чрезвычайно неблаговидной. Наталия Ивановна очень не сочувствовала выходу замуж своей дочери за нечиновного и небогатого «сочинителя». Недоброе вмешательство Н. И. в жизнь молодых Пушкиных было причиной того, что поэт, бросив только что отделанную квартиру в Москве в доме Хитровой, в середине мая 1831 г. уехал с женой в Петербург. «Я был вынужден оставить Москву, во избежание разных дрязг, которые в конце концов могли бы нарушить более чем одно мое спокойствие; меня изображали моей жене, как человека ненавистного, жадного, презренного ростовщика; ей говорили: с вашей стороны глупо позволять мужу и т. д. Сознайтесь, что это значит проповедывать развод»,— об'ясняет теще свое бегство из Москвы Пушкин в письме к ней от 26.VI. 1831 г.[1].

С течением времени (возможно, что этому всего более способствовала невозможность для Н. И. вмешиваться непосредственно в жизнь Пушкиных) острые углы как будто бы начали сглаживаться, и даже, по свидетельству современницы Наталии Ивановны и Пушкина, кн. Е. А. Долгоруковой[2], Наталия Ивановна полюбила поэта и слушалась его.

Публикуемые здесь два новых письма[3] Пушкина относятся уже к 1835 г. В это время Наталия Ивановна жила в своем фамильном имении с. Яропольце, Волоколамского уезда, Московской губернии[4].

---

[1] «Переписка», под ред. и с примеч. В. И. Саитова, т. II, стр. 259, № 556.
[2] См. «Рассказы о Пушкине», записанные Бартеневым.
[3] ГАФКЭ, ф. № 38, Автографы Пушкина.
[4] Пожалованное в конце XVII в. (1684 г.) гетману П. Д. Дорошенко (1627—1698 гг). оно затем, после его смерти, распалось на две части, из которых одна, через сына Дорошенко Александра и дочь последнего Екатерину Александровну, перешла к А. А. Загряжскому, отцу Н. И. Гончаровой, а другая досталась брату Дорошенко, П. П. и была продана им в 1717 г. гр. Г. П. Чернышеву.

Нам известно только одно посещение Пушкиным Наталии Ивановны в Ярополъце, именно в конце августа 1833 г., по пути в Оренбургскую губ., где он собирал сведения для «Истории пугачевского бунта».

Печатаемые письма являются как бы подтверждением слов Е. А. Долгоруковой о примирении Пушкина в последние годы жизни с Наталией Ивановной. Письма носят дружеский и до известной степени интимный характер. Поэт находит нужным поделиться с Наталией Ивановной своими планами на ближайшее будущее, сообщает о поездке в Тригорское, куда Пушкин ездил, чтобы посоветоваться с любимой им П. А. Осиповой о своем переезде в деревню.

Сообщая нам некоторые сведения из быта и жизни Пушкиных, письма вместе с тем подтверждают и другое свидетельство Е. А. Долгоруковой — о суровом обращении Н. И. с дочерьми. Маленький эпизод с возвращением шляпы, боязнь Пушкина передать жене записку ее матери — в этом отношении чрезвычайно характерны.

М. Светлова.

16 мая [1835 г. С-Петербург] [1].

Милостивая Государыня Матушка
Наталья Ивановна

Имею счастие поздравить Вас со внуком Григорьем [2], и поручить его Вашему благорасположению. Наталья Николаевна родила его благополучно, но мучилась долее обыкновенного — и теперь не совсем в хорошем положении — хотя слава Богу, опасности нет никакой. Она родила в мое отсутствие, я принужден был по своим делам с'ездить во Псковскую деревню [3] и возвратился на другой день ее родов. Приезд мой ее встревожил и вчера она прострадала; сегодня ей легче. Она поручила (л. 1 об.) мне испросить Вашего благословения ей и новорожденному.

Вчера получил от Вас ящик с шляпою, и с запискою, которую я жене не показал, чтоб ее не огорчить в ее положении. Кажется, она не удовлетворительно исполнила вашу комиссию, а по записке она могла бы заключить, что Вы на нее прогневались.

Целую ручки Ваши и имею счастие быть с глубочайшим почтением и душевной преданностию

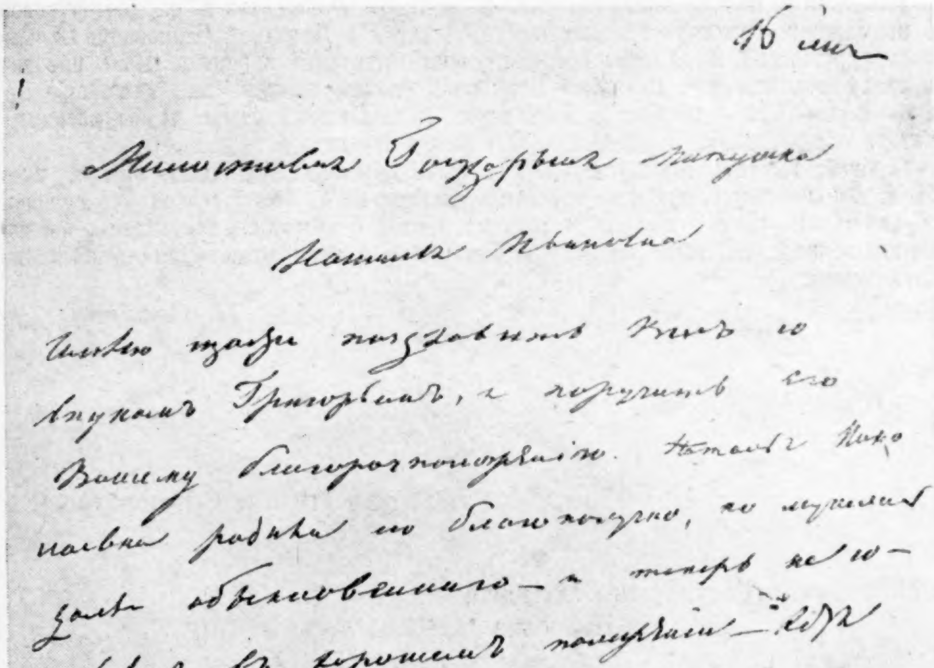
Вашим покорнейшим слугою и зятем
А. Пушкин.

На обороте 2-го листа:

«Ее Высокоблагородию М. Г. Натальи Ивановне Гончаровой. В Волоколамск (в Москв) * в с. Ерополиц **

---

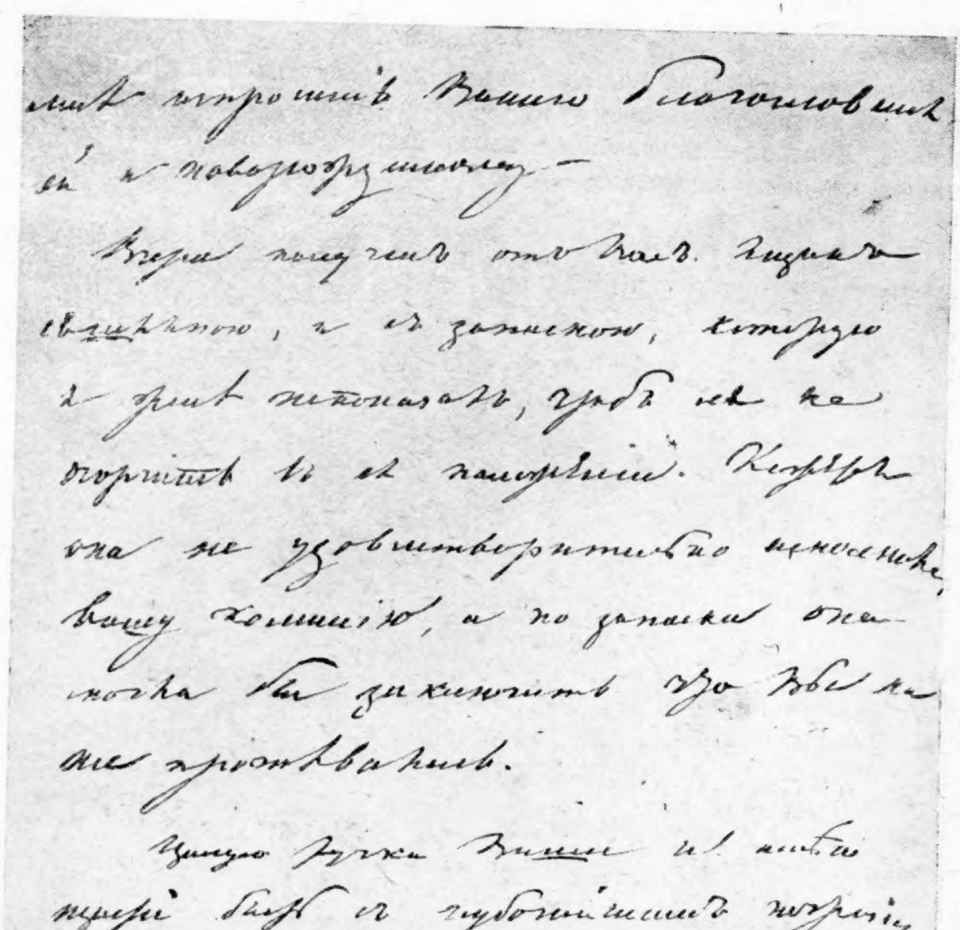
* Зачеркнуто в подлиннике.
** Слова: «в с. Ерополиц» — написаны не рукой А. С. Пушкина.



16 мая

Милостивая Государыня матушка
Наталья Ивановна!

Честь имѣю поздравить Васъ со
внукомъ Григорiемъ, и поручить его
Вашему благорасположенiю. Наталья Нико-
лаевна родила благополучно, но мучилась
долѣе обыкновеннаго — и теперь не зд-
орова, хотя въ хорошемъ положенiи — слава
Богу, опасности нѣтъ никакой. Она
родила въ мое отсутствiе, я принуж-
денъ былъ по своимъ дѣламъ съѣздить
во Псковскую деревню, а возвратился
на другой день ея родовъ. Прiѣздъ мой
ее встревожилъ, а вчера она прохвор-
ала; нынче ей легче. Она поручи-



лишь испросить Вашего благословенія и позволенія. —

Вчера получилъ отъ Нат. [illegible] и съ запискою, которую [illegible] чтобъ ее не огорчить въ ея намѣреніи. [illegible] она не удовлетворительно [illegible] вашу коммиссію, а по запискѣ [illegible] что [illegible] противное.

Цѣлую руки Ваши и [illegible] честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и душевной преданностію

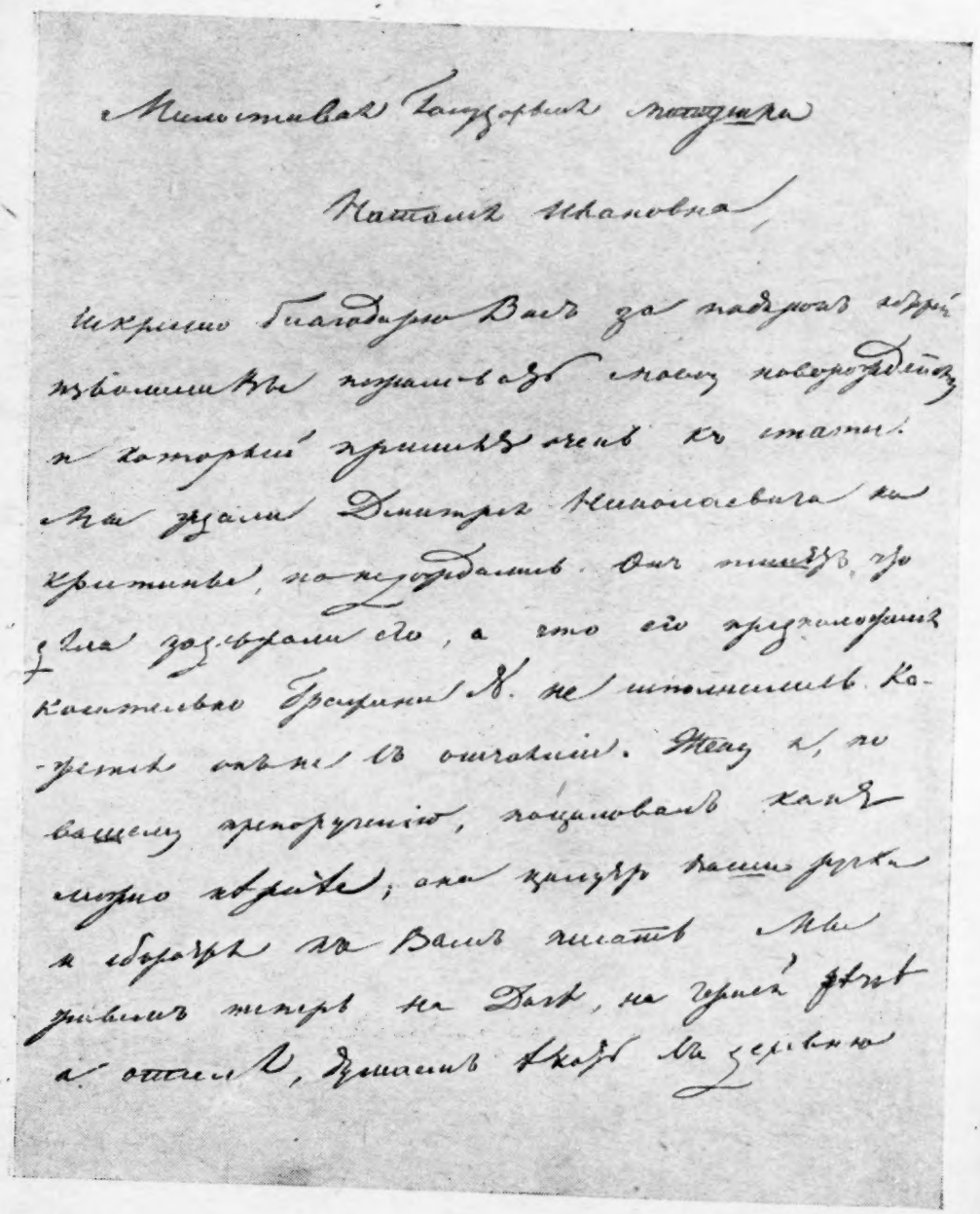
Вашимъ покорнѣйшимъ слугою [illegible]

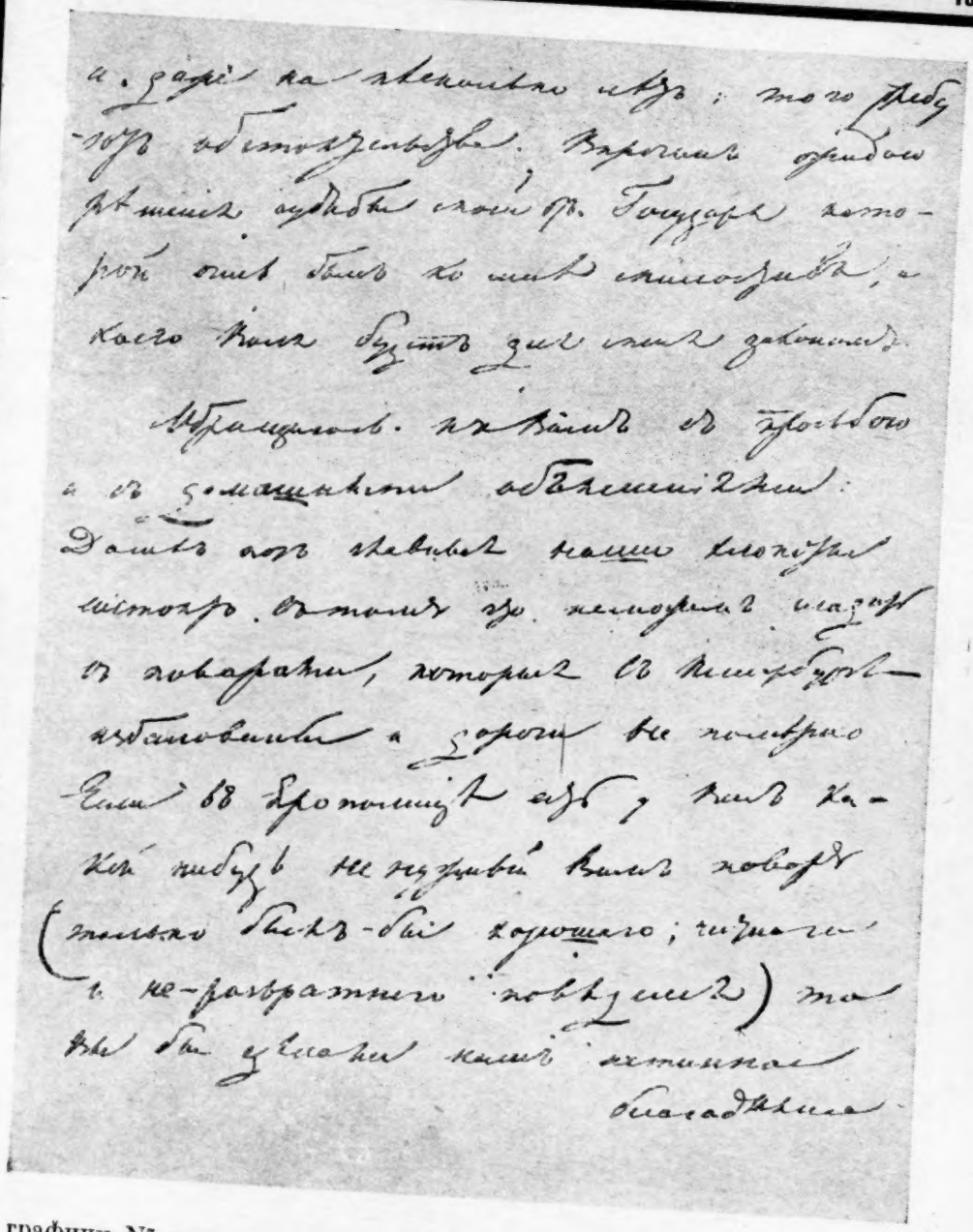
А. Пушкинъ.

[14 июля 1835 г., С.-Петербург] [4].

(л. 3) Милостивая Государыня матушка
Наталия Ивановна,

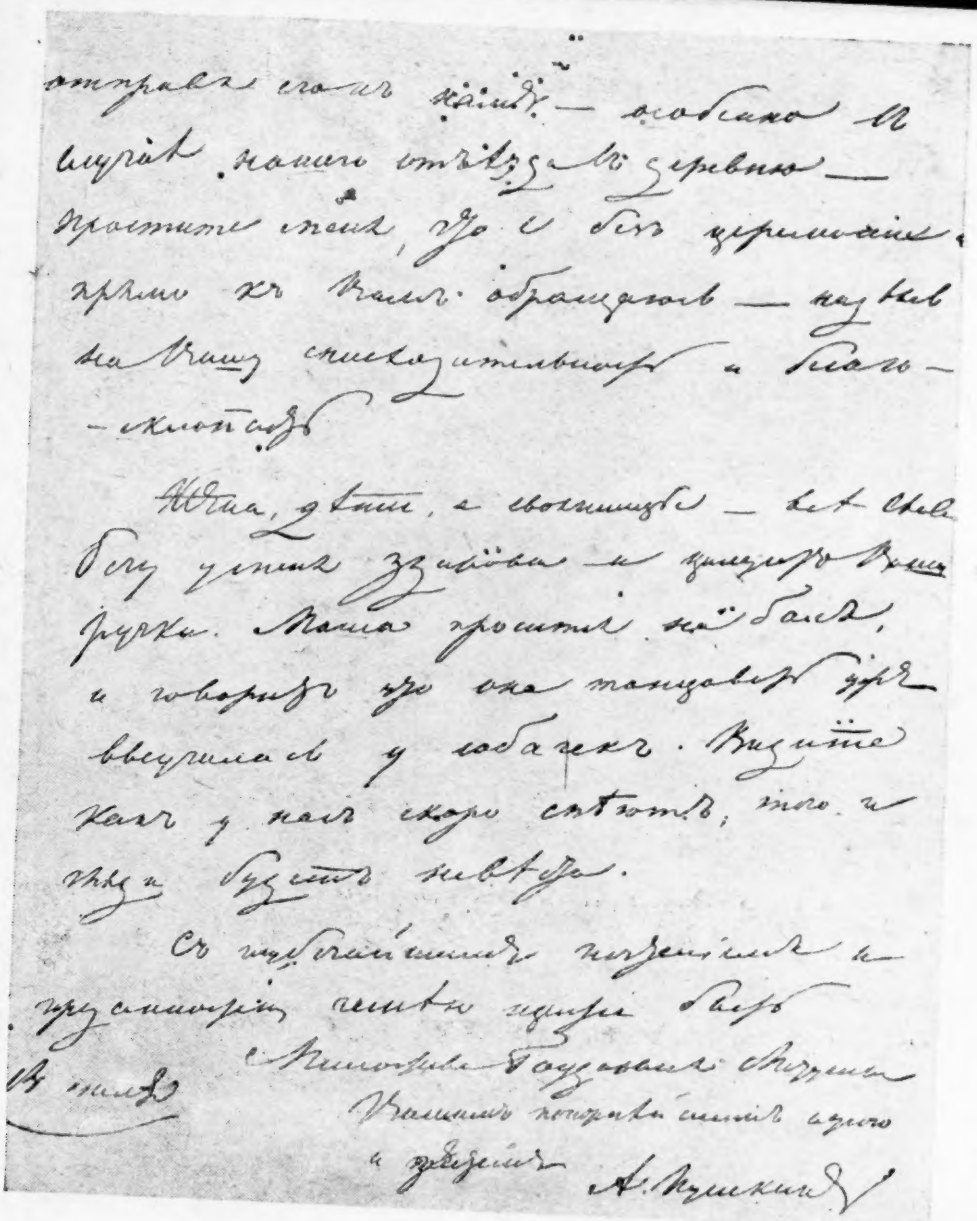
Искренно благодарю Вас за подарок, который изволили Вы пожаловать моему новорожденному и который пришел очень кстати. Мы ждали Дмитрия Николаевича [5] на крестины [6], но не дождались. Он пишет, что дела задержали его, а что его предположения касательно





графини N[7], не исполнились. Кажется он не в отчаянии. Жену я, по вашему препоручению, поцеловал как можно нежнее; она целует Ваши ручки и собирается к Вам писать. Мы живем теперь на даче[8], на Черной речке, а отселе, думаем ехать в деревню (л. 3 об.) и даже на несколько лет: того требуют обстоятельства[9]. Впрочем ожидаю решения судьбы моей от государя, который очень был ко мне милостив и коего воля будет для меня законом.

Обращаюсь к вам с просьбою и с домашними об'яснениями: до сих пор главные наши хлопоты состоят в том, что не можем сладить с пова-



рами, которые в Петербурге избалованы и дороги непомерно. Если в Ярополице есть у Вас какой-нибудь не нужный Вам повар (только был бы хорошего, честного и не развратного поведения), то Вы бы сделали нам истинное благодеяние (л. 4), отправя его к нам — особенно в случае нашего от'езда в деревню.— Простите меня, что я без церемонии и прямо к Вам обращаюсь — надеясь на Вашу снисходительность и благосклонность.

Жена, дети [10] и свояченицы [11] — все слава Богу у меня здоровы и целуют Ваши ручки. Маша [12] просится на бал и говорит, что она

танцевать уж выучилась у собачек. Видите, как у нас скоро спеют, того и гляди будет невеста.

С глубочайшим почтением и преданностию имею счастье быть
Милостива[я] государыня матушка
Вашим покорнейшим слугою и зятем
А. Пушкин

14 июля.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Два листа белой, слегка шероховатой, писчей бумаги без вержировки (1 фабричный лист), хранящей следы поперечного и продольного сгибов вшестеро, в форме конверта. Написаны чернилами.

Водян. зн. «А. Гончаров», г. «1832» — в орнаментированном лиственном картуше по краям листов. Размер: 262 × 208 мм.

Записаны две страницы. Адрес на обороте 2-го листа. «В Волоколамск» надписан сверху над первоначально написанным и зачеркнутым «В Москв». Остаток гербовой печати красного сургуча; при распечатывании была вырвана часть второго листа без повреждения текста. Почтовый штемпель: «С.-Петербург. Отделен. почт. (1835) май 17».

[2] Второй сын А. С. Пушкина — Григорий Александрович, родился 14.V — 1835 г., ум. 5.VIII—1905 г.

[3] В село Тригорское, Псковской губернии, имение П. А. Осиповой, в 3 верстах от с. Михайловского. Пушкин уехал из Петербурга 5.V и вернулся обратно 15.V, пробыв таким образом в от'езде 10 дней.

Мотивы поездки Пушкина в Тригорское были непонятны его родным, и Надежда Осиповна, мать Пушкина, раздраженно писала своей дочери Ольге Сергеевне Павлищевой 7 мая: «Сообщу тебе новость — третьего дня Александр уехал в Тригорское, он должен вернуться не позднее 10 дней, ко времени разрешения Наташи. Ты, может быть, подумаешь, что он по делам — вовсе нет, только ради удовольствия путешествовать и в такую плохую погоду. Мы были очень удивлены, когда он накануне от'езда пришел с нами проститься. Его жена очень этим опечалена. Надо сознаться, что твои братья большие оригиналы и никогда не перестанут быть таковыми». («Лит. насл.», сб. 16—18, стр. 792, М. 1934 г.).

[4] Два листа белой писчей бумаги, слегка пожелтевшей от времени, без вержировки (1 фабричный лист), с золотым обрезом по краям, хранящей следы поперечного и продольного сгибов вчетверо. Написаны чернилами.

Водян. зн. «А. Г.» «1834». Размер: 256 × 204 мм.

Записаны три страницы.

[5] Дмитрий Николаевич Гончаров, старший сын Н. А. и Н. И. Гончаровых, брат Натали Николаевны Пушкиной (род. 1808, ум. 1850 г.), живший после смерти деда Афанасия Николаевича Гончарова (8.IX—1832 г.) в майоратном имении Гончаровых Калужской губ., Медынского у.— Полотняном заводе.

[6] 22 мая 1835 г., крестным отцом был В. А. Жуковский, матерью — Екатерина Ивановна Загряжская (1779—1842) — сестра Н. И. Гончаровой.

[7] Надежда Григорьевна Чернышева (1813—1853 гг.), дочь гр. Григория Ивановича Чернышева и Елизаветы Петровны, младшая сестра декабриста З. Г. Чернышева, в 1838 г. вышедшая замуж за кн. Г. А. Долгорукова, ближайшая соседка Гончаровых по Яропольцкому имению, бывшая в течение 3 лет предметом увлечения Дмитрия Гончарова. Еще в 1833 году 26 августа Пушкин, после своего посещения Яропольца, писал из Москвы Натали Николаевне: «Теперь, женка, послушай, что делается с Дмитрием Николаевичем. Он, как владетельный принц влюбился в гр. Н. Чернышеву по портрету, услыша, что она девка плотная, чернобровая и румяная. Два раза ездил он в Яропольц в надежде ее увидеть, и в самом деле ему удалось застать ее в церкви. Вот он и полез на стены. Пишет из заводов, что он без памяти от la charmante et divine comtesse, что он ночи не спит et que son charmant image etc., и непременно требует от Наталии Ивановны, чтобы она посватала за него la charmante et divine comtesse; Наталия Ивановна поехала к Кругликовой и выполнила комиссию. Позвали la divine et charmante, которая отказала наотрез. Наталья Ивановна беспокоится о том, какое действие произведет эта весть. Я полагаю, что он не застрелится. Как ты думаешь?..» («Переписка», под ред. и с примеч. В. И. Саитова, т. III, стр. 36, № 738).

Вскоре после 1835 года Д. Гончаров женился на княжне Елизавете Егоровне Назаровой.

[8] Под Петербургом, дача Миллера, где Пушкины жили с середины июня 1835 г. до сентября того же года, на набережной Черной речки, на углу Языкова пер., теперь участок № 55. Самая дача в настоящее время уже не существует.

[9] 25.V—1834 г. Пушкин подал просьбу об отставке. Эта просьба возбудила гнев Николая I. Тем не менее отставка была принята, но с запрещением работать в архивах, «так как право сие может принадлежать единственно лицам, пользующимся особым доверием начальства», как сообщал Пушкину А. Х. Бенкендорф в письме от 30 июня. Невозможность пользоваться архивами была для Пушкина очень серьезной угрозой, этим была бы обречена на неудачу задуманная им «История Петра I», немыслимы становились и другие исторические труды.

Настойчивое вмешательство Жуковского и глубоко огорчивший Пушкина результат просьбы заставили поэта взять свою отставку обратно. Тем не менее, мысль о переселении в деревню как единственном выходе из нетерпимого долее положения продолжала стоять перед ним неотступно. Летом 1835 года Пушкин решил уже просить не об отставке, а о разрешении ему удалиться на 3—4 года в деревню. «Александр едет на 3 года в деревню, не зная сам куда,— писала 19 июня 1835 г. Надежда Осиповна Пушкина дочери Ольге.— Так как я надеюсь на будущий год, если господь отпустит мне жизни, поехать в Михайловское, то мы не сможем ему его предоставить на все это время. В наши расчеты совсем не входит лишиться и этого последнего утешения». То же повторял дочери и Сергей Львович: «Знаешь ли ты,— писал он ей в письме от того же числа,— что Александр в сентябре месяце уезжает на три года в деревню, он уже получил отставку, а Наташа совсем покорилась...» («Лит. насл.», вып. 16—18, стр. 793.)

В действительности Пушкину не был разрешен и продолжительный отпуск. Вместо этого, ему была предложена для поправления расстроенных дел ссуда из казны в 30 000 рублей.

Пушкин вынужден был на нее согласиться, и этот новый долг, присоединившись к прежним долгам поэта, составившим к этому времени уже около 60 000 руб.,— что далеко превышало его ограниченные средства,— ставил Пушкина в безвыходное положение. В довершение всего самая ссуда была выдана на-руки поэту неполностью. «Из Государственного казначейства выдано мне, вместо 30 000 р., только 18 000, за вычетом разных процентов и десять тысяч рублей (10 000) выданных мне заимообразно на напечатание одной книги. Таким образом я более чем когда-нибудь нахожусь в стесненном положении, ибо принужден оставаться в Петербурге с долгами неоплаченными и лишенный 5 000 руб. жалования»,— писал Пушкин министру финансов гр. Е. Ф. Канкрину 6 сентября 1835 г. («Переписка», под ред. и с примеч. В. И. Саитова, т. III, стр. 225—226, № 928.)

[10] К этому времени у Пушкина, кроме родившегося 14.V — 1835 г. Григория, было двое детей: Мария (19.V—1832 г.—7.III—1919 г.) и Александр (6.VII—1833 г.—19.VII—1914 г.)

[11] Две сестры Наталии Николаевны Пушкиной: Екатерина (1809—1843), впоследствии (с 10.I—1837 г.) жена барона Дантеса Геккерна, и Александра (1811—1870), в замужестве баронесса Фризенгоф, жившие вместе с Пушкиными с 8 сентября 1834 г.

[12] Старшая дочка Пушкина — Мария. В апреле 1860 г. вышла замуж за ген.-майора Л. Н. Гартунг (1834—1877); в начале 60-х годов с нею был знаком в Туле Л. Н. Толстой, взявший некоторые ее черты для внешнего облика Анны Карениной.

Из записной книжки архивиста

Пролетарский красный крест в Петрограде

(Октябрь 1917 г.— июнь 1918 г.)

До сих пор почти неизвестна история организации и деятельности Пролетарского Красного креста, обслуживавшего Красную гвардию в дни Великой социалистической революции и начала гражданской войны.

В атаке Зимнего дворца, в первых боях под Петроградом против войск Керенского — Краснова, в борьбе Красной гвардии против гайдамаков, калединцев, польских легионеров и войск немецкого империализма Красную гвардию сопровождали санитарные отряды Пролетарского Красного креста.

Пролетарский Красный крест зародился в дни октябрьских боев на большевистской Выборгской стороне.

24 октября Выборгский районный совет разослал заводским комитетам следующее обязательное постановление:

«Согласно телеграмме Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов и Революционного комитета, Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов Выборгского района и штаб Красной гвардии настоящим предлагает вам немедленно реквизировать все автомобили и принадлежности к ним (бензин). Кроме того немедленно взять на учет все амбулаторные перевязочные средства и установить дежурства в амбулаториях».[1]

В тот же день был создан на Выборгской стороне центральный санитарный пункт; он положил начало организации санитарной помощи всем сражавшимся отрядам Красной гвардии.

Вслед за Выборгским районным советом штаб Красной гвардии Выборгской стороны издал 24 октября приказ № 5, в котором он предписывал заводским комитетам: «Немедленно представить в санитарный пункт при штабе Красной гвардии Выборгского района (Лесной проспект 18, квартира 3) все имеющиеся при заводе медикаменты и перевязочный материал, как-то: бинты, марлю, вату, иод, спирт, бензин и т. д...»[2]

Получив помощь от заводов, центральный пункт Выборгского района приступил к формированию отрядов для отправки на фронт.

Главной опорой Пролетарского Красного креста являлись рабочие и работницы. К 1 ноября 1917 г. из 79 работников центрального пункта 65 человек составляли рабочие и работницы, только что оставившие свои фабрики и заводы.

Публикуемый ниже доклад показывает, какую огромную помощь оказывал Пролетарский Красный крест Красной гвардии в ее борьбе за власть советов и утверждение диктатуры пролетариата и сообщает много неизвестных данных о численном составе войск, обслуживаемых отрядами Пролетарского Красного креста. Эти отряды работали в трудных и опасных условиях.

* * *

Публикуемые ниже документы хранятся в деле № 2, фонда Пролетарского Красного креста Архива народного хозяйства ленинградского отделения Центрального исторического архива, лл. 2—12.

М. Л.

ДОКЛАД

«Об организации и деятельности Пролетарского Красного креста», представленный в Совет народных комиссаров 10 июня 1918 года Центральным управлением Пролетарского Красного креста.

(Созданный Октябрьской революцией в дни всеобщего врачебно-санитарного саботажа Пролетарский Красный крест, соединившийся в январе 1918 г. с санитарным отделом Всероссийской коллегии по организации и управлению рабоче-крестьянской Красной армии и, в силу постановления Народных комиссаров в марте с. г. об эвакуации правительственных учреждений, перенесший свое центральное управление в Москву и выделивший для обслуживания Петроградского военного округа организацию под названием санитарный отдел рабоче-крестьянской Красной армии Петроградского округа.)

Мысль о создании рабочего Красного креста возникла еще тогда, когда был поднят вопрос в рабочих кругах о создании Красной гвардии, и осуществилась в момент, когда рабочий класс, выступая как вооруженный авангард, оказался в критическом положении благодаря саботажу буржуазных медицинских организаций.

---

[1] Райистпарткомиссия Выборгского района, материалы по Красной гвардии.

[2] Там же.

Поэтому решено было создать пролетарскую организацию, могущую в любой момент оказать медицинскую помощь Красной гвардии. В Выборгском районе был открыт районный центральный пункт. Образовался пункт и в Петроградском районе. Началась запись санитаров и санитарок рабочего класса для подготовки их к оказанию первой медицинской помощи, на что откликнулись все заводы и фабрики. Не имея однако в руках ни материальных, ни денежных средств, нам пришлось обратиться в Выборгский районный штаб Красной гвардии, который отозвался ни минуты не медля, благодаря чему организация смогла начать функционировать. Штаб потребовал из завода военно-врачебных заготовлений несколько ящиков перевязочного материала, отпустил на хозяйственные расходы 250 рублей; кроме того, некоторые заводские комитеты прислали как перевязочные средства, так и другие вещи, необходимые для оборудования пункта и организации летучих отрядов. Исполнительный комитет районного совета рабочих и солдатских депутатов Выборгского района также отпустил 100 р. на нужды летучих отрядов. Штабом были предоставлены легковые автомобили и грузовики (санитарных не имелось), которые были использованы для перевозки раненых и убитых, а также для доставления провианта для отрядов, находящихся на фронтах.

Первые отряды были посланы 25 октября 1917 г. к Зимнему дворцу, Невскому проспекту и т. д., где оказывали помощь раненым.

В первые дни работало от 50 до 200 человек. В состав отряда входили фельдшера, медички, сестры милосердия и, главным образом, санитары и санитарки из рабочей среды.

С 26 октября начали функционировать пункты скорой помощи на вокзалах: Царскосельском, Николаевском, Балтийском и Финляндском, работа которых заключалась в том, что отряды принимали больных и раненых с фронтов и распределяли по лазаретам Петрограда, попутно оказывая помощь населению, так как существовавшие пункты скорой помощи при вокзалах в то время были кинуты железнодорожным врачебным персоналом.

Центральным пунктом оказывалась помощь круглые сутки как на месте, так и посылкой отрядов. Также было установлено дежурство в помещении штаба.

В дни прекращения боев на фронте Керенского общее число личного персонала, занятого нашей организацией, было сокращено до 70 человек.

В ближайшие дни начали функционировать районные санитарные курсы, которые и дали возможность отправлять на фронты более подготовленный санитарный персонал.

Вслед за наступившим успокоением в Петрограде, начались отправки Красной гвардии на гражданский фронт, к которой прикомандировывались санитарные отряды. Прибывавшие из Финляндии и Кронштадта эшелоны моряков обращались непосредственно в нашу организацию за санитарной помощью. Так штаб Красной гвардии Выборгского района не мог далее поддерживать организацию, функции которой расширялись уже за пределы Петрограда и его окрестностей. Постановлением Военно-революционного комитета центральный пункт Выборгского района перешел в ведение его медико-санитарного отдела.

Необходимость сохранить пролетарскую организацию явилась потому, что в дни, когда наша организация только начала функционировать, мы, видя, что своими силами не можем справиться, обратились к организации Красного креста, в некоторые госпитали, лазареты и т. д. с просьбой оказать поддержку выдачей (на время) носилок, отпуском медикаментов, автомобилей или посылки своих отрядов на места, но на все наши просьбы получали или уклончивый ответ, вроде — подождите, мы поговорим с главным комитетом, председателем и т. д., или получался прямой отказ. Были и такие ответы, как например 1 госпиталя, которые заключали в себе предложения действовать захватным правом.

Но что было самое тяжелое и ужасное для организации — это отказ принимать раненых в лазареты и госпитали, которые не принимали по одному виду рабочей куртки, или просто вид штемпеля Пролетарского Красного креста на сопроводительной бумаге закрывал перед больным дверь, так что приходилось действовать вооруженной силой с помощью Красной гвардии, что например имело место в Военно-медицинской академии, где по прибытии больных заявляли, что нет свободных мест, но по проверке Красной гвардией оказалось 260 свободных коек.

Принимая все это во внимание, Военно-революционный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, признавая, что ликвидировать Пролетарский Красный крест, с таким трудом созданный, есть преступление против самодеятельности пролетариата, и констатируя недостаточность средств в нашем районе, постановил передать центральный пункт в ведение своего медико-санитарного отдела, создав таким образом центральную организацию, которая объединила все районы, а приказом Комиссариата по военным делам центральному пункту Пролетарского Красного креста, во избежание разрозненных действий санитарных отрядов и отдельных лиц, предписано было сконцентрировать все руководство по отправке летучих отрядов на гражданский фронт, так как началась беспорядочная отправка летучек, в которой снова приняли участие все районы Петрограда.

Нужно указать, с каким трудом доставала наша организация перевязочный

материал и медикаменты. В первые дни Октябрьской революции, как было указано, материал отпускался из амбулатории заводских комитетов. Когда явилась, например, первая необходимость организовать, для отправки с эшелонами моряков в Могилев для ликвидации ставки санитарный отряд, то в нашем распоряжении не оказалось достаточного количества медикаментов и инструментария, и только благодаря содействию врача из заводского комитета (завод Барановского) было взято из его амбулатории все необходимое для отряда, и летучка была организована. Этот отряд в Витебске из склада Красного креста, по требованию начальника эшелона, получил большой запас медикаментов и перевязочного материала, так что по возвращении из Могилева можно было снабжать следующие отряды. Из критического положения в дальнейшем выручали эшелоны матросов и красногвардейцев, которые привозили из мест боев реквизированный и отбиваемый у неприятеля перевязочный материал и медикаменты и сдавали в нашу организацию и, таким образом, получалась возможность санитарным отрядам обслуживать другие эшелоны, отправлявшиеся один за другим на гражданский фронт.

Еще хуже обстояло дело с обмундированием отрядов. В зимнее время отряды отправлялись неодетыми и необутыми вплоть до рваных сапогов и туфель, так как обувь отпускалась интендантством только Красной гвардии, которой нехватало даже обуть половину отправляющихся красногвардейцев. В большинстве случаев персонал получал по пути следования эшелона реквизированное обмундирование.

В таком положении находилась организация, принимая активное участие в Петрограде и Москве, куда в первые дни переворота были отправляемы отряды с эшелонами вплоть до того времени, когда положение организации упрочилось настолько, что по официальным требованиям материал уже отпускался из складов Красного креста и с 12 декабря через медико-санитарный отряд Смольного с санкции т. Подвойского из завода военно-врачебных заготовлений.

Выше было указано, что отряды состояли почти исключительно из рабочих и работниц заводов и фабрик в качестве санитаров и сестер милосердия, получивших начальную подготовку к оказанию первой медицинской помощи.

Ввиду беспрерывных требований на санитарные отряды, параллельно с отправкой одной партии подготовленного персонала шла подготовка следующих к отправке. Лекции и практические занятия вели в районах медички. Врачи отсутствовали, за ничтожным исключением партийных работников. Ответственными лицами приходилось посылать фельдшеров и фельдшериц, а также медичек старшего курса.

Сознавая дальнейшую невозможность обслуживать в медицинском отношении весь гражданский фронт, была сделана последняя попытка обратиться с воззванием к врачам, фельдшерам и сестрам милосердия принять участие в организации помощи отправляющимся эшелонам, но на призыв ответа не последовало. Приходилось обходиться своими силами. Некоторое время спустя Выборгской районной управой было поручено группе лекторов прочесть курс лекций для санитарного персонала, что и было выполнено в одной из аудиторий Военно-медицинской академии, слушателями которой были рабочие и работницы. Отряды отправлялись согласно выработанному плану в таком составе: к эшелону в 1 000 человек прикомандировывался отряд в составе одного или двух фельдшеров, четырех-шести сестер милосердия, двенадцать-четырнадцать санитаров. Отряды находились при эшелонах, обслуживая их как в пути следования к месту назначения, так и во время боев.

Принимая во внимание обстановку, в которой находились эшелоны в борьбе с контрреволюцией, с отрядами отправлялись партийные работники с соответствующей литературой, которые вели агитационную работу и несли ответственность за работу отрядов. Медицинскому же лицу передавались функции чисто врачебного характера.

Что касается финансового положения организации, то до 1 января штабом Красной гвардии Выборгского района оплачивался персонал центрального пункта, а отряды оплачивались заводами. С 1 января [1918 г.] содержание шло от Пролетарского Красного креста, получая по смете из Главного штаба Красной гвардии со времени работы в санитарном отделе Рабоче-крестьянской Красной армии.

Управление Пролетарского Красного креста состояло из выборных лиц. 24 ноября 1917 г., общим собранием Выборгской районной организации Пролетарского Красного креста было избрано бюро из шести лиц, выделившее из себя коллегию из трех лиц. Затем бюро было пополнено представителями районных организаций Пролетарского Красного креста и, таким образом, состав был из четырнадцати человек, распределивших между собою организационную работу.

Помещение, в котором протекала работа, состояло из двух комнат в Михайловском артиллерийском училище, так как здесь размещены были все рабочие организации Выборгского района. Другого помещения не было возможности подыскать и приходилось обходиться двумя комнатами, одна из которых была отведена под перевязочную амбулаторию, ввиду наплыва больных и раненых. Тут же помещалось несколько коек для красногвардейцев, находившихся в ожидании размещения их по лазаретам. Во второй комнате протекала вся организационная работа; там помеща-

лись канцелярия, склад, дежурные отряды и т. д.

Выше было указано, с каким трудом удавалось размещать больных и раненых по лазаретам. Отношение медицинского персонала к больным красногвардейцам было невозможно, нужно указать на один из фактов, который заставил прийти к заключению [о] необходимости приобретения лазарета для нужд Красной гвардии. С пункта, находившегося на Царскосельском вокзале, была отправлена в Обуховскую больницу партия раненых красногвардейцев. На следующий день на вокзал явился на костылях сбежавший из больницы красногвардеец и просил поместить его в другую больницу, где он был бы гарантирован от насмешек медицинского персонала, и куда нужно было бы перевести других товарищей. В Обуховскую больницу тотчас же была отправлена комиссия для составления протокола. В Мариинской больнице у тяжело раненых нами было установлено непрерывное дежурство и помощь врача.

Поиски лазарета не приводили к желаемым результатам, пока случайно от одного из служащих в Союзе городов не получили извещения о закрытом лазарете № 224, находившемся на окраине Выборгского района, который был отдан в наше распоряжение только по истечении месяца. Союз городов прямо ответил, что закрытие лазаретов не предвидится и сведений о лазаретах дать не может. Затем по распоряжению Красной гвардии перешли в казармы Московского полка с лазаретом на 300 коек, который и стал заполняться больными красногвардейцами. Поиски помещения для организации не менее были затруднительны.

Только в феврале месяце [1918 г.] удалось занять дом Паниной на Фонтанке, занятый складом Красного креста. Склад был переведен в другое место и с этих пор работа происходила на Фонтанке вплоть до настоящего времени, в более нормальной обстановке. Во второй половине января с. г. [1918 г.] созданием Красной армии, в основу которой легла Красная гвардия, при Всероссийской коллегии по организации и управлению Рабоче-крестьянской Красной армии, декретом Совета народных комиссаров было образовано несколько отделов, одним из которых намечен был санитарный отдел, основой которого явился Пролетарский Красный крест, после чего принявший название санитарный отдел Рабоче-крестьянской Красной армии (основание приказ Народного комиссариата по военным делам от 29 января 1918 г. за № 116).

Приказом Военного комиссариата к санитарному отделу перешел бывший «особый отдел имп. Александры Федоровны» с четырьмя санитарными поездами и Царскосельским лазаретом, переименованным в настоящее время в лазарет № 1 Рабоче-крестьянской Красной армии, благодаря чему явилась возможность эвакуации раненых и больных санитарными поездами. Поезда были отправлены на гражданские фронты: Южный, Псковско-Лужский и Финляндский и по настоящее время совершают рейсы, эвакуируя из Петрограда детские колонии, раненых и больных, а также военнопленных: из Германии—русских и в Германию — немецких. Регулярная отправка на Псковско-Лужский фронт, в период наступления немцев, сначала была нарушена вмешательством медико-санитарного отдела Смольного, который отправкою неорганизованных отрядов по 30—40 человек создал для работы на фронте невозможную обстановку. Но в скором времени медико-санитарный отдел ликвидировал свою работу по обслуживанию фронта и по настоящее время все обслуживание фронтов: Псковско-Лужского, Нарвского, Финляндского и Южного лежит на санитарном отделе Красной армии, который работал и работает в контакте с военным комиссариатом и высшими санитарными ведомствами (главное санитарное управление и комиссариат здравоохранения Петроградской трудовой коммуны). Для руководства и управления делами санитарного отдела, Советом врачебных коллегий 6 марта [1918 г.] была образована коллегия из трех лиц — представителей от: совета врачебных коллегий, главного санитарного управления Пролетарского Красного креста.

При эвакуации правительственных учреждений из Петрограда в Москву, коллегия санитарного отдела всероссийской коллегии по управлению и организации Рабоче-крестьянской армии выделила для обслуживания Петроградского округа организацию под названием санитарный отдел Рабоче-крестьянской Красной армии Петроградского округа, для управления которым была образована коллегия в составе представителей от: санитарного отдела всероссийской коллегии по организации и управлению Красной армией, петроградского окружного военно-санитарного управления и медико-санитарного отдела Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

Считаем своим долгом указать на самоотверженную работу санитарных отрядов, что доказывается следующими фактами: на Южном фронте было несколько человек убитых и раненых, а под Новозыбковым два отряда попали в плен благодаря тому, что все время работали в боевой линии, из которых один пропал без вести, из другого отряда одна сестра (Зубарева) была расстреляна белогвардейцами, часть пропала без вести и лишь несколько человек смогли, после мытарств по тюрьмам, бежать из плена. На Финляндском фронте во время боя под Таммерфорсом, будучи окруженными белой гвардией, попали в плен два отряда, из которых лишь нескольким удалось вырваться, остальные сидят по финским тюрьмам, погибая вместе с красногвардейцами от голода и мытарств, так как белая гвардия не считает для себя обязательным не только обхо-

диться с пленными по-человечески, но явно преследует цель довести пленных до голодной смерти. По заявлению бежавших, пленные размещены по тюрьмам и сараям вместе с заразными больными (в Финляндии свирепствует тиф и оспа), не получая ни пищи, ни воды (подробные сведения будут представлены назначенной нами следственной комиссией).

Организация тыла в санитарном отношении

При каждом районном штабе в Петрограде организованы санитарные отделы, ведающие обслуживанием расположенных в районе воинских частей.

Таких отделов в Петрограде 14:

1) Адмиралтейский район в составе: 1 врача, 2 лекарских помощников, 4 сестер, 5 санитаров.
2) 1 Городской » » 2 врачей, 3 лекарских помощников, 3 сестер, 4 санитаров.
3) 2 Городской » » 2 врачей, 3 лекарских помощников, 3 сестер, 4 санитаров.
4) Василеостровский » » 1 врача, 3 лекарских помощников, 4 сестер, 4 санитаров.
5) Выборгский » » 3 врачей, 6 лекарских помощников, 14 сестер, 5 санитаров.
6) Московско-Заставский район в составе: 1 врача, 2 лекарских помощников, 4 сестер, 3 санитаров.
7) Петергофский » » 1 врача, 2 лекарских помощников, 4 сестер, 3 санитаров.
8) Петроградский » » 1 врача, 2 лекарских помощников, 6 сестер, 4 санитаров.
9) Новодеревенский » » 1 врача, 3 лекарских помощников, 6 сестер, 10 санитаров.
10) Невский » » 1 врача, 2 лекарских помощников, 6 сестер, 3 санитаров.
11) Спасский » » 1 врача, 2 лекарских помощников, 1 сестры, 3 санитаров.
12) Рождественский » » 1 врача, 2 лекарских помощников, 1 сестры, 3 санитаров.
13) Обуховский » » 1 врача, 1 лекарского помощника, 3 сестер, 4 санитаров.
14) Пороховский » » 1 врача, 4 лекарских помощников, 4 сестер, 4 санитаров.

Неоднообразность районных санитарных отделов вызывалась различными требованиями районов. В одних приходилось организовать приемные покои, зубоврачебные кабинеты и комиссии по освидетельствованию вновь принимаемых красноармейцев, в других же, вследствие наличности лазаретов, оставшихся не свернутыми, или меньшего количества воинских частей, увеличивать персонал не являлось необходимым.

Поэтому сорганизовать санитарные отделы при штабах по одному образцу не было возможности.

Санитарным отделам вменялось в обязанность информировать санитарный отдел Петроградского округа о количестве формируемых частей и численном их составе. Исходя из получаемых сведений с мест, санитарный отдел прикомандировывал к той или иной формируемой части определенное количество лиц медицинского персонала по плану обеспечения строевых воинских частей мирного времени — 1 роту в 200 чел.,— 1 лекарского помощника и 2 санитаров.

За последнее время в Петрограде были сформированы нижеследующие воинские части, обслуживаемые нашим медицинским персоналом:

1) 1 легкая артиллерийская бригада . . . . . (627 чел.)
2) 1 мортирный артиллерийский дивизион . . . . . (658 чел.)
3) 1 дивизион легкой артиллерии бригады корпуса Красной армии (627 чел.)
4) Отряд социалистической армии при центральном совете фабрично-заводских комитетов . . . . . (147 чел.)
5) 1 пехотный отдельный батальон . . . . . (399 чел.)
6) Автотранспортная рота 1 корпуса . . . . . (421 чел.)
7) Особый отряд Красной армии . . . . . (675 чел.)
8) Эстонский коммунистический пехотный полк . . . . . (742 чел.)
9) 1 железнодорожный подрывной отряд . . . . . (400 чел.)
10) 1 Путиловский стальной артиллерийский дивизион . . . . . (200 чел.)
11) 2 Петроградский сводный отряд . . . . . (1258 чел.)
12) Путиловский батальон . . . . . (664 чел.)
13) Отряд Красной армии Выборгского района . . . . . (189 чел.)
14) Отряд Красной армии 2 Городского района . . . . . (452 чел.)
15) 2 дивизион 1 легкой бригады . . . . . (692 чел.)

16) Отряд Красной армии Обуховского района . . . . . (498 чел.)
17) Сестрорецкий отряд Красной армии . . . . . (205 чел.)
18) Рождественский пехотный стрелковый отряд . . . . . (218 чел.)
19) Полк Красной армии Выборгского района . . . . . (1689 чел.)

Для правильного распределения по лазаретам больных и раненых, прибывающих с фронтов, устроены распределительные пункты.

С октября [1917 г.] на Финляндском вокзале [работают] 3 лекарских помощника, 8 сестер, 4 санитара. В связи с последними событиями в Финляндии (форт ИНО и Мурманское побережье), по предписанию комиссариата здравоохранения открыты питательно-перевязочно-амбулаторные пункты на Приморском вокзале, а также на Охте. Последний не функционировал благодаря приостановке военных действий, но готов в любой момент приступить к работе.

Обслуживание фронтов

На Псковско-Лужском фронте находится до 1 500 пограничной стражи. Стража обслуживает участок в 50—60 верст. Главная база пограничной стражи находится в Трошине. Там для обслуживания ее находится санитарный отряд д-ра Ивянского в составе: 1 врача, 6 лекарских помощников, 30 санитаров и 2 сестер милосердия. Отрядом организован в Трошино амбулаторный прием для приходящих больных, как для красноармейцев, так и для беженцев, инвалидов, и военнопленных, приходящих в громадном количестве через Трошинский приемный покой на 15—20 коек для легко раненых, нуждающихся в более продолжительном лечении. Для этой цели в распоряжении врача имеется 3 санитарных вагона типа летучки. Впереди Трошино для обслуживания пограничной стражи выделены 5 лекарских пунктов, по 1 лекарскому помощнику и 2 санитара в каждом:

при 3 отдельной пограничной Трошинской роте,
» 4 отдельной Кронштадтской роте,
» 2 Лужской пограничной роте,
» эскадроне 9 драгунского запасного полка,
» 1 Эстонской пограничной роте.

Эти лекарские пункты оказывают медицинскую помощь раненым красноармейцам и направляют их в главную базу в распоряжение врача, который решает дальнейшую эвакуацию в тыл.

По такому плану организованы санитарные отряды на всех фронтах.

Ямбургский фронт.

На Ямбургском фронте насчитывается до 4 000 чел. Организация санитарного дела поручена на Ямбургском фронте избранной коллегии в составе трех врачей — Гипеля, Зимана и Абрамовича.

Ими принят целый ряд мер по упорядочению санитарного дела фронта по Трошинскому плану. Из отряда д-ра Брикмана в составе 2 врачей, 10 лекарских помощников, 9 сестер милосердия и 20 санитаров и отряда д-ра Зимана из одного врача, 5 лекарских помощников, 2 сестер милосердия и 2 санитаров, выделены летучки — фельдшерские пункты в составе 1 лекарского помощника и 2 санитаров.

1) в м. Каскалово,
2) » м. Гаково,
3) » м. Куровицы,
4) » м. Тихвинка,
5) » м. Дубровка.

Необходимость в Дубровском пункте вызвана расположением его на магистрали железных дорог Ямбург — Нарва, где периодически сосредоточивается от 200 до 300 беженцев.

В самом Ямбурге при штабе и при главной воинской базе организованы: приемные покои на 15—20 коек для больных и раненых красноармейцев, амбулаторный прием для приходящих больных, зубоврачебный кабинет и эвакуационный пункт.

В Ямбурге приняты меры к улучшению водоснабжения и поднятия санитарии на должную высоту. Коллегия врачей работает в контакте с медико-санитарным отделом Ямбургского совдепа.

При штабе Скоробогача идет запись и формирование Красной армии. Каждый раз, как сформировывается та или иная боевая единица, ямбургский штаб Красной армии ставит в известность нас через коллегию врачей.

В Ямбурге сформированы нижеследующие воинские части, к которым прикомандирован медицинский персонал:

1) 1 сводный отряд т. Наумова . . .	1	лекарский	помощник	и 2	санитара
2) Нарвский отряд	3	»	»	» 6	»
3) 1 партизанский отряд т. Окулова	1	»	»	» 2	»
4) 1 Ямбургский отряд т. Быкова .	1	»	»	» 2	»
5) 6 Белгорайский батальон	2	»	»	» 4	»
6) Нарвский партизанский эскадрон	2	»	»	» 2	»

В распоряжении ямбургской коллегии врачей имеется несколько санитарных вагонов.

Восточно-Карельский фронт.

На Восточно-Карельском фронте оперирует 1 сводный корпус в составе 500 чел. В последнее время численность строевого войска дошла до 3 000 чел. Организация санитарного дела на фронте поручена д-ру Иванову по плану, выработанному для Трошина и Ямбурга. В отряде д-ра Иванова имеется 35 человек медицинского персонала.

Главное ядро отряда расположено на ст. Лемболово, Карельской железной дороги, где открыт амбулаторный прием для больных. На 7 верст в тыл — приемный покой на 10—15 коек. Впереди Лемболово на важнейших оперативных направлениях находятся санитарные отряды, а центр обслуживается тремя лекарскими пунктами в составе одного лекарского помощника и санитаров, на каждом из них. Таким образом Карельский перешеек обслуживается двумя врачами, 14 лекарскими помощниками, 6 сестрами и 18 санитарами.

В боевой линии Петрозаводска работает отряд, в составе 1 врача, 6 лекарских помощников, 8 сестер милосердия и 14 санитаров, организующий в настоящее время подвижной лазарет.

Во время боев в Выборг, Тавазгус, Кавансари, Антреа и Тали были периодически посылаемы санитарные отряды в определенном составе персонала. Часть санитарного персонала погибла вместе с Финской красной гвардией, которую обслуживала, 2 отряда попали в плен, а остальная часть распалась на небольшие группы и оказывала уцелевшим частям финской Красной гвардии медицинскую помощь до последнего момента пребывания Красной гвардии в Финляндии.

В Финляндии, между Петроградом и Гельсингфорсом, курсировали санитарные поезда, №№ 1001 и 102, эвакуируя больных и раненых, регистрируемых финско-русской комиссией.

Южный фронт. С первых дней Октябрьской революции и начала гражданской войны санитарные отряды, в количестве 18, периодически были отправляемы в распоряжение — сначала начальников эшелонов, затем штабов тт. Антонова и Сиверса. В данное время в Брянске в распоряжении т. Соболева, начальника 1 сводного отряда Красной Балтики, находятся 2 санитарных отряда, с 2 врачами, 2 лекарскими помощниками, 8 сестрами милосердия и 16 санитарами.

1 санитарный отряд в составе 1 врача, 1 лекарского помощника, 5 сестер милосердия и 7 санитаров прикомандирован в блиндированный поезд морского эшелона по требованию Брянского совдепа.

В хуторе Михайловском, Семеновке и Новозыбкове работали по отряду, но сведений от них в настоящее время нет, за исключением 1 Новозыбковского отряда, который попал в плен и частью расстрелян.

Один отряд в настоящее время отправлен с 1 Советским батальоном, сформированным в Москве, в распоряжение т. Сатина в Брянск, в составе 1 врача, 3 лекарских сестер милосердия и 3 санитаров.

Заключение.

В заключение всего вышеизложенного считаем своим долгом указать причины продолжительной деятельности Пролетарского Красного креста. С одной стороны, полный саботаж старого медицинского аппарата и военно-санитарного ведомства в дни Октябрьского переворота, с другой — упорное стремление Пролетарского Красного креста перестроить основы старой медицины на демократических началах, влив в старые аппараты возможно больше живого революционного элемента, который один может уничтожить рутину старых медицинских учреждений и поднять санитарное дело на должную высоту, но главным образом — привлечь широкие массы пролетариата к самодеятельности в области начальной медицины, столь насущной в жизни беднейшего класса.

Вплоть до настоящего времени в Пролетарский Красный крест поступает целый ряд требований от советских организаций всей республики и воинских частей на фронтах, получаются сведения об организации на местах Пролетарского Красного креста.

Потому Пролетарский Красный крест не считает себя в праве оставить фронты без моральной поддержки и санитарной помощи.

С другой стороны, считая роль Пролетарского Красного креста, которую он взял на себя в период борьбы за советскую власть, в настоящее время законченной, представляем Совету народных комиссаров решить вопрос о дальнейшем существовании и развитии организации или ликвидации ее.

В настоящее время предлагаем, впредь до сконструирования центрального медицинского учреждения Советской федеративной республики, признать Пролетарский Красный крест в лице его центрального управления в Москве (б. санитарный отдел при всероссийской коллегии по организации Рабоче-крестьянской Красной армии) и окружного в Петрограде, подведомственным Народному комиссариату по военным делам.

Член коллегии (подпись).

Приложение к отчету № 1

ВЕДОМОСТЬ

отрядов, лазаретов и санитарных поездов, находящихся в ведении Пролетарского Красного креста

Число единиц	Состав персонала	Обслуживаемый район	Название обслуживаемой части и характер работы
2 отряда	2 врача, 2 лекарских помощника, 8 сестер милосердия и 16 санитаров	Гор. Брянск	Сводный отряд Красной армии под начальством тов. Соболева
1 отряд	1 врач, 1 лекарский помощник, 5 сестер милосердия и 8 санитаров	Направление к Брянску	Блиндированный поезд моряков красной Балтики
1 отряд	1 врач, 1 лекарский помощник, 4 сестры милосердия и 8 санитаров	Хутор Михайловский, Смоленской г.	При Штабе Красной армии тов. Сиверса
1 отряд	1 врач, 1 лекарский помощник, 4 сестры милосердия и 8 санитаров	М. Семеновка, Смоленской губ.	1-й Курский революционный отряд
1 отряд	1 лекарский помощник, 3 сестры милосердия, 3 санитара	Направлен в Екатеринбург (Урал)	Обслуживает разведочный отряд комиссара Павлова
1 отряд	1 врач, 7 лекарских помощников, 2 сестры милосердия, 30 санитаров	Ст. Трошино (Псковско - Лужский фронт)	1. 3 пограничная Трошинская рота 2. 2 Лужская пограничная рота 3. Эстонская пограничная рота 4. 4 отдельная Кронштадтская рота 5. Эскадрон 9 Драгунского полка
1 отряд (отделения отряда)	Коллегия из 3-х врачей, руководящая обслуживанием воинских частей	Ямбургский фронт	При Штабе Красной армии Скоробогача
1/а	1 лекарский помощник и 2 санитара	» »	1 сводный отряд Наумова
1/б	3 лекарских помощника и 6 санитаров	» »	Нарвский отряд
1/в	1 лекарский помощник и 2 санитара	» »	1 партизанский отряд Окулова
1/г	1 лекарский помощник и 2 санитара	» »	1 Ямбургский отряд Быкова
1/д	1 лекарский помощник и 2 санитара	» »	Нарвский партизанский отряд
1/е	2 лекарских помощника и 4 санитара	» »	6 Белгорайский баталион
1 отряд	1 лекарский помощник, 2 сестры и 4 санитара	М. Каскалово	Амбулаторное обслуживание вновь организ. воинских частей вокруг Ямбурга
1 отряд	1 лекарский помощник, 2 сестры и 4 санитара	М. Гаково	
1 отряд	1 лекарский помощник, 2 сестры и 4 санитара	М. Куровицы	
1 отряд	1 лекарский помощник, 2 сестры и 4 санитара	М. Тихвинка	
1 отряд	1 лекарский помощник, 2 сестры и 4 санитара	М. Дубровка	
1 зубоврачебный кабинет	1 врач	М. Ямбург	Обслуживает приходящих красноармейцев

Число единиц	Состав персонала	Обслуживаемый район	Название обслуживаемой части и характер работы
1 отряд	2 врача, 14 лекарских помощников, 6 сестер и 18 санитаров	Ст. Лемболово (Восточно - Карельский фронт) вокруг Лемболово	Амбулаторный прием для Красной армии
3 отряда	3 лекарских помощника и 9 санитаров	—	1 Сводный корпус и другие части
1 подвижной лазарет	1 врач, 6 лекарских помощников, 6 сестер милосердия, 14 санитаров	Гор. Петрозаводск	Красноармейские части
1 дезинфекционный отряд	1 врач, 2 лекарских помощника, 2 отв. дезинфектора, 8 санитаров	Ст. Бологое	Воинский распределительный пункт и воинские поезда
1 отряд	1 лекарский помощник, 4 сестры, 8 санитаров	Новозыбково	Эшелон Красной гвардии (в плену)
1 отряд	1 лекарский помощник, 4 сестры, 8 санитаров	Под Новозыбковом	Эшелон Красной гвардии
2 отряда	4 лекарских помощника, 12 сестер милосердия, 20 санитаров	Таммерфорс (Финляндия)	Красноармейские части
1 отряд	1 врач, 2 лекарских помощника, 4 сестры, 8 санитаров	Нарвский фронт	Отряд стального артиллерийского дивиз.

САНИТАРНЫЕ ПОЕЗДА

Название поездов	Их состав					Обслуживаемый район
	Врачи	Лек. пом.	Сестры	Санитары	Зав. хоз.	
Военно-санитарн. поезд № 61 . . .	2	3	3	29	1	Эвакуируют раненых, больных, инвалидов и военнопленных
» » » № 81 . . .	2	2	3	29	1	
» » » № 1001 . .	2	4	7	45	1	
Поезд склада № 1	1	2	—	6	1	Обслуживает Южный фронт

Состав медицинского персонала лазаретов и распределительных пунктов

	Врачи	Лек. пом.	Сестры	Санитары	Низш. мед. персон.	Канцелярские служ.
Сестрорецкий лазарет	5	4	4	2	—	—
Московский (Моск. Каз.) . . .	3	3	18	4	—	—
Царскосельский-лазарет № 1 Рабоче-крест. Красной армии	2	—	6	16	6	2
Финляндский распределительный пункт	1	3	8	8	—	—
Распределительный пункт Приморского вокзала	1	3	4	6	—	—

Член Коллегии (подпись)

Александро-Невская лавра накануне свержения самодержавия

История Александро-Невской лавры в последние годы царизма — это не только история монашества и духовенства, это не только история одного из центров православия и религиозного мракобесия. Лавра, стремившаяся подчинить трудовые массы своему влиянию и авторитету, в то же время была теснейшим образом связана с правительственными верхами, с российским самодержавием. Связь церкви и самодержавного режима достаточно известна и ясна, но никогда, пожалуй, не обнаруживался с такой ясностью истинный смысл этой связи, никогда так не обнажалось истинное содержание царизма и православия, как в годы войны, распутинщины и разложения самодержавия.

В эти годы на фронте сотнями тысяч умирали русские солдаты — рабочие и крестьяне, умирали почти безоружные, брошенные без сапог, без винтовок и пулеметов, без снарядов и патронов, ежечасно предаваемые и продаваемые царскими генералами.

А в «святом месте» — Александро-Невской лавре — идут попойки, сюда приезжают Распутин, министры, отсюда идут указания царю и царице — кого назначить министром, как обмануть трудовой народ и продлить существование умирающей монархии.

В публикуемых документах поражает откровенная жажда использовать возможность обогащения, неприкрытая жадность церковников — митрополита Питирима и его прислужников.

В дни кровавого ужаса мировой войны, в дни величайших военных поражений «отечества», Питирим заботится только о величине своего денежного довольствия, он беззастенчивой рукой забирается в казну лавры и отгребает себе львиную долю из ее доходов.

Народ всегда смотрел на попов, как на людей, отличавшихся обжорством, пьянством, лицемерием и т. д. Но народ не знал о том, что творилось в стенах лавры. Лавра являлась своего рода негласным правительственным центром, связанным с Распутиным и царским двором. В Лавре между попойками и блудом намечалась политика самодержавия. Но к чему сводились все вожделения ее вдохновителей? Прожить еще год, месяц, день, час. Оттрочить на мгновение неизбежную гибель, продлить возможность узаконенного всем режимом и строем грабежа и обогащения за счет трудящихся масс.

Крестьянские поля покрываются сорной травой, заводы останавливаются. Голод проникает в города и села.

А духовные и светские верхи заботятся только о своем благополучии. Государственная казна — это их казна. Митрополиты, министры, капиталисты, под эгидой насквозь прогнившей, но еще существующей монархии, спешат грабить, наживаться, кутить — «хоть час, да мой», «после нас хоть потоп!».

Крепнет сознательное возмущение рабочего класса. Зреет негодование солдатской массы. Но митрополиты и министры, в тесном союзе с Распутиным и представителями буржуазии, стремятся использовать последние минуты, которые они остаются у власти.

Для этих священнослужителей нет ничего святого. Единственная реальность, признаваемая ими,— это акции и кредитный билет. Их патриотизм — это патриотизм сейфа. Их логика и закон борьбы — грабить и не давать ограбить себя.

С чувством невольного омерзения и отвращения читаешь сейчас эти документы прошлого нашей страны.

И тем сильнее становится огромная гордость за настоящее. Под водительством коммунистической партии рабочий класс и трудящееся крестьянство создали свою страну, подняли на невиданную высоту и укрепили социалистическое отечество во имя своего счастья и счастья трудящихся всего мира.

Е. Чернявский.

Протокол допроса директора канцелярии обер-прокурора синода В. И. Яцкевича судебным следователем по особо важным делам Петроградского окружного суда Александровым, 25 мая 1917 г.[1].

Я состою директором канцелярии обер-прокурора святейшего синода с 1910 года, а до этого, начиная с 1888 года, провел в разных должностях в той же канцелярии. Прежде чем дать вам какие-либо указания на состояние дел в Александро-Невской лавре, я долгом считаю сообщить вам сведения о личности бывшего в последнее время митрополитом петроградским и священно-архимандритом этой лавры преосвященного Питирима. Еще в 1907 году, когда мне пришлось быть по делам служебным в г. Вильне, покойный архиепископ литовский Никандр говорил мне, что преосвященный Питирим не прочь был снабжать деньгами начальствующих лиц, могущих помочь в деле служебного возвышения. Это обстоятельство уже в то время указывало мне на особую черту характера Питирима — на способность, путем искательства, добиваться карьеры. Это снабжение деньгами выражалось в посылке, насколько припоминаю, 500 рублей на Богословскую школу. Как усматривается из ревизорского отчета по Тульской епархии бывшего обер-секретаря

[1] Публикуемые документы хранятся в ГАФКЭ ф. В. И. Яцкевича, директора канц. обер-прокурора синода. Подготовлены к печати М. А. Ганжа-Неберо.

святейшего синода Мудролюбова, преосвященный Питирим, находясь на Тульской кафедре, опустошил тульский архиерейский дом при посредстве своего любимчика келейника, бывшего в свое время ужасом епархии и притчей во языцех всего города Тулы, а подробности этого дела могут быть извлечены непосредственно из имеющегося в святейшем синоде дела с ревизорским отчетом.

Перемещенный на тульскую кафедру и привезший с собою того же келейника, преосвященный Питирим особенно заявил себя близостью с последователями секты Стефановцев-подгорнцев и приобрел особую их любовь к себе, возведенный чуть ли не в святые. Подгорнцы представляются разновидностью секты хлыстов. Подробности такого рода деяний Питирима можно видеть в особом деле по ревизии Стефановского движения, произведенной ныне большим почитателем преосвященного Питирима, известным миссионером Василием Михайловичем Скворцовым, состоявшим в то время чиновником особых поручений при обер-прокуроре св. синода.

Из Курска преосвященный Питирим был переведен во Владикавказ. Здесь около него появляется ныне всем ведомый, в качестве секретаря, кажется по имени Иван Зиновьевич Осипенко. Чтобы оформить положение его во Владикавказе, для него, Осипенки, было очищено место секретаря при епархиальном преосвященном, для чего был изгнан из Владикавказа надворный советник Василий Иванович Венецкий, состоящий в настоящее время причисленным к канцелярии обер-прокурора св. синода. Одни считают Осипенко сыном Питирима, а другие усматривают между ним и Питиримом еще более «близкие» отношения.

По моим сведениям, знакомство Питирима с Распутиным началось во время его состояния на самарской кафедре (около 4—5 лет тому назад). В центральных учреждениях св. синода определенно говорят, что это знакомство состоялось в квартире бывшего обер-секретаря св. синода Петра Васильевича Мудролюбова. Есть все основания утверждать, что назначение преосвященного Питирима в экзархи Грузии совершилось благоволением Распутина. Я имею документ, утверждающий, что избрание Питирима в экзархи совершилось, вопреки всяким ожиданиям ведомства православного исповедания, вне всякого порядка, бывшим царем. В зимнюю сессию 1915 года преосвященный Питирим был вызван в Петроград личным волеизлиянием бывшего царя. Бывший в то время обер-прокурор Волжин, представлявший предварительно на благовоззрение царя список предположенных в сессию преосвященных, выражал опасения приказа вызова Питирима и не ошибся в своих опасениях. В списке рукою бывшего царя начертан «Питирим», вместо зачеркнутого другого. В конце 1915 г. скончался митрополит киевский Флавиан. Волжин высказывал опасения, что заместителем его будет навязан Питирим, и высказывал мысль, что могут настоять на переводе в Киев Владимира и постановления на его место Питирима. Готовясь к одному из докладов бывшему царю, на котором предполагалось обсудить вопрос о митрополичьей кандидатуре, Волжин ознакомился со всеми делами, касающимися деятельности преосвященного Питирима. Эти сведения им доложены были бывшему царю, но через самое короткое время весь доклад Волжина был известен Питириму. Сделавшись митрополитом петроградским, Питирим окружил себя компанией лиц определенной окраски, обычным посетителем лавры и митрополичьих покоев был Гришка Распутин и его «присная». Первые митрополичьи именины были отпразднованы в присутствии следующих лиц: архимандрита Филарета, епископа тобольского Варнавы, ныне уволенного на покой, Осипенко, П. В. Мудролюбова, Н. В. Соловьева (казначея синода) и Гришки Распутина (эти сведения мне сообщены преосвященным Варнавою).

Определенно говорили о происходивших в стенах лавры оргиях, с участием цыганских певиц и плясуний, выходивших из лавры особым ходом через Владимирскую церковь. Точно так же говорят и о том, что Распутин во всякое время проникал в лавру особым ходом с проулочка около лавры.

Есть сведения, что преосвященный Питирим имел большую дружбу и с корреспондентами газет (Паозерским), воспевавшим его славу («Вечернее время»). К концу 1916 г. после думских речей о митрополите Питириме в ведомстве православного исповедания определенно говорили, что Питирим сделал незаконное позаимствование лаврских средств (75 000 рублей) для платы долговых обязательств перед Гришкою Распутиным, как за получение кафедры, так, в особенности, за благодарность за последовавший в то же время рескрипт с похвалами деятельности и с пожалованием предносного креста. Эти деньги взяты в качестве одной трети валового лаврского дохода, вместо обычно получаемой митрополитами одной трети кружечного лаврского дохода. Передают, что для покрытия «особых митрополичьих расходов» привлечена и митрополичья по Варшавской железной дороге дача, в виде какой-то незаконной операции, не то продажи, не то залога, но точно сказать не могу. В лавре возбудил против себя особое негодование произведенный митрополитом Питиримом разгон неугодных ему лиц (архимандрита Моисея и др.) на почве несочувствия его незаконным действиям.

Кроме перечисленных выше конкретных случаев злоупотреблений со стороны преосвященного Питирима по деятельности его в Александро-Невской лавре, мне более ничего неизвестно.

Настоящее показание мною прочитано, я удостоверяю, что оно записано правильно с моих слов. Ничего более к сказанному прибавить не имею.

Тайный советник В. Яцкевич.

Состоящий в комиссии по обревизованию Александро-Невской лавры Александров.

Из протокола показаний правителя дел Александро-Невской лавры иеромонаха Всеволода судебному следователю по особо важным делам Петроградского окружного суда Александрову.

... Митрополитом при моем поступлении был Владимир, который спустя месяца два после моего перехода на службу в лавру, ушел в Киев.

Такой уход Владимира из столичной епархии находился в связи с предоставлением места его Питириму, экзарху Грузии. Да и сам Владимир понимал свой уход как обиду, какового обстоятельства не скрыл от братии при своем прощании.

Назначение Питирима в Петроград об'яснили влиянием, с одной стороны, Григория Распутина при царском дворе, а с другой, близостью Питирима к Распутину. Это обстоятельство нашло себе полное подтверждение в дальнейших фактах, о которых я скажу сейчас. Не могу утверждать, но полагаю, что с Питиримом был ранее знаком наместник лавры Филарет, это подтверждается нижеследующими фактами. Когда Питирим был назначен в лавру, то Филарет, бывший в то время только экономом, сразу, как говорится, воспрял духом и, действительно, с назначением митрополитом Питирима Филарет был назначен из экономов сразу в наместники — скачок редкий и, пожалуй, и небывалый. Когда Питирим получил назначение митрополита, то он не сразу переехал в лавру и некоторое время проживал в Благовещенском подвории, на Васильевском острове, и Филарет его посещал там. Дальнейшее подтвердило близость к Питириму и наместника Филарета.

Что касается особой близости Питирима к Распутину, чем и об'яснялось назначение Питирима в Петроград, то это вполне подтвердилось: во-первых, Питирима неоднократно посещал в лавре Распутин. Секретарь Питирима Иван Зиновьевич Осипенко посещал Распутина. К характеристике этого Осипенко тут уместно привести такой факт. Осипенко, видимо, уклонялся от воинской повинности и был устроен в Красный крест, так что носил военную форму Красного креста, по виду был совершенно здоровый краснощекий мужчина. К нам он относился с величайшим пренебрежением. Приведу вам такой факт: как-то посетил Питирима Протопопов, министр, зимою 1916/1917 г. Я ожидал в швейцарской митрополичьего дома, кажется, поджидая наместника. В этот момент спускался вниз Протопопов в сопровождении Осипенко, который стал давать мне знаки, чтобы я ушел, попросту говоря, спрятался, чтобы не попал на глаза, и так как я этого не успел сделать, то Осипенко мне говорил: «Вы разве не видите — министр идет, я вас вышлю в 12 часов». Питирим вообще не любил, чтобы видели, кто его посещает; этому служит такой факт: в швейцарскую выходило какое-то окно, в которое однажды заглянул эконом митрополичьего дома Евгений в тот момент, когда кто-то выходил от Питирима, и вот за это Евгений был смещен сразу с двух должностей и уволен на покой, несмотря на то, что он был почтенный, заслуженный старик. Ныне он на покое в лавре. Мне как-то случайно пришлось ехать и разговаривать с извозчиком; зашел у меня с ним разговор о дороговизне, и извозчик мне вдруг и говорит: «Как не быть дороговизне, когда не царь правит Россией, а Гришка Распутин, да этот Гришка и к вам в лавру ездит, вот я его возил недавно». А Распутин ни к кому другому, как я в этом убежден, приезжать и не мог, как к Питириму. Был, например, и такой факт. Не помню, как-то келейник мой Василий зачем-то пошел по делу, понес ли бумаги для подписи или пошел за подписанными бумагами к наместнику Филарету и наткнулся на такую сцену, что выскочил красный, как бомба. По его словам он застал Филарета и Питирима в обществе Распутина и какой-то дамы, причем кто-то кому-то целовал руки. Полагаю, Василий сам расскажет этот случай точнее и подробнее, как очевидец виденного.

Затем известно, что Питирим с Осипенкою неоднократно ездил в Царское, это видно даже из счетов, которые имеются в делах лавры и из которых видно, что для этих поездок почему-то на счет лавры покупали железнодорожные билеты. Об'ясняли эти поездки как представления бывшему царю, но в действительности они ездили в Царское село для свиданий с Распутиным и Вырубовою. Довольно частым посетителем Осипенко и Питирима, последние двое составляли одно неразрывное целое, был Манасевич-Мануйлов. Это хорошо известно было и Филарету. Далее посещал Питирима обер-секретарь синода Мудролюбов. При обер-прокуроре он был смещен, но благодаря влиянию Питирима получил высшее назначение помощника управляющего канцелярией синода вместо Степана Григорьевича Рункевича (Звенигородская, 12).

Когда были нападки на Питирима в Государственной думе и положение Питирима было поколеблено, то вдруг Питирим получил предношение креста при богослужении — это об'ясняли исключительно влиянием Распутина, иначе уже говорили об уходе Питирима, и такое препод-

ношение было в полном противоречии с поколебнутым положением Питирима.

Из дам, посещавших наместника Филарета, была Гущина, она ранее жила на Тележной улице, в доме, принадлежащем лавре, а затем переехала на Невский, дом 151, принадлежащий лавре. Я ошибся, по Тележной она жила не в лаврском доме.

Вот я описал вам про образ жизни Питирима и его близость с Распутиным.

Что касается материального положения митрополита вообще и в частности Питирима, то могу вам сообщить нижеследующее:

Материальное положение митрополита определяется указом св. синода от 29 марта 1897 года, как настоятеля лавры (номер указа № 2).

1. Прежде всего митрополит получает жалование от казны, в размере (приблизительно) 4 000 рублей.

2. Во-вторых, он получает третью часть братских доходов (за требы), каковая часть однако выдается фактически из экономических сумм (экономическими называются суммы, составляемые из доходов арендных статей, кулевого сбора); за каждый куль, выгруженный на земле лавры хлебных грузов, установлен сбор, который и делится пополам между городом и лаврою.

3. Наконец митрополит должен получать третью часть с чистой прибыли с экономических сумм.

4. Третью часть с доходов от неприкосновенного братского капитала (деньги, жертвуемые на вечное поминовение и др.).

Жалование предшественники Питирима получали по полугодиям, а Питирим — помесячно. Третья часть с братских доходов получается обычно ежемесячно. Третья часть с доходов с неприкосновенного капитала получается два раза в год. Что же касается третьей части с чистой прибыли от экономических сумм, то естественно, эта часть может определяться лишь по истечении бюджетного года, когда только и может быть определена чистая прибыль, с которой и исчисляется третья часть. Возможно ведь такое положение: в течение года получено много денег примерно за могильные места, за аренду, но в конце года, ввиду превышения расхода над доходами, получится дефицит, и, конечно, в таком случае священно-архимандрит лавры ничего не получит. Так это было, например, за 1915 год.

В октябре 1916 года в одном из заседаний духовного собора наместник лавры архимандрит лавры Филарет сообщил собору о том, что митрополит Питирим находит способ выдачи третьей части лишь по окончании года неправильным и несоответствующим указу синода, в котором будто бы срока не указано и, ссылаясь на практику тех епархий, которыми он ранее управлял, требует, чтобы на будущее время выдавали расчленения экономических сумм на две части: одна, содержащая в себе такие доходные статьи, которые, по его мнению, уже являются при самом поступлении уже «чистым доходом» и потому допускают выделение третьей части в любой момент года. К таким статьям митрополит отнес доход от продажи могильных мест и от отдачи в аренду лаврских земельных участков. Ко второй части остальные статьи. И вот Питирим потребовал выдачи третьей части (по третям года) с доходов, не ожидая окончания бюджетного года... Против такого толкования, как неправильного, пробовал было возражать бывший в то время казначеем арх. Гедеон. Но Филарет дал понять, что требование Питирима как митрополита обязательно для собора и должно быть исполнено.

Тогда было указано Филарету, что для подобной выдачи нет денег, ввиду выяснившегося дефицита и, действительно, таковой к концу года и оказался в размере свыше 20 000 рублей; на это Филарет указал, что у лавры имеется капитал, полученный в 1912 году за отчужденную для Николаевской железной дороги землю лавры в сумме 656 265 руб. 56 коп., на каковой капитал с 1912 года наросли проценты, и вот из этих-то процентов Питирим и предлагает выдать ему деньги. Конечно, это было неправильно, ибо чистого-то дохода не было. Но, конечно, я как не член собора, не имел права возражать. Согласно приказанию Питирима, переданному Филарету, я составил проект доклада, в котором все-таки указал и свои соображения, и когда передал Филарету, то он чрез дня два вернул его обратно, передав, что советовался с Осипенкою Иваном Зиновьевичем, который высказал ему, что «нечего митрополита учить, и нужно исполнить его приказание». После этого я прямо уже составил пред'явленный мне доклад в том именно содержании, какое было мне приказано Филаретом; я перепечатал на машинке и передал Филарету во время заседания. Не помню, был ли он читан мною или нет, не помню даже, оглашал ли его Филарет; этот доклад был дан для подписи всем членам собора и ими подписан. Размер за 9 месяцев был определен в сумме 70 324 рубля, т. е. треть 210 982 руб. 12 коп. Сумма эта была определена так: каждые пол-месяца казначей представляет в духовный собор отчет о суммах, полученных от аренды земель, квартир, амбаров, кладовых. Доход с могильных мест был определен чрез контору. Я подвел итог за 9 месяцев, и разделил его на три части. По моему глубокому убеждению, такое требование Питирима, я, хотя как лицо подчиненное и исполнил, но оно неправильно, ибо чистый доход, с которого третью часть он требовал, в октябре не мог быть определен и, как это оказалось, чистого дохода за 1916 год был дефицит, и, следовательно, митрополит Питирим ничего и не мог получить.

Что же касается за три месяца, то Питириму было вычислено только с одних земель (так как он отказался сам от третьей части с доходов от продажи могильных мест, о чем имеется пред'явленный

мне рапорт) в 14 117 руб. 07 коп. Во время революции, уже лежа в больнице после ареста в думе, Питирим позвал меня,— это было первое мое с ним свидание,— и интересовался, почему не выдают ему должной части за три месяца. Не помню, что я ему ответил, но так этих денег ему и не выдали.

Иеромонах Всеволод Александров.

Из протокола допроса эконома лавры иеромонаха Афанасия судебным следователем по особо важным делам Петроградского окружного суда Александровым, 25 мая 1917 г.

...Питирим..., как-то крадучись, прибыл к нам в лавру. Его близость к Распутину была настолько очевидна для всех, что иначе его и не называли, как «распутинец».

Личным секретарем у Питирима был Иван Зиновьевич Осипенко, человек недостойный, захвативший в свои руки власть. Осипенко относился презрительно, грубо и с пренебрежением к духовенству, позволяя себе кричать и ругать, забывая при этом, что он был человеком светским и дерзкое отношение его было оскорблением духовного сана. С одной стороны, наместник Филарет был близок с Распутиным, с другой, и Питирим был близок с Распутиным, и вот в лавре и была своя, так сказать, компания: Питирим, Филарет и Распутин, при участии, конечно, Осипенко. Передавали, не помню кто, о бывших оргиях у Питирима и Филарета, но оговариваюсь, сам я очевидцем этого не был. Известно мне лишь о посещениях Питирима Распутиным, Вырубовою и сожительницей Филарета Гуциной.

Питирим совместно с Филаретом и Осипенко совершали поездки в Царское село, зачем именно ездили, я не знаю, но Филарет приказывал мне брать билеты для них троих на счет лавры, это можно видеть из представленных мною счетов в делах лавры, из каковых счетов видно, что они трое ездили за счет лавры. Вообще Филарет был очень близок к Питириму и во всех поездках сопровождал Питирима.

Сам я Распутина не видел, но передавали мне, что он часто посещал Питирима.

Вообще лавра близко стояла к Распутину и, когда убили Распутина, то был послан присутствовать при извлечении Распутина из проруби епископ Исидор, он же и отпевал. Ночью Исидор был разбужен и вызван к наместнику Филарету, и когда явился, то там был Осипенко, и было отдано распоряжение Исидору отпевать Распутина, что он и исполнил. Исидор был настоятелем монастыря в Вятской губернии и у него произошла какая-то неприятная история, за которую он был лишен панагии, о чем доносил преосвященный Никандр, об этом имеется дело в синоде, и впоследствии, благодаря Распутину и Вырубовой, ему восстановили его права и устроили ему даже прием у бывшей царицы. Гущина играла тоже роль большую у Распутина, и снята на карточке вместе с Распутиным и она, как близкий Филарету человек, путем влияния у Распутина устраивала дела и для Филарета.

Ключи от монастырских ворот, собственно говоря, должны быть у меня; тут двое ворот; одни так называемые святые — главные (средние с площади), а вторые экономские (боковые); так вот ключи от главных ворот всегда после 10 часов вечера передавались мне; что же касается боковых, то при Питириме этих ключей мне не передавали, и они находились у привратника (их переменилось в последнее время несколько), так как Осипенко возвращался поздно ночью; в котором часу Распутин возвращался от Питирима, я не знаю.

Вообще должен заметить, что при Питириме просто опасно было что-либо спросить, сейчас подозревали в каком-то сыске. Как-то в январе этого года, вечером около 9 часов, я проходил по коридору, проверяя порядок, и когда проходил мимо парадной митрополичьей, мне повстречался Осипенко, который провожал Протопопова и, увидев меня, грубо закричал на меня: «Что вы тут подсматриваете за нами, завтра же вас не будет в лавре...»

Иеромонах Афанасий.
Пав. Александров.

Из протокола допроса Гаранькина[1] следователем по особо важным делам Петроградского окружного суда Александровым, 8 июня 1917 г.

...Приходилось видеть, как у Питирима были Распутин, Вырубова (дама полная, немного прихрамывает), Осипенко, Филарет и две барышни, не то сестры милосердия, не то нет, в белых платьях, сказывали, будто сестры милосердия; во время обедов Осипенко посылал меня к наместнику Филарету за вином, я и сбегал и притащил две бутылки какого-то вина, не знаю, был ли то коньяк, или другое вино; я пронес, спрятав под пиджак, потому что нужно было нести по коридору, и могли меня заметить, что я несу вино...

Гаранькин.

Из протокола допроса Максимова[2] следователем по особо важным делам Петроградского окружного суда Александровым, 7 июня 1917 г.

...Когда приезжал к Питириму Распутин, было угощенье как следует быть, и вино пили, коньяк, я видел только, что за коньяком все ходили келейники и приносили, при мне и посылал келейников Осипенко и говорил: «Подите к наместни-

[1] Служил плотником.
[2] Служил поваром.

ку Филарету и принесите коньяку»,— и действительно, приносили бутылки. Ну, келейники ходили и приносили по две, по три бутылки, и их выпивали в покоях, конечно, не келейники.

...[Питирим] никогда ничего не ел на постном масле, так и в великом посту и на страстной неделе по его приказанию я готовил всегда на скоромном масле...

Максимов.
Александров.

Из протокола допроса иеродиакона Пантелеймона следователем по особо важным делам Петроградского окружного суда Александровым, 13 июня 1917 г.

...У Питирима по вечерам собирались гости. Бывало, как я замечал, как только приходит Распутин, так сейчас покои освещались и было видно, что собиралось у Питирима многолюдное общество — офицеры, дамы, сестры милосердия. Иногда, чтобы это не бросалось в глаза, опускались шторы.

...Происходила у нас в лавре картежная игра, занимались непотребством.

У Филарета имеется его сожительница, у которой многие из духовенства заискивали и целовали у нее руку. В церкви для нее был приготовлен особый ковер.

Иеродиакон Пантелеймон.
Александров.

Из протокола допроса И. Манасевича-Мануйлова следователем по особо важным делам Петроградского окружного суда Александровым, 11 июня 1917 г.

...В начале 1916 г. у одного из петроградских журналистов состоялась вечеринка, на которую был приглашен Григорий Распутин. Я не виделся со знаменитым «старцем» несколько лет, и отношения у нас были наисквернейшие. Дело в том, что как-то раз я, по поручению «Нового времени», интервьюировал Григория, и он весьма подробно рассказал мне о том, как несколько светских дам прибыли к нему в деревню, с целью поклониться ему и «приблизиться к богу».

Тогда Григорий решил повести этих дам в баню, раздел их и заставил ему мыть ноги. «Они,— понимаешь ты,— говорил он,— унизились перед простым русским мужиком, а ведь бог-то любит и ласкает только маленьких, с кого сшиблена человеческая гордыня».

Моя статья в «Новом времени» вызвала много разговоров и немало обозлила Григория, который чрез некоторых знакомых стращал меня выслать в Сибирь и «сделать из меня кашу».

За эти несколько лет Григорий сильно изменился: лицо его было изборождено глубокими морщинами; небольшие, бесцветные глаза провалились; он держался сутуловато и во всей его внешности появлялась чрезвычайная нервная усталость. Он был одет в яркосинюю рубаху и щеголял лакированными сапогами. Увидав меня, он взглянул исподлобья и сказал:

—«Я те все говорил для души, а у тя вышло все для гумаги».

Присутствие двух актрис,— одной, гордившейся своим родством с покойником[1] Победоносцевым, и другой, ничем не гордившейся,— должно было вносить вместе с вином веселье. Григорий много пил, обменивался с дамами своими впечатлениями, но, несмотря на все усилия хозяина, что-то не клеилось. После нескольких рюмок мадеры Григорий опьянел.

—«Понимаешь,— говорил он, смотря куда-то вбок,— не до веселья, потому — смерть возле меня. Она ко мне лезет, как потаскуха... Уже много раз я ее гнал... Потому у меня своя звезда... сият».

Он пил нехотя и быстро опьянел.

—«Что обидно, это то, что убивать-то хочет, понимаешь, свой, мною вскормленный... Я ведь ездил в Нижний-Новгород смотреть на него и дал ему все... только живи...».

И, уж совсем пьяный, со слезами в голосе, резко жестикулируя руками, он воскликнул.

—«И кто убить-то хочет... Толстопузый... Алешка Хвостов».

На завтра мне пришлось увидеть ближайшего друга Григория Распутина Арона Симановича, который подтвердил мне, что опасения Распутина относительно организованного на него покушения на убийство очень серьезны и что дело может принять весьма серьезный оборот, если правительство не обратит на него соответствующего внимания. Несмотря на всю чудовищность того обстоятельства, что министр внутренних дел может быть вдохновителем убийства, я счел нужным о всем мною слышанном доложить тогдашнему председателю совета министров, Б. В. Штюрмеру, который как раз на завтра был вызван по какому-то делу к императрице Александре Федоровне. Около 12 часов ночи я был принят Штюрмером. Он отнесся к моему докладу с немалым скептицизмом.

—«Милейший Алексей Николаевич Хвостов... в роли убийцы. Это напоминает водевиль!».

Несмотря на полное недоверие к сообщенным мною данным, Штюрмер приказал мне заняться этим делом и тут же заметил, что переговорит по этому поводу с императрицей, которая от Григория наверное уже слышала некоторые подробности. Председатель совета министров пожелал, чтобы я на завтра доставил к нему Симановича, от которого он пожелал непосредственно услышать что-либо конкретное. Симанович был принят в моем присутствии Штюрмером, причем он так растерялся, что не мог путно сказать несколько слов.

Симанович впрочем ничего нового для

[1] Так в подлиннике.

меня не сообщил главе правительства, хотя тут, у Штюрмера, он впервые назвал фамилию Ржевского, который, по его словам, и должен был совершить убийство Григория.

По выходе от Штюрмера, Симанович передал мне, что его знакомый инженер Владимир Владимирович Гейне, бывший в дружеских, почти интимных отношениях с Ржевским, может рассказать мне все подробности задуманного министром внутренних дел покушения на жизнь Григория Распутина. В тот же день я имел возможность видеть этого инженера Гейне. Он рассказал мне, что журналист Ржевский, одно время находившийся в Нижнем-Новгороде, еще там сблизился с А. Н. Хвостовым,— бывшим тогда губернатором,— и эти отношения, по словам Гейне, возобновились в Петрограде.

Гейне говорил, что Хвостов сразу приблизил Ржевского, стал давать ему деньги, и по его приказанию, за счет департамента полиции, был организован в столице клуб, причем Ржевский явился главным организатором и деятелем этого собрания, которое должно было оказывать услуги правительству, освещая общественное настроение. Гейне смеясь заметил, что на это дело было выдано 8 000 рублей, что все кончилось тем, что в этом клубе в течение целой ночи ведется азартная игра. По словам моего собеседника, дела Ржевского, благодаря покровительству Хвостова, очень и очень поправились, и он расцвел пышным цветом: переехал на новую квартиру, завел свой шарабан и, видимо, зажил на широкую ногу, за счет императорского правительства.

Коснувшись деятельности Ржевского, Гейне сказал:

—«Хвостов постоянно звонит ему по телефону и дает самые ответственные поручения... Да вот, хоть бы например, организация покушения на убийство Распутина...».

И Гейне продолжал:

«Раз как-то Ржевский, под большим секретом, сообщил мне о том, что он был вызван министром внутренних дел Хвостовым, который, поделившись с ним своими взглядами на настоящий политический момент, сказал, что Россия гибнет благодаря Григорию Распутину, который пользуется совершенно сверхъестественным влиянием при дворе. В дальнейшем Хвостов дал понять Ржевскому, что лицо, которое так или иначе сумеет избавить Россию от Распутина, окажет великую услугу народу».

Далее Гейне утверждал, что Ржевский был командирован Алексеем Хвостовым в Христианию для переговоров с Иллиодором, так как убийство Григория должно было быть совершено под флагом Иллиодора.

— «На это дело,— говорил Гейне,— Хвостов ассигновал более 60 000 рублей, причем выдал Ржевскому ассигновку из канцелярии министра внутренних дел, которую он, Ржевский, никак не мог перед своим от'ездом разменять. Эта ассигновка и посейчас находится у Ржевского, а если не у него, то у его любовницы».

В это время Ржевский был уже арестован по ордеру товарища министра внутренних дел сенатора Белецкого, содержался в доме предварительного заключения. За несколько дней до моей беседы с Гейне я был у Белецкого и там, в приемной комнате, видел Ржевского, который выскочил из кабинета Белецкого крайне расстроенный и видимо недовольный результатом беседы с товарищем министра. Вскоре после этого Ржевский и был арестован.

Допрос Гейне был мною доложен председателю совета министров. На этот раз Штюрмера я застал крайне встревоженным, так как в Царском Селе уже были известны все подробности задуманного покушения. Императрица Александра Федоровна несколько раз вызывала Штюрмера, желая получить от него детали. Хвостов продолжал чуть не по два раза в день бывать у главы правительства, но Штюрмер не решался говорить с ним о деле Ржевского. Из ставки верховного главнокомандующего прибыл государь, который был тотчас же осведомлен о намерениях Хвостова. Царь, как и царица, взволновался и экстренно вызвал Штюрмера в Царское Село, поручил ему расследовать дело. Председатель совета министров тотчас же обратился к ближайшему своему сотруднику Гурлянду, который и взял на себя все расследование дела.

Ржевский несколько раз был допрошен Гурляндом, причем все это происходило в квартире председателя совета министров. Ржевский откровенно рассказал все подробности, но в последний момент картина резко изменилась. Дело в том, что как-то раз Ржевский остался наедине с Гурляндом и начальником охранного отделения генералом Глобачевым. По приказанию Штюрмера им был сервирован завтрак и Гурлянд угостил Ржевского большой рюмкой мадеры. Совершенно опьяневший Ржевский вдруг изменил свои показания и заявил, что был командирован министром внутренних дел Хвостовым в Христианию для переговоров с Иллиодором, относительно приобретения его книжки, посвященной Распутину. Ржевский утверждал, что 60 000 рублей предназначались никому иному, как Иллиодору. По поручению того же Штюрмера, я допрашивал любовницу Ржевского. Она подробно рассказала мне о сношениях министра внутренних дел с ее гражданским мужем и в категорической форме подтвердила, что Ржевский был командирован в Христианию для получения от Иллиодора благословения на убийство Григория. Любовница Ржевского представила в мое распоряжение хранившуюся у нее ассигновку из канцелярии министра внутренних дел на сумму 60 000 рублей.

Хвостов, конечно, был в курсе всего происходящего. Он очень многое знал от ге-

нерала Комиссарова и, главным образом, от Белецкого. Как-то раз, вечером, двоюродный брат министра внутренних дел И. С. Хвостов телефонировал мне, что министр желает меня видеть и просит приехать на Миллионную в квартиру графа В. С. Татищева. Я доложил об этом Штюрмеру, и, получив от него согласие, отправился на это таинственное свидание. Хвостов тотчас же начал говорить о деле Ржевского, причем старался всячески свалить вину на Белецкого, утверждая, что все разговоры об организации им покушения на Григория Распутина являются ничем иным, как плодом фантазии.

Григорий переживал очень тяжелые дни.

— «Понимаешь,— говорил он,— они, окаянные, уже сговорились с Иллиодоркой, а тот нашел царицынцев, которые согласились меня убить... Могут проморгать... Сегодня я был в Царском и видел самого папу, и он на меня орал и попрекал за Толстопузого... А я ему ответил: а разве Христос Иуду ко столу не звал и не считал за своего...».

Далее Григорий говорил:

—«Толстопузый — сам не свой... Он уже несколько раз подсылал к Аннушке, а вчера был у нее... Он стал на колена и просил прощения... Аннушка — нюня... Она пригласила его на завтра обедать и пошла на перемирие, но я все сломал... Хотя он и не убил, но был уже возле крови, а потому министром ему больше оставаться нельзя...».

Несколько дней спустя А. Н. Хвостов был уволен... Императрица Александра Федоровна однако на этом не успокоилась. По ее приказанию Штюрмер командировал одного из состоящих при нем офицеров в Христианию, для свидания с Иллиодором и получения от него некоторых сведений касательно задуманного, но неудавшегося, поручения. Офицер этот разыскал Иллиодора и тот подтвердил ему, что к нему действительно приезжал Ржевский, который переговаривался с ним о необходимости, путем террористического акта, покончить с Григорием.

Некоторое время спустя в Петроград прибыла гражданская жена Иллиодора, которая тотчас же направилась к Григорию, имея к нему письмо от Иллиодора. Она сообщила Григорию массу подробностей, которые вполне подтверждали весь план организации и покушения на него и одновременно возбудила вопрос о разрешении Иллиодору прибыть в столицу.

—«Я еще раз,— сказал Григорий,— выталкал смерть... Но она придет снова... Как голодная девка пристает...».

Назначение Штюрмера министром внутренних дел не обошлось без участия Григория.

—«Нужно, чтобы старикашка,— говорил он,— имел бы все в своих руках... Только тогда можно будет спать спокойно».

Вскоре после удаления с поста министра внутренних дел Хвостова, в Сибирь был послан Ржевский, и этим было ликвидировано все дело.

Политическое положение внутри России было крайне напряженным, но Горемыкин, стоявший во главе правительства, стремился держать правый курс, и, как в петроградских салонах, так в обществе и в печати, стали упорно говорить о возможности разгона Государственной думы.

— «Понимаешь,— говорил Григорий,— дедушка-то ходит все с ключами и хочет думу запереть... Я-то — против этого... Потому когда русский человек орет, он никогда злое не сделает, а вот когда молчит, когда у него на сердце, то держись...».

Митрополит Питирим, с которым я беседовал о создавшемся политическом моменте, был в высшей степени обеспокоен: он считал, что роспуск Государственной думы повлечет за собою большие внутренние потрясения, и из разговора с ним я вынес впечатление, что он может сыграть большую роль в дальнейших политических событиях.

Когда разговор коснулся возможных кандидатов на пост председателя совета министров, то находившийся тут секретарь владыки Иван Осипенко, хитро улыбаясь, упомянул фамилию Штюрмера.

Я знавал Штюрмера со времени Плеве, когда он был во главе департамента общих дел министерства внутренних дел. Несколько лет я его совсем не видел. Когда я услыхал упоминание его фамилии, как возможного главы правительства, я решил ему позвонить по телефону. Штюрмера не было дома, он находился в Английском клубе. И когда я ему сказал о том, что мне многое известно, он тотчас же назначил мне свидание у себя на квартире на Конюшенной улице.

Вечером я был у Штюрмера, и он подробно развивал свой взгляд на данный момент, причем говорил, что роспуск Думы являлся бы крупнейшей государственной ошибкой.

—«Необходимо найти соглашение,— говорил он,— я берусь установить доброе отношение...».

Разговор со Штюрмером был мною передан митрополиту Питириму, который высказал желание лично потолковать со Штюрмером. На завтра это свидание состоялось, причем Штюрмер заявил, что он всецело стоит на необходимости продолжения работ Государственной думы и что в этом направлении он вполне согласился с воззрениями Питирима.

Вскоре я узнал, что Питирим послал телеграмму царю, прося его дать ему аудиенцию. Николай II тотчас же ответил, что ждет его.

Питирим уехал в ставку верховного главнокомандующего, увозя с собою подробную записку об общем положении вещей, причем он уже обо всем условился со Штюрмером. Через два дня митрополит Питирим возвратился из ставки, и назначение Штюрмера было делом решенным.

Несколько дней спустя Штюрмер полу-

чил собственноручную записку от царя, в которой он приглашал его в Царское Село.

В первые же минуты вступления Штюрмера на пост председателя совета министров, пресловутый Илья Гурлянд стал полным хозяином положения.

Григорий, несомненно, был в курсе всего происходящего. Он говорил.

—«Старикашка ко мне шлялся, когда я жил еще в Английском проспекте... Он тогда хотел быть обером и угощал меня обедами, вместе со своею бабой».

Назначение Штюрмера его, безусловно, обрадовало.

—«Все будет... Потому,— хозяйничать будет свой».

Штюрмер решил обратить главное внимание на дамскую половину Царского Села, и, с первых же дней, между ним и Вырубовой установились дружеские отношения, причем он очень часто виделся как с императрицей Александрой Феодоровной, так и с Вырубовой.

Императрица почти каждое свидание, как мне передавал Штюрмер, говорила о Григории и просила Штюрмера оказывать ему всякое покровительство.

Распутин часто виделся с главой правительства. Несколько свиданий состоялось в Александро-Невской лавре.

Как только Штюрмер был назначен, Григорий увеличил свой «прием» и у него на Гороховой, в небольшой, грязной квартире, в среднем, бывало до 60 человек в день. Кого, кого только нельзя было встретить у знаменитого «старца». Большая часть посетителей являлись с прошениями.

Григорий пристально всматривался в лицо просителя и говорил:

— «Не роняй слезу... «Штритер (вместо Штюрмер он называл Штритер) все сделает».

На каждое свидание «старец» приготовлял целую массу прошений и передавал их председателю совета министров.

Штюрмер всегда обещал все исполнить, но большая часть прошений оставалась без всякого движения.

— «Собака... Поганый старикашка,— горячился Григорий, крестился, что все будет делать, а сам ни с места».

Когда на Гороховую являлась фрейлина Никитина, то Григорий на нее набрасывался и, стуча кулаком о стол, кричал.

—«Да что он о двух головах... Все обещает и ничего не делает... Он, поди, думает, что мама ему мирволит, и он может обойтись без меня... Если я только скажу слово — и старика погонят».

Отношения между Распутиным и Штюрмером с первых же дней стали натянутыми.

Председатель совета министров со своей стороны, говоря о Распутине, замечал:

—«Не могу же я исполнять все его желания... Он захотел автомобиль,— и я это устроил... Кроме того, я ему оказал целую массу любезностей».

Григорий однако не успокаивался и продолжал ругать Штюрмера.

Когда Штюрмер был назначен министром иностранных дел, Григорий был вне себя:

—«Какой же он хозяин в иностранных... Собака,— все себе забрать хочет... Хвастат, что румынцы пошли благодаря ему...» Они и без него бы пошли... А он, понимашь, этим папу за горло схватил и оборудовал все там у него так, что мама даже ничего не знала... Вишь, как зазнался,— даже не пожелал посоветоваться с самой... Теперь все пойдет шиворот на выворот, и старикашке не удержаться... А тут еще старика Хвостова сунули во внутренние... Макарову дали юстицу... Понимашь,— Макарову... Врагу... Он меня, собака, из столицы выслать хотел, а теперь ему портфелю дали. Юстица и внутренние должны быть свои... Так и будет».

Однажды у Распутина особенно волновались действиями Макарова.

—«В тартарары его,—кричал Григорий,— коль не понимашь ничего. Мама ему пишет... Просит, а он, собачий сын, отвечат без внимания... Когда мама получила ответ, вся тряслась. Кого назначить... Юстицу особенно трудно... Арошка говорит про Добровольского... Говорит, что — свой... Пойдет, куда хочешь... Сделат, что хошь... Я его видел... Был у него на Каменноостровском... Шустрый... В глаза не смотрит... Арошка рекомендует... Арошка и отвечает... Через два дня будет гумага».

Два или три дня спустя, Григорий ругал последними словами своего близкого друга Арона Симановича:

—«Кого ты, собачий сын, в юстицу тянешь... Сегодня мне от мамы во как попало... Мама узнала много нехорошего... Твой старикашка не чист на руку...».

Знаменитый Арон старался всячески успокоить Григория:

—«Пустяки... Все чиновники берут. Чего ты горячишься... По крайней мере, будет — свой».

—«В глаза не смотрит,— отвечал Григорий,— одно слово, варнак... Он всю юстицу продаст... Смотри, Арошка... Еще нас надует...».

Следующее свидание Добровольского с Григорием несколько успокоило последнего.

—«Варнак-то умный... Обещал больше не грешить...».

Назначение Н. А. Добровольского состоялось уже после убийства Григория Распутина, причем весьма значительную помощь в этом деле оказал великий князь Михаил Александрович.

Мысль об убийстве все последнее время не покидала Григория Распутина.

Знаменитые «приемы» были отменены.

—«Боюсь,— говорил он,— чтоб кто-нибудь не пырнул ножем».

Вообще он проявлял большую нервность.

—«Все не так... Папа сам не знат, что хочет... С мамой нелады... Аннушка мечется как угорелая... Штритер напутал... В последний момент взял иностранные и думал ими прикрыться. Полез туда, куда не следовало... Чорт его попутал... Душа у меня все время непокойна... Протопопов не пра-

вит, а танцует. Все звонит, совета спрашивает... Когда ж ему давали продовольствие, и папа на все согласился, он попятился назад...».

Иван Федорович Манасевич-Мануйлов.

Александров.

Из протокола допроса иеродиакона Игнатия[1] прикомандированным к представителю обер-прокурорской власти Е. Г. Даниловым, 14 июня 1917 г.

...О. наместник Филарет играл при митрополите Питириме большую роль, и недаром он и назначил его наместником. Между тем Филарет по своим нравственным качествам никоим образом не заслуживал этого места, так как не мог служить братии должным примером. Именно, все мы знали, что у него имеется сожительница Гущина и по словам многих, у него был даже от нее сын; Филарет предавался раньше открыто пороку — алкоголизму, и нередко можно было видеть в прошлые времена пьяным; да и это не секрет, так как за пьянство и за драку в пьяном виде он был сослан митрополитом Антонием в Серафимовский скит, а ранее за те же недостатки в киновию. Должен прибавить, что Филарет подозревался братией, в бытность его экономом, в том, что он не особенно осторожно обращается и с денежными суммами, т. е., устраивая сделки с подрядчиками, получает от них известные проценты; эти слова я могу подкрепить тем, что Филарет почему-то стремился лишь один, без всяких помощников, управлять довольно большим имуществом лавры и, хоть ему полагался помощник эконома, в лице иеродиакона, он не считал нужным назначить такового, а уверял, что справится один. Так он один был эконом, без помощника, года три-четыре, в каковое время производились самые капитальные ремонты лавры к двухсотлетнему ее юбилею, и, мне думается, что делал он это неспроста и, что несомненно, приобрел от этого материальную выгоду. Не могу не указать также на то обстоятельство, что в бытность Филарета экономом он был председателем строительной комиссии по постройке новой ризницы. Постройка этой ризницы всем известна и стяжала, можно сказать, скорее печальную известность, а именно: первоначально на ее постройку, по расчетам архитектора, было ассигновано около 150 000 рублей, между тем как после того, как возводится лишь фундамент и первый этаж, денег этих уже нехватает; ассигновывается на дальнейшую постройку новая сумма, но и ее нехватает, так как появляется желание выстроить ризницу в три этажа, вместо предполагаемых двух; приходится вновь производить ассигнования и таким образом ризница, вместо 150 000 рублей, обходится чуть ли не в 500 000 рублей.

Интересно отметить, что вся постройка носила совершенно хаотический характер и что несомненно в этом попользовался председатель строительной комиссии Филарет, или, как мы его называли, «строитель». Филарет заведывал также постройкой лаврского дома на Невском проспекте, лет пятнадцать-шестнадцать тому назад, и о характере этой постройки также ходили не совсем хорошие слухи. Так нынешний казначей о. Геннадий был назначен ревизором лаврского имущества; производил ревизию очень серьезно и нашел непорядки; когда на очереди стояло обревизование дома, строенного Филаретом, то последний, опасаясь строгого ревизора, добился того, что о. Геннадия услали в почетную командировку, по случаю 25-летнего освобождения болгар от турецкого ига, в Шипку, хотя митрополитом Антонием предназначался к этой командировке правитель дел о. Никифор. Так и постройка дома оказалась необревизованной. Слухи ходили, что архитектор, строивший этот дом, да он же, кажется, строил ризницу, построил и себе домик. Понятно, что и Филарет, по слухам, не остался обиженным и построил себе дачу в Парголове. Не лучше Филарета является и новый эконом о. Афанасий. Прежде всего он назначен на должность эконома по протекции Гущиной, так как мне достоверно известно, что Филарет и Афанасий были врагами, между тем как вдруг получает ответственную должность эконома. Я сам был очевидцем того, что накануне своего назначения о. Афанасий пробыл очень продолжительное время на квартире о. Филарета, в то время как он находился в отъезде с митрополитом Питиримом в имении лавры и в квартире оставалась лишь Гущина и ее прислуга. Свое предположение о протекции Гущиной я подтверждаю еще тем, что о. Афанасий старался все время после своего назначения посылать ей всевозможные припасы, принадлежащие лавре, например: рыбу, коренья и т. п.

...Посылал о. эконом Афанасий Гущиной и поросят и кур, и вообще хотел снискать себе благодарность Гущиной.

На ваш вопрос, какие мне еще известны злоупотребления в лавре, отвечаю, что о. иеромонах Герасим и о. иеродиакон Валентин сообщали мне следующее: подрядчик по столярной части Николаев подал счет о. эконому на четыре тысячи рублей (4 000 рублей), между тем, как этот же счет оказался впоследствии представленным в духовный собор уже в четырнадцать тысяч рублей. Этот счет касался ремонта квартир о. наместника, Гущиной, б. о. казначея Гедеона, о. эконома Афанасия, о. благочинного Стефана. Об этом факте перемены счета говорили о. Валентин, помощник эконома о. Дионисий. Последний также говорил о. Валентину, что подрядчики вообще жаловались ему на притязания, совершенно незаконные, о. эконома Афанасия, который всегда говорил под-

[1] Был смотрителем келий.

рядчикам: «Пишите, что хотите, а мне дайте».

..Добавляю, что мне известно, что у о. наместника Филарета неоднократно бывал Григорий Распутин и что на квартире Гущиной происходили веселые ужины, на коих присутствовали: епископ Исидор, Григорий Распутин, секретарь митрополита Иван Зиновьевич Осипенко, синодский чиновник Мудролюбов. На все эти ужины поставлялся из лавры необходимый провиант.

Иеродиакон Игнатий.
Данилов.

Из протокола допроса иеромонаха Герасима прикомандированным к представителю обер-прокурорской власти Е. Г. Даниловым, 21 июня 1917 г.

... Вскоре после назначения митрополита Питирима, наместником лавры был назначен архимандрит Филарет. Назначение это было не по душе братии и было встречено очень несочувственно, так как о. Филарет был очень груб с братией да и по своему прошлому не отвечал высокому званию подающего пример братии наместника: 1) он был сослан митрополитом Антонием за драку с послушником в лаврский скит на ст. Преображенская, 2) у него имеется как бы названная сестра, некая Гущина и племянники; однако вряд ли это его сестра, так как отношения их как-то загадочны. Я могу лишь сказать, что Гущина пользовалась большим влиянием на о. Филарета, часто бывала у него и вообще была в курсе всех дел лавры. Когда Гущина являлась в церковь, то богомолки определенно называли ее «пришла Филаретиха»; в церкви для нее стлали специальный коврик. Я ее презирал за ту тень, которую она своими отношениями к Филарету наводит на всю лавру.

Иеромонах Герасим.
Е. Данилов.

Из протокола допроса К. Данилова[1] прикомандированным к представителю обер-прокурорской власти Е. Г. Даниловым, 30 июня 1917 г.

... Обыкновенно ремонтными работами заведывал лаврский эконом; при мне таковым был о. Филарет. Все счета я пред'являл через о. эконома в духовный собор на утверждение, а деньги выплачивал мне казначей. После того, как обыкновенно я получал деньги за свои счета, я являлся немедленно к о. Филарету и давал ему деньгами, в качестве подарка, не менее десяти процентов с полученного счета.

Если же я опаздывал на один, другой день и не приносил о. эконому Филарету этих, в виде подарка, денег во-время, о. Филарет был страшно сердит, ругался неприличными словами при встрече и сильно нажимал, так что по всему видно было, что хочешь не хочешь, — а деньги на подарок скорей давай. Так за мою работу по подрядам в лавре пришлось дать в виде взяток о. эконому Филарету не менее 10 000 рублей.

Записано с моих слов правильно.

Константин Данилов.
Е. Г. Данилов.

Из протокола допроса С. Нечаева[1] прикомандированным к представителю обер-прокурорской власти Е. Г. Даниловым, 1 июля 1917 г.

... С последним [о. Филаретом] я имел уже дело, когда он был заведывающим постройкой дома № 153 по Невскому проспекту. По этой его должности у меня с ним вышло столкновение, так как он прижимал меня, и я пожаловался о. наместнику Корнилию, который защитил меня и признал правым.

Поэтому, когда назначен был экономом Филарет, сразу же в первый же день вступления в свою новую должность, приказал мне устраниться от работ в лавре. Я принужден был этому подчиниться. Однако кто-то из подрядчиков, сейчас не помню кто, посоветовал мне прямо дать о. Филарету взятку и тогда я наверное буду опять приглашен для работ. Я побоялся дать ему деньги прямо в руки, а сделал следующее: завернул в конверт около двухсот рублей, написал свою фамилию на записочке и опустил этот пакетик в ящик для писем у дверей о. Филарета. На следующий день ко мне на квартиру явился о. эконом Филарет и разрешил мне сразу приняться за работу.

Таким образом я снова очутился подрядчиком столярных работ в лавре. Пробыл я таковым все время нахождения о. Филарета в должности эконома. Однако при нем способ скидывания с представляемых мною счетов совершенно изменился, а именно: все суммы, написанные в счете мною, проходили и утверждались собором; когда же я получал деньги наличными от казначея, то со всякого счета я старался немедленно нести в виде взятки о. эконому Филарету зафиксированную сумму, в размере десяти процентов счета. Бывало, если не отнесешь этих десяти процентов в день получки, то на следующий день — хоть не являйся на работы, ибо десятники прямо кричат, что о. эконом ругается площадной бранью и что они боятся при таких условиях работать и прямо отказываются. Но стоило лишь отнести эти деньги о. эконому, и он тотчас же умиротворялся. У рабочих моих так и выработалась поговорка, что если о. эконом ругается, то значит не получал. Так я ему, о. эконому

[1] Лаврский подрядчик.

[1] Подрядчик столярных работ.

Филарету, платил указанные десять процентов со счетов, в виде взятки, все время его нахождения в должности экономa, и это был закон не только для меня, но и для всех других подрядчиков.

Когда о. Филарет был назначен наместником, а на его место о. Афанасий, то я, считая, что уплата десяти процентов эконому является, ввиду дороговизны рабочих рук, тяжким бременем, решил этих взяточных денег не платить. Но не тут-то было. Не пожелал я уплатить по одному счету зафиксированных процентов о. эконому Афанасию, как он сейчас же приказал мне оставить работы в лавре, очистить тут же в один день мастерекую, а работы без всяких торгов передал подрядчику Николаеву.

Нечаев.
Е. Данилов.

Содержание, полученное Питиримом в 1916 г.

1. Штатное содержание от казны	4 000 р.
2. Из ежемесячного раздела братских доходов: .	
Январь	1 707—29
Февраль	1 683—10
Март	1 884—59
Апрель	2 151—72
Май	1 928—24
Июнь	1 525—84
Июль	1 320—58
Август	1 470—71
Сентябрь	1 458—03
Октябрь	1 773—72
Ноябрь	1 934—66
Декабрь (средняя цифра)	1 500—50
Итого	20 338—98
% полугодичные деньги	9 700—00
3. Третью часть из доходов лавры	70 327—37
А всего . .	100 466—35 к.[1]

Сведения даны о. наместнику.

Иеродиакон Корнилий.

К вопросу о имущественном положении декабриста кн. С. Г. Волконского

Сведения об имущественном положении декабристов вообще чрезвычайно скудны; что же касается декабристов Южного общества, то таких сведений еще меньше. Некоторый сводный материал в этом отношении (хоть и не вполне достоверный) дает составленная Следственной комиссией «Записка о состоянии и положении домашних обстоятельств преступников»[1]. При такой ограниченности приходится особенно ценить каждый документ, проливающий некоторый свет на хозяйство декабристов.

Публикуемый материал ценен тем, что освещает имущественное положение одного из виднейших членов Южного общества — кн. С. Г. Волконского.

Этот документ хранится в Полтавском краевом архиве в фонде фамильного архива кн. Репниных[2], в связке № 232, д. № 10. Это дело озаглавлено: «Две записки Сергея Григорьевича...». Из трех документов этого дела — два имеют одинаковый заголовок — «Записка по делам, матушке поручаемых».

Именно эту записку мы и публикуем. Из двух экземпляров этой «записки» одна писана рукой автора, имеет его собственноручную подпись; другая является точной копией первой. Каждый экземпляр написан на двух листах почтовой бумаги, по 4 страницы текста.

Сам документ не дает прямого указания на дату его написания. Но отдельные места в «записке» позволяют приблизительно установить время. Прежде всего можно сказать, что документ составлен не раньше конца 1825 г. Автор говорит об оброке за вторую половину 1825 г., о «полном отчете» за 1825 г., о недоимках за 1825 г., говорит о предполагаемых доходах на 1826 г. Вместе с тем есть указание в будущей форме на 1 мая 1826 г. (§ 18). Все эти данные позволяют притти к заключению, что «записка» написана зимой — весной 1826 г. Это мог быть канун ареста, сам арест и заключение в С.-Петербурге, в Петропавловской крепости. Аресту князь подвергся в последних числах декабря 1825 г. в Умани; перед этим он сжег свои

[1] «Красный архив», 1926 г., т. XV, стр. 164; Е. Щепкина, Извлечение из материалов о помещичьем хозяйстве декабристов, сб. «Декабристы и их время», 1932 г.; А. Козаченко, Декабрист кн. С. Г. Волконский, як помищик, «Записки Исторично-филологичного виддилу Укр. акад. наук, т. XVII; «Листи Волконьских», сб. «Рух декабристи», изд. ЦАУ.

[2] Малороссийский военный ген.-губ. кн. Н. Г. Репнин (Волконский) был родной брат декабриста. Ему как внуку умершего фельдмаршала кн. Н. В. Репнина Александр I присвоил фамилию деда.

[1] Сумма подсчитана неправильно, следует 100 366 р. 35 к. (Прим. подлинника).

бумаги, так как после ареста Пестеля (13 декабря) ожидал и своего ареста.

Николай I приказал арестовать князя С. Г. Волконского 24 декабря 1825 г. «Тайный Комитет для изыскания соучастников возникшего злоумышленного сообщества к нарушению государственного спокойствия» 25 декабря 1825 г. сделал распоряжение об аресте Волконского[1].

Отсюда понятно назначение «записки»: она содержит ряд распоряжений доверительного характера, одновременно с рядом сведений о доходе, долгах и т. д. Волконский упоминает о делах в Одессе, Тульчине, Петербурге, т. е. везде, где он обыкновенно проживал и где во время написания документа не имел возможности лично провести называемые мероприятия. Возможно, что «записка» написана из крепости, куда Волконский был помещен с 15 января 1826 г. по личному приказанию Николая I, так, что об этом было неизвестно даже смотрителю Алексеевского равелина. Неудивительно, что в тоне документа есть иногда нотки даже завещательного характера (§ 9, 11, 12 и т. д.). Во всяком случае, «записка» написана, очевидно, в промежутки времени от кануна до первых дней ареста и пребывания Волконского в Алексеевском равелине Петропавловской крепости.

Мать декабриста — кн. Александра Николаевна Волконская (дочь фельдмаршала кн. Н. В. Репнина) — фрейлина двора. Неудивительно, если именно о ней подумал Волконский, составляя свои имущественные распоряжения, часто требовавшие ходатайства влиятельных особ. В январе 1826 г. мать Волконского была в Петербурге.

Из упоминаемых вотчин князя — одна была в Нижегородской губ. (Каширинская), другая — в Ярославской (Заозерская) и частично в Московской губ. (Углицкий уезд). Значительная часть из этих вотчин перешла по наследству после смерти отца — кн. Гр. С. Волконского. В документе многие слова недописаны, встречаются места не вполне ясные, так как «записка» писана близкому для автора человеку, и он не считал нужным входить в подробные раз'ясненія своих хозяйственных планов.

А. Козаченко.

Записка по делам, матушке поручаемых[2]

Статья I. О имении.

1. Нижегородской и Заозерской моими вотчинами управляет губ. рег. Ив. Алекс. Алексеев; живет в Ниж[нем]-Новгор[оде]. Позвольте ему непосредственно к вам относиться, он честной и усердной человек, ему известен весь ход дел. Вероятно, он ко мне входил с представлениями, на которые не мог получить ответа; предоставляю оные вашему разрешению. Буде по оным нужно взойти в сношение с Таврическом моем имением вы о сем распорядитесь с тестем[1].

2. В нижегород[ской] вотч[ине] оброк с души — по 30 руб. Годового дохода 45 000. В Зюзерье — по 25 руб., и по сему 16 075. Дробных по сим же имениям дохода может еще будет до 2 000, но оные имеют в оных же и назначение.

3. Из оброка второй половины года я получил только перед моим от'ездом 5 000, а соображаясь с сделанными мною назначениями, я полагаю мне недоставленными с Ниж[егородского] — 11 500 руб.; с Заозер[ской] — 6 787—50, сл. 18 287—50; ежели еще не были мне высланы и получены тестем, то ему доставить. От Алексеева же истребовать за 1825 год полный отчет, мною неполученный.

4. Уведомляю, что в Нижгородской вотчине окончательной раздел по частям сенокосных мест еще не кончен, в чем крестьяны весьма затрудняются.

5. Вам известно, что в учиненном с братьями[2] разделе в конце 1824 зделано только предварительная условная запись, окончательной акт необходим, в особенности в случае залога или продажи имения.

6. По сему же разделу назначено мне к уравнению моего удела пополнительное число душ; до моего от'езда я не имел о окончательном исполнении сего по имению донесения.

7. По сему же разделу поступило мне, как вам известно, определенное число душ из Тамалы, о чем необходим также акт; по неимению которого встречались уже мне затруднения; при совершении оного прошу доставить оной к тестю.

8. Братья и я имеем иск по следуемому нам наследству от княжне Н. Е. Волконской[3]; хождение по сему делу поручено в Москве Василью Васильевичу Чередееву, от которого последним уведомлением получил известие, что дело поступило в общее собрание сената моск. депар. Дело примите в ваше попечение.

9. По Заозерской вотчине есть запрещение по известному вам делу. Сие обстоятельство по вашему попечению приводилось к окончанью; не оставьте сие дело без вашего ходатайства.

10. Я приобрел покупкой от тайного советника и сенатора Григ. Нико. Рахманова

---

[1] ГАФКЭ, Журналы Тайного комитета, № 26, ф. XXI, п. I, протокол IX, л. 21.

[2] В тексте оригинала встречается несогласование в падежах, очевидно, в результате влияния литературного французского языка, а также и влияния местного языка.

[1] Генерал Раевский.

[2] Никита Григорьевич Волконский и Николай Григорьевич Репнин-Волконский.

[3] Об этом разделе см. работу А. Козаченко, Декабрист С. Г. Волконский, стр. 287 и др.

пустопорожнею степь[1], Таврической губернии Днепровского уезда, и введен во владение оной, но до ныне Рахманов находится в затруднении совершить купчею крепость, в чем встречаются большие неудобства. Приведение сего к должному окончанию необходимо по приближении десятилетнего срока. Я уверен, что Рахманов, по приглашению вашему приступит к совершению купчей крепости; желал бы, чтоб оная была сделана на имя моей жены[2], что согласно будет с другим моим распоряжением; ваше же заверение полагаю для Рахманова достаточным, но обстоятельство сие, до приведения к окончанию, не делать гласным ни жене, ни ее семейству. В силу условия, пошлины на мой щет. Если же Рахманов не даст вам положительного ответа на совершение купчей крепости, хотя и на мое имя, то нужно будет начать иск. По условию положено 160 000 неустойки, в которой он один виновен, мною ему сделаны своевременные уплаты. Сверх сего, он обязан будет пополнить убытки по сделанным расходам в имении на устроение оного.

Статья II. О назначении по доходу 1826 года.

11. Как выше об'яснено, выслано будет вам дохода 61 075 рублей. В апреле — 30 537 р. 50 коп., из которых поступит в дополнение высланных вами — 5 000; прошу выслать к тестю еще 8 000; остальные же 17 537 р. 50 коп. поступят на уплату процентов в ломбард. В октябре еще 30 537 р. 50 к., из оных тестю выслать 20 000, остальные же 10 537—50 на назначение по вашему усмотрению.

12. Вторично прошу, чтоб недоимычные за 1825 год были высланы по назначению к тестю. По моему назначению, ему предстоит много уплаты, по моим долгам, и желаю охранить от затруднения.

Статья III. По долгам и нужных сведений.

13. К составлению ведомости о долгах и к соображению средств о уплате оных нужны мне пояснения, по получению которых и по известности о протчих статей составлю и представлю, общий свод о счетных моих делах.

14. Я имею с сестрой[3] счет по уплатам за меня ею сделанным, так и по переводу при расчетах на меня долгов. О сем, как и по партикулярным Петербургских моих долгах — поверхностное имею только понятие, доверив сие сестре. Вы же получите об оном сведение из счетных дел сестры и по отчетам покойного Карина[1], которому в конце 1824 года дал я полную записку о следуемых платежам в Петербурге.

15. Нужно мне знать, приведен ли в исполнение заем известных вам 90 000 р. и согласна ли сестра на сделанные мною предложения, по нашим счетам, чем бы оказала большое пособие к устроению дел. При самом первоначальном расчете о уплате из займа назначено удовлетворить в Одессах г-жу Кирике — мой долг 21 000 руб., что полагаю уже не отменяемым; убедительно прошу из сего же займа уплатить в Одес. купцу Федору Никол. Ергарду 8 000 руб. и в Тульчине еврею Рувину Незгурицеру 10 000. Остальную же сумму займа распределить по возможности на уплату сестре и необходимейших петербургских партикулярных долгов и счетов, и прошу только уведомления, уплочены ли будут поясненные долги в Одессах и Тульчине, какие будут оставаться долги сестре и сколько именно буду должен еще по счетам и партикулярным займам в Петерб[урге].

16. О уплате г-же Кирике и о распоряжении вашем по долгам Ергарду и Незгурицеру уведомить тестя: ежели последует уплата, то через него и выслать им деньги: ежели же другое распоряжение, то для об'явления им о оном — прося вас в сем случае по оным велеть обратиться к вам и представить виды для удовлетворения при возможности.

17. Я имел в Одес. счет с конторою Никол. Ники. Демидова, по которому в 1824 году было зделано в петер[бургскую] кант[ору] Кариным удовлетворение, но, полагаю, не сполна. Сведение о окончательном расчете прошу доставить.

18. Нужно мне сведение, можно ли ожидать скорого окончания по делу о запрещении по Заозерской вотчине, и невозможно ли обеспечить иск, наложенной свидетельством на Одесской мой дом, оцененной в 98 000 руб. в незгараемых матер...[2] и каковое свидетельство было принято по торгам в Киевской казенной палате и с 1 мая будет свободным, одесские дома имеют по залогам те же примущества, как дома в столице.

19. Для соображения нужно мне знать, сколько по разделу 1824 года назначено мне пополнительных число душ и при передаче поступят ли оные очищенны от долгов или запрещений — или с какими имянно[3].

---

[1] Купленная у Рахманова (приблиз. 1816 — 1819 гг.) степь — 10 тыс. десятин в Таврической губ. — осталась за С. Г. Волконским; здесь он начал строить имение — Ново-Рещевку.

[2] Мария Николаевна, урожденная Раевская.

[3] София Гр. — была замужем за кн. П. М. Волконским — из другой линии, б. начальником главного штаба при Александре I и министром двора Николая I.

[1] Карин — поверенный С. Г. Волконского в Петербурге.

[2] В подлиннике не дописано.

[3] Т. е. можно ли будет пустить эти души снова в залог.

20. Желаю иметь сведение, сколько на мне казенного долга, на каких залогах и с какого срока. В Нижег., или Заозер. вотчины есть ли свободные залоги или вскоре очистятся. Также когда именно платеж процент. по казенным и партикулярным долгам в Петербурге.

21. Ежели приступить необходимо будет к продаже Заозерской вотчины, по чему, полагаете, можно продать, считая цену по ревиз. душе.

22. Ежели денежные мои счеты с вами не приведены к окончанию, в чем именно они заключаются — итогом.

Кн. Сергей Волконский.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Правительственное сообщение о смерти А. М. Горького . . . . . —

Проект Конституции Союза ССР 3

Письма рабочих в «Звезду» и «Правду». С предисловием *М. Савельева* 19

Нелегальная работа большевистской фракции IV государственной думы (по документам департамента полиции). С предисловием *М. Л. Лурье* 61

Кронштадтское восстание 1906 г. С предисловием *Ф. Петрова* . . . 91

Крепостные крестьяне села Барашева-Усада в первой половине XIX в. С предисловием *И. Кузнецова* 117

Волнения крепостных крестьян села Красный Кут. С предисловием *А. Шапиро* 151

Строительство Днепровской верфи в XVIII в. С предисловием *П. М.* 169

Неопубликованные письма А. С. Пушкина. С предисловием *М. Цветловой* 181

Из записной книжки архивиста

Пролетарский Красный крест в Петрограде. С предисловием *М. Л.* 191

Александро-Невская лавра накануне свержения самодержавия. С предисловием *Е. Чернявского* 200

К вопросу об имущественном положении декабриста кн. С. Г. Волконского. С предисловием *А. Козаченко* 211

Ответственный редактор **Я. Берзин.**

Редакционная коллегия: **В. Максаков.** (зам. ред.), **С. Пашуканис, Ф. Ротштейн.**

Сдано в производство 2/VIII 1936 г. Подписано к печати 27/VIII 1936 г. Статформ. Б. 176×250. 13½ п. л. 60 480 зн. в п. л. С.-Э. (п.) № 33. Зак. 1012. Уполномоченный Главлита Б—24590. Выпускающий А. Налимов. Тираж 3 850.

18-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10.